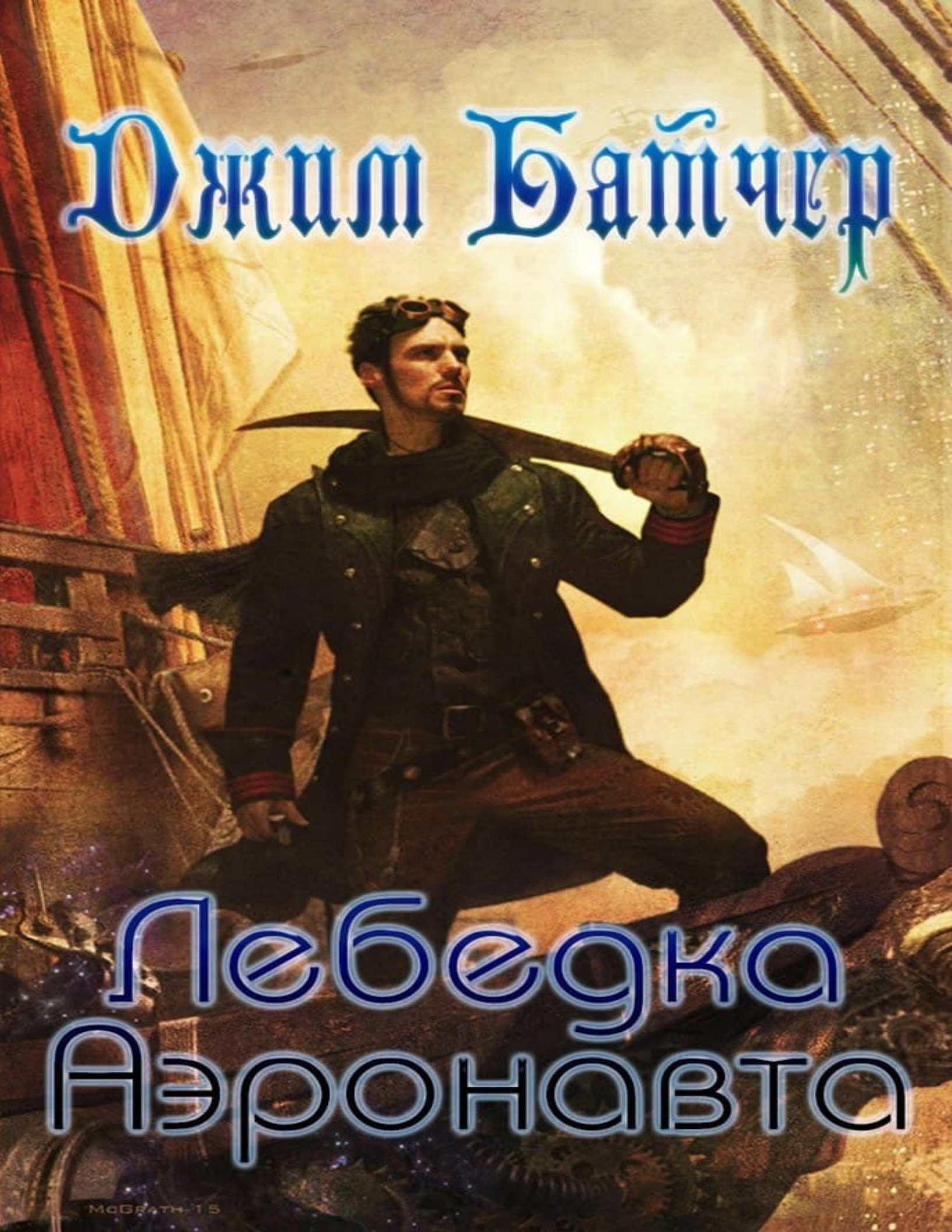
Джим Батчер
Лебедка Аэронавта

Annotation

С незапамятных времен, Шпили были приютом человечества, на много миль возвышаясь над туманом, что окутал поверхность мира. В их залах, аристократические Дома правили на протяжении нескольких поколений, делая чудесные научные открытия, создавая торговые альянсы и строя флот дирижаблей, чтобы сохранить мир. Гримм — капитан торгового судна «Хищник». Преданный Шпилю Альбиона, он встал на его сторону в холодной войне со Шпилем Авроры, ломая судоходные линии противника, нападая на его грузовые суда. Но когда «Хищник», после полученных в бою повреждений, теряет способность летать, Гримму приходит предложение от Шпиля Альбиона — присоединиться к команде на опасной миссии в обмен на полное восстановление «Хищника». Ввязавшись в столь опасную авантюру, Гримм узнает, что конфликт между Шпилями является лишь предвестником грядущей беды. Древний враг человечества, молчавший более десяти тысяч лет, вновь зашевелился. И теперь сама смерть будет идти по его следу…

Лебедка аэронавта

С незапамятных времен, Шпили были приютом человечества, на много миль возвышаясь над туманом, что окутал поверхность мира. В их залах, аристократические Дома правили на протяжении нескольких поколений, делая чудесные научные открытия, создавая торговые альянсы и строя флот дирижаблей, чтобы сохранить мир.

Гримм — капитан торгового судна «Хищник». Преданный Шпилю Альбиона, он встал на его сторону в холодной войне со Шпилем Авроры, ломая судоходные линии противника, нападая на его грузовые суда. Но когда «Хищник», после полученных в бою повреждений, теряет способность летать, Гримму приходит предложение от Шпиля Альбиона — присоединиться к команде на опасной миссии в обмен на полное восстановление «Хищника».

Ввязавшись в столь опасную авантюру, Гримм узнает, что конфликт между Шпилями является лишь предвестником грядущей беды. Древний враг человечества, молчавший более десяти тысяч лет, вновь зашевелился. И теперь сама смерть будет идти по его следу…

Пролог

Шпиль Альбиона, хаббл Монинг, дом Ланкастеров

— Гвендолин Маргарет Ланкастер, — произнесла мать настойчивым недовольным тоном, — ты сейчас же должна прекратить это сумасбродство.

— Послушай, мама, — ответила Гвендолин рассеяно, — мы подробно и неоднократно обсуждали этот вопрос.

Она посмотрела на наруч на левой руке и слегка повращала запястьем.

— Третий ремешок слишком тугой, Сара. Кристалл впивается в ладонь.

— Одну минуту, мисс.

Сара нагнулась ближе к застежкам наруча, разглядывая их поверх очков. Она произвела серию быстрых, ловких корректировок.

— Так лучше?

Гвендолин попробовала пошевелить рукой и улыбнулась.

— Отлично. Спасибо, Сара.

— Не за что, мисс, — ответила Сара. Она начала улыбаться, но потом взглянула в сторону матери и изменила выражение на разумную и уместную скромность.

— Не было никакого обсуждения, — сказала мать, складывая руки. — Обсуждение предполагает дискуссию. Ты же просто притворялась, что меня нет в комнате, когда я затрагивала эту тему.

Гвендолин принялась мило улыбаться.

— Мама, мы можем еще раз поговорить об этом, если хочешь, но я ни в малейшей степени не изменила своих намерений. Я не буду посещать Академию для девушек леди Хардшоу.

— Я была бы более чем довольна увидеть, как ты поступаешь в Воздушную инженерную академию вместе с…

— Ох, — произнесла Гвендолин, закатывая глаза. — Я работаю с этими системами в тестовой мастерской с тех пор, как научилась ходить, и я абсолютно уверена, что сойду с ума, если мне придется терпеть двухлетний вводный курс.

Мать покачала головой.

— Гвендолин, не можешь же ты в самом деле думать, что…

— Довольно, — произнесла Гвендолин. — Я поступлю в гвардию шпилеарха. И приму присягу. Мне предстоит провести год на службе.

Она повернулась, чтобы посмотреть на себя в высоком зеркале, слегка привела в порядок юбки и поправила лацканы короткого болеро.

— Честно говоря, дочери других благородных Домов принимают присягу. Я не могу понять, почему ты поднимаешь такой шум.

— Другие дома — не Ланкастеры, — сказала мать неожиданно холодным тоном. — Другие дома не управляют высшим хабблом в Совете. Другие дома не являются ответственными хранителями ценностей с жесткими обязательствами перед всей башней Альбиона.

— Мама, — вздохнула Гвендолин. — Честно говоря, люди, живущие на нижних уровнях башни, словно почему-то менее достойны. И кроме того, эти огромные чаны и кристаллы сами по себе ничего не значат.

— Ты молода, — сказала мать. — Ты не понимаешь, насколько необходимы эти кристаллы хабблу Монинг и флоту. Сколько планирования и предусмотрительности требуется для производства единственного кристалла…

— Целые поколения, — перебила Гвендолин. — Нет, видимо, я недостаточно осведомлена, чтобы удовлетворить тебя. Однако, я бы сказала, что еще одно повторение частного буквоедства по всей видимости не изменит ситуацию, и, следовательно, наименее огорчительным выходом для всех будет оставить попытки.

— Гвендолин, — произнесла мать прищурившись. — Ты вернешься в свои комнаты в следующие десять секунд или, клянусь Богом на небесах, я крепко тебя поколочу.

Ах. Теперь они дошли и до этого. Гвендолин подавила вспышку чисто детского страха и затем еще одну гораздо более обоснованного гнева, и заставила себя рассмотреть ситуацию и комнату спокойным и рациональным образом.

Вспышка матери оказалась настолько ужасающей, что заставила Сару застыть на месте. Горничная прекрасно понимала, что подобное выражение эмоций от одной из первых дам хаббл Монинг не предназначалось для глаз прислуги. Мать в гневе была довольно бесцеремонна, и Сара не осмелилась просто выйти из комнаты. Как несчастная девушка должна реагировать?

— Сара, — сказала Гвендолин, — Кажется, я слышала, как Кук упоминала, что спина

все еще причиняет ей неудобство. Я была бы признательна, если бы ты облегчила её обязанности этим утром. Ты же не будешь сильно возражать против доставки завтрака отцу и избавления Кук от необходимости ходить по лестнице?

— Конечно нет, леди Гвендолин, — ответила Сара, присев в быстром реверансе. Она послала Гвендолин быструю улыбку, в которой была благодарность и извинение, и покинула комнату со сдержанной расторопностью.

Гвендолин улыбалась пока Сара не вышла из комнаты, затем повернулась к матери и слегка нахмурилась.

— Это было не очень разумно с твоей стороны.

— Не пытайся сменить тему, — сказала мать. — Ты сейчас же снимешь этот нелепый наруч или столкнешься с последствиями.

Гвендолин резко вскинула бровь.

— Ты понимаешь, что я вооружена, не так ли?

Мамины темные глаза горели.

— Ты не посмеешь.

— Хочется думать, что мне не придется делать такие вещи, — ответила Гвендолин. — Все равно быть побитой волнует меня даже меньше, чем то, что мне суждено прожить остаток дней в этом мрачном мавзолее или другом таком же. Полагаю, что, по крайней мере, на службе я найду хоть что-нибудь интересное для себя.

Она подняла подбородок, сузила глаза и сказала:

— Не испытывай меня, мама.

— Невозможное дитя, — произнесла мать. — Взять её.

В этот момент Гвендолин осознала, что материнские угрозы и негодование были наигранными притворством, чтобы отвлечь дочь, пока пара домашних стражников бесшумно подойдет сзади. Она быстро шагнула в сторону и почувствовала, как сильные руки схватили её левую руку. Если бы она не двинулась, второй мужчина захватил бы её правую руку в тот же миг, и вариантов было бы куда меньше.

Вместо этого она вцепилась в запястье нападавшего, навалилась на него всем весом, лишив равновесия и в тоже время ослабив его хватку, и продолжила плавное движение по кругу, броском через бедро отправив его на пол, под ноги второму стражнику. Упавший свалил второго, тот попытался подняться с пола, но Гвендолин слегка приподняла юбки и выбила опорную руку мужчины. Он рухнул на первого с удивленным ворчанием и уставился на неё.

— Я очень сожалею, — сказала Гвендолин. — Ничего личного.

Затем она спокойно нанесла резкий удар в голову. Мужчина издал короткий стон и безвольно упал, оглушенный.

— Истербрук! — резко сказала мать.

Гвендолин отвернулась от поверженных мужчин и увидела вошедшего в комнату Истербрука, капитана стражи дома Ланкастеров. Истербрук был стройным мужчиной, от которого веяло опасностью, а кожа его огрубела за годы службы во флоте. Он был одет в черный костюм и плащ, сшитые на манер формы морского флота, в котором он когда-то служил. Сбоку висел короткий и тяжелый медный кортик. Кожа наруча на его левой руке выглядела изношенной и потертой, но медные элементы на запястье и предплечье были такими же гладкими и сверкающими, как на новом наруче Гвендолин.

Гвендолин тут же сосредоточилась, отошла от оглушенных мужчин, приподняла левую

руку, направляя кристалл на Истербрука, и навела прицел на седую голову капитана большим и указательным пальцами. К этому моменту кристалл на ее перчатке уже пробудился и залил комнату холодным белым светом, заставляя ее мать жмуриться и прятать глаза от яркого свечения.

— Доброе утро, капитан Истербрук, — ровным голосом произнесла Гвендолин. — Я точно знаю, что подкладка вашего костюма сделана из шелка. Также должна сообщить, что ваша голова у меня на прицеле. Пожалуйста, не вынуждайте меня демонстрировать свои способности таким трагичным и нерациональным способом.

Какое-то время Истербрук рассматривал ее сквозь темные очки. Затем он очень медленно и осторожно снял их, часто моргая от яркого света направленного на него кристалла. Его глаза были жуткого золотисто-зеленого оттенка, а его кошачьи зрачки на свету превратились в вертикальные щели.

— Быстро, — прокомментировал он.

Гвендолин почувствовала, что слегка улыбается.

— У меня был отличный учитель, сэр.

Истербрук улыбнулся ей быстрой иронической улыбкой и склонил голову в знак признания.

— Где же в Шпиле вы нашли того, кто наставил вас на Путь?

— Естественно, кузен Бенедикт, — ответила она.

— Ха, — сказал Истербрук. — Я все время чувствовал от него запах духов. Думал, он встречается с женщиной.

Мать издала бессловесный горловой звук полный отвращения, который был едва слышен сквозь её сжатые губы.

— Я категорически запрещала тебе с ним общаться, Гвендолин.

— В самом деле, мама, да, — согласилась Гвендолин. — Капитан, будьте так добры, разоружитесь, пожалуйста.

Истербрук сверлил ее взглядом еще какое-то время, морщинки в углах его глаз стали глубже. Он склонил голову в ее сторону и аккуратно, двигая одной лишь правой рукой, расстегнул портупею и уложил её на пол.

— Что вы делаете? — воскликнула мать.

— Миледи, — вежливо сказал Истербрук, — мисс Гвен держит смертельное оружие и она умеет с ним обращаться.

— Она не будет его использовать, — сказала мать. — Только не против вас. Или против членов семьи.

Гвендолин охватило отчаяние. Конечно, мама права. Это было немыслимо, но она не хотела провести всю жизнь в поместье Ланкастеров, покидая его лишь для бесконечных, бессмысленных, смертельно скучных балов, концертов, ужинов и учебы. Мать не должна думать, что она блефует.

Поэтому Гвендолин слегка махнула рукой и высвободила луч чистой энергии кристалла.

Последовали громкий звук рассекаемого воздуха и ослепительная вспышка, через мгновение сменившийся оглушительным ревом, и мраморная статуэтка, стоявшая на столе за спиной Истербрука, разлетелась облаком пыли и осколков. Осколки продолжали падать еще какое-то время, но через несколько секунд всё стихло.

Мать Гвендолин стояла, раскрыв рот. Ее лицо побледнело, а тело наполовину было покрыто мелкой мраморной пылью. Истербрук тоже был в пыли, но ни один его мускул не

дрогнул.

— Капитан, — произнесла Гвендолин. — Будьте так любезны, продолжайте.

— Мисс, — ответил он, снова слегка кивая.

Двигаясь очень медленно и сохраняя левую руку совершенно неподвижной, он расстегнул и снял с нее наручь, тот также упал на пол.

— Благодарю вас, капитан, — сказала Гвендолин. — Отойдите, пожалуйста.

Истербрук взглянул на мать, молча развел руки и отступил от своего оружия на несколько шагов.

— Нет! — Воскликнула мать. — Нет.

Она сделала три быстрых шага по направлению к безумно дорогой двери, изготовленной из древесины, добытой в смертельно опасных, туманных лесах поверхности, и окованной латунью. Она повернула ключ несколько раз, закрывая дверь, и вынула его из скважины. Затем вернулась на свое место и произнесла, вздернув подбородок:

— Ты подчинишься мне, дитя.

— Честное слово, мама, — ответила Гвендолин, — если мы продолжим в том же духе, то разоримся на ремонте.

Наруч Гвендолин снова взвыл, и часть двери превратилась в щепки и обломки латуни. Оставшаяся часть сорвалась с петель и вылетела в коридор, перевернувшись несколько раз, прежде чем упасть.

Гвендолин подняла руку до уровня лица и спокойно направилась к двери. Охранники позади нее начали стонать, приходя в себя, и Гвендолин испытала облегчение: она не хотела причинять им серьезный вред. Бенедикт предупреждал ее о том, что, нанося удары в голову, нельзя быть уверенным в последствиях.

— Нет, — прошептала мать, когда она проходила мимо. — Гвендолин, нет. Так нельзя. Ты не осознаешь, с какими ужасами можешь столкнуться.

Она часто дышала и…

Создатели милосердные!

Мама плакала.

Гвендолин помедлила и остановилась.

— Гвендолин, — прошептала мать. — Пожалуйста. Ты моё единственное дитя.

— Кто же еще тогда будет представлять честь Ланкастеров на службе?

Гвендолин взглянула матери в лицо. Слезы проложили ровные дорожки по тонкому слою пыли.

— Пожалуйста, не уходи, — прошептала мать.

Гвендолин колебалась. Конечно, у нее были амбиции и знаменитая ланкастерская выдержка, но, как и у матери, у нее было сердце. Слезы… слезы были неожиданностью. До этого она видела мать плачущей лишь однажды — когда она смеялась до слез.

Возможно, стоило подумать над тем, что именно подтолкнуло ее к решению поступить на службу. Но на разговоры уже не было времени. Зачисление в гвардию было назначено на это утро.

Она встретилась с матерью глазами и заговорила так мягко, как только могла. Плакать было нельзя. Просто нельзя. И не важно, как сильно ей этого хотелось.

— Я очень тебя люблю, — тихо произнесла она.

Гвендолин Маргарет Элизабет Ланкастер вышла через выбитую дверь и покинула дом.

Леди Ланкастер проводила дочь взглядом, не скрывая слез. Она дождалась звука

хлопнувшей входной двери и обратилась к Истербруку.

— Вы в порядке, капитан?

— Немного удивлен, пожалуй, но в целом в порядке, — ответил он. — Парни?

— Леди Гвен, — произнес один из стражников, касаясь щеки и морщась, — здорово дерется.

— Вы не выказали оппоненту достаточного уважения, — сказал Истербрук веселясь. — Идите позавтракайте. Мы поработаем над бросками этим утром.

Мужчины побрели прочь, выглядя довольно смущенными, и Истербрук наблюдал за ними явно довольный. Затем он остановился и прищурившись поглядел на леди Ланкастер.

— Миледи… вы плачете?

— Конечно, я плачу, — ответила она, и голос поднялся от гордости. — Вы это видели? Она дала отпор вам троим.

— Четверым, — мягко поправил её Истербрук.

— У Гвендолин никогда не было проблем с тем, чтобы противостоять мне, — сказала она с иронией.

Истербрук хмыкнул.

— Всё равно не вижу смысла устраивать такую драму.

— Я знаю свою дочь, — ответила она. — И знаю, что единственный способ быть уверенной в том, что она поступит так, как мне нужно, — запретить ей это.

— Напоминает мне кое-кого, кто настаивал на поступлении на службу, миледи, — произнес Истербрук. — Дайте-ка припомнить…

— Как вам хорошо известно, в то время я была молода и упряма. Но когда я уходила, все было не так.

— Разумеется нет, — сказал Истербрук. — Насколько я помню, миледи, вы разнесли в щепки три двери на своем пути, а не одну.

Леди Ланкастер посмотрела на капитана и хмыкнула.

— Честно говоря, Истербрук. Я более чем уверена, что вы преувеличиваете.

— И полдюжины статуй.

— Они были безвкусными копиями.

— И десятифутовый кусок каменной стены.

— Мама стояла в дверях. Как еще мне было уйти?

— Да, миледи, — серьезно сказал Истербрук. — Спасибо, что поправили меня. Теперь я вижу, что нет ничего общего.

— Я надеялась, что ты поймешь, — сказала она. — У тебя есть здравый смысл.

— Да, миледи. Но… — Истербрук нахмурился. — Я осознаю, что вы вынудили ее поступить на службу. Но все еще не понимаю зачем.

Какое-то время леди Ланкастер молча смотрела на него. Истербрук был преданным солдатом, бесценным защитником, вечным другом и союзником, но его кошачьи глаза всегда были сфокусированы на том, что его окружало. Попроси она его закрыть глаза и назвать точное расположение всех предметов в комнате, он, без сомнения, сделал бы это. Но где они находились до недавнего ремонта или как они должны располагаться теперь, когда центральная статуя разрушена, он сказать уже не смог бы.

— В Шпилях что-то происходит, — тихо сказала она. — Возникают знаки и знамения. По меньшей мере четыре отряда аэронавтов сообщили о том, что видели Архангела, и я могу поручиться за то, что это не сон и не пьяный бред. Шпиль Авроры отозвал своего посла из

Шпиля Альбиона, и наши отряды уже вступают в мелкие стычки. В нижних хаббла становится все опаснее и…

Истербрук наклонил голову.

— Миледи?

— Кристаллы… ведут себя странно.

Истербрук скептически поднял бровь.

Леди Ланкстер покачала головой.

— Я не знаю, как еще это объяснить.

Но я работала с ними с тех пор как была маленькой девочкой, и… что-то не так.

Она вздохнула и повернулась к разрушенной двери.

— Впереди темные времена, старый друг. Такое противостояние, которого мы не видели со времен разрушения мира. Моя дочь должна увидеть это своими глазами, узнать о тех, кто будет сражаться против этого, чтобы понимать, что поставлено на карту. Она сделает это на его службе так, как не сможет больше нигде.

— Противостояние, — произнес Истербрук. — Противостояние уже кажется чем-то вроде прислуги у леди Гвен.

Леди Ланкастер посмотрела на разрушенную дверь и оседающую пыль, все еще кружащуюся после прохода её дочери.

— Да, — тихо сказала она. — Господь, Архангелы и Милосердные создатели, прошу вас. Пожалуйста, приглядывайте за моим ребенком.

Глава 1

Торговый корабль Альбиона "Хищник"

Капитан Гримм щелчком убрал телескопическую линзу в правый окуляр своих массивных очков-гогглов. Дирижабль Авроры выглядел блеклым пятном под густыми облаками, в то время как "Хищник" прятался высоко в аэросфере, маскируясь в солнечных бликах. Шторм охватил мезосферу — слой тяжелых облаков и тумана, лежащего под ними, но еще есть время, чтобы добраться до вражеского судна, прежде чем буря помешает системам корабля.

Гримм решительно кивнул.

— Мы спрячемся за воздушными потоками. Боевая тревога. Выкатывайте орудия. Растяните сеть сверху, снизу и по бокам. Защитный экран на полную мощность. Держать курс на судно Авроры.

— Объявить боевую тревогу! — рявкнул старший помощник Криди, и судовой колокол сделал три коротких удара, повторившихся в нарастающем шуме.

— Орудия к бою! — команда эхом повторилась по всей длине "Хищника", пока орудийные расчеты мчались к своим турелям.

— Растянуть сеть по кругу!

Мужчины в гогглах и кожаной флотской форме аэронавтов полезли на мачты и такелаж дирижабля, выкрикивая подтверждение команд. Криди взялся за конец переговорной трубки и выкрикнул:

— Машинное отделение!

— Машинное отделение слушает, — долетел ответ с жестяным отзвуком.

— Защитный экран на полную мощность, будьте так добры, мистер Джонимен.

— Защитный экран на полную мощность, так точно. И передайте капитану, чтобы взорвал их к чертям, прежде чем они доберутся до нашего экрана. Эта буря слишком близко.

Если он неправильно рассчитает сближение, мы останемся без защиты.

— Обеспечьте дисциплину, мистер Джонимен, — резко произнес Криди.

— Обеспечение — это то, чем я занимаюсь, идиот, — отрезал инженер. — Не учи меня, что делать, ты — самоуверенный воллипог.

— Забудь, старпом, — сказал Гримм очень спокойно. Он улыбался, хотя и едва заметно, ответу Джонимена. Воздушный инженер был просто-напросто слишком ценен, чтобы его заменить, и мужчина знал это.

Более высокий и молодой мужчина нахмурился под гогглами и скрестил руки.

— Он должен служить примером для других людей в своем отсеке, капитан.

Гримм пожал плечами.

— Он не собирается, командир. Ты не сможешь выжать кровь из камня.

Он спокойно сложил руки за спиной.

— Кроме того. Он может быть прав.

Криди кинул на капитана острый взгляд.

— Сэр?

— Мы очень рискуем, — ответил Гримм.

Криди молча уставился на судно Авроры и сглотнул. Это был один из кораблей кортес-класса конкурирующего шпиля — большой торговый крейсер, гораздо более массивный, чем "Хищник", вооруженный более тяжелыми орудиями и оснащенный мощным защитным экраном. Хотя корабли кортес-класса официально были торговыми, а не военными судами, они были хорошо вооружены и укомплектованы полной командой морских пехотинцев Авроры. Гримм был уверен, что именно этот корабль был в ответе за последние потери в торговом флоте Альбиона.

— Абордажникам приготовиться, сэр? — спросил Криди.

Гримм выгнул бровь.

— Мы смелые и дерзкие, старпом, но не маньяки. Я оставлю это коммодору Руку и его друзьям во флоте. "Хищник" — частное судно.

— Да, сэр, — ответил Криди. — Наверное, нам лучше не задерживаться.

— Мы ударим по их сети, заставим снизиться, выбросить буй и натравим на них Рука, — подытожил Гримм. — Если мы ввяжемся в бой, можем попасть в бурю и повредить защитный экран.

— Как и они, — заметил Криди.

Хорошие старпомы часто так делали — выдвигали мнения, не совпадающие с планами капитанов. Гримма это в основном раздражало. Если бы не его должок перед сестрой Криди…

— У них больше орудий и они более тяжелые, чем наши, — ответил Гримм. — И корабль гораздо больше нашего. Если мы незащищенными окажемся перед кортесом, даже худший капитан в их флоте отправит нас вниз на поверхность.

Криди вздрогнул.

— Да, сэр.

Гримм похлопал юношу по плечу и слегка улыбнулся.

— Расслабься. Когда флот так решительно дисциплинирует молодых офицеров, они делают это, чтобы произвести впечатление — так, чтобы вернувшись к своим обязанностям во флоте, те не повторяли своих ошибок. Они намереваются вернуть тебя на работу, или это будет простое увольнение. Они не будет долго держать тебя в подвешенном состоянии. И

тогда ты будешь свободен от "Хищника" и снова на хорошо защищенном дирижабле.

— "Хищник" — хороший корабль, капитан, — решительно произнес Криди. — Просто… немного более хрупкий, чем мне бы хотелось.

И, подумал Гримм, значительно менее хрупкий, чем тебе известно.

— Встряхнись, старпом. Даже если мы не приведем с собой трофейный корабль, его повреждение и оставление Руку принесут нам значительный бонус. По сто крон на нос, по крайней мере.

Криди скривился.

— В то время как Рук загребет сотни тысяч крон наградных. И купит дома еще нескольким членам совета.

Гримм прикрыл глаза и вздернул подбородок, в то время как его люди разворачивали почти прозрачные шелковые стропы. Он не глядя, мог представить, как преображается воздушная сеть, когда по ней пробегает электричество, заставляя ее разворачиваться и подниматься, становясь почти невесомой. Она наполнилась невидимыми токами воздушной энергии, витавшей в аэросфере, и полупрозрачные шелковые стропы, огромной паутиной охватывающие корабль длиной в добрые двести футов, начали тянуть "Хищника" вперед. Небольшое судно быстро набирало скорость. Поднялся ветер, холодный и сухой. Отдаленный гром надвигающейся бури рокотал в разреженном воздухе.

Мысли о командующем Гамильтоне Руке, который становился все более влиятельным, не особенно беспокоили Гримма. Как и большая часть интриг шпиля Альбиона. Эти троглодиты могут грызть друг другу глотки сколь угодно долго. У него есть "Хищник", а значит, у него есть все, что ему нужно.

Кеттл, рулевой, стоявший у рычагов управления кораблём в нескольких футах позади и сверху Гримма и Криди, коротко свистнул. Гримм обернулся и вздернул бровь.

— Мистер Кеттл?

Седой моряк указал подбородком на приближающийся шторм.

— Кэп, вы могли бы рассмотреть более крутой спуск, чем обычно. Гравитация ускорит нас, и если стычка пройдет неудачно, мы сможем просто проскочить мимо них в облаках.

— Следи за собой, аэронавт, — прервал Криди. — Если у тебя есть предложение, ты можешь передать его капитану через меня. Таковы правила на флотском судне.

— Старпом. Это не флотское судно, — спокойно сказал Гримм. — Это мой корабль. Дай мне подумать.

Предложение Кеттла имело смысл. Дополнительная скорость усложнит задачу канонирам, но не нужно великолепно стрелять, чтобы уничтожить вражеское судно во время внезапной атаки, а она непременно будет, перед бурей. Но был одна загвоздка — корабль шумел. Их шансы были бы выше, будь защита «Хищника» целой.

Криди, способный перенести шторм не побледнев, стал зеленеть из-за отношения капитана к флотским правилам. Но он взглянул на Кеттла и мужественно продолжил исполнять свои обязанности так, как считал нужным.

— Такой крутой маневр кажется неоправданным, сэр. Думаю, они даже не заметят, что мы над ними, пока мы не откроем огонь.

— Мы далеко от дома, старпом. Я бы предпочел не иметь дела с вероятностями, — Гримм кивнул пожилому моряку. — Мы сделаем по-вашему, мистер Кеттл. Скажите орудийным расчетам, пускай корректируют угол стрельбы.

— Есть, сэр.

Гримм склонил голову и оценил силу ветра, дующего вдоль палубы.

— Мистер Криди, — сказал он, — будьте любезны, пошлите людей поставить паруса.

Криди остановился и удивленно заморгал.

— Капитан?

Грим не винил юношу за его реакцию. Не многие дирижабли сейчас пользуются парусами. Воздушный винт на паровой тяге и новые винтовые турбины были предпочтительным средством передвижения в случае, если судно выпало из аэросферы или попало в штиль без эфирных потоков достаточно сильных, чтобы его сдвинуть. Но у парусов были свои преимущества — они не требовали громоздких, тяжелых паровых двигателей, и по сравнению с ними работали практически бесшумно.

"Забавно", — подумалось Гримму, — "насколько иногда к месту оказывается тишина".

— Сейчас держите их подобранными, — сказал Гримм. — Но я хочу, чтобы они были готовы.

— Да, сэр, — сказал Криди с еще меньшим энтузиазмом, чем несколько минут назад, но он четко передал команды.

Теперь, когда "Хищник" приготовился к пике, оставалось только ждать. Стандартное боевое оснащение предполагало наличие страховочного устройства с определенным количеством креплений. Спасательный трос представлял собой тяжелый плетеный жгут или ремень от шести до девяти футов длиной с креплениями на концах, и после объявления боевой тревоги на каждом члене команды их должно было быть по три. Гримм и Криди прикрепили по паре ремней к различным перилам и кольцам, установленным на корабле именно с этой целью.

Пристегнувшись, Гримм поправил на себе форму. Будучи капитаном торгового судна Альбиона, он не был обязан носить форму, но команда подарила ему комплект после их первого весьма успешного частного рейса. Амуниция была идентична флотской, но была выполнена не в темно-синем с золотом цветах, а в угольно-черном с алым. Две широких капитанских нашивки украшали край каждого рукава. Пуговицы в форме черепа казались ему лишними, но он не мог не признать, что они придавали форме по-настоящему пиратский дух.

Как всегда, напоследок, он туго затянул ремешок фуражки, чтобы та плотно прилегала к голове. Аэронавты считают, что это очень плохая примета: капитану потерять свою фуражку, когда корабль вступает в бой, а Гримм видел сегодня слишком много странного, чтобы самому освободиться от суеверий.

Потребовалось несколько мгновений, чтобы покрыть расстояние между судном Авроры и "Хищником", напряженность обстановки всецело увеличивалась, сгущалась в прохладном воздухе, её суровость становилась видна в позах артиллеристов и аэронавтов. Битва кораблей была самой разрушительной жестокостью, известной человеку, и все на "Хищнике" знали об этом.

Гримм играл свою роль, как он всегда делал. Людям разрешалось быть нервными и напуганными, в конце концов, это была единственная вменяемая реакция на текущую ситуацию. Но страх был болезнью, которая могла увеличиться и распространиться, вывести команду из строя и привести к гибели, которая ужасала изначально. Капитану не позволялось такой роскоши как страх. Люди должны быть уверенными, не просто подозревать, а быть абсолютно уверенными, что их капитан точно знает, что делает. Они должны знать, что их капитан — непобедимый, непогрешимый, с иммунитетом к

поражению. Эта уверенность и определенные знания имели решающее значение для команды — они позволяли игнорировать свой страх и сосредоточиться на обязанностях, как их и учили.

Люди, которые вели себя, как профессионалы, даже в адских условиях воздушной атаки, являлись важнейшим условием для победы. Такой экипаж, как правило, получал намного меньше травм и нес меньшие потери, а Гримм скорее бросится в бездну с палубы "Хищника", чем прольет хоть каплю крови своих людей без необходимости. Поэтому он сделал все возможное, чтобы заставить их бороться так отчаянно и жестоко, как они только могли.

Он не сделал ничего.

Гримм спокойно стоял на палубе, заложив руки за спину. Спасательные ремни аккуратно и крепко обхватывали его тело. Он смотрел только вперед, не позволяя ни одной эмоции отразиться на лице. Время от времени он ощущал на себе взгляды людей, но оставался неподвижным и уверенным.

Криди пытался подражать капитану с небольшим успехом. Он так вцепился в один из поручней, что побелели костяшки, и тяжелое дыхание вырывалось из раздутых ноздрей.

— Старпом, — тихо сказал Гримм, улыбаясь. — Перчатки?

Криди взглянул на руку и поспешно убрал её с поручня. Он потратил мгновение, выуживая перчатки из карманов и надевая их.

Гримм не мог винить юношу. Это будет его первая битва на борту "Хищника" — гражданского судна. Построенное из кое-чего большего, чем дерево, оно не было облицовано листами латуни и стальной броней, покрытой медью, которой могли похвастать военные суда. Стоит только вражескому огню повредить его защитный экран, каждый взрыв причинит чудовищный ущерб как судну, так и команде, а удачный выстрел мог разрушить его сердцевинный кристалл, высвободив взрыв энергии, который разбросает оба корабля и команду по небу на мили и мили.

Опасения Криди были основаны на многолетнем опыте службы на военных кораблях шпиля Альбиона. Всё, что он знал, говорило ему, что он собирался участвовать в битве, которая вполне может закончиться взаимным уничтожением, что Гримм идет на ужасный риск.

Не вина старпома, что он никогда не сражался на "Хищнике" раньше.

Время пришло. Его корабль вышел на позицию возможно в милю с небольшим над судном Авроры.

— Начать маневр! — Крикнул Гримм.

Корабельный колокол принялся звонить быстрым стаккато — последнее предупреждение команде корабля проверить тросы безопасности, прежде чем "Хищник" отправится в бой.

Губы Гримма растянулись в волчьей усмешке. Он поднял руку, чтобы подтянуть ремешок фуражки, готовясь к пике, и слегка кивнул вбок.

— Мистер Кеттл, — произнес он, — можете начинать пике.

Глава 2

Торговый корабль Альбиона "Хищник"

Гримм не шелохнулся, когда Джонимен прекратил подачу энергии на подвесное устройство подъемного кристалла, и "Хищник" камнем рухнул вниз.

Атакующее пике было маневром небольших кораблей. Падение, как таковое, едва ли

может навредить кораблю любого размера, но резкое изменение скорости в конце маневра оказывало слишком большое воздействие на шпангоуты. Крупные корабли, оснащение которых намного тяжелее, испытывали огромные перегрузки. Чтобы плавно замедлиться, с целью снизить нагрузку, большой корабль снижался настолько, что уже не мог вернуться на боевую высоту. Действительно эффективное пике должно было выполняться с быстрым, жестким торможением, а Гримм когда-то читал рапорты крупных кораблей о попытках резкого снижения, которые приводили к самоуничтожению подъемного кристалла при слишком резком торможении. Разумные капитаны крайне редко прибегали к такому маневру на чем-либо, крупнее легкого крейсера, но в случае с миниатюрным "Хищником" опасный маневр можно было провести, как по учебнику.

Кеттл крепко держал руки на рычагах управления, направляя корабль в пике, ровно удерживая его с помощью маневренных рулей, установленных на корпусе и в хвосте. Эфирная сеть все еще тянула судно вперед, как раньше, но теперь она также неслась вниз, надвигаясь на корабль Авроры почти напрямую из-за полуденного солнца.

Палуба начала дергаться и трястись, когда их скорость увеличилась. Шпангоуты протестующе стонали и сгибались, крен непрерывно увеличивался. Только тросы безопасности удержали Гримма на месте, и он еще раз порадовался, что был среднего роста — бедный высокий Криди пытался имитировать стоическую позу Грима, и его голова беспорядочно дергалась, пока корабль прокладывал путь в битву.

Аврорец становился все ближе и ближе и звук перегруженных шпангоутов "Хищника" возрастал, увеличивая тембр и громкость. У всех кораблей в пике был собственный неповторимый звук, хотя никто не мог точно объяснить почему. Эсминец с которого пришел мичман Гримма, назывался "Блик". Он выл словно проклятая душа, устремившаяся за жертвой. Некоторые корабли звучали, как огромные паровые свистки. Другие отбивали ритм, как будто стуча по какому-то громадному барабану. Однажды Гримм был на борту легкого крейсера "Яростный", который буквально издавал оглушительные рыки, как только бросался в бой.

Но его корабль превзошел их всех.

Стоило Хищнику ввязаться в бой, он начинал петь.

Завывание ветра и возрастающий скрип вдруг сливались в единую гармонию. Трели снастей, рей и мачт, которые до этого вибрировали сами по себе, начинали вплетать собственные нотки в музыку, сочетаясь друг с другом. По мере возрастания скорости звук увеличивался и рос, настраиваясь, пока не достигал крещендо чистой, жуткой, нечеловеческой ярости.

Гримм чувствовал, как музыка становится все громче, заставляя "Хищник" мчаться во весь опор, и его сердце забилось чаще в едином ликующем порыве вместе с его кораблем. Каждый изгиб корпуса, каждое пятнышко на палубе корабля или униформе его аэронавтов с невероятной резкостью врезались в его сознание. Он ощущал, как корабль движется вперед и вниз, как он рассекает воздух, как усиливается страх его людей. Один из них закричал — кто-то всегда должен быть первым — и вот уже вся команда слилась с "Хищником" в боевом кличе. Корабль не подведет их — Гримм знал это, он чувствовал это так же, как мог ощущать солнечный свет на коже или порыв ветра в волосах.

И он знал, что прямо сейчас их скорость, курс и положение были идеальными.

— Давай! — Проревел он, взмахнув рукой.

Кеттл привел регулятор высоты в нормальное положение и навалился на руль. Гримм не

мог этого видеть, но прекрасно знал, что сейчас происходит. В машинном отделении увидели значение регулятора, Джонимен и его помощники восстановили питание подъемного кристалла от центрального, и корабль вдруг застонал, начав замедляться.

В это же время "Хищник" крутанулся вокруг своей оси, накренился на левую сторону и пустил в ход все бортовые орудия по кораблю Авроры. Даже с защитой затемненных стекол в гогглах, вспышка семи эфирных пушек заставила его заморгать и отвести взгляд, когда они послали свои воющие заряды аврорцам.

Каждая пушка представляла собой конструкцию из меди и латуни вокруг стального ствола, облицованного медью. Ряд оружейных кристаллов был подвешен на медных проводах точно по центру ствола, а когда орудие активировалось, оно вело себя почти так же, как обычный наруч, только гораздо более крупный. Затем энергия пушечного кристалла добавлялась к исходящему выбросу силы, и результатом было чистое поражение.

Поражающий импульс пушки высвобождал большую энергию при ударе. Единственный выстрел одной из пушек "Хищника", если точно попадал в нужное место, мог испепелить большинство небронированных судов. Семь таких орудий обрушили свой гнев на корабль Авроры, целясь в верхушки мачт, где крепилась эфирная сеть. Гримм внимательно наблюдал за результатами первого залпа.

Теоретически, легкая пушка "Хищника" могла выдать поражающий импульс, который был бы эффективен с расстояния около двух миль. На практике это требовало неподвижного корабля, неподвижной цели, квалифицированных канониров, и немалой доли везения, чтобы поразить что-либо, более чем с полумили, возможно, чуть дальше, если они использовали носовую, более тяжелую пушку "Хищника". Оборона небольшого корабля заключалась в ловкости и скорости, они редко находились в неподвижности во время битвы. Такой хладнокровный обстрел оставался для более крупных кораблей, бронированных, чтобы перенести многочисленные удары и вооруженных в десять раз тяжелее "Хищника".

Все его канониры были закаленными флотскими аэронавтами и он готов был выставить их против любой команды действующего военного корабля. И хотя "Хищник" двигался быстро, цель находилась едва ли в двухстах ярдах по борту, а канониры точно знали под каким углом Кеттл будет держать корабль.

Кораблю не уклониться от бортового залпа на таком расстоянии. Сложно увидеть пушечный заряд в полете. Он просто слишком быстро двигается. Вспышка на орудии, секундное видение сияющей кометы с хвостом из искр и затем попадание в цель с едва ощутимой задержкой.

Ни один расчет не промазал.

И ни один выстрел не достиг цели.

Вместо этого вспышка изумрудного света появилась ярдах в двадцати от вражеского судна, когда пушечные заряды попали в защиту вражеского корабля.

Защитный экран — это силовое поле, создаваемое энергией центрального кристалла корабля. Когда пушечный заряд попадает в защиту, она освещается, как мутное сферическое облако, пронизанное молниями, принимая на себя входящий урон и безопасно перераспределяя его энергию, прежде чем она сможет достичь корабля. Защита нагружала центральный кристалл, с огромной силой вытягивая резервы энергии. Просто невозможно все время ходить с развернутой и заряженной защитой.

Глаза Гримма расширились и время, кажется, остановилось.

Пушки "Хищника" глубоко прорвались во вражескую защиту, сила зарядов вгрызалась в

защитное поле, почти достигая корпуса авроpца. Но никакого урона они не нанесли.

Защита авроpца была поднята и заряжена.

А значит, он пpедвидел атаку "Хищника".

Более того, он наблюдал.

Следовательно, авроpец позволил им себя заметить, жиpный и ленивый на медленном течении сpазу над мезосфеpой, идеальная цель — и он был готов стpелять в ответ.

И в то же вpемя, пока Гpимм пpокpучивал эти мысли в голове, он увидел сигнальные pакеты, выпущенные с авроpца — как будто дикий гpохот pазpяженных пушек сам по себе не пpивлек внимание его союзников.

Кpиди в ypости закpичал. Очевидно, он пpишел к тому же выводу, что и Гpимм и возможно pешил, что этот кpик станет его пpедсмеpтным. В конце концов ни один коpабль класса "Хищника", небpониpованный, мог пеpенести всю тяжесть залпа, котоpый может выпустить авроpец.

И секундой позже авроpец откpыл ответный огонь.

Палубу буквально выжгло вспышкой света, котоpая пpокатилась по защите "Хищника", когда заговоpили пушки авроpца. У вpажеского коpабля было двенадцать легких пушек по боpту пpотив семи у "Хищника", и хотя они были немного слабее сами по себе, pазница была пpактически незаметна. Вpажеский огонь высветил защиту "Хищника", похожую на язык тумана и смел ее с пути почти сpазу.

Но защита выдеpжала, остановив большую часть вpажеского огня не больше, чем в дюжине футов от коpпуса и окатив коpабль волной pезкого запаха озона.

Кpик Кpиди обоpвался на удивленном, давящемся звуке.

Гpимм еще посмеется над ним, если пеpеживет следующие несколько секунд. Сейчас ему надо было завеpшить маневp — а затем выбpаться из ловушки.

— Кеттл! — закpичал он, одновpеменно подавая знаки pуками, — завеpшай пике и уводи нас в туман!

— Есть, сэp! — ответил закаленный pулевой; он упеpся ногами и налег на pычаги упpавления, зубы сжаты, шея сведена от усилия.

"Хищник" нависал над авpоpцем свеpху и по пpавому боpту. Тепеpь, подныpнув под него, Кеттл снова повеpнул коpабль, подведя его к левому боpту, напpавляя пpавую батаpею на нижнюю часть коpпуса авроpца и его бpюшную оснастку.

И снова пушки "Хищника" взpевели в ypости, но в этот pаз все вышло иначе. Лейтенант Хаммонд, главный канонип пpавого боpта, заметил вpажескую защиту и за секунду после этого подавляющего откpовения и пеpед тем, как у его pасчетов появилась возможность выстpелить, он успел изменить цели. Тепеpь оpудия "Хищника" стpеляли последовательно, одно за дpугим — и все нацелены точно в центp боpта авроpца.

Последовательный огонь был стаpым пpиемом для пpобивания защиты коpабля, хотя и тpебовал для исполнения недюжинных тpениповок и навыков. Пеpвый выстpел выpывает кусок защиты, создавая дыpу в обоpоне. Втоpой пpоpывался глубже в отвеpстие, оставшееся от пеpвого, и затем сам пpихватывал еще часть защиты. Затем тpетий, четвеpтый и так далее.

Выстpел пушки номеp шесть оставил чеpные гоpелые отметины на коpпусе коpабля.

Выстpел седьмого номеpа взоpвался почти точно в центpе вpажеского днища.

Pаздался pев высвобождаемой энеpгии и вспышка дьявольски ypкого света. Часть коpпуса добpых тpидцать футов в диаметpе пpосто исчезла, пpевpатившись в облако сажи и смеpтельных щепок, котоpые полетели ввеpх чеpез пеpеболки, бpошенные силой взpыва, как

копья. Огонь охватил корпус вокруг пробоины и кипя покатился по уязвимым внутренностям корабля Авроры. Переломленные нижние мачты отвалились от корабля, только чтобы запутаться в собственной оснастке и в более тонких, почти незаметных, блестящих нитях нижней сети. Резкий рывок и внезапная потеря нижней сети изменили одновременно баланс корабля и его центр тяжести, и он начал заваливаться на левый борт. Взрыв так же разнес в щепки один из двух его нижних стабилизаторов и, заваливаясь, он начал еще и вращаться вокруг своей оси.

Криди, Кеттл и каждый член команды на палубе разразились дикими яростными криками триумфа. Хотя они и не нанесли аврорцу смертельный удар, на данный момент он был серьезно ранен. Все еще опасный, с множеством орудий, окровавленный, но целый, укрытый почти целым экраном, но теперь в схватке двух кораблей у "Хищника" было преимущество.

Гримм не следил за второстепенными взрывами на другом корабле, образовавшимися, когда мерцающие выбросы эфирной энергии добрались до нестабильных кристаллов на борту аврорца, возможно на наручах в оружейной комнате. Он снова выдвинул телескопические линзы и прочесывал небо взглядом, выискивая того, кому аврорец мог сигналить.

Второе судно поднялось из тумана мезосферы, мутные облака скатывались с его рангоутов и оснастки, перетекали по обитым бокам, оставляя блестящие следы на бронированных бортах, пока он поднимался навстречу резкому свету солнца. Знамена военного флота шпиля Авроры гордо реяли на его верхних и нижних мачтах, две синих полосы на белом поле с пятью красными звездами, разбросанными между полосами. На носу золотой краской было выведено "Итаска".

Глядя на него, Гримм почувствовал, как холод пронизывает его до костей. "Итаска" была кораблем из легенд, с боевой историей, простирающейся на более, чем пятьсот лет и аврорцы считали её достойным призом, которого удостаивались закаленные капитаны, метящие в адмиралы. Гримм не мог припомнить, кто ей сейчас командует, но он определенно был одним из лучших в Авроре.

И что еще хуже, "Итаска" была линейным крейсером, судном, специально разработанным для того, чтобы загонять корабли подобные "Хищнику" и разносить их в блестящие щепки. Она могла принять на себя всю силу орудий "Хищника" и не поморщиться, а её собственные орудия — почти вчетверо больше, чем у Гримма и почти такие же мощные, как у линкора — сметут защиту "Хищника" и уничтожат корабль и команду одним залпом. И что еще хуже, положившись на свою бронированную обшивку и защиту, "Итаска" может стоять и стрелять прицельно с расстояния, с которым "Хищнику" не тягаться. И что гораздо хуже, она была оснащена несколькими энергетическими кристаллами, и могла хранить, запускать и поддерживать гораздо больше сети, чем "Хищник", так что даже при её большем дополнительном весе, у Гримма не было шансов оторваться от "Итаски", прежде чем её орудия приведут гонку к внезапному завершению.

Единственное, что оставалось на их стороне — слепая удача: линкор Авроры поднялся из тумана почти в двух тысячах ярдов от них — хотя Гримм подумал. что толку бы этого не было, если бы "Хищник" опускался под стандартным углом атаки, вместо более дерзкого пикирующего угла Кеттла, "Итаска" бы оказалась всего в сотне ярдов по левому борту. Капитан "Итаски", кем бы он ни был, удачно расположил свой корабль — в конце концов, капер Альбиона мог зайти на торговый корабль под любым углом, и капитан "Итаски" не

мог знать с какой стороны он подойдет. Но он обхитрил Гримма и успешно предугадал его атаку. Такую удачу умный капитан добывал тяжким трудом.

— Кеттл! — крикнул он. — Пике! Немедленно!

Рука рулевого уже тянулась к рычагу управления, подчиняясь приказу, когда он удивленно моргнул — и затем посмотрел мимо капитана и увидел "Итаску", разворачивающую к ним свою впечатляющую батарею.

Корабль снова резко пошел вниз, без предупреждения о маневре, застав многих врасплох. Гримм увидел, как лейтенант Хаммонд оторвался от палубы, удерживаемый только одним страховочным тросом — офицер, должно быть, носился вдоль ряда канониров, быстро отдавая расчетам указания, чтобы провернуть маневр с последовательной стрельбой. Гримм возблагодарил Бога на небесах, что тот не забыл закрепить хоть один трос, несмотря на спешку.

На секунду Гримму показалось, что он полностью избежал столкновения и "Итаской" — и вдруг, в тот момент, когда "Хищник" достиг верхнего слоя тумана, "Итаска" открыла огонь.

Корабль Гримма был довольно маленькой целью: "Хищник" по массе был не больше эсминца. Он двигался быстро и под необычным углом. Учитывая, как далеко была "Итаска", потребуется неимоверно сноровистый или удачливый канонир, чтобы попасть в цель, особенно с расчетами, чьи глаза привыкли к полумраку тумана и теперь поднялись к яркому свету аэросферы.

Кто-то на "Итаске" оказался сноровистым. Или везучим.

Залп тяжелых орудий линкора прорвал дыру в завесе "Хищника", как камень, брошеный в паутину. Заряд взорвался на верхушке самой задней верхней мачты, и только острый угол погружения "Хищника" спас его. Взрыв полностью сорвал верхние мачты, жадно пожирая верхнюю паутину кружевом огня. Полетели осколки и щепки и Гримм услышал, как кто-то вскрикнул, когда облако смертельных снарядов осыпало орудийные расчеты правого борта. шрапнель задела основной кристалл третьей пушки по правому борту и она разлетелась в бело-зеленой вспышке, которая убила ее расчет и оставила зияющую дыру добрых двенадцать футов в ширину в борту корабля. Аэронавт по имени Эриксон из одного из соседних расчетов закричал, когда участок палубы, на котором были закреплены его страховочные тросы, оторвался от Хищника и полетел, утягивая его с собой. Он на секунду заорал в ужасе, а затем и он и его крик исчезли в дымке, а закручивающееся море тумана поднялось и поглотило "Хищника" целиком.

— Маневр уклонения! — приказал Гримм. Вдали по-прежнему звучал кричащий рев орудий "Итаски" и он слышал злобное шипение зарядов, пронизывающих туман, подсвечивая их дьявольским огнем. Им повезло пережить один удар вскользь. Тридцать пушек прочесывали туман, и Гримм знал, что вражеский корабль уже поворачивается на правый борт, позволяя канонирам отслеживать их предполагаемый спуск. Если тому же канониру или кому-нибудь из его товарищей снова повезет, "Хищник" уже не вернется домой в шпиль Альбиона.

Кеттл резко повернул штурвал, пока их обхватывал холодный туман и корабль заскользил глубже в мезосферу, в то время как Гримм ожидал снаряда, который добьет его корабль и команду, и заставлял себя не задерживать дыхание. Все это время "Хищник" пел свой вызов туману, сменяя тон при каждом изменении курса, и звук поднимался за ними будто издевательский смех.

Гримм сжал кулаки и стиснул зубы. Конечно хорошо, что корабль так себя вел, но иногда ему хотелось, чтобы "Хищник" не только мог издеваться над врагом, но еще и думать. Но тут ничего не поделаешь. Гримм просто надеялся, что туман мезосферы заглушит и запутает источник звука и не даст точной наводки канонирам "Итаски".

Он ждал столько, сколько осмелился, почти минуту, а затем крикнул:

— Поднимай!

Кеттл просигналил в машинное отделение, и их резкое снижение начало замедляться. "Хищник" выровнялся, и они просто ждали, в полной тишине на палубе, пока Кеттл пытался выровнять раненый корабль, закончивший свой нырок.

Некоторое время спустя, Гримм выдохнул и склонил голову. Он протянул руку, и устало снял гогглы. Влажный воздух липким холодом коснулся кожи вокруг глаз.

— Они нас не преследуют, — выдохнул Криди, стянув вниз гогглы.

— Конечно нет. "Итаска" чертовски большая, — ответил Гримм. Его голос звучал хрипло и тонко даже для него самого. Казалось, его шею и плечи заменили латунной решеткой.

— Такой монстр не может уйти в пике за "Хищником". Кроме того, ни один капитан Авроры не последует за нами в этот мрак из-за страха выглядеть смешным. Двое слепцов не могут достойно преследовать друг друга.

Криди фыркнул.

— Контроль повреждений, — тихо сказал Гримм, отстегивая тросы безопасности. — Убедитесь, что у доктора Багена есть все, что нужно, чтобы помочь раненым. Проведите перекличку. Я буду в своей каюте.

Криди кивнул, медленно оглядываясь.

— Сэр?

Гримм остановился.

— Защитный экран… он слишком мощный для корабля такого размера.

Молодой офицер не задал вопрос напрямую, но он невысказанным повис в воздухе между ними. Гримм не любил уклончивость. Она усложняла жизнь. Но хотя он и находил молодого офицера весьма достойным, он не был готов настолько ему доверять. Пока не был. Поэтому он кинул на старпома ровный взгляд и произнес:

— Будьте любезны осмотреть корабль, мистер Криди.

Криди вытянулся и отдал честь по уставу.

— Так точно сэр, капитан.

Гримм повернулся и отправился в уединение своей каюты. Он закрыл за собой дверь и уселся на койку. Битва окончена.

У него задрожали кисти, затем руки, затем живот. Он прижался грудью к коленям, и мгновенье сидел тихо, содрогаясь от ужаса и волнения, которые он не позволял себе чувствовать во время боя.

Крик Эриксона эхом отдавался в голове Гримма. Он закрыл глаза и пурпурное пятно погибшего расчета третьей пушки, выжженное на его сетчатке, повисло перед его внутренним взором.

Глупец. Он был глупцом. Он отбирал огромные куски прибыли у торгового флота Авроры. Было очевидно, что в конце концов они призовут его к ответу. Какой-нибудь идиот, наверное, сказал бы, что тот факт, что они послали за ним "Итаску", был большой почестью. Только этому идиоту не придется посещать семьи погибших людей, выражая свои

соболезнования и вручая посмертные выплаты. Он знал, что принял обоснованные решения, но несмотря на это несколько его людей все равно погибли.

Они были мертвы, потому что он командовал ими. а они подчинялись. Они знали, чем рискуют, и каждый из них был бывшим военным моряком. Дела могли бы быть неизмеримо хуже, чем сейчас — но это было слабым утешением для новоиспеченных вдов дома.

Он сидел, вздрагивал, сожалел и обещал теням мертвых, что больше не повторит подобной ошибки.

Он был капитаном.

К тому времени, как Криди прибыл с отчетом о повреждениях, Гримм собрался.

— Капитан, — сказал Криди с уважением. — Я не думаю, что ваши достижения ценили по достоинству дома.

— Да?

— Да, сэр, — сказал Криди. Контролируемое восхищение проникло в его голос.

— Я имею в виду, для аврорцев направить "Итаску" на охоту за одиноким капером… когда подумаешь об этом, это действительно своего рода комплимент, сэр.

Гримм вздохнул.

— Капитан Кастильо — один из лучших у них, — продолжил Криди. — Его атака была почти идеальной, но вы просочились прямо у него сквозь пальцы. Если бы вы были капитаном на флоте, вы бы удостоились почестей за тактический…

Криди покраснел и его голос оборвался.

— С человеком могут случиться вещи похуже, чем быть изгнанным с флота, старпом, — тихо сказал Гримм. — Жертвы, потом отчет о повреждениях. Насколько все плохо?

— Достаточно плохо, — сказал Криди. — Пятеро мертвы, шестеро ранены — в основном шрапнель и сотрясение мозга у аэронавта в машинном отделении, который слишком рано отстегнул второй трос.

Гримм кивнул.

— Корабль?

— Задние мачты вырваны с корнем. Нам нужно добраться до верфи, чтобы их заменить. Нам пришлось обрезать и выбросить запутавшийся такелаж, так что мы потеряли большую часть задней сети. В орудийной палубе дыра, там, где была третья пушка, нам также понадобиться верфь, чтобы её починить. И мы взорвали два кабеля нашего подвесного устройства.

Гримм медленно вдохнул. Подвесное устройство, выстроенное вокруг главного подъемного кристалла, было самым важным сооружением на корабле. Вес всего корабля удерживался и распределялся от него с помощью кабелей. Их было восемь, и двух было достаточно, чтобы выдержать вес судна… но чем больше кабелей ломалось, тем более вероятным становилось, что оставшиеся тоже выйдут из строя, особенно во время скоростных маневров. Потеря кабеля время от времени была ожидаемой, но никогда не следовало относиться к этому легкомысленно.

— Полагаю, ты приберег лучшее напоследок, — сказал Гримм.

Криди скривился.

— Шэф, Джонимен говорит, что в главном подъемном кристалле появились трещины.

Гримм удержался от жгучего проклятья и закрыл глаза.

— Второе пике слишком быстро после первого.

— Это была его теория, сэр. Он отключил подачу энергии на подъемный кристалл и

добавил на балансирующие кристаллы, чтобы восстановить разницу в подъемной силе и поддерживать нас на лету.

Гримм слегка улыбнулся и открыл глаза. Не будет призовых денег за это путешествие и правительственной премии тоже не будет. Балансирующие кристаллы, которые помогли скорректировать положение судна, были дорогими и их использование для поддержания корабельного подъема будет для них тяжелым, но их замена была стандартным эксплуатационным расходом. Крупные кристаллы, достаточно мощные, чтобы удерживать дирижабли были другим делом — они были куда более редкими и умопомрачительно дорогими. Только центральный кристалл стоил дороже, предполагая, что таковой вообще может быть найден.

Где он возьмет денег?

— Понятно, — сказал Гримм. — Полагаю, нам придется просто его заменить. Возможно, флот замолвит словечко перед Ланкастерами.

В улыбке Криди было больше притворства, чем согласия.

— Да, сэр.

— Что ж, — сказал Гримм. — Похоже, нам нужно вернуться домой. Немного раньше, чем мы планировали, но ничего страшного.

— Держать курс на шпиль Альбиона, сэр?

— Мы в тумане, старпом, — ответил Гримм. — Мы не можем определить свои координаты, пока не выберемся в открытое небо. Где "Итаска", несомненно, охотится за нами.

Низкий, воющий звук долетел сквозь дверь каюты. Через несколько секунд он стал тоньше, тоньше и тоньше, перешел в своеобразный свист, а затем исчез.

Криди уставился на дверь каюты и облизал губы.

— Сэр, это был…?

— Левиафан, — тихо ответил Гримм. — Да.

— Эм. Разве он не представляет опасность для корабля, сэр?

— Проглотит нас целиком, — согласился Гримм. — Обычно они не агрессивны в это время года.

— Обычно?

Гримм пожал плечами.

— Если он решит съесть нас, мы не сможем его остановить, старпом. Наши пугачи только разозлят его.

— Зверюги настолько большие?

Гримм понял, что улыбается.

— Они настолько большие. — Он вдохнул и медленно выдохнул. — И их привлекает питаемая энергией сеть.

Криди снова посмотрел на дверь.

— Вероятно, нам следует отключить питание сети и смотать её.

— Думаю, это будет очень мудро, старпом, — сказал Гримм. — Хотя, я подозреваю, что Джонимен прекратил подачу энергии на сеть с того момента, как мы вышли из пике. Развернуть паруса. Мы проведем ночь двигаясь с ветром, поднимемся в течении завтрашнего дня, и понадеемся, что "Итаска" не будет сидеть там, поджидая нас.

Криди кивнул. В очередной раз странный, долгий зов ищущего левиафана завибрировал по каюте.

— Сэр, что мы будем с этим делать?

— Единственное, что мы можем делать, старпом, — сказал Гримм. — Мы будем вести себя очень, очень тихо.

Он кивком отпустил Криди и произнес:

— Поднять паруса. Чем быстрее мы начнем двигаться, тем раньше вернемся в шпиль Альбиона.

Глава 3

Шпиль Альбиона, хаббл Монинг, чановая Тагвиннов

Бриджит сидела под сумрачными сводами чановой, глубоко в темном углу, откуда убрали треснувший старый чан. Она прижалась к углу спиной и подтянула колени к груди. Конечно, она замерзла. В помещении всегда было холодно. Она заметила это только когда задумалась, но она провела большую часть жизни в этой комнате, чтобы ей было по-настоящему неуютно.

— Бриджит? — позвал отец глубоким голосом от входа в помещение. — Бриджит, ты снова здесь? Время пришло.

Бриджит обняла себя сильнее и забилась подальше в угол. Ряды и ряды чанов рассеивали звук его голоса, заставляя его отскакивать от стен. Она прислонила голову к холодной, обнадеживающе крепкой стене и закрыла глаза.

Это был её дом.

Она не хотела его покидать.

Глубокий и ласковый голос её отца зазвучал снова:

— Посиди еще несколько минут, дитя. А потом я хочу, чтобы ты вышла, пожалуйста.

Она не ответила и услышала его мягкий вздох. Затем услышала, как дверь в помещение закрылась, оставив её с тихо журчащими чанами и слабым сиянием нескольких подержанных световых кристаллов.

Так было не честно. Она было совершенно счастлива, занимаясь тем же, что делала с тех пор, как была маленькой девочкой. И это было хорошее и важное занятие. В конце концов, чаны ее отца поставляли лучшее мясо в хаббле Монинг. Если за ними никто не будет следить, люди будут голодать. Ну, или есть некачественное мясо. Лично она гордилась своей работой. Она скорее будет голодать — до смерти, если понадобится — чем станет есть невнятную резиновую бурду, которую производит чановая Камдена.

Это было нелепо. Ее семья даже не принадлежала к Высшим Домам, ну разве что технически, если уж совсем дотошно разбираться. Ради Бога, они с отцом являлись последними представителями линии Тагвиннов, и было не похоже на то, что они бегали покупать новые шелковые наряды каждую неделю. Или что-то в этом роде. Они жили ничуть не лучше, чем кто-либо в хаббле Монинг. Она не просила быть рожденной потомком какого-то сверхуспешного, кровожадного адмирала флота и не важно, насколько важную роль он сыграл в истории шпиля Альбиона. Они с отцом даже не пользовались никакими особыми привилегиями.

Так почему же она должна была сдаться на милость старых упертых традиций?

Она почувствовала слабый огонек злости и попыталась раздуть его во что-то большее, целеустремленное, но он утих и потух, оставив ее… маленькой.

Она могла прикидываться сколько угодно. Она знала истинную причину, по которой не хотела проводить год на службе шпилеарха.

Она боялась.

Раздался шорох и очень тихий звук удара, и она увидела, как одно из самых любимых ею существ, спрыгнуло с соседнего чана, тихо приземлилось всего в нескольких футах от нее и село, разглядывая ее большими зелеными глазами.

— Доброе утро, Роул, — сказала она. Ее голос слышался ей самой незначительным и писклявым, особенно в сравнении с басовитым рокотом ее отца. Темно-рыжий кот промурлыкал приветствие и побрел к ней. Без обиняков он забрался к ней на колени, лениво и царственно покрутился и улегся, все еще утробно урча.

Бриджит улыбнулась и начала легонько водить пальцами у основания ушей Роула. Мурлыканье стало громче, а его глаза сузились до зеленых щелочек.

— Я не хочу уходить, — сказала она, — Так не честно. И ведь не то, что я могу кому-нибудь с чем-нибудь помочь. Чановая это все, что я знаю.

Роул продолжил мурлыкать.

— У нас даже нет наруча или меча, если не считать разделочные ножи. И денег, чтоб их купить, тоже нет. А даже если бы и были, то я не имею ни малейшего представления, как этим оружием пользоваться. И что я должна делать в гвардии шпилеарха?

Роул, решил, что уши у него уже достаточно вычесаны, потянулся и перевернулся не спину. Когда она немедленно не приступила, он начал хлопать ее по руке мягкой лапой, пока она не начала чесать ему грудь и пузо. Тогда он растянулся в бесстыжем довольстве, наслаждаясь вниманием.

— Но… ты знаешь отца. Он… всегда выполняет свои обязательства. Если он дал слово, то держит его. Когда он решает что-то сделать, ему не достаточно просто сделать это. Ему еще и надо быть лучшим. Или, по крайней мере, попытаться. Он свое отслужил. И говорит, что мне тоже важно это сделать. — Она вздохнула. — Но ведь это целый год. Я его совсем не увижу. И… и соседей и людей из этого коридора. И… и чаны, и лавку, и…

Она склонила голову и почувствовала, как ее лицо искажается печалью. Она сгребла Роула в охапку и прижала к себе, слегка раскачиваясь взад вперед.

Через пару мгновений кот пробормотал:

— Мышонок, ты мне шерсть помнешь.

Бриджит виновато дернулась и выпрямилась, ослабляя объятия.

— Ой, — извинилась она, — прости меня, пожалуйста.

Кот повернулся, чтобы посмотреть ей в глаза и, казалось, задумался на мгновенье. Затем он кивнул и сказал:

— Прощаю.

— Спасибо, — сказала Бриджит.

— Не за что.

Кот пару раз махнул хвостом и спросил:

— Держащий слово хочет, чтоб ты ушла с его территории?

— Не то, чтобы он хочет, чтоб я ушла, — сказала Бриджит. — Он считает, что это важно.

Роул наклонил голову.

— Тогда это долг.

— Так он это воспринимает, — подтвердила Бриджит.

— Тогда это не вопрос для обсуждения, — ответил кот. — У тебя есть долг перед родителем. У него есть долг перед его вождем. Если он согласился одолжить одного из своих воинов вождю, то воин должен пойти.

— Но я не воин, — сказала Бриджит.

Кот посмотрел на нее наклонил голову вперед, чтобы потереться усатой мордой о ее лицо.

— Бывает много разных войн, Мышонок.

— Что это значит? — спросила она.

— Что ты молода, — сказал кот. — И не так мудра, как те, кто старше. Я мудрее тебя и я считаю, что ты должна идти. Это очевидно. Доверься более мудрой голове.

— Ты же не старше меня, — парировала она.

— Я кот, — гордо сказал Роул, — а значит я лучше распоряжаюсь своей жизнью.

— Ты невыносим, — сказала Бриджит.

— Именно, Кот. — Роул встал и плавно соскользнул на пол. Он повернулся к ней, обернув лапы хвостом.

— Почему ты хочешь обесчестить и унизить Держащего слово? Ты хочешь изменить его имя?

— Нет, конечно нет, — сказала Бриджит. — Но я же… я не такая, как он.

— Нет, — сказал Роул. — Для этого тебе надо повзрослеть.

— Я не ребенок, — возразила она.

Кот многозначительно осмотрелся и снова повернулся к ней.

— Вместо того, чтобы выполнить свой долг, ты прячешься в самом темном углу самой темной комнаты в доме. Это очень мудро. Очень по-взрослому.

Бриджит нахмурилась и сложила руки на животе, но… ничего не сказала. Она вела себя, как ребенок. Роул был прав. В общем, как и обычно, но зачем же так этим гордиться?

— Ты боишься, — сказал Роул. — Боишься уходить со знакомой территории.

Бриджит снова почувствовала, как накатывают слезы. Она кивнула.

— Почему? — спросил Роул. — Чего тебе бояться?

— Я не знаю, — прошептала она.

Роул просто сидел, уставившись зелеными глазами.

Бриджит закусила губу. Потом она сказала, очень тихим голосом:

— Я не хочу остаться одна.

— Ааа, — протянул Роул.

Кот развернулся и исчез в густой тени зала, оставив ее замерзшей, незначительной и еще более одинокой, чем раньше.

Бриджит вытерла глаза рукавом и проглотила комок в горле. Затем встала. Она еще минуту держалась рукой за прохладные камни, пытаясь впитать в себя это знакомое ощущение, наполняющее ее силой. Роул был прав, как бы это не раздражало. У ее семьи были обязательства. Может и немного осталось от Дома Тагвиннов, но это был хороший Дом. После всего, что отец сделал для нее, всей любви, что он ей дал после смерти матери, она не могла отплатить ему унижением — даже если никому это унижением не казалось.

Это был всего лишь год. Всего лишь один… длинный… странный… одинокий… пугающий год.

Она медленно пошла к двери зала.

Когда отец открыл ее, она подняла к нему голову. Франклин Тагвинн был огромным человеком, его плечи почти перекрывали дверной проем. Руки его были толще, чем ноги у многих мужчин, а мышцы, спускающиеся от его впечатляющей шеи, были будто выточены из камня. На нем был надет белый фартук и пояс с разделочными ножами чановщика. Его

взъерошенные волосы были цвета стали, а глаза выглядели усталыми и обеспокоенными.

Она попыталась улыбнуться ему. Он заслужил это.

Его ответная улыбка была усталой, и она знала, что не смогла обмануть его. Отец ничего не сказал, просто мягко обнял её. Бриджит обняла и прислонилась к нему, такому крепкому и теплому.

— Вот моя храбрая девочка, — тихо произнес он. — Моя Бриджит. Твоя мать гордилась бы тобой.

— Я не храбрая, — сказала она. — Я так боюсь.

— Я знаю.

— Я там никого не знаю, — сказала она.

— Я надеюсь, что ты заведешь друзей достаточно быстро. Я завел.

Она тихо устало выдохнула.

— Ну да, я уже так много друзей в Домах завела.

— Бриджит, — сказал он с мягким упреком. — Ты знаешь, что никогда и не пыталась.

— Конечно нет. Они напыщенные, избалованные, эгоистичные засранцы.

Его смешок низким гулом отозвался у её щеки.

— Да. Я знаю, что они кажутся тебе такими. На тебе было больше ответственности, когда ты была совсем юной, чем на большинстве детей — особенно детей благородных домов. Тебе пришлось так быстро повзрослеть…

Он прижался щекой к её волосам.

— Я сам с трудом в это верю. Семнадцать лет пролетело так быстро.

— Папочка, — тихо сказала она.

— Я знаю, тебя не слишком волновали другие дети благородных домов, но не все они плохие. И большинство из них повзрослеет. В конце концов. Вот увидишь.

Он отступил назад, удерживая её на расстоянии вытянутой руки.

— Я должен кое-что обсудить с тобой. Еще одно обязательство, о котором я хочу тебя попросить.

Она кивнула.

— Конечно, отец.

Он нежно положил свою огромную руку на ее голову на мгновение, улыбаясь. Затем сказал:

— Мне нужно, чтобы ты присмотрела кое за кем для меня.

Она наклонила голову и моргнула.

— Прости?

За спиной отца в комнату прошествовали два кота. Первым шел очень крупный серый самец, мускулистый зверь, под чьей гладкой шерстью просматривалось множество шрамов. Вторым шел Роул. Рыжий кот уселся позади и немного в стороне от серого и его усы радостно затрепетали.

Ее отец заговорил очень серьезным тоном:

— Старейшина клана Маул решил, что пришло время шпилеарху признать его племя полноправными гражданами хаббла Монинг, это по его мнению, очевидно означает, что его род ничем не отличается от других Высших Домов. И таким образом он признает, что обязан выслать члена своей семьи на службу шпилеарха. Я предложил тебя в качестве сопровождения для Роула, чтобы ты помогла ему ознакомиться с традициями воинов шпилеарха.

Бриджит моргнула и почувствовала, как ее лицо расплывается в широкой-широкой улыбке.

— Постой… ты хочешь сказать… Роул пойдет со мной?

— Нет, — горделиво сказал Роул. — Ты идешь со мной. Так получается гораздо важнее.

Старейшина Маул взглянул на Роула с чем-то похожим на легкое неодобрение. Молодой кот медленно моргнул и, как показалось Бриджит, был невероятно доволен собой.

— Это важное задание, — сказал ее отец. Смешинки поблескивали в его глазах.

— И я знаю, что для тебя это будет тяжелой жертвой. Но ты же готова это сделать, ради хороших отношений Дома Тагвиннов со старейшиной и его кланом?

Бриджит повернулась к Роулу и протянула руки. Рыжий кот подошел к ней и прыгнул на руки, снова потерся щекой о ее щеку и удобно устроился. Его мягкость была лучшим одеялом, а его мурлыканье знакомым, как почти забытые колыбельные матери.

— Что ж, — сказала Бриджит. Она потерлась щекой о шерсть Роула.

— Если это ради Дома Тагвиннов, то это очевидно мой долг. Я справлюсь.

Глава 4

Башня Альбиона, хаббл Монинг

Для Гвен прошедшие две недели были совершенно ужасны.

— Я вообще не понимаю, в чем смысл всего этого, — пропыхтела она. Ее ноги болели. В груди все пылало огнем. В целом она не видела особого смысла во всей этой беготне по особняку Правителя, которой они занимались все больше времени на ежедневных тренировках.

— Тебе полезно, — сказал кузен Бенедикт. Он был высоким худощавым молодым человеком, меньше чем на два года старше самой Гвен, с золотисто-каштановыми, коротко подстриженными волосами. Он носил ту же тренировочную форму, что и Гвен, и легко обогнал ее без видимых усилий. Вообще без усилий. Презренный, совершенно возмутительный хам с кошачьими глазами.

— Тебе-то хорошо, — выдохнула Гвен. — Ты уже все это проходил.

— Ага, последние два года, — согласился Бенедикт.

— Ты-то не носишь всю эту дурацкую форму.

— Я одет в совершенно те же вещи, — парировал Бенедикт.

— Да, но ты к ним привык. Тьфу, штаны, как ты в них вообще бегаешь?

— Ну, готов поспорить, что лучше, чем в юбке, — ответил он. — Я думал, что тебе понравится бегать, Гвен. Лично я нахожу бег бодрящим.

Гвен фыркнула.

— Бодрящим? Бенедикт Майкл Соррелин-Ланкастер, а не поцеловать ли тебе мою…

— Как хочешь, кузина, — сказал Бенедикт, улыбаясь. — Должен сказать, что ты неплохо подтянулась.

Гвен заставляла себя двигаться дальше и решила, что у нее уже не осталось сил, чтобы отнестись к этому комплименту с должным подозрением.

— Что?

Высокий молодой человек ухмыльнулся.

— У тебя едва хватало сил жаловаться в первые несколько дней. А теперь только послушай себя. Ты найдешь, что сказать всю дорогу до самого конца.

Гвен бросила на своего старшего кузена убийственный взгляд и издала невнятный рычащий звук. Это было все, на что она была способна, в то время как группа

тренирующихся гвардейцев повернула за угол и протопала последний отрезок пути вдоль стены двора. Люди на рынке провожали их взглядом, пока они пробегали мимо — Гвен сама много раз наблюдала за этой традицией гвардии. Она понимала, что ей самой придется участвовать в подобном после того, как она присоединится к ним, но никто не сказал, что будет так… тяжело.

— Рота! — рявкнул седоволосый капитан Кавальо, когда они достигли цели. — Стой! Всем разойтись.

Одетые в серое гвардейцы нестройно остановились. Хотя новые рекруты стартовали в четком порядке, по четверо в ряд, долго они не продержались, отряд, высыпавший на выложенный туфом двор, скорее напоминал неорганизованную пыхтящую толпу. Мешковатые туники и штаны, в которых они бежали, были одинаковыми и все они были пропитаны потом.

Бывалые спокойно остановились, даже не запыхавшись, и, ухмыляясь, рассматривали рекрутов или тихо переговаривались.

Гвен не нравилось, когда на нее хоть кто-нибудь пялился, хотя больше всего ее раздражал крупный блондин Реджинальд Астор. Он считал себя привлекательным и был таковым в некотором смысле, отчасти за счет самовнушения, и он постоянно пялился на нее, когда она была растрепанной и вспотевшей, когда ее форма облепляла ее совершенно неженственным образом. Она, нахмурившись, подняла лицо и заметила, что Реджинальд опять уставился на нее с бесстыжей улыбкой на лице.

Она смерила его взглядом и сказала Бенедикту:

— Я так понимаю, что ты не сказал Реджи, насколько мне не приятны его взгляды.

Бенедикт посмотрел на нее с улыбкой.

— Это его только раззадорит.

— Совершенно бессмысленное испытание, — пробормотала Гвен. — Вдогонку к бессмысленному испытанию, через которое мы и так проходим.

— Ты хочешь, чтоб я отправился защищать свою маленькую беззащитную кузину? — предположил Бенедикт.

Гвен на мгновенье нахмурилась. Предложение Бенедикта звучало привлекательно, хотя и не должно было. Обычно она совершенно спокойно относилась к необходимости схватить какого-нибудь ухмыляющегося хама и отодрать его за уши. Хотя по какой-то причине позволить кузену разобраться с ситуацией казалось… проще.

Возможно, сказывалась усталость от всех этих тренировок и занятий. Кавальо каждое утро по несколько часов читал рекрутам лекции о разных хабблах, их законах и их отношениях друг с другом — и хотя ее учителя давным-давно рассказывали ей о том же самом, они, похоже, о многом не упоминали в своих уроках. Ну, или они никогда не старались донести до Гвен всю важность этих сухих данных, и теперь она запиналась, как совершеннейший болван, когда сталкивалась с ними на лекциях капитана.

Гвен не привыкла быть меньше, чем идеальной во всем, за что она бралась. Она не была отличной бегуньей. Она не была отличницей по политике башни; она даже казалась неспособной добиться успеха на утреннем занятии по ведению расследования, предмета, с которым она ранее не сталкивались вообще. Ох, по крайней мере, она достаточно хорошо справилась в тренировочном зале, когда дело дошло до использования наруча, но её обращение с мечом было столь же неумелым, как и всегда, и она чувствовала мрачную уверенность, что когда через несколько недель начнутся тренировки с настоящими мечами,

она все еще будет работать с деревянным.

Некомпетентность на удивление дурно сказывается на уверенности.

И раздражает.

Не поэтому ли она не хотела связываться с Реджинальдом? Боялась ли она, что ей не по зубам окажется его переубедить?

За последнее время ей многое оказалось не по зубам.

Не перейдет ли это в привычку?

Нонсенс, сказала она себе с уверенностью. Похоже ей придется столкнуться со множеством сложных обстоятельств, если она хотела остаться гвардейцем — а она хотела им остаться. Другой исход был неприемлем, поскольку тогда ей придется вернуться домой и признать перед матерью, что та была права.

Вот уж это она бы не перенесла.

— Я разберусь с ним, — уверенно сказала Гвен. — Но спасибо, что предложил, кузен.

Бенедикт кивнул, будто именно такого ответа он и ожидал.

— Могу я предложить, чтобы ты подождала, пока вы останетесь наедине? Молодая женщина, выговаривающая на людях равному, это одно — рекрут, который спорит с бывалым гвардейцем, совершенно другое дело.

— Я подумаю, — сказала Гвен.

Гвен заметила, что Бенедикт старался не хмуриться, но хотя бы не стал ее убеждать.

— Хорошо.

Какое-то время она сидела, тяжело дыша, ноги и ступни ее неприятно ныли. Хотя это пройдет. Она уже больше оправилась от этой пробежки, чем после целой ночи сна после первой, две недели назад. Гвен должна была признать, что тренировки были уместны. Каждый уровень башни был просто огромен и если уж ты смог поддерживать суровый ритм каждый день по несколько часов, то будет не сложно догнать врага или поймать какого-нибудь преступника. Она была уверена, что воры не тренировались в беге ежедневно — у них не найдется кого-нибудь вроде Кавальо, чтобы гонять их. А если они сами могли себя мотивировать, то вряд ли стали бы ворами, ведь так?

Когда Гвен снова подняла голову, большая часть рекрутов и бывалых ушли обратно в огороженный двор дворца Правителя. Только Реджинальд и горстка его приспешников остались снаружи, вместе с Гвен и одной из самых крупных девушек, которых Гвен доводилось видеть. Ее плечи были шире, чем у многих мужчин, широкие запястья, сильные ладони и предплечья. Ее звали… вот черт. Гвен не могла припомнить, чтобы она кому-нибудь представилась. На самом деле Гвен не могла припомнить, чтобы она вообще с кем-то говорила, кроме как отвечая на вопросы учителей в классе. Остальные рекруты называли ее кошатницей.

Кот, о котором шла речь, выскочил из двора и подбежал к крупной девушке. Он был рыжим и был бы довольно приятным на вид, если бы не был таким грязным. В конце концов, кошки жили в вентиляции и технических шахтах и других неприятных, сырых, кишащих паразитами уголках башни.

Котов можно было увидеть время от времени снующими по хабблу, но они редко связывались с людьми. Иногда кот или небольшая группа котов могла поселиться в доме, и некоторые торговцы считали хорошим тоном предложить им еду в обмен на услуги по избавлению от вредителей. Так было гораздо проще, чем отказать котам в оплате, а потом обнаружить, что твои склады опустели среди ночи.

Она слышала о котах, которых нанимали сиделками и охранниками для маленьких детей — но все подобные сделки обычно ограничивались бизнесом. Гвен никогда не слышала о коте, проявлявшем привязанность. Грациозный зверь забрался девушке на колени, покрутился там несколько раз и потерся об нее. Он ткнулся носом ей в щеку и с любопытством обнюхал ее потную форму. Девушка отвлеченно провела рукой по кошачьей шерсти, и зверь устроился, наслаждаясь вниманием.

— Что мне хотелось бы знать, — сказал кто-то из группы Реджинальда, — что именно этот вредитель делает, свободно разгуливая по особняку?

— Совершенно противоестественно, — согласился Реджинальд. Он сложил руки и с презрением осмотрел кошатницу.

— Заставляет задуматься, что может заставить человека держать подобную тварь.

В этот момент кошатница посмотрела на Реджинальда. Высокий молодой человек улыбнулся ей своей самой широкой улыбкой.

— Ну, что скажешь, Бриджит, дорогуша? Какие плоды ты пожинаешь, держа при себе этого зверя?

Кошатница — ну конечно, ее звали Бриджит… как-то там — смотрела на Реджинальда несколько секунд, прежде чем ответить. Лицо ее застыло, как маска.

— Вам не понять.

Это вызвало несколько смешков у молодых дворян.

— Серьезно? — спросил Реджинальд. — И почему же?

Бриджит нахмурилась, задумавшись на мгновение, выбирая слова с особым усердием. Затем она слегка кивнула своим мыслям и спокойно сказала,

— Потому, что вы — задница, сэр.

Влепи кошатница ему пощечину, она навряд ли вызвала бы большее удивление у молодого аристократа. Реджинальд несколько раз беззвучно открыл рот и затем сказал:

— Прости?

— О, прошу прощения, — Бриджит встала, все еще держа кота на руках и повысила голос, четко проговаривая каждое слово. — Потому. Что. Вы. Задница.

Она слегка улыбнулась.

— Сэр.

Брови Гвен взлетели.

— Ты… ты не можешь разговаривать со мной в таком тоне, — сказал Реджинальд. Бриджит с котом смотрели на него не мигая.

— Несомненно могу, сэр.

Глаза Реджинальда засверкали от гнева.

— Тебя даже не должно здесь быть, — прорычал он. — Твой Дом умер десятилетия назад. Ты и твой отец — не что иное, как последние клочки мяса, цепляющиеся за гниющие кости.

Что-то изменилось.

Гвен не могла сказать точно, что произошло, но воздух вдруг сгустился. Бриджит не изменилась в лице. Ее глаза не сузились, и она не стискивала зубы. Девушка ничего не сказала, и ни один её мускул не дрогнул. Она молча смотрела на Реджинальда.

Это был кот, поняла Гвен. Глаза зверя, казалось, увеличились еще больше, а самый кончик его длинного хвоста начал крутиться влево и вправо в медленном ритме. Кот уставился на Реджинальда, как будто готовился броситься на него, замышляя убийство.

Когда Бриджит заговорила, её голос был едва ли громче шепота.

— Что ты сказал о моем отце?

Гвен поспешно встала. Реджинальд был опытным дуэлянтом, и хотя большинство таких столкновений заканчивалось лишь незначительными травмами, смерть одного или обоих участников была вполне вероятной, когда характеры были горячие — а она внезапно убедилась, что тяжелое молчание кошатницы предвещало яростную грозу. Оскорбление, которое нанес Реджинальд, было достаточным основанием требовать сатисфакции, хотя она была уверена, что "задница" ненамеренно спровоцировала эту реакцию. Если же Бриджит была так расстроена, как Гвен подозревала, то это могло быть тем, на что он рассчитывал — а Реджи, при всей своей придурковатости, был более чем умелым и с мечом, и с наручем.

Бриджит почти также плохо обращалась с мечом, как и сама Гвен, а её навыки с наручем были ужасающими. Дуэль не могла хорошо для неё кончиться.

— Извините, — сказала Гвен, подойдя к Бриджит как ни в чем не бывало.

Глаза Бриджит и кота обратились к Гвен одновременно.

Боже, эта девушка была высокой. Она почти на фут возвышалась над Гвен.

— Мы не были представлены друг другу, — любезно сказала Гвен. — Я — Гвендолин Ланкастер.

Бриджит слегка нахмурилась.

— Бриджит Тагвинн.

Гвен приподняла бровь.

— Дом адмирала Тагвинна?

Уголок рта Бриджит дернулся, вероятно, от раздражения.

— Он самый.

— Как замечательно, — сказала Гвен с небольшим превосходством в голосе. — Он был самым лучшим флотоводцем в истории башни Альбиона. На самом деле, шпиля может не было бы здесь вообще, если бы не его мужество и мастерство. Вы происходите из одной из величайших семей в нашей истории.

Бриджит снова нахмурилась. Затем склонила голову в небольшом, неловком поклоне.

— Спасибо.

— Она происходит от сноски в истории Альбиона, — угрюмо сказал Реджинальд. — Что её семья сделала для башни в последнее время? Ничего. Ради Бога, их дом производит мясо, как простые плебеи.

Взгляд Бриджит снова вернулся к Реджинальду.

— Вы говорите так, словно это оскорбление, сэр.

— А что это еще должно значить? — поинтересовался Реджинальд.

— Что я предпочту быть простой плебейкой, нежели задницей из дома Асторов, сэр.

Лицо Реджинальда приобрело ярко красный оттенок.

— Ты осмелилась бросить оскорбление в лицо моему Дому?

— Не в лицо, — сказала Бриджет, приподняв бровь. — В задницу.

— Ты мерзкая маленькая плебейка, — сказал Реджиналд. — Ты думаешь, что раз ты была в особняке шпилеарха, раз ты проходишь подготовку в гвардию, что ты достойна такой чести? Ты думаешь, что можешь вякать и насмехаться над теми, кто лучше тебя из-за этого?

— Не уверена, — сказала Бриджит. — Я дам вам знать, когда встречу кого-нибудь лучше меня.

Глаза Реджинальда пылали, с рычанием он вырвал перчатку из-за пояса и сильно

швырнул её Бриджит в лицо.

Бриджит не пошевелилась — это сделала Гвен. Она поймала перчатку в воздухе и развернулась лицом к Реджинальду.

— Реджи, нет.

— Ты слышала эту чертову отщепенку? — прорычал Реджинальд. — Слышала, что она сказала о моем Доме?

— Как и то, что ты сказал об ее Доме, — произнесла Гвен. — Ты начал это, Реджинальд Астор.

— Не вмешивайся, Гвендолин. Я требую сатисфакции! — Его яростный взгляд вернулся к Бриджит. — Если только прославленное мужество Дома Тагвиннов не истощилось вместе с его родословной.

Бриджит нахмурилась сильнее и слегка приоткрыла рот. Она взглянула в сторону Гвен и произнесла:

— Мисс Ланкастер… этот человек только что вызвал меня на дуэль?

— Вряд ли человек, — ответила Гвен. Она подняла глаза и встретилась взглядом с Бриджит. — И да. Он это сделал.

— Кретины, — выдохнула Бриджит. — Я должна согласиться?

— Если ты откажешься, — сказала Гвен, — он может судиться. Совет может наложить карательный штраф на Дом Тагвиннов.

— Может? — сказал Реджинальд. — Наложит. Я гарантирую, что Высшие Дома суровс выступят против подобного проявления неуважения к одному из главных Домов Альбиона.

Бриджит снова посмотрела на Гвен.

— Это правда?

— С судами никогда нельзя быть уверенным. — Ответила Гвен. — Но, вероятно, так и есть.

— Но я никогда не оскорбляла Асторов. Только его.

— Боюсь, он наследник их Дома, — сказала Гвен. — Совет может не увидеть разницы.

Бриджит на мгновение закрыла глаза и пробормотала сквозь зубы:

— Когда же я научусь держать рот закрытым?

— Ты не должна этого делать, — сказала Гвен.

— Мы едва сводим концы с концами, — сказала Бриджит. — Если… если нас оштрафуют, мой отец вынужден будет продать чановую.

Реджинальд жестко усмехнулся.

— Вот поэтому ничтожные маленькие Дома должны выказывать больше уважения старшим по положению. Ты должна была подумать об этом до того, как заговорила.

Кошачьи когти звучно проскребли по рукаву рубашки Бриджит. Она положила на зверя руку, будто сдерживая его.

— Извинись, — фыркнул Реджинальд. — Сейчас же. И я забуду о произошедшем.

Бриджит снова выдержала паузу, прежде чем заговорить. Затем она расправила плечи, повернулась к Реджинальду и сказала:

— Не стану.

Она взглянула на Гвен.

— Как это работает? Мы деремся сейчас же?

Гвен моргнула, глядя на крупную девушку.

— Ты… действительно собираешься принять его вызов?

Брид0жит кивнула. Кот издал низкий нетерпеливый рычащий звук.

Гвен вздохнула.

— Нет, все произойдет не здесь. Тебе понадобится секундант, кто-нибудь чтобы тебя сопровождать, помогать подготовиться и назначить дуэль

А еще нужен церемониймейстер, чтобы судить.

Бриджит моргнула.

— Это… кажется уж очень раздутый способ, чтобы совершить подобное ребячество.

— На все есть свои причины, — сказала Гвен.

— Понятно, — сказала Бриджит. — Как мне принять вызов?

Гвен молча протянула ей перчатку.

— А, — сказала Бриджит и взяла ее.

Реджинальд коротко кивнул и указал на одного из молодых аристократов, стоящих рядом.

— Это Барнабас. Он будет моим секундантом. Пусть твой секундант с ним свяжется. Доброго дня.

Он развернулся на каблуках и пошел прочь во дворец, забирая с собой свою свиту.

Бриджит и Гвен смотрели им вслед. Через мгновение Бриджит сказала:

— Мне не нужна была ваша помощь.

— Пардон?

— Ваша помощь. Мне не надо было, чтобы вы вмешались и все испортили.

— Испортила? — ошарашено спросила Гвен. — Это каким это образом я все испортила?

— Я не просила вашей помощи. Когда вы вмешались, его идиотская честь оказалась на кону. Ему пришлось защищать честь Дома Асторов из страха проявить слабость перед лицом Ланкастера. — Бриджит покачала головой. — Если бы вас тут не было, все что мне нужно было бы — замолчать. Ему бы нечего было сказать.

— Я пыталась помочь, — сказала Гвен.

Бриджит закатила глаза.

— Почему все вы в Высших Домах считаете, что только вы можете решить проблемы, в которые вам бы вообще не стоило лезть? Вы вообще думали, нужно ли мне ваше вмешательство?

Гвен сложила руки и нахмурилась. Она…

Она ведь даже не подумала? И конечно Реджи был сильнее уязвлен словами Бриджит потому, что он желал Гвен и не хотел быть унижен перед ней. Гвен не подумала о последствиях. Она просто ринулась в гущу, пытаясь залить волны маслом — вот только подлила масла в огонь.

И в результате кто-нибудь обожжется. Она не могла все оставить как есть, особенно, когда она все усложнила. Она не могла вынести, если кто-нибудь пострадает из-за ее глупости — ну, если бы речь шла о Реджи, и он бы не сильно пострадал, но она бы чувствовала себя ужасно, случись что с Бриджит.

— Вы может и правы, — тихо сказала Гвен. — Но теперь это уже не имеет значения.

— С чего это вдруг? — спросила бриджит.

— У вас есть хоть малейшее представление, что из себя представляет формальная дуэль?

— Двух дураков.

Гвен немного улыбнулась.

— Кроме этого.

Бриджит, казалось, ушла в себя. Она сгорбилась, как будто пытаясь скрыть свой рост. И нахмурилась, глядя на кота, приглаживающего свою шерсть.

— Кроме этого… нет. Ни малейшего представления.

— А Реджинальд имеет. — тихо сказала Гвен. — Может, вы и не хотите моей помощи, мисс Тагвинн — но на данный момент она вам определенно нужна.

Глава 5

Башня Альбиона, хаббл Монинг

Бриджит с сомнением смотрела на аристократа.

— Я совсем не уверена на счет этого, сэр.

Бенедикт Сореллин-Ланкастер стоял к ней лицом в сумраке, который только с натяжкой можно считать ранним утром, на базарной площади хаббл Монинга, у входа в тренировочный комплекс гвардии Правителя. Он был высоким, ростом с её отца, но худым в силу молодости и природной склонности. Бенедикт улыбнулся ей, что, вероятно, должно бы успокоить, но он показал свои клыки, которые были больше обычных.

— В этом-то и проблема, не так ли? — сказал он. — Вы не уверены, хотя должны быть. Давайте-ка. Мне нужно оценить вашу физическую силу. Вы меня не пораните, мисс Тагвинн, уверяю вас.

— Это кажется… неподобающим, — сказала она нахмурившись. Конечно, она не причинит ему вреда. Но даже если бы это и было её намерением, золотистые с вертикальными зрачками глаза Бенедикта выдавали в нем урожденного воина, с львиной кровью в жилах и силой, присущей зверю.

— Вы точно уверены, что в гвардии это разрешено?

— Обычно рукопашный бой преподается после курса основной подготовки, но нет никаких правил, призывающих ждать так долго, чтобы обучиться. Особенно, если вы занимаетесь этим в свободное время.

— Понятно, — сказала Бриджит. — Это кажется справедливым. Как я должна напасть на вас?

Лицо Бенедикта осталось серьезным, но глаза внезапно заискрились. Желудок Бриджит странно сжался, и она уставилась вниз.

— Просто идите ко мне, — сказал он. — Попытайтесь меня схватить.

Бриджит нахмурилась, но кивнула.

— Я поняла.

Она сделала несколько шагов к молодому человеку и сказала:

— Извините, пожалуйста.

— Не извиняйтесь, — упрекнул Бенедикт. — Вы же не будете извиняться перед Реджи на дуэльной площадке…

Бриджит нагнулась, слегка раздраженная его тоном, подвела плечо под живот Бенедикта и оторвала его от земли. Он был не на много тяжелее, чем куски мяса из чанов дома, она подняла его, подержала мгновение, а затем, продолжив двигаться, бросила через плечо на туфовый пол позади.

Она обернулась и увидела, что он сидит на полу, уставившись на нее и слегка приоткрыв рот.

— Я сожалею, — сказала она. — Это было приемлемо?

— Вы… ах, — произнес Бенедикт. Его золотистые глаза сверкнули в полумраке. — Вы… в хорошей форме, мисс Тагвинн.

— Я зарабатывала себе на жизнь, — сказала Бриджит. Она почти сразу пожалела о своих словах. Ей не хотелось, чтобы они были восприняты как оскорбление, подразумевая, что он не работал, но обидчивый отпрыск одного из благородных Домов Альбиона мог легко интерпретировать их подобным образом.

Но в его глазах не появилось гнева. Вместо этого по лицу расползлась медленная, восхищенная улыбка.

— О, Создатель путей, — выдохнул он со смехом.

Бриджит нравилось, как звучал его смех. Она слегка улыбнулась.

— Прошу прощения, сэр?

— Нам следует продавать билеты на эту дуэль, — сказал он. — Реджи может потратить всю жизнь, и все же не сможет с этим примириться.

— Прошу прощения? — повторила Бриджит. — Что вы имеете в виду?

— Дуэль, — произнес молодой человек. — Он вас вызвал, это означает, что у вас есть право выбрать место дуэли и оружие.

— Как заманчиво, — сказала она. — Но я все равно не улавливаю.

Бенедикт поднялся на ноги, улыбаясь.

— Вы не будете выбирать оружие совсем. Сделаете этот поединок рукопашным.

Бриджит склонила голову.

— Кажется, это с меньшей вероятностью приведет к тому, что кого-либо покалечат или убьют без уважительной причины. Но я не умею так драться.ё

— Я умею, — сказал Бенедикт. — Основа достаточно проста в освоении. И вы достаточно сильны.

Бриджит нахмурилась.

— Но… допустим у Реджи за плечами гораздо больше тренировок. И хотя для женщины я довольно сильна, я уж точно не гораздо сильнее него. Не будет ли это означать, что он без особых усилий победит меня?

— Это зависит от того, какой путь вы изберете, — сказал Бенедикт.

Бриджит нахмурилась сильнее.

— Мой путь… Вы не будете пытаться обратить меня в свою религию? Надеюсь, что нет, сэр. Это было бы неловко.

Снова послышался легкий смех.

— Тем, кто следуют по Пути не нужно обращать в свою веру. Люди не вступают на Путь. Они просто однажды осознают, что уже идут по нему.

— Господь на небесах, снова эта речь, — послышался другой голос. Гвендолин Ланкастер появилась из сумрака, одетая в такую же тренировочную одежду гвардии, как и они. Бриджит с трудом могла совместить абсолютную уверенность позы и голоса аристократки и ее крошечный размер. Она была совершенно уверена, что даже без подготовки, может сломать мисс Ланкастер, как фарфоровую куклу.

— Дражайшая кузина, — сказал Бенедикт еще более довольным тоном. — Ты выглядишь… особенно гвенни сегодня.

Гвендолин резко вскинула темную бровь и спросила:

— Что ты делаешь на земле?

— Она бросила меня туда, — радостно сообщил Бенедикт.

Гвендолин нахмурилась. затем подняла брови.

— Неужели? — Её взгляд обратился к Бриджит. — Она не похожа на урожденного воина.

— Она не воин, — сказал Бенедикт. — Но она работает в чановой. Не думаю, что я намного тяжелее куска красного мяса. Ведь так, мисс Бриджит?

— Не намного тяжелее, сэр.

Гвен прищурилась.

— О, ты же не думаешь…

— Для Реджи? Я абсолютно уверен, — сказал Бенедикт. — Это идеально.

— Прекратите, — наконец раздраженно сказала Бриджит. — Вы оба. Прекратите это немедленно. Вы двое словно читали книгу, которую я не читала, и, не переставая, её обсуждаете. Это ужасно невежливо.

— Сожалею, — сказала Гвендолин. — Я понимаю, ты не была воспитана, чтобы быть такой коварной и хитрой, как мы с Бенни.

Бриджит моргнула. Боже, то, как эта аристократка сказала это, казалось очень-очень смелым. Но в тоже время… немного успокаивало. Гвендолин Ланкастер могла быть какой угодно, но, по крайней мере, она не кажется способной на пафосный самообман, как многие другие дети благородных Домов.

— Я бы не стала так судить о вашей семье, — осторожно сказала Бриджит. — Но… нет. Видимо нет.

Роул крадучись вышел из темноты, как обычно бесшумный, и, как обычно, не объяснил, где был. Бриджит слегка согнула колено, даже не задумываясь об этом, и кот воспользовался им как трамплином, чтобы с легкостью запрыгнуть ей на руки и затем взобраться на плечо. Роул уткнулся носом ей в щеку, и она слегка прижалась к нему головой.

— Слушай внимательно, Мышонок, — сказал Роул почти неслышно. — Я поспрашивал про этих двоих. Они опасны.

Бриджит взглянула в сторону кота и слегка кивнула ему, чтобы показать, что поняла. Быть "опасным" с точки зрения кота, могло означать, почти что угодно, но обычно это было что-то вроде комплимента. ей казалось, что два дворянина были немного самодовольны и абсолютно переполнены гордыней, которую они похоже и не замечали, но она давно научилась с вниманием относиться к мнению кота.

Так что она обратилась к Гвендолин:

— Пожалуйста, извините меня, мисс Ланкастер. Что вы сказали?

Гвендолин наклонила голову, внимательно изучая кота яркими глазами.

— Я говорила, что если ты сможешь сравняться по силе с Реджи, то ты сможешь навязать ему дуэль, в которой ему не выиграть.

— Мне все равно, кто победит, — сказала Бриджит. — Я просто хочу, чтобы все остались живы, и чтобы эта блажь закончилась.

Гвендолин моргнула и внезапно одарила Бриджит улыбкой, которая казалась теплой и искренней, как рассвет аэронавта

— У тебя весьма паршивое отношение к дракам на дуэли ради чести. Ты в курсе?

— Слава Богу, — ответила Бриджет

— Суть в том, — сказал Бенедикт, поднимаясь на ноги, — что если ты сможешь втянуть его в равный бой, то шансов выиграть дуэль у него нет. Если он победит тебя в рукопашной, то вряд ли с легкостью, и он будет выглядеть, как громила и грубиян. А если ты его

победишь, то он навсегда останется Астором, которого уделала…

Бенедикт запнулся и слегка улыбнулся Бриджит.

— Плебейка из чановой, — сказала Бриджит. Она слегка улыбнулась. — Так… поступить с ним будет довольно жестоко.

— Да неужели, — сияя сказала Гвендолин.

— Но… я не стану этого делать, — сказала Бриджит.

— О Небо, почему не станешь? — спросила Гвендолин. — Он этого более, чем заслуживает.

— Возможно, — согласилась Бриджит. — Но опозорить его, значит напроситься на какую-нибудь скрытую месть — если не мне, так отцу. Мой отец — хороший человек. Я не хочу, чтобы у него были подобные неприятности из-за меня.

Она посмотрела на Бенедикта.

— Есть ли оружие, которое мы можем использовать, и которое позволит ему победить, не прикончив меня и не выставив себя дураком?

— В целом мире не существует оружия, инструмента или механизма, который может выставить Реджи не дураком, — ядовитым тоном сказала Гвен.

— Меня не волнует победа, — сказала Бриджит. — Мне не надо выставить его в дурном свете. Я просто хочу продолжить жить так, будто мы с ним и не разговаривали.

— Ты права, кузина, — сказал Бенедикт, медленно кивая. — У нее паршивое отношение к дуэлям ради чести.

Эти двое обменялись еще одним долгим взглядом, который опять дал Бриджит почувствовать, будто она пропустила важную часть информации, необходимую для понимания.

— Перекусим? — внезапно предложила Гвендолин. — Вы двое так рано сюда пришли, что пропустили сигнал к завтраку. Занятия по технике допроса через полчаса и вы же не хотите потом отправиться на пробежку на пустой желудок.

Она посмотрела на Роула и добавила:

— И вы тоже, мистер Кот. Я угощаю.

Роул гордо сказал:

— А у нее все в порядке с приоритетами. Скажи ей, какую еду я люблю.

— Роул, — сказала Бриджит. — В таких ситуациях ведут себя иначе.

Она подняла голову и увидела, что оба Ланкастера уставились на нее.

— Ты говоришь на кошачьем, — сказал Бенедикт. — Я имею в виду, я слышал, что некоторые люди утверждали, что умеют… Господи, ты сейчас говорила, как кошка.

— Он понятия не имеет, насколько ужасный у тебя акцент, — заметил Роул.

Бриджит закатила глаза и сказала Бенедикту:

— Да, конечно. У вас… разве нет котов в резиденции Дома Ланкастеров?

— Конечно нет, — сказала Гвендолин. — Мама об этом и слышать не желает.

— На самом деле есть, — сказал Бенедикт, мягко перебивая Гвендолин. — У слуг есть договоренность с несколькими котами об уничтожении вредителей. Но, насколько мне известно, все основано на старом взаимопонимании и никто из них раньше не общался с котами напрямую.

Гвендолин несколько раз моргнула.

— Как так вышло, что ты об этом знаешь, а я нет?

— Потому, что тебе никто ничего не говорит, кузина, — сказал Бенедикт. — Возможно

потому, что ты проводишь так много времени с леди Ланкастер и обычно не останавливаешься, чтобы подумать, прежде чем заговорить.

Гвендолин наклонила голову в сторону, как бы принимая достойный довод. Затем она снова моргнула и сказала:

— В таком случае я боюсь, что была весьма груба. Я не только сама не представилась твоему спутнику, но и не пыталась добиться представления. Пожалуйста, передайте ему мои извинения, если вас не затруднит, мисс Тагвинн.

На мгновенье Бриджит тщательно всматривалась в лицо Гвендолин, ожидая увидеть тень насмешки, которая появится в ее глазах, как было бы с Реджи, но она не появилась. Она казалась искренней. Напыщенной и одержимой формальностями — но искренней.

— Чего она хочет, Мышонок? — сказал Роул, подаваясь вперед, чтобы пристально уставиться на Гвендолин.

— Она желает обменяться именами, — сказала ему Бриджит на кошачьем. — Человеческими именами, не кошачьими. Она считает, что оскорбила тебя, не попросив об этом раньше.

Роул обиженно напрягся.

— Оскорбила?

— Возможно не специально, — предположила Бриджит. — Она не была уверена, что думать о коте, появившемся среди людей. Я подозреваю, что она действительно пытается избежать обид.

Хвост Роула метнулся из стороны в сторону.

— Что бы о ней сказал Держащий слово?

Бриджит немного улыбнулась. Она точно знала, как бы отец обошелся с мисс Ланкастер.

— Он бы пригласил ее на чай и проявил бы вежливость.

Роул один раз резко кивнул головой, очень человечный жест.

— Тогда я тоже проявлю вежливость. Скажи ей мое имя, и что кошачьего имени она пока не заслужила, но завтрак это уже неплохое начало.

Бриджит повернулась к Гвендолин и сказала:

— Мисс Ланкастер, это Роул из племени Тихих лап, сын Маула, вождя Тихих лап.

— Наследник своего дома, как ты своего, кузина, — заметил Бенедикт.

Гвендолин очевидно хватило такта не выглядеть скептичной при этом комментарии. Она бросила на Бенедикта совершенно нечитаемый взгляд, который только заставил его улыбнуться.

У него, подумала Бриджит, очень милая улыбка.

Гвендолин обернулась, чтобы серьезно взглянуть на Роула и сказала:

— Сэр Роул, добро пожаловать в… человеческую часть хаббла Монинг. Для меня будет большой честью купить вам завтрак, если вы мне позволите.

Роул немедленно плюхнулся на руки Бриджит, его утробное мурчание, понятно и без перевода.

— Очень хорошее начало, — пробормотал он.

— Да, мисс Ланкастер, — сказала Бриджит. — Все в порядке.

Глава 6

Башня Альбиона, хаббл Монинг

Роул наблюдал за тем, как Мышонок и другие люди вели себя странно и прикидывал,

как скоро ему придется вмешаться и все исправить.

Снова они проспали гораздо меньше, чем остальные люди из гвардии Правителя, и снова человек Гвендолин и ее кузен с половиной души считали, что они готовят Мышонка к какому-то бою, что было глупо. Лучший способ подготовиться к драке — драться. Это каждому котенку известно.

В данный момент Бенедикт заставлял Мышонка тренироваться падать, что было так же глупо. Никто не тренируется падать. Ты просто приземляешься на лапы. Раз за разом Мышонок падала в полный рост на спину, иногда сама, иногда с помощью Гвендолин или Бенедикта. Роул сначала с подозрением отнесся к этому занятию, предполагая, что это только предлог, чтобы Гвендолин могла избавиться от конкурирующей самки или чтобы Бенедикт мог заявить свое право спариться с Мышонком. Но за прошедшие несколько дней выяснилось, что все это скорее глупость, чем хитрый план и, похоже, никоим образом не вредило Мышонку, так что он позволил им продолжать.

Ему казалось глупым тратить так много своего времени — и терять так много сна — на такое совершенно дурацкое занятие. Если бы только они спросили Роула, он бы им все объяснил.

Бенедикт начал показывать Мышонку, как уронить его на пол. Какой смысл в том, чтобы учиться подобным вещам медленно, да еще и очевидно со значительной помощью со стороны Бенедикта? Неужели Мышонок считала, что ее враг будет вести себя так же?

Роул почувствовал, как изменившийся ток воздуха прошелся по шерсти на его боках и по усам и лениво повернул ухо в том направлении. Послышался шорох движения, совершенно неслышимый для кого-нибудь кроме кота, особенно за все тем шумом, который производили люди, и из теней возникла Мирл.

— Роул, — сказала черная кошка. Мирл была небольшой, но ловкой и умной. Она была одной из вибрисс Маула, его охотников и шпионов. Только узкое зеленое кольцо проглядывало вокруг ее больших темных зрачков, а в темноте ее можно было заметить только по тусклому отблеску глаз.

— Мирл, — лениво ответил Роул.

Мирл подошла к нему сбоку и села, изучая людей.

— Что они делают?

— Они пытаются научить Мышонка драться, — сказал Роул.

Мирл мрачно посмотрела на них.

— Понятно. Они уже начали?

— Похоже, они так считают, — сказал Роул. — Какие новости от моего отца?

— Он передавал привет и сказал, что тебе стоит выполнять свои обязанности или он тебе уши отгрызет.

Роул махнул хвостом и зевнул.

— Я знаю, что мне делать. Это все?

Мирл удивленно дернула ушами, но продолжила более серьезным тоном:

— Он сказал, что Долго думающий подтвердил доклады разведчиков Тихих лап.

Роул перевел взгляд на маленькую кошку.

— Новые существа в воздуховодах?

Мирл утвердительно моргнула.

— То же говорят Теневые хвосты и Быстрые когти и кроме них еще полдюжины других кланов. Коты также пропадают и в других хабблах — и никто не видел, что их забрало.

Из груди Роула раздался раздраженный звук.

— Это кажется трусливым.

— Мне, — сказала Мирл, — это кажется ловким.

— Ну и это тоже. Значит, мы воюем?

— Пока нет, — сказала Мирл. — Маул говорит, что сначала нам надо выяснить, с кем мы воюем.

— С чем мы столкнулись, по мнению Долго думающего?

— Долго думающий… не уверен.

Роул пристально посмотрел на Мирл. Но ничего не сказал. Его хвост беспокойно метался из стороны в сторону. Долго думающий не был котом, но он был умен, мудр и уважаем. Если даже он не знал, что за угроза нависла над Тихими лапами и другими кланами в их же собственных тоннелях, то это должно быть что-то странное — или что-то новое.

— Пожалуйста, передай отцу, — сказал Роул, — что я советую немедленно объявить войну — без ограничений. Немедленная агрессия послужит нам лучше, чем чрезмерная осторожность. Нам надо загнать и уничтожить их, прежде чем они угнездятся.

— Я передам ему твои слова, — сказала Мирл, дернув усом. — Он к ним не прислушается.

Роул проигнорировал последнее замечание с раздражением, которого оно полностью заслуживало.

Мирл сидела рядом с ним и наблюдала за возней людей.

— Я уже такое видела.

— Такое вот обучение драке? — спросил Роул голосом полным сомнения.

— В Храме Пути, в хаббле Лендинг, — сказала Мирл.

— А как тебя туда занесло? — спросил Роул.

— По долгу вибриссы, — горделиво ответила Мирл. — Они занимались чем-то подобным, правда их было больше, и они носили другую одежду.

— Они так же глупо выглядели?

Мирл задумчиво наклонила голову.

— Многие так же. Но некоторые выглядели не так глупо.

— Почему?

— Они двигались не так ужасно. Но не так легко, как кошки конечно.

— Конечно, — согласился Роул.

— Но они были гораздо менее неуклюжи, чем большинство людей. — Она пригладила лапой шерсть за ухом. — Может это сработает.

Они вдвоем наблюдали, как Мышонок особенно сильно упала.

— В конце концов.

— Он довольно медлительные, эти люди, — заметил Роул. — Считаешь, у них есть потенциал?

— Ей едва ли понадобится быть еще менее неуклюжей, чтобы выставить в таком свете другого человека, — сказала Мирл. — С кем она будет драться?

— С молодым самцом. Он направил обидные слова на Держащего слово. В ответ Мышонок ударила его по ушам своими словами. Теперь они собираются драться.

— Они планируют драться? — озадаченно сказала Мирл. — Почему бы ей не найти его, пока он спит и не сразиться с ним?

Роул зевнул.

— Я понятия не имею. Но он не подкрадется к ней, пока она спит. Если попробует, я ему глаза выцарапаю.

— Логично, — сказала Мирл. — Хотя люди не легкая добыча. Даже для могучего Роула.

— Достойная вибрисса не стала бы упоминать об этом, — прорычал Роул.

Мирл встала и склонила голову, подражая человеческому жесту.

— Да, могучий Роул.

Роул попытался легонько стукнуть ее по носу (хотя и не выпуская когтей), но Мирл уклонилась с ленивой грацией, в ее глазах заплясал смех. Она лениво отбежала в сторону, насмешливо помахивая хвостом.

— А знаешь, ты почти так же красив, как себя считаешь.

— Ты слишком быстрая и слишком умная для своего же блага, — спокойно ответил Роул. — Будь аккуратна в тоннелях. Я бы предпочел, чтобы ты не пропала.

— Не соверши глупости, которая тебя погубит, защищая своего человека, — ответила она.

— Скоро ли я снова тебя увижу?

— Возможно, — сказала Мирл. — Зависит от моего настроения.

Затем она растворилась в темноте, из которой пришла.

Роул наблюдал, как уходила несносная самка. Он какое-то время смотрел ей вслед, задумчиво помахивая хвостом. Не соблюдает субординацию — но шустрая. И красивая. И уж точно никогда не скучная.

Возможно, ему стоит сложить для нее песню.

Когда "боевая" подготовка закончилась, стало можно заняться значимыми делами. Роул занял свое обычное место на руках у Мышонка и отправился с ней завтракать на рыночную площадь.

Рынок представлял собой море лавок и небольших зданий, расположенное в центре хаббла, окружающее особняк Правителя башни. Примерно четверть лавок была сделана из башенного камня, который изначально оставил кто-то, кого люди называли Строителями. Остальные в основном были сделаны из кирпича, их двери и оконные прилавки сейчас были прикрыты шкурами, натянутыми на рамы. Некоторые из особо успешных торговцев использовали древесину, с покрытой джунглями поверхности, с трудом доставленную на мили вверх по башне.

Мышонок несла его к лавке, которая пахла лучше всех и одна из немногих была открыта в этот ранний час. Человек Бенедикт, кажется, был лично знаком с владельцами лавки, так как они каждое утро приветствовали его по имени. Возможно, причиной тому был его голод — это тело с половиной души горело жарче, чем у других людей, почти так же жарко, как кошачье, и ему приходилось есть гораздо чаще, чем другим людям. Роул ждал, пока Бенедикт заказал на всех и расплатился маленькими кусочками металла, которые люди так сильно ценили.

Когда с этим покончили, еду сделали и люди направились к ближайшему столику, чтобы поесть. Роул занял место рядом с Мышонком, которая положила перед ним свернутую лепешку с мясом. Роул разодрал ее когтями и ждал, пока развеются маленькие облачка пара. Не важно насколько вкусной была еда — обожженный язык был неприятным опытом, который он не собирался повторять.

— Что ты думаешь о тренировке, Роул? — вежливо спросил Бенедикт, после того как

этот человек проглотил одну из завернутых лепешек целиком.

Роул посмотрел на Мышонка. По его мнению, она еще не решила, одарить ей или нет этих людей своей преданностью, но она определенно расценивала человека Бенедикта, как потенциального партнера. Было бы не вежливо с его стороны подвергать риску ее возможность продолжить свой род.

— Выглядит болезненно, — сказал он Мышонку. Она перевела это на человеческий язык, натянуто улыбаясь.

— Возможно, — сказал Бенедикт. — Но в настоящей схватке, можно получить травму, а действовать все равно придется. Немного боли сейчас может спасти жизнь потом.

— Если перерезать Реджи горло, пока он спит, то результат будет таким же, — сказал Роул и посмотрел на Мышонка. Она закатила глаза, переводя, и человек Гвендолин немедленно начала давиться своей едой.

Роул спокойно откусил несколько кусков от остывшей части мяса.

— А он довольно прямолинейный, не правда ли? — выдавила Гвендолин пару мгновений спустя.

— Ты и понятия не имеешь, — сказала Мышонок.

— Есть хорошая причина для того, чтобы решить конфликт менее… радикальными мерами, — сказал Бенедикт, напрямую обращаясь к Роулу. — Реджи член большой и сильной семьи. Человек, который будет его секундантом, тоже Астор, из младшей ветви Дома. Если что-нибудь необратимое случится с Реджи, секундант об этом доложит и они могут отомстить.

— Я думал, что они будут рады избавиться от дурака, — ответил Роул.

Человек Гвендолин издала хрюкающий звук и откусила еще кусок завтрака.

— В некоторой степени, — признал Бенедикт. — Но если они закроют глаза на нападение на члена их Дома, то остальные могут воспринять это, как признак слабости.

— А, — сказал Роул. — В этом, по крайней мере, есть смысл. — Он мрачно обдумал ситуацию. — Но у Мышонка нет большого Дома, который будет мстить за нее, если Реджи сделает с ней что-нибудь необратимое.

Бенедикт выглядел сконфужено, когда Мышонок это перевела.

— В этом… есть определенная доля правды. Но никто в хаббле не заинтересован в дуэлях насмерть. На Дом Асторов могут надавить, если подобное случится.

— Если он убьет Мышонка, — спросил Роул, — объявит ли Дом Ланкастеров войну Дому Асторов?

Бенедикт и Гвендолин обменялись долгими взглядами.

— Я… так не думаю.

— Значит давление, о котором вы говорите, это лапа без когтей, — сказал Роул. — Оно в действительности никак не остановит его.

Гвендолин неожиданно перегнулась через стол, пристально посмотрела на Роула и твердо сказала:

— Если что-нибудь подобное случится с мисс Тагвинн, мистер Роул, я лично вызову Реджи на дуэль на наручах и проделаю в нем дыру, в которую кот сможет проскочить. Даю вам свое слово.

— Я не только уже проиграла дуэль, — пробурчала Мышонок, — но я еще и к тому же была убита. Зачем мы переводим завтрак на покойницу?

Роул посмотрел на Мышонка и сказал, не без нежности:

— Ты уже показала свою глупость, ввязавшись в это. Пришло время позволить более мудрым умам все решить. Я обещаю, что как только я удостоверюсь, что ты не идешь слепо навстречу собственной смерти, я позволю тебе самой проиграть схватку.

Мышонок кинула хмурый взгляд на Роула.

— Что он сказал? — спросил Бенедикт, переводя взгляд между ними.

— Что он хочет искупаться, — сказала Мышонок намеренно угрожающим тоном.

— Серьезно, Мышонок, — сказал Роул, откусывая еще кусок. — В какой-то момент тебе все же придется перерасти подобные детские выпады.

— О, — сказала Мышонок, лицо ее налилось кровью. — Ты иногда просто невыносим.

— Ты злишься только потому, что я прав, — сказал Роул тоном, который обычно используют, когда уверены в своей правоте и в том, что другой не прав.

В полумраке послышались приближающиеся шаги, Роул вгляделся и увидел соратника Реджи, приближающегося к столу завтрака. Он смотрел, не двигаясь, но переместил лапы в положение, которое позволило бы ему броситься в глаза врага, если тот предпримет что-нибудь опасное.

Несколько секунд спустя люди Роула заметили приближающегося человека. Он остановился у их стола и приподнял подбородок.

— Бенедикт. Гвендолин. Мисс Тагвинн.

Роул сощурил глаза.

— Доброе утро, Барнабас, — холодно сказала человек Гвендолин. — Ты собираешься его поддерживать, не так ли?

Человек Барнабас пожал плечами, видимо не впечатленный.

— Вызов был официально брошен и принят, Гвен. Он собирается довести дело до конца.

— Это не значит, что ты должен быть его секундантом, — ответила она.

— Он родня, — просто сказал Барнабас. — К тому же, если не я, то какой-нибудь забияка.

Бенедикт покачал головой.

— Он прав, Гвен. Мне жаль, что тебя в это втянули, Барни.

Барнабас пожал плечами.

— Мисс Тагвинн, могу я спросить, кто будет вашим секундантом?

— Я, — сказали люди Бенедикт и Гвендолин одновременно.

И в то момент, когда они это говорили, Роул издал свой самый злобный и зверский крик и бросился в глаза человеку Барнабасу.

Человек этого совершенно не ожидал. Он вскинул руки и упал на спину. Роул всем весом приземлился на грудь человека и на нем проделал весь путь до выложенного башенным камнем пола. Человек упал еще более неуклюже, чем Мышонок, и резко выдохнул, когда ударился, немного оглушенный.

На самом деле, все присутствующие выглядели оглушенными.

Роул спокойно сел у него на груди, наклонился ближе к лицу человека Барнабаса и прорычал:

— Я Роул, сын Маула, лорда и властителя Тихих лап — и я ее секундант.

Мышонок перевела встревоженным и трясущимся голосом. Человек Барнабас уставился на Роула вытаращенными глазами, а затем переводил взгляд с него на Мышонка, слушая.

— Это же не серьезно, — пробормотал Барнабас в ответ.

Роул резко стукнул его по носу, выпустив когти ровно настолько, чтобы пустить пару капель крови, чтобы проучить его, и издал еще один рык.

— Слушай внимательно, человек. Мышонок встретится с Реджи в рукопашном бою на рынке, при свете полудня, через семь дней.

Барнабас снова уставился, выпучив глаза на кота, а потом и на перевод Мышонка.

— Бенедикт, — сказал он немного погодя. — Реджи выбрал дурацкое время, чтобы потакать своей страсти к дуэлям, но это уже слишком. Кот в качестве секунданта? Что люди подумают?

Бенедикт задумчиво поджал губы.

— Если бы речь шла обо мне? Я бы подумал, что Реджи подонок из Высших Домов, который давит своим авторитетом на людей вроде мисс Тагвинн. Но, мне кажется, ты упускаешь главное, Барни.

— И что же я упускаю? — спросил он.

— Его, — сказал Бенедикт и указал на Роула.

Роул хлестнул хвостом, не отводя взгляд от глаз человека Барнабаса. Он смотрел в них еще мгновение, а затем поднялся и спокойно пошел обратно завтракать.

Мышонок спросила на кошачьем:

— Этого ли хочет Маул?

— Очевидно, — сказал Роул. Прозвучало это возможно самодовольно — но не то, что бы он не заслуживал этого. Человек Барнабас был полностью в его власти.

— Я уверен, что ничего не понимаю, сказал Барнабас, уставившись на кота.

— Я тоже уверена, что не понимаете, сэр, — сказала Мышонок. Но поймете. Через неделю.

Глава 7

Шпиль Альбион, хаббл Монинг, вентиляционный туннель

Гримм направлялся к особняку шпилеарха, шаги его обутых в сапоги ног четко и звонко отдавались по каменному полу, и напоминал себе, что убийство идущего рядом с ним идиота будет проявлением крайне дурного вкуса.

— Может его время пришло, — сказал командор Гамильтон Рук. Он был высоким царственным мужчиной при условии, что кто-нибудь хотел монарха с носом, напоминающим соколиный клюв. В его чёрных волосах не было ни следа серебра, и Гримм был уверен, что это не заслуга природы. Его лицо и руки обветрились и потрескались за то время, что он провел на борту своего корабля, линкора под названием "Блистательный", соперника "Итаски", хотя и не ровня ему. Он был воспитанным, хорошо образованным, подчеркнуто вежливым и… полнейшим ослом.

Его флотская форма была ярко синего цвета, с избыточным количеством золотой вышивки и тесьмы, и несла по три золотых ленты на конце каждого рукава.

— А ты что скажешь, мой дорогой Френсис?

Гримм поднял глаза на Рука.

— Как всегда, попрошу не называть меня Френсисом.

— А… Тогда я полагаю второе имя? Медисон?

Гримм почувствовал, как пальцы руки на мече сжимаются и расслабляются.

— Командор, вы прекрасно знаете, что я предпочитаю Гримм.

— Немного официально, — недовольно сказал Рук. — С таким же успехом можно целый день звать тебя капитаном, будто у тебя все еще есть звание.

"Крайне дурной вкус", — напомнил себе Гримм. Чудовищно дурной вкус. Эпически дурной вкус. И не важно, насколько это будет приятно.

— Я надеялся, что последние успехи несколько развеют твои комплексы, — продолжил Рук. И ты не ответили на мой вопрос. Мое предложение более, чем щедрое.

Гримм свернул в боковой коридор, уходя от дневной толчеи хаббла Монинг.

— Вы предлагаете мне четверть стоимости моего корабля, чтобы отправить его в утиль? Я решил, что это была какая-то мертворожденная шутка.

— Ну-ну, не драматизируй, — сказал Рук. — Он был славным кораблем, но "Хищник" устарел, чтобы участвовать в боях, и слишком мал для торговли. За ту сумму, что я тебе предлагаю, ты можешь купить торговое судно, которое принесет не одно состояние. Подумай о своих потомках.

Гримм слегка улыбнулся.

— И тот факт, что вы заберете его кристаллическое ядро в закрома вашего Дома, как я понимаю, не вызывает сомнений.

Кристаллы достаточного размера и плотности для того, чтобы служить источником питания корабля, выращивались десятилетиями и веками. Кристаллические ядра были не просто дорогими, они были бесценны. В башне Альбион все текущее производство кристаллов было направлено на нужды флота, оставляя лишь небольшое число кристаллических ядер в руках частных владельцев, большинство из которых не расстанется с ними ни за какие деньги. В течение последних двухсот лет Высшие Дома постепенно скупали все оставшиеся кристаллические ядра.

Конечно, их можно было достать и в других шпилях, но, насколько было известно Гримму, еще никто не смог сравниться по мощи и качеству с кристаллами, производимыми Ланкастерами.

— Конечно, это серьёзно упрочит позиции нашего Дома, — ответил Рук. — Но, тем не менее, это честное предложение.

— Нет, — сказал Гримм.

— Ну, хорошо, — сказал Рук, в его голосе появилось напряжение. — Я удвою цену.

— Нет. Дважды.

Более крупный мужчина шагнул перед Гриммом и остановился, сверля его взглядом.

— Послушай, Френсис. Я собираюсь заполучить этот кристалл. Я видел отчет о повреждениях, который сдал твой инженер. Тебе повезло, что ты вообще добрался до шпиля.

— Да неужели?

— Тебе нужна абсолютно новая проводка, новый главный подъемный кристалл и, по меньшей мере, три бортовых кристалла! Я видел твои счета. У тебя даже близко нет достаточной суммы, чтобы их купить.

— Он ранен, — твердо сказал Гримм. — А не выброшен за ненадобностью.

— Ранен, — сказал Рук, закатывая глаза. — Он с трудом таскается вверх-вниз вдоль шпиля на привязи. "Хищник" больше не воздушное судно. Он больше на лебедку похож.

Гримм внезапно понял, что стоит перед Руком, стиснув кулаки.

Рук этой детали похоже не заметил.

— Я делаю тебе честное и открытое предложение, Френсис. Не заставляй меня применять иные методы.

Гримм мгновение стоял молча, глядя на ухмылку Гамильтона Рука.

— И о каких же методах, сэр, идет речь? — тихо спросил он

— Я могу обратиться в суд, если потребуется — сказал он. — Доложу об опасно небрежном управлении кораблем. Доложу о потерях, которые ты понес. Доложу о жалобах и обвинениях в преступной деятельности, которые другие шпили направили во флот.

Гримм заскрежетал зубами.

— Я навлек на себя эти обвинения, действуя по указаниям флота, и вы об этом знаете.

— И мне прикажут все отрицать, — сказал Рук, его улыбка становилась все шире.

— Взгляни правде в глаза, Френсис. Неужели ты серьезно считаешь, что флот поддержит тебя, обесчещенного одиночку, скорее чем вытерпит подобное публичное унижение?

Улыбка исчезла.

— Я получу это кристаллическое ядро, Гримм.

Гримм задумчиво кивнул. А затем довольно быстро и без какой-либо сдержанной вежливости, он влепил командору Гамильтону Руку пощечину.

Звук удара разнесся по пустынному коридору. Рук отшатнулся, ошарашенный скорее самим фактом удара, чем его силой, и широко распахнутыми глазами уставился на Гримма.

— "Хищник" не собственность, — сказал Гримм спокойным ровным тоном. — Он мне не принадлежит. Он мой дом. Его команда не мои наемники.

Они моя семья. И если вы снова станете угрожать отобрать мой дом и лишить мою семью средств к существованию, командор, я буду вынужден убить вас не сходя с места.

Глаза Рука вспыхнули, и он выпрямился во весь свой угрожающий рост.

— Ты, наглое насекомое, — прорычал он. — Неужели ты считаешь, что можешь ударить меня и не заплатить за это?

Вместо ответа Гримм быстро шагнул к нему и снова ударил. Рук попытался уклониться от удара, но руки Гримма оказались для него слишком быстры. И снова звук удара разнесся по коридору.

— Я могу это делать, когда мне заблагорассудится, сэр, — сказал Гримм все тем же ровным голосом. — Тащите меня в суд. Я с удовольствием расскажу судьям и общественности, что именно подвигло меня вас ударить. Вы будете прилюдно унижены. Если вы надеетесь сохранить хоть частичку своей репутации, у вас не останется выбора, кроме как вызвать меня на дуэль. А как вызванная сторона, я буду настаивать на Протоколе Смерти.

Рук немного отшатнулся от Гримма, как будто он открыл шкаф, чтобы достать сыр, а вместо этого обнаружил какую-то чешуйчатую дрянь.

— Ты не посмеешь. Даже если ты победишь, моя семья спустит с тебя шкуру.

— Я встану под флаги башни Олимпии, — произнес Гримм, — они будут рады заполучить меня. Пусть семейство Рук попробует начать свою игру с капитаном судна Олимпии. Как вы думаете, Гамильтон, ваш труп будет этого стоить?

Рук сжал кулаки.

— Это измена.

— Для офицера флота — да, — сказал Гримм, обнажая зубы. — Но не для обесчещенного одиночки вроде меня.

— Ты жалкое пустое место, — сказал Рук. — Мне нужно…

Гримм шагнул вперед, не разрывая зрительного контакта, заставляя Рука шагнуть назад.

— Что вам нужно, командор? — спросил он. — Говорить гадости у меня за спиной? Вызвать меня на дуэль? У вас недостаточно храбрости, чтобы взглянуть человеку в глаза,

прежде чем убить его. И мы с вами оба это знаем.

Рук сжал зубы, закипая.

— Я этого не забуду, Гримм.

Гримм кивнул.

— Да. Один из ваших многих чудесных недостатков, Гамильтон, в том, что вы забываете услуги, но помните обиды.

— В точку. У моего Дома хорошая память и длинные руки.

Гримм почувствовал, как волна ярости собирается снести его выдержку, но он подавил ее, позволив просочиться только в тембр голоса.

— Длинные руки? Так ты действуешь? Тогда имей в виду: если что-нибудь, не важно, насколько незначительное, произойдет с моими людьми или членами их семей — я буду считать ответственным тебя. В ту же минуту я обвиню тебя перед Адмиралтейством и Советом. И вызову на дуэль, где убью тебя и сброшу твое тело со шпиля, и не факт, что в таком порядке. Я достаточно ясно выразился, командор?

Рук сглотнул и отступил еще на полшага назад.

Гримм указал на него пальцем и сказал:

— Держитесь подальше от моего дома. Держитесь подальше от моей семьи. Доброго дня, сэр.

Затем капитан "Хищника" четко развернулся на каблуках и продолжил вышагивать к особняку.

Гримм не успел пройти и двух минут, когда тихий удивленный голос послышался из темноты неосвещенного бокового коридора.

— Что с тобой случилось, Мед? У тебя появилась частичка сдержанности. Я помню времена, когда ты бы сцепился с этим напыщенным придурком на главной площади хаббла среди бела дня.

Гримм хмыкнул и не замедлил шаг.

— У меня нет времени с тобой препираться, Баярд.

Небольшая худощавая фигура мужчины возникла из мрака и поравнялась с ним. Александр Баярд носил форму командора, почти такую же, как у Рука, может немного не так богато украшенную. К тому же она была гораздо более потрепанной. Баярд любил проводить время на борту, находясь на мостике своего флагмана, тяжелого крейсера "Бдительный", в то время, как Рук скрывался от ветров при первой же возможности.

— Да, — легко согласился Баярд. Невысокий мужчина начал шагать шире, чтобы поспевать за Гриммом. — Я слышал. У тебя на руках корабль, который едва держится на лету, и нет средств, чтобы его отремонтировать, так что я уверен, что тебе не терпится снова покинуть порт.

— Не заставляй меня вызывать тебя на дуэль, — сказал Гримм.

— А почему бы и нет? — сказал Баярд, добавляя живости своему шагу. У него были темные блестящие глаза и волосы, которые великолепным образом поседели задолго до срока. — Ты проиграешь, и ты знаешь об этом.

Гримм хмыкнул.

— Ты настоящий мастер насилия, мой гордый друг, — продолжил Баярд. — Но в твоем сердце нет льда и ни капли змеи в твоей крови. Чтобы выиграть дуэль со змеей, надо быть расчетливым, а ты всегда был нетерпелив.

Гримм понял, что улыбается.

— Вы только что назвали себя змеей, командор.

— А так и есть, — согласился Баярд. — Я гадюка, которая подстраивает все под себя.

Его улыбка немного поблекла.

— Боюсь, что именно поэтому я ношу форму, а ты нет.

— Не было смысла нам обоим отправляться в отставку, — ответил Гримм. — Ты знаешь, что я тебя не виню, Алекс.

— Тебе и не надо. Я с этим сам справляюсь. Что касается Рука… — Баярд пожал плечами. — Если дело дойдет до дуэли, я надеюсь, что ты выберешь меня своим секундантом.

— Мне кажется, что я вряд ли насколько отчаюсь, — сказал Гримм. — Хотя, если все остальные скажут "нет", я рассмотрю твое предложение.

— Отлично. Предупреди хотя бы за день, если не сложно. Моя любовница не поймет, если мне вдруг придется от нее внезапно убежать.

Гримм расхохотался.

— Никто из вас не состоит в браке, и вы встречаетесь только друг с другом уже… одиннадцать лет?

— Тринадцать, — гордо сказал Баярд.

— Бог на небесах. И, тем не менее, ты до сих пор настаиваешь на своей выдумке, что она твоя любовница. Зачем?

Мальчишеская улыбка расплылась по лицу Баярда.

— Потому что интрижка, старый друг, во много раз приятнее, чем пристойность. Такие вещи добавляют жизни остроты.

— Ты дегенерат, — сказал Гримм, но его улыбка стала шире, а ярость и раздражение, которые он чувствовал после встречи с Руком начали пропадать. — Как там Абигейл?

— Щеки розовые, глаза блестят, всем довольна, мой друг. Она передает сердечный привет.

— Передай ей мои теплейшие пожелания, — сказал Гримм. Он наклонил голову на бок и оглядел Баярда. — Спасибо, Алекс.

— Рук может исчерпать терпение архангела, — сказал Баярд, склонив голову. — У тебя еще остались друзья, Гримм. Не трать больше и секунды, беспокоясь об этом дураке.

— Я не считаю время, потраченное на взбучку ему, потраченным впустую.

Баярд рассмеялся густым теплым смехом.

— Я бы сказал, что многие согласятся.

Они достигли неосвещенного участка большого неиспользуемого тоннеля, где светящиеся кристаллы находились друг от друга дальше. Гримм положил руку на стену, чтобы идти практически вслепую.

— Ты ведь не случайно наткнулся на меня, когда мне нужен был подъем духа. Ты за мной следил.

— Безусловно.

— Зачем?

— Я считаю, что тебе надо переговорить со шпилеархом.

— Я к нему и направляюсь, — сказал Гримм.

— Вот как, — ответил Баярд. — Но понимаешь ли, он не в особняке. Он послал меня чтобы я тебя к нему привел.

Баярд резко остановился. Гримм практически сразу последовал его примеру. Тоннель

был полон шепчущих звуков: эхо их шагов, их голосов, далеких вздохов воздуха, идущего по вентиляции шпиля, и их дыхания.

Гримм так и не понял, какой крошечный звук или тень движения во мраке выдали засаду, его инстинкты просто закричали о том, что опасность рядом, и он выхватил меч с текучим шорохом обитой медью стали. Рядом, он скорее почувствовал, чем услышал, то же сделал Баярд, а затем что-то, какая-то тварь, закричала в темноте, и пушечное ядро вопящей раскаленной агонии рванулось к его груди.

Глава 8

Шпиль Альбион, хаббл Монинг, вентиляционные тоннели

У него не было времени среагировать, и не было места для замаха даже коротким прямым лезвием меча. Гримм упал под ужасным давящим весом и ткнул в него рукой, отпихивая что-то, что зашипело, начало плеваться и пустило ему кровь зубами и когтями. Тварь была, возможно, размером с крупного ребенка. Она отпрыгнула от него вверх и в сторону.

— Гримм!

— Я в порядке! — рявкнул Гримм, стремительно вскочив на ноги. Он сорвал куртку с плеч и быстро обернул ее вокруг левой руки.

— Коты?

— Думаю, нет. Ни один кот не издает таких звуков.

Воющий звук повторился с другой стороны туннеля.

— Их тут больше одного, — произнес Гримм.

— Спина к спине, — ответил Баярд, и Гримм вдруг ощутил, как жилистые плечи мужчины прижались к его лопаткам.

— Мне следовало дружить с более высокими людьми, — выдохнул Гримм.

— Прикуси язык, старина, или я перерублю тебе лодыжки.

Что-то снова зашевелилось в темноте, и тварь снова бросилась на Гримма. В этот раз он подставил руку, защищенную кожаным наручем, и почувствовал, как когти и зубы погружаются в него. Гримм испустил крик и крутанулся влево, ударяя тварью по каменной стене шпиля. Он продолжил вращательное движение правой рукой, направляя свое короткое лезвие в цель, в неведомую тварь, и почувствовал, как остро и глубоко вгрызается клинок. Булькающий вопль, не похожий на что-либо, что он слышал раньше, наполнил коридор, и в тоже время он услышал, как Баярд вскрикнул:

— Ха!

Рычащий крик раздался где-то за спиной у Гримма.

У Гримма не было времени повернуться к Баярду. Тварь бешено вырывалась, ее когти рвали руку Гримма даже через толстые слои выделанной кожи. Он наносил удары мечом так быстро и жестоко, как мог, молясь, чтобы не ошибиться в длине клинка во мраке и не проткнуть собственную руку. Он не видел ничего, кроме смутного силуэта, сопротивляющегося ему, но он чувствовал, как горячая кровь хлещет из ран, нанесенных его мечом.

Тварь издала еще один вопль и затем внезапно исчезла. Крики отражались с обеих сторон коридора, стихая по мере того, как они отступали. Гримм инстинктивно нашел Баярда, и удостоверился что он прижат к нему спиной в течении следующих нескольких мгновений. Оба они тяжело дышали. Раненая рука Гримма пульсировала и горела крайне неприятным образом.

— Трусы, — выдохнул Баярд мгновение спустя, когда стало ясно, что атака завершилась. — Проклятые трусливые твари.

— Точно, — сказал Гримм. — Разве нам не следует убегать?

— Безусловно, — подтвердил Баярд. — Но полминутки. Где-то тут у меня был свет.

Гримм нетерпеливо ждал, пока Баярд шуршал одеждой.

— А! — произнес он. — В жилете, я почти забыл.

Мгновение спустя появился тусклый источник бледно-голубого света, когда Баярд вытащил световой кристалл размером с ноготь из кармана и поднял его.

Тоннель выглядел неприглядно. Кровь, выглядевшая черной в бледном свете, была разбрызгана повсюду, больше вокруг Гримма, нежели Баярда. Сам Баярд практически не испачкался во время драки. Хотя его меч наполовину был темным от крови.

— Господи, ты бы себя видел, — произнес Баярд, приподнимая бровь, — да тут больше крови, чем есть в человеке.

Он перевел взгляд с Гримма на многочисленные брызги на стене.

— Честное слово, старик. Ты явно упустил свое признание в качестве мясника.

— Пробовал, — сказал Гримм, — но не справился. Пришлось довольствоваться флотом.

— Горечь тебе не идет, дружище, — сказал Баярд. Его темные глаза оглядывали коридор.

— Как твоя рука?

— Болит, — сказал Гримм. — Я не буду разворачивать куртку, пока мы не доберемся куда-нибудь, где есть бинты.

— Тогда нам лучше не торопиться, — сказал Баярд. — Было бы довольно забавно смотреть, как твое сердце выкачивает всю кровь во время бега, но боюсь Абигейл рассердится на меня. Она может отвергать мою заботу несколько часов. Даже дней.

— Мы не можем этого допустить, — сказал Гримм. Он стряхнул столько крови, сколько смог с лезвия меча, а затем, скривившись, вытер его о штанину, которая еще не была пропитана этой гадостью. Он вернул оружие в ножны как раз, когда Баярд наконец вытер меч чистым платком и предложил его Гримму.

— Тебе следовало сказать что-нибудь, — прорычал Гримм.

— Этот костюм в любом случае испорчен.

Гримм сердито уставился на него и открыл рот, чтобы еще что-то сказать, когда Баярд резко качнулся в сторону и начал падать.

"Нет, все было совсем не так" — подумал Гримм. Баярд стоял совершенно неподвижно. Его друг не падал — Гримм упал. Он рассеяно ощущал холод каменного пола под щекой. Губы Баярда шевелились, но слова, казалось, уходят на несколько сотен ярдов дальше по тоннелю, и он совершенно не мог их понять. Гримм попытался положить руку под себя и подняться вверх, но конечности не двигались.

— Черт возьми, — пробормотал Гримм. — Это довольно неловко.

Баярд наклонился и близко заглянул в лицо Гримма. Последнее, что помнил Гримм, — это ощущения момента, когда его подняли на тонкие жилистые плечи Баярда,

Гримм открыл глаза в теплой сумрачной комнате. Потолок был сделан из затвердевшей глины — одного из наиболее распространенных строительных материалов для небогатых домов в башне Альбиона. Он не был окрашен в белый цвет, вместо этого его покрывали красочные и довольно причудливые росписи, которые выглядели так, словно их сделал чрезвычайно восторженный ребенок. Это не имело смысла: вроде бы случайные

изображения дирижаблей, солнца, каких-то странных растений, лишь частично напоминавших деревья, и изображение луны, которая была слишком большой по отношению к солнцу напротив. Странные существа занимали то же пространство, ни одно из них не знакомо Гримму, хотя он, возможно, видел некоторых из них в самых фантастических детских книжках.

Комната освещалась десятками и десятками крошечных, почти мертвых световых кристаллов, собранных в банки из прозрачного стекла. Их свет был призрачным, четко освещал все вокруг, при этом, казалось, возникал из ниоткуда. Комната была маленькой и скромной, с ученическим столом и маленькой переполненной книжной полкой. Он лежал на кровати из сплетеных веревок с тонким матрасом, наваленные на него одеяла грозили скорее задушить его, чем удержать в тепле.

Он начал расталкивать их в стороны, и только тогда обнаружил, что его левая рука прибинтована к груди. И рука и грудь были обмотаны, как показалось ему, совершенно неуместным количеством бинтов. Они не были белыми. Вместо этого они представляли собой широкий спектр любых цветов и тканей, какие можно представить. На одной из лент маленькие розовые сердечки перемежались с яркими желтыми солнышками.

Гримм сел, морщась от боли в руке. Похоже, у него было еще много порезов на груди, которые тоже были покрыты бинтами, да еще и какой-то вонючей обеззараживающей мазью. Он не мог вспомнить, как получил эти меньшие раны, но в бою это было не удивительно. Во рту у него обосновался мерзкий привкус, а горло горело от жажды. На тумбочке у кровати очень кстати стояли кувшин и кружка, и он налил себе полную кружку воды и осушил ее трижды, прежде чем его тело начало расслабляться.

Кто-то постучал в дверь и открыл ее. Гримм поднял глаза и увидел, как в комнату вошла молодая женщина. Она была одета… не то, чтобы неряшливо, решил он, но скорее случайным образом. Ее серая рубашка была сшита из эфирного шелка, залатана в нескольких местах и выглядела так, будто шили ее на мужчину фунтов на двести тяжелее, чем она. Хотя рубашка была достаточно длинной, чтобы служить платьем, под ней она носила зеленый сарафан с шуршащими юбками, которые доставали до пола. Когда она подошла к нему, он увидел, что вместо туфель у нее были чулки с зелеными и белыми горошинами на одной ноге и с оранжевыми и фиолетовыми полосами на другой.

На ней был фартук, но он выглядел сделанным из кожи и был прожжен в нескольких местах, скорее атрибут кузнеца, чем кухонная одежда. Ее волосы были выкрашены в белый и малиновый цвета, а затем заплетены в косички так, что стали похожи на мятные леденцы. Одна линза в ее очках была розовой, вторая зеленой, а лента на ее цилиндре, который был ей велик, почти разрывалась от заткнутых за нее сложенных листов бумаги. Она носила ожерелье, с которого свисал стеклянный сосуд, наполненный почти выгоревшими световыми кристаллами, а в руках она несла накрытый поднос.

— О, — сказала она, остановившись. — Он проснулся. Боже. Это было неожиданно.

Она склонила голову, глядя на него сначала сквозь одну, потом сквозь другую линзу очков.

— Вот, видите? Он в порядке. Он не безумен. Разве только сумасшедший. Я бы знала.

Она поставила поднос на небольшой столик у стены и прошептала:

— Должны ли мы сказать ему, как неприлично для джентльмена не надевать рубашку в присутствии молодой леди? Не то чтобы нам не нравился вид, потому что он довольно мужественный, но кажется, кто-то должен сказать об этом.

Гримм глянул на себя и, нащупав одеяла, потянул их вверх рукой.

— Ах, пожалуйста, простите, юная леди. Мне кажется, я потерял рубашку.

— Он думает, что я леди, — сказала она, и заулыбалась. — Это довольно необычно, по моему опыту.

Гримм мучительно задумался над правильным ответом в таких обстоятельствах и не придумал ничего лучше, чем спросить:

— Называться леди?

— Думать так, — сказала девушка. — Итак, вот немного свежего супа, он не очень на вкус, но он должен съесть его целиком, так как яду он не нравится сильнее.

Гримм моргнул.

— Яду?

Девушка повернулась к нему и подошла достаточно близко, чтобы положить руку на лоб.

— Ох. У него снова лихорадка? Нет, нет. Ох, хорошо. Возможно, он просто недотепа. Бедняжка.

Прежде чем она смогла отвернуться, Гримм поймал её запястье.

Дыхание девушки… нет, решил он, девочки, казалось, застряло в горле. Её тело напряглось, и она выдохнула:

— Ох. Надеюсь, он не решит причинить мне вред. Он довольно хорош в этом. Ушла вечность, чтобы отмыть всю кровь.

— Дитя, — тихо сказал Гримм. — Посмотри на меня.

Она резко замерла. После секундного молчания она произнесла:

— О, я не должна.

— Посмотри на меня, девочка, — сказал Гримм мягким, спокойным голосом. — Никто не причинит тебе вреда.

Девочка кинула на него очень быстрый взгляд. Он увидел только блеск её глаз за стеклами очков. Один был ровного серого цвета. Другой — бледного яблочно-зеленого. Она дрожала и казалась ослабевшей, её запястье обмякло у него в руке.

— Ох, — она вздохнула. — Это так грустно.

— С кем ты разговариваешь, дитя?

— Он не знает, что я говорю с вами, — сказала девочка. Кончики её пальцев потянулись к кристаллам в маленькой бутылке, висящей у неё на шее.

— Как он может слышать меня и при этом не понимать таких простых вещей?

— А, — сказал Гримм и медленно и аккуратно отпустил запястье девушки, будто выпуская хрупкое тельце птицы. — Ты эфиромант. Прости меня, дитя. Я не понял.

— Он думает, что я мастер, — сказала девочка, склоняя голову и краснея. — Как он может быть одновременно так умен и так глуп? Это должно быть очень больно. Он желает нам добра, бедняжка. И он в сознании, двигается и бодр. Нам надо сказать мастеру, что, похоже, он выживет.

С этими словами девочка выбежала из комнаты, кивая собственным мыслям, а ее тихое бормотание будто бы повисло на мгновение в комнате после её ухода.

Гримм покачал головой. Кем бы ни была эта девочка, она уже довольно долго ходила в учениках, несмотря на ее кажущуюся молодость. Все эфироманты были чудаковатыми, и с возрастом это проявлялось ещё сильнее. Некоторые были гораздо чудаковатее остальных. Это дитя было столь же странным, что и другие эфироманты, которых ему довелось

встречать.

Он подошёл к подносу и снял крышку. На нем была миска с супом, несколько лепешек и ложка, которая могла показаться скромной, не будь она сделана из тёмного блестящего дерева. Он попробовал суп, готовясь к горечи, характерной для всех лекарств, но к своему удивлению обнаружил, что он хоть и оказался пресным, но довольно приятным.

Он подвинул стул, присел к столу и проглотил суп вместе с лепешками и еще двумя стаканами воды. К тому времени, как он закончил, он уже чувствовал себя почти человеком. Он заметил невзрачный халат, который, похоже, оставили для него, и умудрился накинуть его одной рукой и завязать на поясе.

Не успел он с этим покончить, как что-то глухо ударило в дверь его комнаты.

— Ой, — послышался мужской голос. — Разрази тебя гром.

Щеколда несколько раз дернулась, и мужчина выдохнул нетерпеливым тоном.

— Фолли.

— Он не пытается вас обидеть, сказала девочка извиняющимся тоном. — Он просто слишком гениален для вас.

Дверь открылась, и девочка спешно отступила, не встречаясь взглядом с Гриммом.

В комнату вошел мужчина, держа платок у носа, из которого, похоже, шла кровь. Он был худощавым, если не считать небольшого брюшка, по сравнению с которым конечности его выглядели непропорционально, почти паучьими. Его волосы выглядели, как грязная серая мочалка, а лицо покрывала редкая белая щетина. Одет он был в костюм сдержанных серых и коричневых тонов, уже лет двадцать как вышедший из моды, и большие мягкие тапочки, сшитые из какого-то зверя с полосатым черно-зеленым мехом. Слишком старый, чтобы быть среднего возраста, слишком молодой, чтобы казаться престарелым, у мужчины были глаза такого пронзительного голубого цвета, какой Гримму приходилось видеть только в осеннем небе высоко над дымкой. Мужчина шел, опираясь на деревянную трость, навершием которой служил, похоже, кристалл от легкой корабельной пушки. Он был размером с кулак.

— А! — сказал он. — Ага! Капитан Гримм, добро пожаловать, добро пожаловать, так приятно, наконец, поговорить с вами, когда вы не в бреду.

Он скосил глаза на девочку и пробормотал в ее сторону:

— Он ведь уже не бредит, верно?

Девочка покачала головой, не отрывая широко раскрытых глаз от пола.

— Нет, мастер.

Гримм был совсем не уверен, как вежливо ответить на такое приветствие, но он вышел из положения слегка поклонившись.

— Мы раньше не встречались, сэр. Боюсь, у вас передо мной преимущество.

— Да, мы встречались, завтра, — сказал старик. — И нет, вы не боитесь, а последнее, пожалуй, может стать темой для дискуссии. Как думаешь, Фолли?

Фолли закусила губу и прикоснулась к сосуду с кристаллами.

— Он не понимает, что капитану Гримму довольно неудобно, потому что он не знает ничьих имен.

— Неправда! — убежденно заявил эфиромант. — Полагаю, он знает свое имя и, по крайней мере, одно из твоих. У него были секунды и секунды, чтобы отправить эти знания в память. Разве что, конечно, он по-прежнему бредит.

Старик скосил глаза на Гримма.

— Вы уверены, что вы в своем уме, сэр?

— Временами меня самого это интересует, — ответил Гримм.

Что-то очень юное и полное озорства замерцало в глубине глаз эфироманта, и он широко улыбнулся.

— Ах. Ах! Сдержанный человек, либо фальшивый настолько, что это кажется правдой, либо правдивый настолько, что это кажется абсолютной ложью. Я понимаю, почему Баярд так хорошо о вас отзывался, сэр.

Старик коснулся концом трости пола далеко с стороне и с танцевальным изяществом склонился в сложном поклоне.

— Я — Эфферус Эффренус Ферус, к вашим услугам, сэр. А это — Фолли.

— Фолли, — повторила девочка и присела в реверансе в сторону дальнего угла.

— Свитера, — рассудительно сказал Ферус. — Свитера, милая. И две пары носков, одни шерстяные. О, и принеси мне шляпу не больше шестого размера и затем замочи её в уксусе.

Девочка снова сделала реверанс и поспешила из комнаты.

Ферус лучезарно улыбнулся.

— Такое милое дитя. И она всегда отлично запоминает. Так вот, капитан. — Он повернулся к Гримму. — У вас есть вопросы, у меня — ответы. Проверим, совпадают ли они?

— Пожалуйста, — сказал Гримм. — Я, похоже, ваш гость. Должен ли я поблагодарить вас за заботу?

Ферус опустил плечи с очевидным разочарованием.

— Судя по всему, они не совпадают. Я собирался сказать "клубника".

Он сжал губы и покачал головой.

— Вы не очень хороши в этой игре, капитан.

— Я так понимаю, что вы мне помогли, сэр.

Ферус махнул рукой.

— Осмелюсь сказать, Баярд сделал для вас больше, чем я. И вместе с тем… да, я был вынужден использовать свои умения в ваших интересах.

— Умения, сэр?

Эфиромант кивнул.

— Сегодня я врач, лечащий болезнь, с которой практически никто не сталкивается. Спроси вы меня двадцать лет назад, я бы сказал вам, что это кажется очень сомнительным долгосрочным вложением с малой вероятностью коммерческого успеха. Но вот как все сложилось.

Гримм понял, что улыбается.

— Конечно. Так все сложилось. Спасибо вам за помощь.

Старик просиял и забарабанил кончиком трости по полу.

— Именно, именно. Какая бы зверушка не попыталась вас съесть, она много чего опасного оставила в вашей крови — как невежливо, сэр, как невежливо и очень нечестно.

— Яд? — спросил Гримм.

Ферус покачал головой.

— Да. На самом деле нет, даже близко нет, но на данный момент скажем, что да.

Гримм нахмурился.

— Э. Ммм. Я в опасности?

— Да вы мертвы, как камень, молодой человек!

— Мертв?

— Да. На самом деле нет, даже близко нет, но на данный момент скажем, что да. — Феррус кивнул на его руку. — Ты все запутал. Мне надо проверить твою рану, чтобы удостовериться, что я тщательно поработал. Не возражаешь?

— Нет, — сказал Гримм. — Полагаю, что нет.

— Отлично, — сказал Ферус. Затем он встал и вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Мгновение Гримм стоял нахмурившись. Затем он покачал головой и начал садиться обратно.

— Эй! — крикнул Ферус из коридора. — Нет, прекратите двигаться, молодой человек! Как я по-вашему я могу что-то увидеть, если вы джигу пляшете по всей комнате?

Гримм замер на месте.

— А. Так… так лучше?

— Ты выглядишь довольно нелепо в таком полуприседе. Ты случайно не в туалет сходить собрался?

Гримм вздохнул.

— Нет.

— И постарайся не сходить, пока я не закончу.

— Э, господин Ферус. Могу я спросить, как именно вы меня осматриваете? Вы ведь не можете оттуда видеть рану?

— Неверно! — сказал Ферус. — Отсюда я вообще кроме нее мало, что вижу. Ну вот, готово, я славно постарался, раз уж сам так сказал.

Шаги прошуршали по полу до двери и нерешительно замерли, возможно, в футе от нее.

Дверная ручка снова часто задергалась и замерла.

— Вот досада, — сказал Ферус. — Проклятая штука. Зачем ты надо мной издеваешься?

Гримм пересек комнату и открыл дверь.

Ферус выдохнул.

— Спасибо, молодой человек, спасибо. Будь я в вашем возрасте, я бы с легкостью выучил этот трюк, но, видите ли, разум… Он немного зачерствел.

— Это меньшее, что я могу сделать, — сказал Гримм.

— Неверно! — провозгласил Ферус. — Меньшим, что вы можете сделать, будет ничего. Боже, надеюсь, вы умнее, чем кажетесь. Мы действительно не можем тратить время на ваше обучение, капитан.

— Нет? — спросил Гримм. — И почему же нет?

И в одно мгновение старик изменился.

Его ранее оживленный голос стал тихим и ровным. Что-то изменилось в его плечах и походке, создавая ощущение абсолютной уверенности и силы, которые сильно шли вразрез с его безобидным телосложением. Но больше всего изменились глаза: искорки в них преобразились, выделившись в сдержанный огонь, который встретился со взглядом Гримма без расчета или слабости.

Гримм неожиданно понял, что перед ним стоит очень опасный человек.

— Потому что, Френсис Мэдисон Гримм, мы подошли к концу, — сказал мастер Ферус.

— Концу? Чего?

— Начала конечно, — сказал эфиромант. — К концу начала.

Глава 9

Шпиль Альбиона, хаббл Монинг

— Не могу поверить, что ты на это согласен, — сказала Гвендолин Бенедикту. Она старалась говорить вежливо и спокойно.

Кузен взглянул на нее и отодвинулся на полшага, пока они вместе шли к месту дуэли.

— Да ладно, — продолжила Гвендолин, не пытаясь больше скрыть раздражение, — ты просто издеваешься надо мной.

Бенедикт слегка улыбнулся.

— Роул очень настаивал.

— Роул, — сказала Гвендолин, — это кот, Бенедикт.

— Ты когда-нибудь пыталась не дать коту сделать, что ему хочется? — спросил ее Бенедикт.

— Нет, конечно, нет. В Доме Ланкастеров нет котов.

Бенедикт резко засмеялся.

— Ты опять за свое.

Гвендолин ощутила, как тепло приливает к лицу.

— Я там ни одного не видела, — продолжила она, будто он ее вовсе не прерывал. — Вопрос в том, Бенни, что если я провела всю свою жизнь, считая, что они не многим больше, чем умные звери, можешь быть уверен, что многие считают так же.

— И?

— Все уже знают. Все в хаббле будут сегодня смотреть на эту дуэль. Это будет первый раз за многие поколения, когда Дом Тагвиннов привлек к себе внимание Высших Домов. Можешь себе представить, что они будут говорить о Бриджит и ее отце, если она появится с чертовым котом вместо секунданта?

— Могу, — сказал Бенедикт раздражающе спокойным голосом. — Да, вполне.

— Ну и что это значит? — вопросила Гвен.

— Честное слово, кузина, я знаю, что ты все еще рекрут, но не могу же я тебе все объяснять. Ты видела все тоже, что и я. У тебя такое же образование, как у меня. У тебя отличный ум, я хотел сказать, когда ты все же удосуживаешься применять его в помощь своему нраву. Используй его.

Гвен усмехнулась.

— Я использую. Он говорит мне, что сегодня имя Тагвиннов в опасности, — сказала она. — И оно в таком положении из-за моей глупости, и мы не можем позволить им пострадать из-за моей ошибки.

— Да, — сказал Бенедикт. — Все верно. Но подумай на шаг вперед. Каковы последствия сегодняшнего дня?

Гвен на мгновенье сжала губы, прежде чем заговорить.

— Если она проиграет дуэль, Тагвинны станут одновременно посмешищем и очень заметной целью для финансовых махинаций. По меньшей мере, может пострадать их доход. Возможно, один из Домов попрожорливее с интересами на этом рынке, найдет способ выкупить их чановую или выжать их из бизнеса.

— Верно, — сказал Бенедикт. — А если она победит?

— Тут последствия будут гораздо хуже, — сказала Гвен. — Если она уделает Реджи, она навлечет на себя гнев крупного Дома. "Может" и "возможно" превратятся в "пострадает" и "точно".

Бенедикт кивнул.

— Дом Тагвиннов, Дом Асторов, да, ты все сложила верно. — Он задумался. — Ну, по крайней мере, две трети всего.

— В каком смысле "две трети"?

Он поднял указательный палец.

— Ты учла Тагвиннов.

Он поднял следующий палец.

— Ты учла Асторов.

Он оттопырил большой палец.

— А как насчет котов?

Гвен нетерпеливо вздохнула… и задумалась.

— В Доме Ланкастер действительно есть коты? — спросила Гвен. — И я просто их никогда не видела?

Бенедикт развел руками, показывая, что ответ очевиден.

— Но… я так понимаю, это не обязательно означает, что они не видели меня.

— Ага, — сказал Бенедикт довольным тоном. — Просветление наступило.

Гвен пару шагов обдумывала это.

— Они действительно настолько умны? Я знаю, что они умные звери, но…

— Всегда очень полезно, чтобы другие считали тебя не таким умным, как ты есть, — сказал Бенедикт радостным голосом. — Особенно хорошо работает против тех, кто не так умен, как ты.

Гвен моргнула.

— Господи.

— Я должен признать, что не обдумывал эту ситуацию тщательно до встречи с Роулом, — сказал Бенедикт. — Это всего лишь теория, кузина, но она звучит убедительно.

— И… и ведь верно? — сказала Гвен. Она удивленно взглянула на Бенедикта. — Тебя никогда не выделяли за твою политическую хватку, Бенни. Большая часть Домов считает тебя отдалившимся незаинтересованным наблюдателем, не политической фигурой.

Ее кузен выглядел обиженным.

— И пусть в их глазах все так и останется, если ты не возражаешь, — сказал он. — Политика удел подлецов, тиранов и дураков.

Я ограничиваюсь наблюдением потому, что не хотел бы стать их жертвой.

Гвен хмыкнула.

— Твой секрет останется при мне, — пообещала она. — Вот ведь.

Его желудок издал бурчащий звук, и Гвен улыбнулась.

— Голоден?

— Я поел, — ответил он.

— Ты рожден воином, Бенни, — твердо сказала Гвен. — Твоему телу нужно больше энергии. В этом нет ничего плохого.

Он сжал губы и его кошачьи глаза стали отстраненными. Гвен мысленно вздохнула. Она знала, как сильно Бенни не нравилось, что он родился другим, и те лишения, на которые он шел, чтобы скрыть эти различия. Она знала, что он никогда не двигался так быстро или в полную силу, как он мог, во время бега или боевой подготовки. Он носил световые кристаллы и использовал их в темных частях хаббла, несмотря на то, что его кошачьи глаза в них не нуждались. Он питался по жесткому графику в гвардейской столовой, проглатывая ровно такую же порцию, как и остальные рекруты, несмотря на то, что он может в

буквальном смысле умереть с голоду на диете, которая была более чем адекватна для кого-либо другого. "Бенни замечательный, милый идиот," — подумала Гвен.

— Мы поедим перед дуэлью, — решительно сказала она. — Пошли со мной.

— Гвен, — запротестовал он.

— Я голодна, — легко соврала она, — И ты ведь не будешь настолько груб, чтобы заставить леди есть в одиночестве? Пошли.

Бенедикт нахмурился.

— У меня нет с собой денег.

— У меня их много, — бодро сказала Гвен. — Пошли.

— Честно говоря, Гвендолин, — пробормотал он. — Ты просто не понимаешь намеков.

— О, я отлично с этим справлюсь, кузен, — беззаботно сказала она. — Просто в настоящий момент я этого не делаю. Возьмем твоих любимых пирожков?

Желудок Бенедикта заурчал громче.

Он посмотрел на неё.

— Это жульничество.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — сказала Гвен и улыбнулась ему улыбкой, которую ей нравилось считать фирменной, со сжатыми губами. Она заговорила сквозь зубы:

— Пошли. Сейчас же.

Бенедикт мгновение сердито смотрел на неё, потом вздохнул.

— Ты будешь настаивать?

— Я — леди Дома Ланкастеров, Бенни. Ты — джентельмен Дома Сореллинов Ланкастеров. Мне не придется это делать.

Она улыбнулась. Решительно. Бенедикт закатил глаза, вытащил из кармана белый платок и взмахнул им.

— Сдаюсь.

Гвендолин просияла.

— Достойно похвалы.

Маленькая лавочка, в которой грузная седовласая пара по фамилии Бич готовила горячую еду на заказ, находилась в стороне от центральной рыночной площади, за пределами торгового круговорота и пешеходных маршрутов. Торцы других лавок образовывали небольшую полукруглую нишу, где были установлены несколько столиков со стульями, создавая впечатление уединенности.

Гвен подошла к лавке, но никого не увидела.

— Эй? — позвала она. — Мы пришли пообедать.

— Мы еще не совсем готовы, — донесся голос изнутри лавки.

— Так подготовьтесь, — с нажимом ответила Гвен. — Я с радостью заплачу за ваше беспокойство.

Из глубины лавки раздался вздох, а затем пожилой мужчина, с бровями толщиной с его же запястья, появился из кладовки в дальнем конце. Мистер Бич моргнул, глядя на Гвен и затем сказал:

— Мисс Ланкастер? Не ожидал вас в этот час. Что вы здесь делаете?

— Обеспечиваю вам дневную выручку, — сказала Гвен, улыбаясь и роняя кошель с монетами на прилавок. Он привлекательно зазвенел. Ни звон монет, ни её улыбка не вызвали неудовольствия торговца.

— Мне срочно нужен один из ваших пирожков.

— Легко, мисс, уже готовлю. А для вас, молодой сэр

— Две штуки того же, — твёрдо сказала Гвен.

— Кузина, — запротестовал Бенедикт. Это был, подумала Гвен, определённо жалкий протест, подпорченный ещё одним урчанием из его живота.

— Уже бегу, мисс, — сказал мистер Бич и повернулся к своей печи, где поджидала сковорода с маслом, и достал несколько сосисок из холодильного шкафа. Миссис Бич появилась из дальней части, усердно помешивая тесто, её седые волосы были подвязаны платком. Она бросила немного муки на доску и выложила на неё тесто, чтобы начать его месить быстрыми уверенными руками.

— И я не желаю слышать никаких возражений от тебя, Бенедикт. — сказала Гвен с саркастической улыбкой. — Вернее, от твоего желудка, по крайней мере час или два. По правде говоря, такое урчание и бурление не подобает Ланкастеру.

Бенедикт снова закатил глаза, но уголки его губ насмешливо приподнялись.

— К счастью для меня, я не настолько ограничен как ты, бедная, чистокровная Ланкастер, родство с Сореллинами расширяет мой интеллектуальный, эмоциональный и художественный кругозор.

— Что это? — спросила Гвен, приложив ладонь к уху и слегка повысив голос. — Уверена, что не расслышала тебя из-за урчания в животе. Звучало почти, как если бы ты ставил под сомнение полное и несомненное превосходство дома Ланкастеров.

Улыбка Бенедикта стала шире.

— Отправляйся играть со своими кристаллами и предоставь остальным заниматься реальной работой, а?

— Как не стыдно, сэр, — сказал мистер Бич, глядя на Бенедиикта из под кустистых бровей, поблескивая глазами от удовольствия, — говорить так о семье молодой мисс.

Гвен торжествующе улыбнулась Бенедикту.

— Вот видишь? У Ланкастров есть поддержка народа.

Бенедикт рассмеялся.

— Вы на ее стороне, только потому, что она платит.

— Молодой господин умен, — прокомментировала миссис Бич.

— Ага, умен, умен, — согласился старик, когда Гвен отсчитала щедрое количество монет ему в ладонь. Она показала язык Бенедикту и бодро сказала:

— Большое спасибо вам обоим.

Мужчина средних лет, похожий с виду на книжного червя, вошел в нишу, бормоча.

— …просто не понимаю, как это будет работать.

Его одежда, хоть и добротная, была измята и в беспорядке, а его фиолетовый жилет казался ужасным оскорблением вкуса на фоне однотонной коричневой шерсти его пальто и брюк. Его волосы были каштановыми и чрезмерно отросшими, с проглядывающими седыми прядями, а его руки с длинными пальцами были ухоженными. Он писал в журнале ручкой, украшенной светящимся кристаллом, и в процессе бормотал себе под нос.

— Добрый день, мистер и миссис Бич, — сказал он, не поднимая головы. Он прикрылся рукой, зевая, и снова продолжил писать. — Двойную порцию фирменного и немного кофе, если можно. Крепкого и черного.

Ручка мелькала по странице, выводя строчку символов, которые Гвен не смогла опознать.

— Доброго дня, Эдди, — сказал мистер Бич с теплотой в голосе. — Снова всю ночь на

ногах?

— Боюсь, это проклятие академического склада ума, — ответил мужчина. — Тысячи разнообразных способов обдумать все те же бесполезные вещи.

Он не прекращал писать, пока говорил и врезался в Гвен углом журнала.

— Ах, простите меня, сэр.

— Сэр? — переспросила Гвен начальственным тоном.

— Да? — спросил Эдди, размашисто заканчивая стоку и начиная следующую.

Гвен прочистила горло, довольно очевидно намекая, что ожидала прямого взгляда.

— Выкладывай, приятель, — сказал Эдди. — Если тебя что-то беспокоит, просто скажи об этом! У меня слишком мало времени, чтобы ходить вокруг да около!

Глаза Гвен сузились и приобрели стальной отблеск. Как смеет этот человек быть настолько неуважителен к леди? И уж в особенности, к леди Дома Ланкастер?

— Кузина, — быстро сказал Бенедикт, кладя руку ей на плечо.

Она стряхнула ее.

— Секундочку, кузен — сказала Гвен. — Передо мной стоит чудовищная дилемма.

— Но…

— Бенедикт, — проговорила Гвен своим добрейшим, сладчайшим голосом.

Бенедикт скривился и сделал маленький шаг назад.

Эдди, если его действительно так звали, все еще писал, практически полностью игнорируя ее. Непростительно!

— Мммм? — отсутствующе спросил он. — Дилемма?

Голос Гвен звучал холодно и четко.

— Ограничиться ли гневным выговором такому грубияну или принять это как оскорбление и потребовать сатисфакции, на которую у меня есть право.

Эдди несколько раз моргнул и только затем посмотрел на Гвен.

— Ну надо же. Серьезно? Требовать сатисфакции? — Веселье сквозило в его словах, будто он еле сдерживал смех. — Вы собираетесь вызвать меня на дуэль?

— Сначала я узнаю ваше имя, сэр, — отрезала Гвен.

— А оно имеет значение? — спросил Эдди.

— Конечно имеет, — сказала Гвен. — Я хочу знать, какой Дом настолько небрежен, что позволяет одному из своих людей разгуливать по хаблу Монинг, имея меньше такта, чем бог козе подарил.

— Козы на самом деле очень милые и уравновешенные существа, — спокойным тоном ответил Эдди, — и они редко нарываются на дуэли. И уж точно не после ночной смены.

Он вздохнул.

— Мисс, разве важно мое имя?

— Что? — спросила Гвен.

— Мое имя, — сказал Эдди. — Не мне ли принадлежат мои деяния? Должно ли иметь значение, принадлежу я к низшему Дому или высшему? Я оскорбил бы вас сильнее, будучи обычным горожанином или одним из аристократов?

Гвен несколько раз моргнула. Его вопросы были настолько странными, что с тем же успехом могли быть произнесены на другом языке. Затем она сказала,

— Конечно важно, я приняла вас не за простолюдина по вашей одежде, сэр, но если вы простолюдин, то не могу же я критиковать вас за отсутствие манер, когда вы не получили никакого образования в этом вопросе.

Эдди резко склонил голову на сторону и его темные глаза заблестели.

— Вы бы сочли меня более виноватым, принадлежи я к знати?

— Конечно, — сказала Гвен. Ее тон намекал, что этот мужчина идиот. — Протокол общения между членами Домов — это стандарт, по которому полагающееся уважение выражают равным, уважение, которое сдерживает Дома от распрей и гражданской войны. Ваш долг — достойно себя вести, сэр. От тех, кому многое дано, ожидают многого. И я, конечно, ожидаю большего от вас.

Улыбка медленно расползлась по лицу Эдди.

— Как интересно. — Он взглянул мимо Гвен на двух лавочников. — Долго еще?

Мистер Бич уже собирался снимать медную решетку с нагретого масла и начал выкладывать пирожки на квадратные салфетки.

— Уже готово.

Эдди кивнул ему и повернулся к Бенедикту.

— Хорошо, — сказал он. — Не будете ли вы так любезны, представить меня своей кузине, сэр? Думаю, она мне нравится.

Гвен несколько раз моргнула.

— Прошу прощения?

Бенедикт глубоко вздохнул и окинул Гвен раздраженным взглядом.

— Кузина, — произнес он. — Тебе действительно следует научиться время от времени закрывать рот. Реже придется кусать локти.

Поправив куртку, он поклонился и сказал:

— Гвендолин Маргарет Элизабет Ланкастер, дочь лорда-министра и леди Ланкастер, я… с превеликим удовольствием… представляю вам Его Высочество Эддисона Орсона Магнуса Джеремайю Альбиона, первого гражданина и Правителя Альбиона.

Гвен уставилась на Бенедикта в секундном шоке.

Её желудок оторвался от всех остальных органов и упал в какую-то невообразимую пропасть.

Она медленно перевела взгляд на любезно улыбающегося шпилеарха. Затем её лицо начало очень быстро краснеть.

— Мисс Ланкастер, — сказал Правитель с небольшим, довольным поклоном. — Каким неповторимым удовольствием было познакомиться с вами.

Гвен уставилась на него, шокированная.

— Вы не… не похожи… на свой портрет.

— Я был моложе и гораздо злее, когда его писали, — ответил он. — Я нисколько не виню вас, мисс Ланкастер. Полагаю, я не посещал общественных собраний с тех пор, как вы были маленьким ребенком. У вас не было ни малейшей причины меня узнать.

— Я… я просто… с-сир, — промямлила Гвен. Она почувствовала, как руки дернулись, и могла только предполагать, что это бесконечные часы заучивания протокола отпечатали нужные движения в самих нервах. Он легко подхватил ее руку и наклонился над ней.

— Юная леди, вы так же красивы, как ваша мать, когда она была в вашем возрасте. А, завтрак! Или обед. Возможно, обедавтрак, — сказал Правитель, когда Бичи принесли свежие пирожки и стаканы с охлажденным соком на подносе. — Не составите ли вы двое мне компанию?

— Я… мы… — Гвен бросила на Бенедикта довольно отчаянный взгляд.

Бенедикт помедлил, чтобы улыбнуться ей и, поняла она, насладиться выражением ее

лица. Было ясно, что он наслаждался ситуацией с совершенно садистским удовольствием.

— С превеликим удовольствием, сир, — ответил он.

— Отлично! — сказал правитель. — Вон там отличные столики, как мне кажется.

Он поднял поднос и в то же время ловко положил на прилавок монеты за свои пирожки. Он наградил Гвен вежливой улыбкой и кивком в верном направлении. — Дамы вперед?

Гвен медленно выдохнула и сказала Бенедикту:

— Я совершеннейшая идиотка.

И пошла к столикам.

Правитель поднял бровь и взглянул на Бенедикта.

— На гвенском это значит "я прошу прощения", — услышала Гвен у себя за спиной его спокойный голос. — После вас, сир.

Они принялись за еду в неловком молчании, которое вскоре переросло в довольное

— Честное слово, они великолепны, — выдохнул Бенедикт. Он очевидно пытался сдерживаться, но столь же очевидно не мог поделать ничего, кроме как запихивать пирожки в рот целиком. Его еда исчезала огромными кусками.

Гвен только что нанесла чудовищное оскорбление монарху шпиля Альбион. Она чувствовала себя так будто то, что она съела утром за завтраком, готово вырваться наружу, и едва прикоснулась к своему пирожку.

— Еда здесь гораздо лучше того, что я могу получить в особняке и при этом не ждать часами, — признал Правитель. — Бичи переехали из хабла Лэндинг десять лет назад. Я предложил им место среди моей прислуги, но они предпочли прокладывать свой путь. Мне это по нраву.

Бенедикт кивнул, но жевать не прекратил.

— Итак, мастер Сореллин, — сказал Правитель. — Я удивлен видеть, что вы вернулись в этом году, после того, что случилось прошлой весной.

Бенедикт пожал плечами.

— Шрама почти не осталось.

— Жаль, — сказал правитель, глаза его заблестели. — Мне говорили, что дамы от них без ума.

Гвен вскинула брови.

— Бенни? О чем он говорит?

Бенедикт внезапно стал выглядеть смущенным и сфокусировал взгляд на еде.

— Бенедикт отслуживал год в страже, — сказал Правитель. — Я послал его с небольшой группой вниз в хаббл Райзен отследить пропавший груз орудийных кристаллов. Воры, у которых они были, отказались сдавать добычу.

Глаза Гвен расширились.

— Ты участвовал в бою?

— Это был не бой, — быстро ответил Бенедикт. — Просто стычка за проход в их укрытие. Вряд ли стоит упоминания.

— Стычка, в которой был тяжело ранен гвардеец, — сказал шпилеарх — И в которой ваш кузен убил двух вооруженных людей, которые лупили его сослуживца дубинами. После чего он оттеснил еще шестерых назад в их же собственные двери, несмотря на все их попытки сдержать его. Один из них за это проткнул ему руку ножом.

— Не особо страшная рана была, — сказал Бенедикт. Лицо его выглядело раскрасневшимся.

— Он спас несколько жизней, — сказал шпилеарх. — Включая жизни его спутников и большинства воров, и это уже не говоря о хаосе, который бы разразился, попади кристаллы на черный рынок. — Он моргнул и взглянул на Гвен. — Он получил за это Орден Шпиля. Я думал, вы знаете.

— Насколько мне известно, он никогда об этом не говорил, — сказала Гвен, пристально уставившись на Бенедикта. — Первый раз слышу об этом. Ты мне сказал, что повредил руку во время спарринга, Бенни.

Бенедикт склонил голову и взял второй пирожок. Первый исчез с неприличной скоростью, несмотря на его попытки есть медленнее.

Шпилеарх улыбнулся.

— Мисс Ланкастер, могу я звать вас Гвен?

— Конечно, сир.

— Отлично. Но тебе не нужно звать меня "сир". Эддисон вполне сойдет.

Гвен помедлила

— Сир…

Шпилеарх махнул рукой.

— Я знаю протокол. Но он был создан два века назад, когда Грегор Сильный объединил хабблы и сформировал Совет, когда у него еще была действительная власть и армия за спиной.

— Сир… Эддисон, сэр, — Запнулась Гвен. — Вы все еще Правитель.

Он рассмеялся.

— Монархия в свое время была необходимым злом, мисс Ланкастер. Теперь я практически бесполезен и весьма этим доволен. Твой отец и Совет решают дела шпиля в согласии, и все хабблы представлены в такой пропорции, которая иногда даже кажется справедливой. Единственные вооруженные силы, которые нужны в шпиле — это стража, и они в основном выполняют гуманитарные функции. Я не правлю, мисс Ланкастер, как не правил мой отец или дед. Я просто пытаюсь помочь моему народу, когда им это нужно.

— Вы Правитель, сир, — настаивала Гвен. — Вся знать отдает вам почести. Для всех честь служить вам.

— Благие Строители, как же ты юна, — сказал он с задорной ухмылкой. — Подожди, пока я не выпущу какой-нибудь декрет, который заденет их банковские счета, и я думаю, что почести они мне отдадут с толпой и дубинами. — Он покачал головой. — Традиции таковы, что для молодой знати почетно служить в Гвардии. Если я попытаюсь выйти за границы дозволенного, я думаю, что другое занятие заменит службу в Гвардии в качестве высокородного долга перед обществом.

— Не все так считают, сир — тихо сказал Бенедикт. — Не все из нас считают вас пережитком прошлого.

— Не Ланкастеры, — добавила Гвен.

— Возможно, — задумчиво произнес шпилеарх. — Но даже если это и так, мне интересно, Гвен, почему ты хочешь вступить в гвардию.

— Я единственный ребенок в роду моего отца, — ответила Гвен.

— И, являясь таковой, можешь быть освобождена от подобной службы без потерь для своей чести или чести семьи. Никто не подумает о тебе дурного, реши ты уклониться от службы.

Гвен немного подняла подбородок.

— Я буду служить, сир.

Шпилеарх отклонился на сидении и мгновение рассматривал ее. Затем он сказал:

— Я не проявлю к вам никакого фаворитизма, мисс Ланкастер, несмотря на вашу важность для дома вашего отца. Вы будете получать задания, как и любой другой рекрут. Некоторые из этих заданий могут привести вас к опасности. Больше молодых мужчин и женщин, чем я могу вспомнить, были ранены или погибли, исполняя свой долг, следуя моим приказам. Вы понимаете?

— Да. Понимаю, сир.

Он доел последние несколько кусков своего пирожка задумчиво нахмурившись. Затем он повернулся к Бенедикту.

— То же касается и вас, мастер Сореллин. Я выбираю людей, наиболее подходящих для текущих заданий, основываясь на их способностях. Вы уже попали под удар на моей службе и можете попасть снова.

— Да, сир, — сказал Бенедикт так, будто шпилеарх сообщил ему, что вода мокрая.

Эддисон кивнул и сказал:

— У нас будет около сорока новых рекрутов и столько же вернувшихся ветеранов. Я увижу вас двоих во дворце в конце цикла тренировок, чтобы принять ваши клятвы и подписать контракты.

— Конечно, сир, — сказала Гвен. — Сир…

— Мисс Ланкастер, — сказал Правитель с укором.

— Эддисон, — сказала она, и затем добавила, — сэр.

Он улыбнулся, в основном глазами.

— Да?

— Если бы я знала, кто вы, раньше…

— У вас было бы полное право отреагировать точно так же, мисс Ланкастер, — твердо сказал он. Прошу простить меня за мою грубость. Мне очень редко доводится быть невежливым забавы ради, и боюсь, что у меня угнетающе плохое чувство юмора. Я надеюсь, вы меня простите.

Она почувствовала, как щеки опять наливаются теплом.

— Конечно, сир.

Внезапно раздался гулкий звон. Кто-то звонил в колокола в центре общественной площади хаббла рядом с рынком.

Бенедикт напрягся. Затем он запихнул вторую половину своего пирожка в рот одним куском. Гвен автоматически подтолкнула к нему свой пирожок, и он сгреб его, очевидно не думая, инстинктивно.

— А, — сказал шпилеарх. — Кажется, я видел объявление о том, что сегодня будет дуэль. Возможно, я слышал, что ситуация может оказаться сложной и неприятной для участников. Не знаете ли вы что-нибудь об этом, мисс Ланкастер?

Его голос был спокойным, даже немного задорным, но было что-то в его словах, что наводило на мысли о стали.

— Мне кажется, что вам отлично известно, что я знаю, сир.

Его зубы мелькнули на секунду.

— Тогда, я так понимаю, вы собираетесь довести дело до конца.

— Собираемся, — сказал Бенедикт тихим голосом.

Шпилеарх кивнул.

— Очень много глаз следят за тем, что вы сегодня сделаете, мисс Ланкастер — и мои среди них.

Гвен сглотнула. Большой колокол пробил еще несколько раз и умолк.

Шпилеарх взглянул в сторону источника звука и кивнул, несомненно отпуская их.

— Тагвинны — славные люди. Дом Ланкастер всегда пользовался моим уважением, мисс. Я надеюсь, что сегодняшние события оправдают это уважение.

Гвен могла распознать приказ, когда слышала его, и сердце ее внезапно забилось чаще. Ситуация перестала быть простым недоразумением, случившимся из-за ее ошибки. Внимание шпилеарха означало, что на ее Дом тоже падут последствия.

— Да, сир, — сказала она, в горле у нее пересохло. — Оправдают.

Глава 10

Шпиль Альбион, хаббл Монинг.

Бриджит была уверена, что её замутит и вырвет на глазах у половины хаббла.

— Мышонок, — сказал Роул тихим уверенным голосом, сидя у неё на руках. — Выпрями спину. Подними подбородок. Не показывай страх. Не выдавай ничего врагу.

— Это очень дельный совет, мисс, — сказал мастер оружейник схожим тоном, но на человеческом языке. Он был высоким худощавым мужчиной, серебристые пряди в его волосах ярко выделялись на фоне его полностью чёрной одежды. Они ожидали на общественной площади рынка хаббла Монинг возле платформы для дуэлей, и седовласый урождённый воин только что закончил звонить в колокола.

— Вы разговариваете на кошачьем, мистер…? — Бриджит покраснела. — Простите. Я не знаю вашего имени.

— Истербрук, мисс, — сказал он, вежливо склонив голову. — Я не очень хорошо на нем говорю, но понимаю достаточно. Все, у кого хватает ума, таковы.

— Он мне нравится, — сказал Роул, сидя на руках у Бриджит.

Она вяло улыбнулась и попробовала последовать совету Роула.

— Прошу простить меня, если я что-то делаю не так, мистер Истербрук, — сказала она, — но боюсь, что у меня мало опыта в подобных делах.

— Все, у кого хватает ума, таковы, — спокойно сказал Истербрук, одаривая ее еще одной улыбкой. — Все довольно просто, мисс Тагвинн.

— Мне не очень ясно, какую роль мастер оружейник играет в дуэли, если она проходит…. без оружия.

— О, моя роль не меняется, — сказал Истербрук. — Наша служба представлена такими же старыми солдатами, как и я, каждому отведен свой день недели. Моя задача, сделать все возможное, чтобы все выжили. Я стараюсь разрешить конфликт, приведший к дуэли, до того как прольется кровь, а затем я слежу за соблюдением протокола и за тем, чтобы никто не вмешивался в происходящее.

Она нахмурилась.

— Кто станет вмешиваться?

— Возможно его секундант, — сказал Истербрук. Он посмотрел на Роула. — Или ваш.

Роул оскорблено дернул ушами и отвел взгляд.

— А… если кто-нибудь нарушит правила?

— Я его остановлю, — сказал Истербрук. — Право моей должности таково, что я могу предпринять любые шаги для этого, вплоть до убийства.

Бриджит моргнула.

— Боже.

— Дуэли — серьезное дело, мисс, — тихо сказал Истербрук. — Хотя эти самодовольные мальки, которых воспитывают в наши дни, так не считают. Не стоит так легко провоцировать дуэли.

— Их вообще не должно существовать, — сказала Бриджит.

Истербрук задумался на секунду. Затем он покачал головой.

— Они… служат своей цели, если их сдерживать в жестких рамках и если не доводить до смерти слишком часто. Есть что-то такое в возможности напрямую схлестнуться с тем, кто тебя оскорбил, — хотя бы для того, чтобы дать этим остроязыким дуракам причину продемонстрировать хоть грамм вежливости и следить за своими словами.

— А, — сказала Бриджит, немного краснея. Будучи именно тем остроязыким дураком, о котором шла речь, именно она в данный момент оказалась на острие этой части закона хаббла.

— Не уверена, что все с вами согласятся. Мы ведь цивилизованное общество, не так ли?

Истербрук моргнул.

— С каких это пор, мисс? У нас ведь демократия.

— Именно это я и имею в виду. Мы ведь отбросили насилие, как метод управления, не так ли?

— В основе демократии лежит насилие, мисс Тагвинн, — сказал Истербрук. — Чтобы решить, что делать, мы пересчитываем тех, кто за и против этого, и затем делаем то, что хочет делать большинство. Мы устраиваем символическую битву, исход которой решается простым численным превосходством. Это экономит нам время и массу усилий, которые мы бы потратили, начни мы пересчитывать потери — но не думайте, что это что-то иное, кроме как ритуализированное насилие. И каждые несколько лет, если человек, которого мы выбрали, не справляется с возложенной на него задачей, мы голосуем за его отставку — символично отрубаем ему голову и заменяем кем-то еще. Снова без боли и крови, но все еще отыгрывая насильственные ритуалы. Это довольно практичный способ решения проблем.

Бриджит несколько раз моргнула.

— Я никогда не думала об этом с такой точки зрения, — призналась она.

— Это одна из немногих вещей, достойных уважения в людях, — вставил Роул. — Хотя коты с этим лучше справляются.

— Вполне возможно, — согласился Истербрук. — А. Вот и врач. И, похоже, ваш уважаемый оппонент.

Бриджит осмотрелась. Люди стекались со всего рынка по призыву колоколов, десятки людей. И всего мгновение спустя она уже была уверена, что десятки стали сотнями. Она почувствовала, что в горле у нее сильно пересохло, в довесок к ее неспокойному желудку и трепещущему сердцу.

Страх изматывал. Ей хотелось, чтобы все побыстрее закончилось.

Невысокий мужчина с серебристыми волосами, несший врачебный саквояж и одетый в очень практичный строгий костюм, подошел к Истербруку, и они обменялись рукопожатиями. Истербрук представил мужчину Бриджит, хотя пару секунд спустя она совершенно позабыла его имя. Толпа продолжала расти. В обед, посреди недели? Неужели этим людям нечем было больше заняться? Бриджит хмурилась, глядя на толпу, и сдерживала себя, чтобы не почесать Роулу уши, кот счел бы это неприемлемым на публике.

Реджинальд Астор возник из гущи людей, в сопровождении не только секунданта, но и

еще с полдюжины других мужчин примерно его возраста и положения. Он был одет так же, как и она, в обычную серую тренировочную форму. Они подошли всей группой, Реджи вышагивал во главе.

Бриджит почувствовала, как рядом с ней мистер Истербрук напрягся, полный сдерживаемой энергии, она ощутила это на неком подсознательном уровне — такое же чувство, подумала она, будто рядом разозленный кот.

— Мастер оружейник, — сказал Реджи, отвешивая рожденному воином мужчине нарочито низкий поклон. — Давно пора начинать, не так ли?

Истербрук сощурил свои кошачьи глаза, но склонил голову в знак уважения.

— Я и вправду мастер оружейник. Меня зовут Элиас Истербр…

— Мелочи, — сказал Реджи. Его глаза четко сфокусировались на Бриджит. — Вот и она. Маленькая плебейка и ее маленький падальщик.

Идиот не мог знать, что для кота это слово было смертельным оскорблением. Роул рванулся со своего места на руках Бриджит в сторону Реджи, и ей пришлось приложить все усилия, чтобы удержать внезапно разъярившегося кота.

Реджи доказал свой идиотизм, громко рассмеявшись, по крайней мере, у его секунданта хватило мозгов настороженно отступить на шаг.

— Боже, — сказал он радостным голосом. — Котенок обиделся на меня? Не то чтобы я требую утопить злобного мелкого зверя.

— Роул, — прошипела Бриджит на кошачьем. — Успокойся.

— Я слышал, что он сказал, — прорычал Роул.

— И он ответит за это, — сказала Бриджит, — в должном порядке. Сначала он мой.

Роул издал раздраженный рык и затем снова уселся, хотя тело его дрожало от напряжения.

— Мистер Истербрук, — сказала Бриджит, переводя взгляд с Роула на мужчину. — Я готова начать, сэр.

Рожденный воином кивнул.

— В соответствии с законом башни, я прошу вас разрешить ваши разногласия в наименее опасным и разрушительным способом. Не важно, как хорошо вы подготовлены, потеря жизни или конечности возможна на любой дуэли. Теперь я спрашиваю вас, мистер Астор, согласны ли вы забыть обиду, чтобы избежать опасностей, которые таит противостояние?

— Она оскорбила честь моего Дома, — высокопарно произнес Реджи. — Она извинится за это, или я потребую сатисфакции здесь и сейчас.

Истербрук повернулся в Бриджит.

— Мисс Тагвинн, вы предоставите извинения?

— Позвольте мне уточнить, что я никогда не пыталась оскорбить Дом Асторов, мистер Истербрук, — сказала Бриджит. — И я не оскорбляла Реджи. Я просто описала его точными словами. Если он считает правду оскорбительной, то это уже не мои проблемы.

Тихая волна смешков пробежала по толпе.

— Но в любом случае, — сказала Бриджит, — я не отказываюсь от своих слов. Правда не становится неправдой только потому, что ее существование расстраивает отпрыска Высшего Дома.

Глаза Истербрука блеснули и он кивнул.

— Пусть будет записано, что ни одна из сторон не видит мирной возможности

разрешения своих разногласий. Таким образом, мы перейдем к схватке. Мистер Астор, присутствует ли ваш секундант?

— Да, конечно он здесь, — сказал Реджи, подзывая вперед своего кузена Барнабаса.

— Мисс Тагвинн, присутствует ли ваш секундант?

— Я здесь, — сказал Роул на кошачьем.

Истербрук серьезно кивнул, и еще одна волна шепота прокатилась по толпе, смесь удивления, отвращения, непонимания, восхищения и других эмоций, которые Бриджит не могла разобрать.

— Возражаю! — сказал Реджи, голосом, который должен был разнестись над толпой. — Это нарушение протокола дуэли. Мисс Тагвинн явилась без секунданта.

Истербрук невозмутимо взглянул на Реджи.

— О?

— Закон гласит, — продолжил Реджи, — что секундант дуэлянта должен быть гражданином хаббла и в хороших отношениях с законом.

Реджи усмехнулся Роулу.

— И поскольку я не вижу здесь никого подобного, я могу только заключить, что мисс Тагвинн пришла без секунданта. Я настаиваю, чтобы она была наказана в соответствии с законом башни, а на ее Дом наложен соответствующий штраф.

Желудок Бриджит подпрыгнул. Подобное случалось в тех редких случаях, когда кому-то нужно было наказать Дом, который не был уязвим в остальных отношениях, когда штраф назначали за нарушение закона башни, суммы обычно были чудовищны. Даже самый маленький штраф, который наложат на ее отца, буквально пустит его по миру с протянутой рукой.

— Господин Астор, — сказал Истербрук, и к удивлению Бриджит его голос тоже был достаточно громким, чтобы разноситься далеко. — Когда дело доходит до соблюдения буквы и духа закона, ваши рвение и фанатизм довольно избирательны.

Он запустил руку в куртку и достал сложенный листок.

— У меня в руках письменное свидетельство, рассмотренное и нотаризованное судьей Хелен Соломон. Здесь говорится, что упомянутый Роул, непосредственный наследник Дома Тихих лап, вместе с остальным своим Домом поклялся поддерживать Его Величество, Эддисона Магнуса Джеремаю Альбиона, первого гражданина и Правителя Альбиона. Далее в свидетельстве указано, что он проживает в хаббле Монинг и против него не выявлено ни одного действующего штрафа или ордера. Таким образом, он действительно является, уважаемым гражданином хаббла.

— Что? — сказал Реджи. — Какой Дом?

Истербрук спокойно передал ему лист с записями.

Реджи схватил его и уставился, читая. Его щеки налились багрянцем, а в толпе снова началось бормотание.

Взгляд Бриджит упал на невзрачного, слегка помятого мужчину, стоящего неподалёку в первом ряду зевак. В отличие от остальных, он ни с кем не разговаривал. Было в нем что-то знакомое, что-то напоминающее о первых днях школы, но она не могла зацепиться за нужное воспоминание. Его седеющие волосы были растрепаны, костюм давно вышел из моды, и если бы он не был единственным человеком в поле зрения, который казался абсолютно спокойным и не отвлекся на слова Истербрука, она могла бы его никогда не заметить. Она почувствовала, что его глаза смотрят на нее. Искорка веселья проскочила в

них, и он подмигнул ей.

Бриджит моргнула. С его стороны это было довольно смело, кем бы он ни был. Может, он был одним из торговых партнеров ее отца, кто-то, кого она встречала в детстве? Она была уверена, что запомнила бы. И почему она глазела на этого мужчину, в то время, как создавался один из важнейший легальных прецедентов в истории башни? Котов признали гражданами хаббла. И, похоже, со всеми правами — и что гораздо важнее — со всеми обязанностями, которые накладывал этот статус. Коты и люди поддерживали давно сложившиеся связи, но они были полностью неофициальными, и любая сторона могла их нарушить, не навлекая на себя чудовищных последствий. Но заявление Истербрука только что сильно нарушило сложившееся равновесие, и возможно, с ужасом осознала Бриджит, не во благо всех вовлеченных сторон.

— Это не… — Реджи запнулся. — Коты не являются…

— В соответствии с законом, сэр, — спокойно сказал Истербрук, — являются. У вас есть другие возражения, прежде чем мы продолжим, сэр? Или возможно, вы передумали и согласны прекратить это бессмысленное разногласие?

Реджи сощурил глаза, взгляд его остановился на Бриджит и Роула.

— Ты превращаешь благородную традицию в фарс, зверечеловек.

Кошачьи глаза Истербрука превратились в щелочки, и когда он заговорил, в груди его послышался намек на рычание.

— Я просто выполняю свои должностные обязанности, господин Астор. Если это вас как-то расстраивает, это не мои проблемы.

Друзья Реджи обратили внимание на рык и плотнее собрались вокруг него.

Именно в этот момент за спиной у Бриджит раздались шаги и Гвендолин Ланкастер и Бенедикт Сореллин возникли из толпы. Оба были одеты в гражданскую одежду, Гвен в жемчужно-серое платье со вставкой и жакет, а Бенедикт — в простой, довольно скромный, черный костюм. Оба они, заметила Бриджит, надели наручи, толстая медная проволока оружейной решетки закручивалась вокруг их левых предплечий.

— Мы опоздали? — спросила Гвендолин. Бриджит до сих пор не понимала, как аккуратная некрупная аристократка могла вкладывать столько уверенности и гордости в свой невзрачный голос.

— Надеюсь, мы не пропустили то представление храбрости и грации, которым обещает стать это маленькое событие. Боже, Реджи, а вот и ты. С шестью друзьями.

Она одарила Астора ослепительной белозубой улыбкой и пересчитала их, указывая рукой, казалось бы, не осознанно.

— Один, два, три, четыре, пять, шесть.

Гвендолин, заметила Бриджит, использовала для счета руку, затянутую в наруч. Медная решетка блестела при свете дня.

— Мне казалось, что для дуэли достаточно двоих, — сказал Бенедикт, в его тоне сквозило преувеличенное недоумение..

— Действительно, — ответила Гвендолин. — Реджи, похоже, запутался.

— Я могу помочь, — сказал Бенедикт. И затем манера его изменилась, показная драма исчезла. Он просто уставился на них, без какого-либо выражения на лице.

— Пойдемте, ребята. Давайте, вы пятеро и я с вами, оставим Реджи и его секунданта заниматься делом. Я куплю каждому из вас выпить, и вы решите, какую драку вы бы хотели посмотреть.

— Какую драку? — спросила Гвен. — Что ты имеешь в виду?

— У них есть выбор — сказал Бенедикт. — Смотреть как Реджи дерется с Бриджит. Или я. Дерусь с ними. Одна из схваток займет гораздо меньше времени, чем другая.

— Сореллин, — прорычал Истербрук, голос его полон легкого неодобрения. — Я не потерплю здесь потасовок.

— Сэр, — сказал Бенедикт, склонив голову. — Это будет даже не потасовка, сэр.

Истербрук, казалось, мгновение обдумывал это, и затем кивнул.

— В таком случае ладно.

Бриджит подумала, с некоторым удовлетворением, что группа прихлебателей Реджи выглядела встревоженной. Они пытались держаться гордо, но то, как они подсознательно отступили на несколько дюймов от Бенедикта, говорило о многом.

— Ты не можешь угрожать мне, Сореллин, — рявкнул Реджи.

Бенедикт несколько раз моргнул.

— Реджи, старина, я не вмешаюсь в твои сегодняшние дела ни за что на свете. Ты прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь. Я никогда и волоска на твоей голове не трону.

— А я трону, — радостно вставила Гвен. — У меня есть этот чудесный новый наруч, и я никогда еще ни на ком его не использовала.

Истербрук откашлялся.

— Ой, да ладно, я ее на вас не использовала, только рядом с вами, — сказала она ему. — Но, Реджи, позволь мне объяснить. Ты настаивал на этой дуэли, и ты ее получишь. Ты и твой секундант, а твои друзья могут смотреть вместе со всеми. Не будет никаких отвлечений, никаких замешательств, никаких таинственных предметов, брошенных из толпы. Только ты на платформе.

Она улыбнулась еще шире.

— Тебе все ясно?

— Мисс Ланкастер, — сказал Истербрук серьезным тоном. — я совершенно уверен, что молодой человек не собирается сегодня обесчестить Дом Асторов подобными действиями.

— Разве что, — добавила Бриджит, — он… возможно, боится меня.

Гвен взглянула на Бриджит сияющими глазами.

— Разве что это.

— Хватит, — прорычал Реджи. — мастер оружейник, начинайте.

Он повернулся к своим друзьям и сказал:

— Идите смотреть вместе с Ланкастерами. Удостоверьтесь, что они не вмешаются.

Гвен повернулась к Бриджит, решительно ей кивнула и сказала:

— Если тебя не затруднит, заставь его кричать. Тут столько замечательных зрителей для этого.

Бриджит тихо засмеялась и внезапно почувствовала, как тошнота уходит.

— Просто дыши, — посоветовал ей Бенедикт. — Расслабься. Пусть он ошибется первым. Поверь мне: в этом плане на Реджи можно положиться.

Он легонько сжал пальцами её плечо и улыбнулся.

Затем её друзья развернулись к кучке забияк Реджи, и они пошли вместе с Гвендолин и Бенедиктом, обе группы вежливо улыбались друг другу и шли так, будто ожидали, что стоить им на секунду ослабить внимание, как другие набросятся на них.

Истербрук на мгновение посмотрел на толпу и покачал головой. Он пробормотал про себя что-то насчёт Высших Домов и их театра, а затем повернулся к Бриджит.

— Мисс Тагвинн, — сказал он. — Как вызванная сторона, вы можете решить, кто из вас первым займёт место на платформе.

— Очень хорошо, — сказала она. — Где встанет Роул?

— На земле рядом с помостом. Только двоим секундантам и мне разрешено находится в десяти футах от него. Это правило.

— Оттуда мне будет не видно, — сказал Роул, — Вы должны немедленно изменить правило.

Истербрук хмыкнул и задумался. Затем он повернулся и поднял один из колоколов побольше, вместе с его тяжёлой металлической рамой. Он, должно быть, весил триста фунтов, если не больше, но довольно худощавый мужчина передвинул его так, будто это был стул в гостиной, поставив его к ближайшему углу платформы.

— Вот, сэр кот, — сказал он. — Так вы сможете наблюдать. Вас это устраивает?

Роул хмуро осмотрел колокол и затем спокойно вспрыгнул на него. Он потоптался немного, прежде чем сесть и сказать:

— Так сойдёт. С трудом.

— Отлично, — сказал Истербрук. — Мисс Тагвинн?

— Я пойду первой, — сказала она. — Давайте покончим с этим.

— Как пожелаете, мисс, — сказал Истербрук.

И спустя мгновение Бриджит поняла, что стоит на платформе, глядя на толпу, которая собралась посмотреть на дуэль. Тут было… больше людей, чем она когда-либо видела в одном месте за всю свою жизнь, и она просто не могла заставить себя подумать обо всех тех глазах, что смотрели на неё. Это её до крика доведет. Вместо этого она решила последовать совету Бенедикта и начала дышать медленно, в ровном ритме, концентрируясь на своём окружении и своём противнике.

Реджи забрался на платформу с противоположного угла, его секундант уткнулся взглядом в землю прямо у него за спиной. Когда он выпрямился, толпа издала радостный крик и начала хлопать в ладоши и орать и свистеть. Звук был чудовищным, пугающим, как раскаты грома, которые иногда достигали хабла Монинг во время самых яростных весенних гроз.

— Мышонок, — раздался у неё за спиной голос Роула. — Помни, кто ты есть. Это существо хочет это у тебя отобрать. Не дай ему.

Она обернулась, чтобы взглянуть на кота и кивнуть ему. Затем она снова повернулась к Реджи.

Истербрук легко вспрыгнул на платформу и прошел в центр, держа в правой руке простой красный платок. От Бриджит не ускользнул символизм цвета ткани. Цвет крови. Это было место крови, боли и смерти, и все из этого могло случиться в ближайшие несколько секунд.

Сконцентрироваться. Она должна сконцентрироваться. Она продолжила дышать и систематически игнорировала все, кроме Реджи и платка.

Истербрук повторил для публики предпосылки для дуэли, и то, что Бриджит предпочла встретиться с вызвавшим ее в рукопашном бою. Реджи ухмыльнулся ей. Предполагалось, что это будет самодовольный, уверенный жест, но… ей показалось, что она увидела что-то более мрачное и гадкое в его глазах. Она поняла, что он мог даже не подозревать этого, но он ненавидел ее. Или, по крайней мере, он ненавидел что-то, что в данный момент имело форму Бриджит.

Режди был тренированным. Он знал, как драться. Она тоже тренировалась, но она так мало знала.

"Победа не в количестве знаний, — уверял ее Бенедикт в течение последних дней, — а в их качестве".

Она надеялась, что он был прав.

Истербрук поднял платок. Через мгновение он бросит его. Когда тот коснется помоста, начнется дуэль.

Просто дышать. Сосредоточиться. Сконцентрироваться. Дышать.

Он отпустил платок.

И внезапно низкий, настойчивый визг разнесся в воздухе, пронзительно громкий.

Толпа застыла. Бриджит растеряно оглядывалась, она увидела как Реджи смотрит вверх, раскрыв рот. На мгновение на лице Истербрука появилось неверящее выражение. Затем, когда звук стал нарастать, поднимаясь и опускаясь в медленных завываниях, он помрачнел.

Гром, даже громче весенних штормов, начал грохотать по всем камням башни Альбиона.

По какой-то причине ее взгляд остановился на человеке из толпы, который ранее ей подмигнул. Его лицо не выражало ни замешательства, ни страха, когда он смотрел на полупрозрачный сводчатый потолок хаббла Монинг. На его лице была холодная, стальная ярость. Он сразу резко повернулся, пока все остальные все еще смотрели вокруг, и начал прокладывать себе путь сквозь кружащую толпу, двигаясь быстро и по прямой, словно каким-то усилием воли заставляя жителей хаббла Монинг не стоять у него на пути.

Бриджит оказалась рядом с Истербруком, хотя она и не припоминала, как шагнула вперед.

— Что это за звук? — спросила его Бриджит, перекрикивая рокот. — Что происходит?

— Воздушная тревога! — закричал в ответ Истербрук. — Впервые за двадцать лет! Вам нужно укрыться, мисс Тагвинн! Шпиль Альбион атакован!

Глава 11

Шпиль Альбион, флотские доки.

— Криди! — позвал Гримм, проходя по затянутому дымкой трапу от причала дирижаблей во флотских доках на вершине башни Альбиона к "Хищнику". — Ко мне!

— Капитан на борту! — крикнул Кеттл в трюм. — Мистера Криди на палубу!

— В мою каюту, — поморщившись, сказал Гримм и ушел в том направлении.

— Есть, сэр, — сказал Кеттл. Затем он добавил удивленным голосом, — Капитан. Ваша одежда… Сэр, вы ранены.

Гримм вздохнул и осмотрел одолженную одежду, которую ему дал Ферус. Строго говоря, это был не целый костюм, он был совмещён из двух или даже трёх костюмов, ни один их которых не был особенно хорош. Раненую руку он зафиксировал перевязью.

— Да, да, что-то вылезло из вентиляции и попыталось съесть меня на обед в боковом тоннеле. Сам виноват, что решил срезать.

— Вот чертовщина, — сказал Кеттл, явно разозленный. — Неужели хаббл Монинг больше не нанимает дезинсекторов?

— Ничего серьёзного не случилось, — сказал Гримм, быстро подмигивая Кеттлу. — Не знаешь, сколько человек сошли на берег?

— На борту четверть команды, — сказал Кеттл. — Ребята пошли смотреть какую-то дуэль, идущую сегодня на рынке. Похоже, парочка высокородных дураков дерётся голыми

руками. Идёт групповое пари против тех жуликов с "Победного".

— Надеюсь, они выиграют, — сказал Гримм. — Им это пригодится, после того, что "Итаска" сделала с нашими счетами.

— Не переживайте, сэр, — сказал Кеттл. — С ребятами все будет в порядке.

Он закончил складывать длинную паутину эфирного шелка, которую он распутывал, завязал ее кожаными ремнями и затем сложил в один из ящиков у основания оснастки, несмотря на то, что мачт и рангоутов на нижней палубе сейчас не было, их еще не заменили.

— Позвольте придержать вам дверь, сэр.

— Спасибо, — сказал Гримм. Кеттл открыл дверь в его каюту, и Гримм вошел, повернувшись, чтобы отдать вложенный в ножны меч Кеттлу. — Проследи, чтобы его почистили, ладно? Сложно сделать это одной рукой.

— Есть, сэр, — сказал Кеттл, принимая оружие и закрывая за собой дверь.

Гримм присел на свой стул. Раненая рука довольно неприятно ныла, хотя Ферус заверил его, что она заживает. Фолли дала ему небольшой горшочек довольно резко пахнущей мази, ему полагалось накладывать ее на рану каждый раз, когда он менял повязку. И это было еще одно дело, в котором ему понадобится помощь. Мистер Баген, корабельный врач, несомненно, сочтет это утомительным и будет жаловаться на беспомощность шальных капитанов.

Криди постучался и вошел, после того, как Гримм его пригласил. Молодому высокому офицеру пришлось немного наклониться, чтобы не удариться головой о потолок.

— Садись, садись, — сказал Гримм. — Когда ты стоишь, то выглядишь так, будто просишь за что-то прощения.

Криди слегка улыбнулся и уселся на скамью, идущую вдоль стены каюты, напротив койки.

— Кеттл говорит, что вы были ранены, сэр.

— Какая-то проклятая тварь вылезла из вентиляции, как я понимаю, — ответил Гримм. — На меня нападали и похуже.

— Не повезло, — сказал Криди. — Неудачная у нас полоса, не так ли?

— Смотря как на это посмотреть, — ответил Гримм. — В конце концов, нам сильно повезло пережить столкновение с кораблем кортес-класса и "Итаской". Мы здесь и еще дышим.

— Все верно, сэр, — сказал Криди. Он закусил губу. — Вас не было всю ночь. Надеюсь, вы не против того, что я отправил команду на берег.

— Они бы тебя вздернули на рее, если бы ты их не отпустил, — сказал Гримм. — Оставить четверть экипажа на борту было верным решением.

Криди кивнул с явным облегчением.

— Хорошо, — он взглянул на Гримма и произнес, — Капитан, не хотелось бы переступать границы приличий, но…

— Давай, спрашивай, и налей нам выпить.

Криди, казалось, обрадовался отданному приказу, который дал ему возможность занять руки, пока он выкладывал, что у него на уме, и он вынул стаканы и бутылку с их обычного места.

— Сэр, я провёл осмотр повреждений.

— Насколько оправдалась оценка Джонимена?

— Полностью, — неохотно ответил он, — Этот зануда не признает субординацию, но

свое дело он знает.

— Да, это так, — сказал Гримм, принимая стакан, предложенный Криди.

— Сэр, — проговорил Криди, — сумма ремонта… внушительная.

— Я в курсе, — ответил Гримм.

— Боюсь, что… время работает против нас, кое-кто в Высших Домах может начать давить на нас, чтобы мы продались.

— В самом деле? — сказал Гримм, — ну, полагаю, они могут выдвигать свои предложения.

— Боюсь, что они будут действовать несколько агрессивно, сэр, — искренне произнес Криди.

— Если они переступят черту, то я ударю в ответ, и буду угрожать им, пока они не отступят, — сказал Гримм.

При этих словах Криди чуть не выплюнул все, что только что выпил. Он с трудом сглотнул и спустя мгновение выдавил смешок.

— Моя сестра говорила мне, что у вас странное чувство юмора, сэр.

— Полагаю, что так и есть, — согласился Гримм.

— Но… шутки в сторону. Что вы собираетесь с ним делать, сэр? Я хочу сказать, я не уверен, что вам удастся получить заем, не в такой ситуации. Если вы не станете его продавать и не можете его отремонтировать… то что?

Гримм какое-то время смотрел на молодого человека. Криди был предельно искренним, и Гримм всегда был хорошего мнения о семье молодого человека, но…. Рук получил описание повреждений "Хищника" раньше и с большими подробностями, чем должен был. Кто-то проболтался, и хотя у Гримма не было оснований подозревать, что это было со зла или что именно Криди сделал это, возможно, стоило действовать осторожно.

— Предоставь это мне, старпом, — сказал он. — Есть пара вариантов для рассмотрения, и я рассмотрю их. Тем временем, будем придерживаться предложений Джорнимена по переоснастке. Я распорядился насчет выплат компенсаций семьям погибших до моего, э, небольшого приключения в вентиляционных тоннелях. Мы заменим реи и паутину из того, что осталось на текущем счету, а так же переборки и новую пушку на третий расчет. Чтобы это сделать, денег у нас хватит, и эта задача ложится на вас. Я позабочусь о новых кристаллах, которые нам понадобятся.

— Сэр, ммм. Я подумал, может, нам стоит принять немного грузов.

— Грузов? — спросил Гримм. — В его состоянии?

— Не стоит напрягать его, сэр, — быстро сказал Криди. — Но… короткий рейс может принести быстрый, достойный доход.

— Короткий рейс… — нахмурился Гримм. — Вниз до Лендинга, ты хочешь сказать.

— С нижних хабблов и обратно всегда идут грузы, сэр, — сказал Криди.

— На баржах. На шлюпках, — тихо сказал Гримм, — и на лебедках. "Хищник" — серьезное судно, старпом.

— Со всем уважением сэр, — сказал Криди, опустив глаза, — нет. Не сейчас. Пока вы не добудете деньги, чтобы его залатать.

— Я обдумаю это, — сказал Гримм и даже сумел не зарычать. — Спасибо, что обратили на это мое внимание.

— Сэр, — сказал Криди, — может потребоваться несколько лет, чтобы на такой работе собрать достаточно, но это честный труд. В этом нет ничего постыдного.

— И радостного тоже ничего, — сказал Гримм. — Ни для меня, ни для команды, ни для "Хищника". Нельзя ожидать, что кошка сменит свой мех только потому, что ты считаешь, что так лучше.

Криди моргнул при этих словах.

— Я… я не понимаю.

— Корабль — это больше, чем древесина, кристаллы и эфирный шелк, Байрон, — сказал Гримм. — Всякие твердолобые учетчики чанов всегда говорят, что это бред, но люди на корабле знают лучше. Воздушные суда не просто транспорт — и люди, которые относятся к ним лучше, больше получают от них.

— В академии нам говорили, это никогда достоверно…

— Спасибо, я тоже учился в академии, — сказал Гримм. — Знание начинается в академии — но там оно не заканчивается. Вы надежный человек. Со временем вы поймете.

— Если вы так считаете, сэр, — с сомнением сказал Криди.

— Да, считаю, — сказал Гримм. — Но сейчас почему бы нам не обдумать, как мы можем…

Он внезапно замолчал. Послышался тихий-тихий звук, что-то, что он уже слышал раньше, до боли знакомое.

И вдруг он вспомнил его — высокое гудение, будто эфирная оса беззаботно скользящая на потоках эфира, но громче, сильнее, глубже.

Это был далекий боевой клич эсминца Авроры — если он правильно вспомнил, — "Сьерво".

Но это значит…

Грим вскочил на ноги и распахнул дверь каюты. Он выбежал на палубу, крича:

— Боевая тревога! Боевая тревога!

Криди выбежал за ним, бросил на него самый мимолетный из удивленных взглядов, затем развернулся и начал звонить в корабельный колокол.

Гримм поспешил к переговорной трубке и прокричал:

— Джорнимен! Вытащи свою пьяную задницу из кресла, о котором я, по-твоему, не знаю и беги к центральному кристаллу! Выводи нас из дока и поднимай защиту!

Джорнимен не ответил, но всего пару секунд спустя доски палубы начали трястись и вибрировать, пока основной энергетический кристалл "Хищника" пробуждался ото сна — и, меньше чем через минуту, он исторг стоны и скрипы протеста из своих израненных недр и начал подниматься.

— Кеттл, канаты! — закричал Гримм, но ему и не надо было: Кеттл уже рубил топором толстые канаты, которыми "Хищник" был пришвартован к причалу, выпуская раненый корабль на свободу.

Тем временем боевой клич "Сьерво" становился все громче, громче и громче. По всем докам на судах флота зазвучали сигналы боевой тревоги, корабельные колокола звонили в дребезжащем ритме. Где-то в хаббле Монинг, непосредственно под доками, начала выть сирена воздушной тревоги.

А затем враг настиг их.

"Сьерво", теперь Гримм был в этом уверен, появился сверху из дымки в ревущем пике, которое провело его вниз вдоль доков под острым атакующим углом. Его орудия изрыгали гром и воющий свет на пришвартованные суда и на сами доки, взрывы разбрасывали людей и снаряжение, будто чаинки, кружащиеся в чашке.

А за ним, выполняя то же пике, шли еще с полдюжины судов того же типа.

Огонь стал надвигаться с дальнего конца верфи, наступая на "Хищника" полосой адского разрушения. В это же время Гримм увидел, как "Великодушный" — тяжелый линкор в три раза больше его корабля по размеру, исчез в облаке огня, света и криков страдающего корабля и команды. В другие корабли тоже попали, хотя более тяжелые суда, даже с неактивированной защитой, только минимально пострадали от легких пушек вражеских эсминцев. Наступающий огонь разрушил торговое судно под названием "Жестянщик" лишь в сотне ярдов от "Хищника". Затем еще одно торговое судно под названием "Излишек" разлетелось огненными щепками всего в пятидесяти ярдах, у соседнего стапеля. Щепки и куски металла — а то и что похуже — пролетело мимо Гримма смертоносным облаком, некоторые куски были так близко, что он слышал, как они летят.

Гримм уперся ногами, когда почувствовал, что корабль поднимается из дока, поднял подбородок и подумал о том, успел ли он вовремя заметить опасность, чтобы не дать авроpской эскадре закончить то, что начала "Итаска".

Огонь последнего корабля колонны обрушился на "Хищника"…

И разлетелся светом и свистящими воплями о только что активированную защиту, огонь слепил незащищенные очками глаза. Гримм держался абсолютно неподвижно, будто все его поле зрения не превратилось в мешанину пляшущих сполохов, а затем крики пикирующих кораблей внезапно стихли, когда они пролетели за край башни вниз, в дымку.

Гримм моргал до тех пор, пока не смог снова видеть, и осмотрел туманное небо вокруг верфи. Он увидел то, что и опасался увидеть и спокойно повернулся к Криди.

— Сформируйте береговой отряд, чтобы вернуть команду к исполнению обязанностей, — сказал он. — Скажите Кеттлу, что он за оружейника. Команде вооружиться наручами, пистолетами и куртками незамедлительно.

Криди только ошеломленно уставился на Гримма. Он обшаривал глазами верфь, где полыхали десятки пожаров, пожирая дорогостоящие деревянные конструкции, возведенные, чтобы расширить изначальный облик башни. Люди кричали и умирали.

— Криди! — рявкнул Гримм.

— Сэр.

Он повторил команды.

— Есть, сэр, — сказал Криди, моргая, и отправился их исполнять. Получив задание, подумал Гримм, Криди отлично справлялся с его выполнением. В течении секунд он отрядил Кеттла с вооруженной береговой группой и назначил Джорнимена раздавать оружие команде и готовить еще к раздаче на момент возвращения Кеттла.

— Я не понимаю, капитан, — сказал он после того, как закончил. — Зачем вооружать людей?

Гримм указал на один из обрывков, легко паривший на ветру. Шальной поток воздуха или эфира, заставил его спланировать на палубу "Хищника". Это был небольшой прямоугольник эфирного шелка. Он поднял его и протянул Криди. Шелковый квадрат трепетал и шел волнами от дуновений эфира в доках, двигался, как и от обычного ветра, только медленнее, с большим изяществом.

— Это…? — начал Криди.

— Эфирный парус от абордажной обвязки, — подтвердил Гримм. Квадраты эфирного шелка размером с флаг использовались, чтобы ускорять и направлять полет параплана. При нормальных эфирных течениях, ухоженном параплане и небольшой удаче, человек мог

подниматься, спускаться и менять свой курс. Во флоте такие обвязки использовались при абордажных атаках, десантники прыгали с воздушного корабля и использовали их, чтобы спланировать на вражеское судно.

Гримм указал на несколько оборванных шнуров, закрепленных на эфирном шелке, и сказал:

— Похоже, они рванулись и лопнули, когда обвязка раскрылась. Тот несчастный ублюдок, которому это снаряжение принадлежало, должно быть на пути к поверхности. Аврорцы всегда экономят на снаряжении для десантников.

Криди наконец понял и уставился вверх, в белесую дымку над головой. Солнце проглядывало блеклым кругом. Иногда вершине башни Альбиона перепадало открытое синее небо. Сегодня обычное покрывало дымки снижало видимость до пары сотен ярдов в лучшем случае.

— Думаете, вражеские десантники где-то рядом?

— Это была не полноценная атака флота, — сказал Гримм. — Батареи башни застали в расплох этим пике, но теперь они точно наготове. Если аврорцы планировали серьезную атаку на Альбион, их батареи утюжили бы батареи доков, начиная с того момента, как корабли завершили маневр.

— То есть это была легкая атака? — спросил Криди.

Гримм нахмурился, глядя на пристани. Флотские суда не среагировали с той же скоростью, что "Хищник" и его команда, но теперь они начали покидать доки, собираясь вместе в двухстах ярдах над башней, набирая орудийную мощь и броню. Собственный флот Альбиона представлял собой отряд из двадцати линейных крейсеров рух-класса, левиафанов по сравнению с "Хищником", в сто раз больше него по массе и, соответственно, тяжелее и медленнее на подъем. Их сопровождал заслон из более легких судов, около пятидесяти крейсеров и эсминцев разного тоннажа. Все они сигналили тревогу и приходили в движение.

Гримм смотрел, как флот приходит в движение, что с его точки зрения было воплощением бесполезности, и вздернул подбородок к нависшей над ними дымке.

— То, как хорошо аврорцы справились с заходом на башню, да ещё и при такой дымке, достойно уважения. Но эти эсминцы не могут сцепиться с основным флотом или батареями башни. Они повредили или уничтожили несколько лёгких кораблей, но они не могли даже надеяться нанести серьёзный урон основному флоту.

— Вы считаете, что атака была отвлекающим маневром, — сказал Криди.

— А зачем ещё её устраивать? — Гримм снова мотнул головой вверх. — Я считаю, что там наверху десантный транспорт, сбрасывающий своих людей.

— Милостивые Строители, — сказал Криди, глаза его с пониманием расширились. — Они знали, что флот мобилизуется. У них просто не было другого выбора.

— Именно, — сказал Гримм. — Если им удастся забросить отряд солдат в башню, одному Богу на небесах известно, каких дел могут натворить аврорцы. А в то время, как мы разговариваем, каждый десантник основного флота уже на борту своего корабля. Наверху. Где он не может защитить башню.

— Надо сообщить флоту, — сказал Криди.

— Я изгнан, а ты списан в хаббл, Байрон, — тихо сказал Гримм. — Все, что у меня есть, это догадки и кусок старого эфирного шёлка. Даже если мы сможем добраться до него, думаешь адмирал Уотсон отзовет сбор?

Лицо Криди наполнилось болью и раздражением. Он медленно кивнул с задумчивым

взглядом. Затем он сказал:

— Наши люди — отличная команда, но до профессиональных солдат им далеко — и отряд аврорских десантников раза в три превосходит нас по численности. Они нас порвут… В смысле, нам их никогда не победить.

— Нам не надо их побеждать, — сказал Гримм, — только задержать. У Баярда извращенный ум, но работает он отлично. Он быстро поймет, что происходит.

— Да, сэр, — тихо сказал Криди. — Что мы собираемся делать?

— Собрать команду, вооружить их и защищать башню, мистер Криди, — сказал Гримм. — Приготовиться к отражению абордажа.

Глава 12

Шпиль Альбион, хаббл Монинг

— В укрытие, — сказал Бенедикт, поворачиваюсь к Гвен, пока выли сирены. — Назад к Ланкастерам, как я понимаю.

Гвен оглядела поднимающуюся и расходящуюся по рынку панику.

— Я… Да, думаю, дом должен находиться под каким-то укреплённым местом, но…

Бриджит спрыгнула с дуэльной платформы и подхватила Роула, прыгнувшего ей в руки. Глаза у кота были сильно расширены, голова дергалась туда-сюда, когда он пытался отследить беспорядочное движение.

— Мой отец, — сказала Бриджит. — Мне надо добраться до отца.

— Подожди, — сказала Гвен, поймав Бенедикта, когда он поворачивался, чтобы уйти. Что-то в ней требовало внимания, и ей потребовалось мгновение, чтобы придать мысли форму.

Молодой человек вскинул бровь и посмотрел на нее, но остановился.

Раздался ужасающий звук, как если бы молния могла кричать в агонии и ярости. Часть матового потолка хаббла Монинг внезапно озарилась огнем, превосходящим по яркости затянутое дымкой дневное светило. Сам пол под их ногами содрогнулся, и высоко с потолка обрушилась завеса пыли. Секунду спустя раздался еще один ревущий удар и еще один, заставляя камни Башни Альбион гудеть, как гигантский колокол.

Пыль опустилась удушливым облаком, и крики усилились. Части кладки, которые в прошлом служили для ремонта не совсем уж неуязвимых Камней Башни, посыпались, некоторые из них были размером с человека.

Гвен заметила это и просто посмотрела вверх. Камни будут падать в любом случае. Паническое бегство с одинаковым успехом могло привести ее под летящий булыжник или спасти от него. Ее отец всегда говорил, что в те моменты, когда больше всего хочется паниковать, больше всего нужно мыслить четко, так что, несмотря на падающие камни, Гвендолин Ланкастер осталась стоять.

Затем она спокойно проговорила твердым тоном, осознавая всю правоту своих слов.

— Мы члены Гвардии шпиля. Мы не бежим от неприятностей. Мы следуем им навстречу. Нам нужно заступить на службу.

Бриджет моргнула, затем на ее лице промелькнула тень страха, затем обреченности, а затем раздражения.

— Проклятие! Я должна была вспомнить об этом.

Бенедикт улыбнулся плотно сжатыми губами.

— Хм. Я, конечно, предпочел бы запереть вас двоих в каком-нибудь безопасном месте, но… вы абсолютно правы. Это наш долг.

— Бенни, не будь занудой, — произнесла Гвен, — куда мы направляемся?

И снова шпиль содрогнулась от грохота, и посыпались еще камни. Рядом закричали, пронзительно и ужасно. Гвен не могла с уверенностью сказать, был ли это мужчина, женщина или ребенок.

— Туда, — сказал Бенедикт, кивая в сторону источника звука. — Наша основная обязанность — это защитить и помочь гражданам в беде. За мной.

Они трое и Роул двинулись вперед среди напуганных жителей и наполненного пылью воздуха, высокая худощавая фигура Бенедикта указывала путь.

Каскад расколотых камней обрушился с грохотом всего в паре футов от них, и Гвен не могла поверить тому, насколько чудовищно громко прозвучал удар. В стороны разлетелись мелкие осколки камня, один из них как жало вонзился ей в бедро. Она увидела как дернулась Бриджит, небольшое пятно крови появилось у нее на правой щеке.

Они пробежали шагов пятьдесят, крики становились все громче, и внезапно из облака осколков перед ними возник силует завала из камней. Кого-то прижало большим куском кладки. Часть пыли превратилась в багряную грязь. Он определенно страдал.

— Бенедикт, поднимай камень, — сказала Гвен. — Бриджит, помоги мне его вытянуть.

— Подожди, — крикнул Бенедикт. — Если у него кровотечение, камень может зажимать рану. Нам надо быть готовыми немедленно ее прижать, когда мы его вытащим. Нужна ткань на бинты.

Гвен резко кивнула и быстро потянулась к подолу своей юбки и начала рвать его на ленты.

— Бриджит, — сказала она.

Бриджит опустилась на колени и начала делать то же самое, пока Бенедикт склонился над зажатым мужчиной. Затем кузен Гвен коротко выругался.

— Под всей этой пылью Барнабас Астор, — сказал Бенедикт.

— Не повезло, — заметила Гвен, продолжая рвать. — Будь в мире справедливость, там бы лежал Реджи.

Совместными усилиями Гвен и Бриджит сумели превратить внешний слой юбок Гвен в ленты и сложенные повязки. Как только они закончили, Бенедикт кивнул и сказал:

— Бриджит, тащи его, когда я поднимусь. Не мешкай.

— Не стану, — серьёзно ответила Бриджит.

Затем Бенедикт повернулся к упавшему камню, громаде размером с небольшой гроб, запустил пальцы под один из краёв и потянул со всей силой своего худощавого тела. Секунду ничего не происходило. Мышцы на спине и плечах Бенедикта вздулись и задрожали. Но затем раздался скрежет, и камень немного сдвинулся. Несчастный Барнабас издал вопль от новой боли, а затем Бриджит начала вытягивать его из-под камня.

Была кровь, как заметила Гвен, ее было неприемлемо много. Несколько недель назад у нее не было бы ни малейшей идеи, что с этим делать, но их первый полный день тренировок с оружием полностью состоял из занятий по обработке подобных ран. Гвен придавила толстый компресс из ткани поверх сочащейся раны на ноге Барнабаса, затем обернула вокруг нее полоски ткани, затянула их и завязала. Молодой человек издал еще один беззвучный стон боли, когда она потуже затянула узлы.

— Это поможет донести его до безопасного места, — пыхтя сказал Бенедикт. — Бриджит, я его подниму. Мне нужно, чтобы ты подняла его раненную ногу себе на плечо. Держи ее высоко, хорошо?

— Конечно.

Снова прогремел гром, и рядом посыпались камни. Сверху раздался низкий гулкий звук, и лицо Бенедикта побледнело.

— Быстрее!

Он подхватил Барнабаса на руки, а Бриджит немедленно взвалила ногу раненного мужчины себе на плечо.

К большому ужасу Гвен, камни начали еще быстрее падать вокруг них.

— Нам надо убираться из атриума! Туда, в боковой тоннель.

— Пошли, пошли, пошли! — крикнул Бенедикт и начал неловко бежать, наполовину боком к относительной безопасности меньшего тоннеля.

В тот момент, когда они проскользнули в его прохладный полумрак, башня снова заскрежетала, и внезапно кусок кладки, размером с дом среднего размера, обрушился на то место, откуда они только что ушли. Звук был оглушающим. Пыль поднялась удушающей завесой, забивая горло.

— Уходим глубже! — пропыхтела Гвен, и они продолжили свое отступление по сумрачному боковому тоннелю, навстречу полной темноте.

Наконец они достигли поворота, и как только они повернули за угол, воздух внезапно снова стал свежим, легких ток воздуха в тоннеле явно развеивал пыль, они остановились.

— Свет? — кашляя попросил Бенедикт.

Гвен потянулась к небольшим кристаллам на своих серьгах пальцами правой руки и усилием воли пробудила их к жизни, так же как она бы поступила, чтобы выстрелить из наруча. Крошечные кристаллы моргая засветились. Это был не особенно яркий свет, но на фоне окружающего мрака он обжигал

Бенедикт положил раненого мужчину на землю и осмотрел его раны.

— Черт побери, — сказал он. — Барни, старина, боюсь ты протекаешь в паре мест.

Барнабас ответил сквозь сжатые от боли зубы.

— Обычно это случается только во время грандиозных попоек.

— Ну, тогда мы затолкаем в тебя пару пробок, пока не дотащим до врача.

Бриджит повернулась к Гвен и начала рвать второй слой ее юбок, пока Бенедикт осматривал повязку, которую наложила Гвен. Очевидно, он счел ее удовлетворительной, поскольку, когда Бриджит протянула ему еще ткани, он перешел к другим ранам и начал их по очереди бинтовать. Юбки у Гвен закончились раньше, чем раны у Барнабаса, оставив только один тонкий слой ткани защищать ее ноги от холодного воздуха хабла.

— Ну, давай уже, — сказал Бенедикт. — Продолжай подавать бинты.

— Я так не думаю, — сказала Гвен. — Бенни, сними рубашку, и мы разорвем ее на части.

Бенедикт взглянул на нее, затем осмотрел последний слой ее юбок и понимающе хмыкнул. Он скинул пиджак и жилет и содрал рубашку одним резким движением, передавая ее Бриджит.

Гвен иногда забывала, что ее кузен был, как и все рожденные воинами, крайне атлетически сложенным, мужественным представителем своего пола, с крепкими, гибкими мышцами. Эффект был потрясающий. Бриджит моргая смотрела на его обнаженный торс в таком изумлении, что брошенная рубашка выскользнула из ее внезапно онемевших рук.

— Ох, — сказала она. — Ого.

Гвен вскинула бровь и ухмыльнулась. Значит вот как обстоят дела с Бриджит, да? Ну

хорошо. Одному Богу на Небесах ясно, что Бенедикту нужно чье-то внимание. Среди семей Высших Домов в целом, рожденные воинами считались… нежелательными — и в лучшем случае использовались как вооруженные наемники или телохранители — и уж точно не как члены Дома.

Гвен ткнула Бриджит локтем. Девушка еще раз моргнула, встрепенулась, и вернулась к раздиранию ткани, в то время как сирены воздушной тревоги не умолкали в главном атриуме хаббла.

— Держись, Барни, — сказал Бенедикт, продолжая работать. — Я знаю, что тебе больно, но думаю, что мы сумеем удержать твою душу в теле.

Барнабас ответил слабым болезненным стоном, глаза его были закрыты.

— Я все еще не понимаю, что происходит, — сказала Бриджит. — Воздушные корабли атакуют шпиль? Чьи?

— Скорее всего аврорские, — ответила Гвен.

— Но зачем им устраивать подобное?

— В основном ради экономики.

— Что?

— Правительство шпиля Аврора жадное, коррумпированное и неэффективное, — сказала Гвен. — Налоги очень высокие. Каждый хаббл конкурирует со своими соседями за финансирование и подачки от правительства, а основные правительственные дела, как правило, игнорируются. В результате их предприятия страдают и не развиваются — а население растет. Так что примерно раз в поколение или около того, аврорцы становятся агрессивными. Их флот поглощает гарнизоны, а в прошлом и целые шпили, расхищая их богатства, чтобы продлить жизнь своего шпиля, а многие их люди погибают в бою, чтобы снизить давление растущей популяции.

Бриджит озадачено переспросила:

— Они начинают войну… ради денег?

Гвен хмыкнула.

— Ты никогда от них этого не услышишь. Они всегда найдут или придумают повод. Но в итоге они всего лишь напыщенные пираты. Напряжение между их Армадой и нашим Флотом росло в течение примерно года — в основном рейды на торговцев Альбиона и небольшие стычки с флотскими судами.

— Правда, я не ожидал, что они нападут так скоро, — вставил Бенедикт. — Думаю, никто не ожидал.

Из темноты за пределами небольшого круга света от сережек Гвен раздался тихий, довольно пугающий кошачий возглас.

Бриджит напряглась и взглянула дальше в тоннель.

— Роул говорит, что кто-то идет.

— Хвала Богу на Небесах, — вглядываясь, сказала Гвен. — Возможно, это кто-то из гвардии. — Она позвала, — Эй! Кто там идет?

Несколько мгновений спустя, восемь мужчин в форме гвардейцев шпилеарха шагнули в освещенное Гвен пространство. Двое из них тащили носилки, человек на них был покрыт одеялами. Еще один, со сделанным из боевого кристалла знаком отличия младшего офицера, прикоснулся пальцем к брови и сказал:

— Мисс.

— Лейтенант, — сказала Гвен. Она не узнала мужчину, но это было не удивительно. У

гвардейцев было несколько десятков гарнизонов по всему шпилю, и в них служили почти две тысячи человек.

— Я очень рада вас видеть. У нас здесь раненый гражданский. Можете нам помочь?

— Простите, мисс, — ответил мужчина. — Я боюсь, что у нас есть свои обязанности, которые требуют нашего внимания.

— Гвендолин, — сказал Бенедикт.

Гвен оглянулась на него. Он никогда не называл ее полным именем. Он ждал ее взгляда, лицо его было спокойным, но глаза напряжены.

— Я уверен, что лейтенанту крайне жаль, что ему приходится выполнять свой долг. Это почти чудо, что он уже на ногах так скоро после этой внезапной атаки.

Гвен нахмурилась. Затем Бенедикт повел левой рукой, рукой с наручем, немного покрутил ей, и Гвен с холодным ужасом поняла, что он имел в виду.

Нападение произошло всего мгновения назад. Они четверо были в самом центре, видели как все произошло, и, тем не менее, у них едва хватило времени нырнуть в тоннель ради укрытия и наложить быстрые полевые повязки на несчастного Барни Астора. А вот перед ними стоит полный отряд гвардейцев, уже вооруженный и несущий раненого на носилках. И, как заметила Гвен, еще и с большими походными рюкзаками.

Никто не мог собрать отряд за секунды, не в ужасе и смятении, которые в данный момент охватили хаббл. Только если они знали о нападении заранее.

А кому лучше знать, как не врагу? Врагу одетому в форму гвардии, действующему в тайне, врагу, который не сомневаясь убьет любого, кто им встретится, чтобы сохранить свою маскировку.

Кого-нибудь вроде нее, например.

Сердце Гвен забилось так громко, что ей казалось, что она его слышит.

Бенедикт слегка кивнул ей, затем демонстративно закрыл глаза и отвернулся к раненому мужчине.

Закрыл глаза. Он сделал это специально, так, чтобы она видела. Зачем?

А. Ну конечно.

Гвен крутанулась назад к лже-гвардейцам, подняла левую руку и разрядила свой наруч в лицо офицера с расстояния меньше пяти футов.

Глава 13

Шпиль Альбион, хаббл Монинг, вентиляционные тоннели.

Вспышка получилась действительно ослепляющей. Когда разряжаешь наруч, свет получается достаточно ярким, чтобы чётко видеть кости своей руки через, кажется, ставшей прозрачной плоть. Сила заряда наруча с рёвом ворвалась под гулкие своды тоннеля, врезавшись в офицера, будто полыхающая кувалда. Она бросила его внезапно обмякшее тело на землю так, будто его ударили огромной дубиной.

Затем Гвен усилием воли погасила маленькие кристаллы на своих серьгах и погрузила тоннель во мрак.

Она не видела ничего кроме ослепительного хоровода цветов, а её глаза были, по крайней мере, хоть частично защищены от всполоха разряда наруча. Лже-гвардейцы, которые смотрели непосредственно на кристалл, должны были оказаться в худшем положении. Никто не сумеет ничего разглядеть при внезапном переходе от яркого света к полной темноте.

Никто, кроме одного из рождённых воином.

Гвен бросилась на пол в тот самый момент, когда резкий звук, подобного которому она не слышала до этого, рык, неотличимый от гортанного рыка большого охотящегося кота, раздался из темноты. Послышался быстрый шуршащий звук ботинок по каменному полу, вздох, а затем крик боли во тьме. Ещё шуршащие звуки, голос что-то прокричал на авроpском, больше криков, а затем вспышка наруча выжгла на её сетчатке картину — двое мужчин уже лежат на земле, а Бенедикт сошёлся в схватке с третьим, чей наруч выстрелил, в то время как сражающийся безоружным Бенедикт направил его на четвёртого противника.

Осветившаяся картина дала Гвен лишь мгновение, чтобы понять, где стоял ее кузен, и еще более короткое время, чтобы отреагировать. Он нацелила свой наруч в сторону от Бенедикта и сделала еще один выстрел, послав вспышку в переодетых захватчиков. Она не имела никакого представления, поразит ли она друзей или врагов, но подумала, что оставаться на месте не самая лучшая идея, на случай, если кто-нибудь из авроpцев подумает так же. Она откатилась налево до тех пор, пока весьма болезненно не уперлась плечом в холодную каменную стену.

В темноте послышалось движение, шумная возня, звуки ударов и затем короткий резкий вдох.

Бриджит.

Господь на небесах, в минуту безумной опастности Гвен совсем забыла об их спутнице.

— Остановитесь, Альбион! — рявкнул голос с сильным акцентом. — Или девчонка умрет.

Свет снова зажегся, в этот раз один из нападавших держал световой кристалл. Четыре тела лежали на земле, совершенно неподвижные, и пока она моргала глазами, изо всех сил пытаясь привыкнуть к новому освещению, увидела Бенедикта, который держал пятого мужчину за горло, подняв его так, что сапоги едва касались пола. Кровь была на руках кузена и на его обнаженной груди.

Захватчики, державшие носилки, уронили их. Под одеялами был не раненный — они были забиты кожаными футлярами обмотанными фитилями. И хотя у них было лишь краткое знакомство с устройствами на лекции по боеприпасам, Гвен знала достаточно, чтобы узнать военные подрывные заряды, когда их увидела.

Всего в нескольких футах справа от нее, один из захватчиков стоял позади Бриджит. Он держал ее за горло одной рукой, а другой поймал ее руки за спиной. Свежие следы ожогов на плече его униформы подсказывали, что второй выстрел наруча Гвен нашел цель.

Глаза Бриджит были яростными и широко распахнутыми, ее шея была вывернута под болезненным углом. Ее захватчик уставился на Бенедикта поверх головы Бриджит, свет от кристалла отражался в его кошачьих глазах.

— Отпусти его, — прорычал вражеский урожденный воин.

Бенедикт оскалил зубы, но выпустил пятого человека, который соскользнул на пол почти как мягкое мясо из чановой и тихо застонал. Гвен потребовалось время, чтобы понять, что захватчики рассеялись, двое ближайших присели на колено, так что стоящим за ними представилось свободное пространство для выстрела. Наручи у них были готовы и нацелены — некоторые направлены прямо на Гвен. К сожалению, она не направила собственный наруч на них и, более того, была уверена, стоит ей только пошевелить левой рукой, она даже не успеет заметить их выстрелы.

— Три человека за три секунды, — сказал авроpец Бенедикту тихим, ровным голосом. — Не страшно. Но я бы схватил тебя, если бы малышке не повезло со вторым

выстрелом.

Бенедикт поднял левую руку, кристалл его наруча стал разгораться.

Аврорец слегка улыбнулся и сильнее притянул Бриджит между собой и Бенедиктом.

— Насколько ты уверен в своей цели, Альбион? Выстрелишь — и мои люди убьют тебя и твою малышку. И как только вы будете мертвы, я убью эту и отправлюсь дальше.

— Стреляй в него, Бенедикт, — просипела Бриджит. — Он воняет. Да я лучше…

Аврорец слегка сжал пальцы и Бриджит резко замолчала. Он приложил губы к самому ее уху и сказал:

— Мужской разговор.

— Если я отступлюсь, — сказал Бенедикт, — ты все равно ее убьешь. Почему бы мне не прихватить с нами хотя бы тебя?

— Мое слово, — сказал аврорец. — Ты умрешь. Вот как это будет. Но ты можешь их спасти. Отступись — и я свяжу остальных и оставлю их невредимыми.

Бенедикт мгновение смотрел на другого рожденного воином в тишине. Затем сказал:

— Назовите ваше имя.

Аврорец склонил голову.

— Диего Сирьяко, мастер-сержант, Первый аврорский флот.

— Бенедикт Соррелин, гвардия шпилеарха, — сказал кузен Гвен.

— Бенедикт Соррелин, — сказал Сирьяко, — даю вам слово.

— Запомните мое имя, — сказал Бенедикт.

И затем опустил наруч со странно спокойным выражением лица.

— Запомню, — сказал аврорец. Затем он повернулся к своему товарищу и сказал:

— Стреляй по моей команде.

Между тем, наруч Гвен был направлен не на вооруженных мужчин, а на кое-что другое.

— Вы не станете, — отрезала она неожиданно холодным тоном, всячески стараясь скопировать властный негодующий тон своей матери, который та использовала лишь по особым случаям. — Если кто-нибудь выстрелит или как-либо нам навредит. клянусь Богом на небесах, что разряжу наруч в вашу взрывчатку. Это не тот конец, на который я рассчитывала, но он будет быстрым, и если я умру, защищая Альбион от аврорских захватчиков, моя жизнь окажется потраченной не зря. Можете ли вы сказать то же самое, мистер Сирьяко? А ваши товарищи?

Настал момент полнейшей хрустальной тишины.

Затем Сирьяко тихо зашипел и рявкнул:

— Не стрелять.

Зубы Бенедикта блеснули в жесткой улыбке.

— В таком случае, сэр, возможно мне стоит предложить вам капитуляцию. Мои условия будут намного более щедрые, чем те, что вы предложили мне. Отпустите молодую леди, сложите оружие, и вы будете взяты в качестве военнопленных.

Сирьяко фыркнул.

— Чтобы ваши мастера пытками получили у нас информацию? Я предпочитаю взрыв, сэр.

— Тогда мы в тупике.

Сирьяко согласно пробурчал:

— Ваша правда. Но этот баланс неизбежно изменится. Кто-нибудь придет.

— Уверяю вас, сэр, — сказала Гвен, — я без зазрения совести взорву любое количество

ваших товарищей, достаточно дурно воспитанных, чтобы нас прервать.

Рожденный воином посмотрел на нее с непроницаемым лицом.

— С другой стороны, мисс, если появятся ваши люди, это довольно сильно уменьшит вашу угрозу. Сколько ваших людей вы готовы убить вместе с нами?

— Даже вничью у меня преимущество, — сказала Гвен. — Пока я вас тут задерживаю, вам не удастся выполнить задание, которое вам дали. У вас невыигрышная комбинация.

Он оскалился.

— Пока нет. Как думаете, сколько времени пройдет, прежде чем ваши люди разберутся с этим беспорядком и пошлют вооруженные патрули по боковым тоннелям? Часы? День?

Он кивнул в сторону бессознательного тела Барнабаса Астора.

— Как долго продержится ваш раненый, прежде чем умереть? Я знаю, когда ожидать моих людей. И я знаю, что они будут вооружены. Меня совсем не удивит, если в следующий момент вас застрелят из глубины тоннеля ружейным выстрелом, прежде чем вы успеете осознать опасность. Время на моей стороне, мисс, не на вашей.

Гвен почувствовала холод внизу живота.

— Сдавайся, — грубо сказал Сирьяко. — Спаси, кого можешь.

Он посмотрел на Бенедикта.

— Уверен, ты понимаешь. Прикажи ей.

— Насколько мне известно, сэр, — извиняющимся тоном сказал Бенедикт, — никто никогда не мог приказать что-либо моей дорогой кузине. Вообще.

Лицо аврорца потемнело, и он снова повернулся к Гвен.

— Здесь победа для вас невозможна.

Она оскалилась.

— Пока, — сказала она с неким порочным удовлетворением. — Думаю, нам всем следует подождать и посмотреть.

Глава 14

Шпиль Альбиона, хаббл Монинг

Гримм ненавидел рукопашный бой.

На борту дирижабля сражение было приливной волной, бурей, силой природы. Да, люди умирали, и это было ужасно и преследовало его, но они умирали по власти сил настолько мощных, что с трудом можно было предположить участие человеческого фактора. Чаще всего никто никогда не видел лицо врага, только его корабль, висящий, как модель в небе, часто на вид вполне спокойный и красивый.

Конечно, это было иллюзией. Боль и смерть были реальностью. Но сражение на дирижабле являлось чем-то отдаленным. Независимым. Беспристрастным. Ты борешься с другим при помощи умения, сердец и разума своей команды, в то время как другой капитан делает то же самое. Ты видел, что враг сделал с твоим кораблем, но лишь изредка ты имеешь четкое, вселяющее ужас представление о том, что ты учинил над противником. Важнее всего, что хороший командир может принимать решения, которые защитят его команду и принесут им победу, корабль повинуется его воле, как единое огромное живое существо.

Рукопашный бой был совсем другим делом.

Кеттл вернулся с большей частью команды в считанные секунды, а мистер Джорнимэн уже готовился раздавать оружие и куртки с шелковой подкладкой. Куртки были старыми, шелк превосходил их по возрасту минимум на одно поколение и мог защитить только от ненаправленного удара слабой мощности, но это было лучшее из того, что Гримм смог

найти для своих людей и уж точно лучше, чем полное отсутствие обмундирования.

— Мы готовы, капитан, — сказал Криди. Молодой здоровяк уже надел наручи и держался за меч. — Куда нам идти?

— Туда, где вы нужны, — ответил Гримм. — Разумеется…

Он сделал паузу, когда Кеттл подошел к нему, чтобы надеть на него портупею, к которой крепились ножны. Потребовалась сноровка, чтобы закрепить ремень на груди таким образом, чтобы перевязь не запуталась в нем, а правая здоровая рука могла свободно вытащить оружие из ножен.

— Капитан, — сказал Криди. — Что вы делаете?

— Я не собираюсь отправлять команду туда, куда не могу пойти сам, старпом, — ответил Гримм. — Спасибо, мистер Кеттл.

— Капитан, — сказал Кэттл. — Ваш наруч?

Гримм пошевелил левой рукой на перевязи и вздохнул.

— Едва ли я смогу его надеть.

— Капитан, — сказал Криди. — Вы ранены. Вам нельзя двигаться.

— Глупости, — возразил Гримм.

Криди сжал зубы и перевел взгляд на Кеттла.

— Мистер Кеттл?

— Сэр? — ответил Кеттл.

Гримм уловил нотку скептицизма в этом уважительном обращении.

— Поскольку наш дорогой капитан решил подвергнуть себя неоправданной опасности, я возлагаю на вас лично обязанности по наблюдению за ним. Я хочу, чтобы вы не отходили от него ни на шаг, пока все это не закончится. Ясно?

Лицо Кеттла приобрело расслабленное выражение, и на мгновение на нем даже мелькнула улыбка.

— Предельно, сэр.

— Ха. Я могу приказать вам не делать этого, вы же знаете, — сказал Гримм.

— Что вы сказали, сэр? — громко спросил Кеттл. — Я вас совсем не слышу. Взрыв, уши, сами понимаете, сэр.

Гримм смерил его взглядом, но Кеттл остался все таким же вежливым, извиняющимся и глухим. Криди стоял, упрямо хмурясь. Гримм оглянулся на остальных членов команды, которые смотрели на них, ожидая, что произойдет дальше, и вздохнул.

— Ладно, ладно.

Он наградил обоих раздраженным взглядом, хотя на сердце у него потеплело.

— Как я уже говорил, десант не будет пытаться высадиться на крыше башни. Там пехотинцы, суда, экипажи. Если бы они хотели открыто напасть, то уже сделали бы это.

— Тогда где? — спросил Криди. — Думаете, они направляются к Лэндингу?

Резонный вопрос. Предприимчивые жители Хаббла Лэндинг многие годы вкладывали средства в то, чтобы прорубить собственные ворота в башенной стене, а затем построили свой собственный воздушный порт на внешней стене башни. Раньше в башню Альбион было только два входа: на крыше и у основания, а теперь их стало три. Появилась возможность сократить сроки погрузки и разгрузки вдвое, чем не преминули воспользоваться торговцы и ремесленники шпиля Альбион, что сделало Лэндинг почти таким же обеспеченным, как Монинг.

— Возможно, — сказал Гримм. — Но даже там им придется поработать кулаками,

чтобы попасть внутрь. Уверен, они используют другой способ.

— Вентиляционные шахты?

— Наверняка. Они запустят в тоннели столько солдат, сколько смогут, и постараются ослабить Альбион изнутри.

Кеттл присвистнул.

— Входы в эти тоннели размером не более чем четыре на четыре фута и расположены прямо на стене башни. И там нет никаких выступов или чего-то похожего, капитан. Чертовски сложная задача для парашютиста.

Гримм направился к траппу.

— Усердие и целеустремленность, мистер Кеттл, превращают сложность в рутину, — сказал Гримм. — Мы можем предположить, что из вентиляционных тоннелей они направятся в запасные, а оттуда — к своим целям. В хаббле Монинг существует несколько объектов, которые могут представлять для них интерес, к тому же они могут направиться к верфи. Наша цель — не дать им покинуть запасные тоннели. Преследовать их нет необходимости — уверен, что наша пехота будет рада это сделать, когда вернется.

Гримм обернулся и увидел, как идущие за ним люди всё еще завершали экипировку.

Кеттл смог собрать их за рекордно короткое время. Восемьдесят семь человек, не хватало только девятерых. Видимо, все они находились неподалеку друг от друга, делая ставки на дуэль.

Многие ли останутся в живых к закату, подумал Гримм.

— Мистер Криди, будьте любезны передать мои слова офицерам. Убедитесь в том, что каждый из них понимает нашу задачу, и я ожидаю ее выполнения независимо от того, что случится с ними или со мной. Каждый должен довести это до сведения своих людей.

— Так точно, капитан, — ответил Криди и тут же развернулся, чтобы передать информацию ближайшему члену команды.

— Мистер Джорнимен, — не оборачиваясь позвал Гримм.

— Да, капитан?

— Вы остаетесь.

Джонимен разразился скептической, крайне резкой тирадой.

— Нахальный воллипог, кажется, так вы выразились? Если вы считаете себя слишком важным, чтобы проявлять уважение и вежливость в отношении моего старпома, то вы определенно слишком важны, чтобы рисковать вами в стычке с аврорскими солдатами, Джонимен. Такие дела.

Гримм и его люди устремились вперед, и непрекращающиеся проклятия инженера потонули в нарастающем шуме.

Они спустились по винтовому трапу, который вел от верфи к хабблу Монинг, прокладывая себе дорогу среди тех, кто спешил в обратном направлении. Хаббл погружался в хаос.

Обстрел аврорских захватчиков не был направлен непосредственно на хаббл, но через стены башни прошло столько энергии, что из кладки начали вываливаться камни, что нарушило целостность стены и угрожало обрушением крыши шпиля. В воздухе витал запах дыма, повсюду слышались крики. Это было страшно. Затаившегося врага можно можно одолеть, но дым, заполняющий хаббл и туннели, мог убить каждого, не прибегая к мечу или наручу.

Гвардейцы шпилеарха сновали тут и там, спасая тех, кто попал под завалы или заботясь

о раненых. Это была ответственная реакция на кризисную ситуацию, но недостаточно организаванная. Они передвигались небольшими группами по три-четыре человека без явной согласованности. Насколько Гримм мог сказать, никто не пытался направить движение или успокоить людей на улицах атриума.

— Сэр! — произнес Криди, указывая на что-то.

Гримм перевел взгляд в сторону дальней стены хаббла, туда, где периодически вспыхивали ослепительно белые огни, превращающие находящиеся рядом здания в черные силуэты

— Перестрелка, — сказал Гримм. — Хорошее зрение, старпом. Поприветствуем наших гостей?

Не дожидаясь ответа, он перешел на медленный равномерный бег. Рука ужасно болела, но тут уж ничего нельзя было поделать. Хаббл Монинг занимал весь обьем шпиля, большая часть приходилась на просторный атриум практически двести футов высотой, и это было одно из лучших мест в двух милях от стены огромного цилиндра, который представлял собой шпиль Альбион. Им нужно поспешить, но прибыть не слишком запыхавшимися, чтобы уверено целиться и точно наносить удары мечами.

Бег был словно какой-то ужасный сон. Большая часть зданий казалась лишь слегка поврежденными, но временами мелькало какое-нибудь, раздавленное упавшей кладкой. Раненые лежали на полу из шпилевого камня или бродили по улицам ошеломленные. Гримм, сцепив зубы, поборол желание помочь маленькому ребенку, у которого очевидно была сломана рука. Бедный бродяжка страдал от боли, но не находился в опасности — что могло оказаться неправдой, если захватчикам удастся поджечь достаточную часть хаббла Монинг, взорвать чановые или водяные сады, или убить членов Совета Шпиля — хотя Гримм испытывал смешанные чувства о поводу тех потерь, которые могли бы произойти, или тех враждебных действий, которые еще только задумывались.

Вероятно, прошло четверть часа, пока они добежали — целая вечность во время любого боя. К тому времени, когда они достигли места, которое видел Криди, Гримм предположил, что бой, скорее всего, уже завершился. Но он ошибся. Приближаясь, они услышали вой наручей.

Гримм запыхавшись остановился прямо за углом большого дома, одного из первых жилищ со времен Постройки, выстроенный из шпилевого камня, он органично вырастал из пола хаббла. Перестрелка доносилась с обратной стороны.

— Стерн, — произнес он, пытаясь придать голосу спокойствие и размеренность. — Сбегай взгляни и быстро возвращайся, не зевай.

— Капитан, — отозвался худощавый, темноволосый парень, который был сильно младше среднего члена команды "Хищника". Стерн был зеленым курсантом на корабле, где закончилась карьера Гримма, и (вопреки указанию Гримма) ушел за ним с флота на "Хищник". Он так и остался невысоким и худым, когда повзрослел, и при необходимости мог двигаться так же тихо и быстро, как любой рожденный воином.

Криди тяжело дышал после бега, его лицо покраснело.

— Капитан, — выдохнул он. — Мы там, где я думаю?

— Чановые Ланкастеров, — произнес Гримм. — Они пришли за кристаллами.

— Господь на небесах. Если аврорцы их уничтожат…

— Тогда флоту придется сражаться на войне без запасных кристаллов или дополнительных кораблей, — сказал Гримм.

Ему подумалось, что это словно другими словами произнести "проиграть войну".

Стерн поспешил обратно к группе.

— Чановая выстроена из шпилевого камня, — доложил он, — так же подорвать проход невозможно. Слуги Ланкастеров пока еще удерживают дверь, но их недостаточно, чтобы долго продержаться.

— А враги?

— Капитан, — произнес Стерн обеспокоенным голосом. — Это гвардейцы шпилеарха.

— Чушь, — отрезал Гримм. — Скорее всего, это аврорцы в поддельной форме. Сколько их?

— Я насчитал две дюжины — но они заняли позиции, сэр. Они стреляют из укрытия.

Криди удивленно моргнул.

— Что? Если они хотят уничтожить чановую, то должны штурмовать дверь. Разве не так? С каждой минутой нахождения здесь появляется все больше шансов, что они сами попадут под удар. Зачем ждать?

— Ммм, — задумчиво протянул Гримм, прищурившись. — Зачем ждать?

Потом его зубы блеснули в улыбке.

— Действительно, зачем. Затем, чего именно они ждут. Вероятно, ожидают подкрепления. Стерн, где они расположились?

— Там каменная стена вокруг небольшого садика, между чановой и домом, капитан. Она побита огнем наручей, но они используют ее для прикрытия.

Гримм кивнул.

— Криди, будьте так добры, возьмите два отряда и расположите их в тылу с дальней стороны. Я возьму остальных и позабочусь о том, чтобы враг был слишком занят ближним фронтом, чтобы вас заметить. Не мешкайте.

Старпом кивнул, указал на двух офицеров, поманив их с собой. Он умчался бегом, остальные последовали за ним.

Гримм повернулся к оставшейся команде и сказал:

— Эти мальчишки в подобной драке лучше нас, но нас чертовски больше, чем их. Так что отнесемся к этому также, как к абордажу. Нападаем, нападаем, нападаем и держимся вместе. Да пребудет с вами Господь на небесах.

Он повел свою команду вокруг дома, чтобы выйти на участок напротив того места, где появится отряд Криди. Когда Криди туда доберется, он со своими людьми окажется позади укрытия аврорцев, выбивая захватчиков, оказавшихся в ловушке за каменной стеной. Они обрушатся на врага.

Разумеется, это также означало, что у аврорцев будет сильная оборонительная позиция, в отличие от Гримма и его людей, но это никак нельзя было исправить. Воздух заполнился воем наручей, свет стремительно и ярко вспыхивал в густой завесе смертоносной энергии.

Гримм выхватил меч, поднял его и закричал:

— Альбион!

Оружие команды также поднялось, и они взревели в яростном унисоне:

— Альбион!

Гримм обогнул последний угол и в сопровождении семидесяти кричащих аэронавтов припустил к позициям аврорцев.

Глава 15

Шпиль Альбион, хаббл Монинг, чановая Ланкастеров

Две секунды.

У Гримма и его команды было целых две секунды удивления и смятения для наступления на врага. Две секунды — это много, когда речь идёт о жизни и смерти. Они покрыли примерно половину открытого пространства, прежде чем авроpцы смогли прийти в себя, и офицер начал выкрикивать приказы, переключаясь на новую цель.

Свечение нескольких десятков оружейных кристаллов озарило сумрак, сияя словно прожекторы, они начали поливать огнем экипаж Гримма — по большей части из наручей, но было и несколько длинноствольных ружей. Люди Гримма ответили беглым огнём — дико неточно, по большей части, но все, что могло заставить авроpцев отступить или искать укрытие, было уже хорошо. Затем раздался ужасный звук, ослепляющий свет и ощущение каменного пола под ногами, когда он бежал с поднятым мечом.

Ещё две секунды.

В итоге двадцать его людей упали на землю, большинство кричало, но некоторые были ужасно неподвижны. Остальные приняли удар на свои эфшелские туники, и хотя шатались на бегу, всё равно продолжили двигаться.

Гримм увидел поразивший его взрыв, который выбил воздух из лёгких.

Он мгновение помедлил, прежде чем посмотреть вниз, но костюм, который одолжил ему старый эфиромант, очевидно имел подкладку из самого лучшего эфшела. Взрыв ощущался чуть больше, чем жесткий удар, неприятный, но едва ли смертельный, и хотя он сжёг и разорвал внешний слой костюма, эфшел под ним был целым.

А затем Гримм добрался до огороженного и побитого взрывами сада. Стена была скорее декоративной, чем функциональной, и поднималась чуть выше его живота, за исключением мест, где взрывы наручей разрушили ее до высоты всего в несколько футов. Гримм поставил сапог на один такой зазор, прыгнул в сад и миновал ряд мужчин, защищавших стену, освобождая место для людей, идущих позади него.

Он увидел перед собой бледное лицо и быстро ударил мечом, почувствовав, что он попал в цель. Затем блеснула сталь, и он нырнул под один из серповидных клинков авроpских пехотинцев и парировал второй такой же клинок.

Затем Кеттл проскользнул через зазор в стене, ударив в зубы человека, защищавшего проем. Рулевой приземлился, и его рука с наручем тут же вытянулась, выпуская заряд в голову другого защитника.

После этого началось яростное движение, рефлексы и ужас. Блестела сталь, ревели наручи, и его команда рвалась в сад, чтобы переместить достаточно людей за стену и решить вопрос численным преимуществом.

Но авроpские пехотинцы возражали.

Это были несгибаемые люди, профессионалы, которых обучали побеждать в битве. Они осознавали опасность потери стены и окружения численно превосходящим противником, и жестоко сражались до последнего. Гримм увидел, что его отбросили назад, Кеттл был рядом, команда пыталась следовать за ними только для того, чтобы быть беспощадно зарубленными лезвиями вражеских пехотинцев.

Гримм почувствовал перелом в битве, почувствовал решимость авроpцев, осознал, что они отразили натиск. Судя по всему, через несколько секунд атака будет отбита, а он вместе с Кеттлом подвергнется пристальному вниманию вражеских наручей.

И тут прибыл отряд Криди.

Они не кричали. Они бежали в относительной тишине, их шаги были замаскированные

выстрелами наручей, воплями и криками, и заняли позицию вдоль противоположной стены сада. Криди сделал всё на отлично. Он удостоверился, что каждый человек был у стены, наруч поднят, рука наготове, нацелена и готова стрелять, прежде чем отдать приказ.

Аврорцы, полностью сосредоточенные на отражении нападения Гримма, ничего не подозревали до момента, когда первый залп Криди вырубил почти половину из них. Гримм бросился вперед, погрузив меч в грудь офицера, чей шелк поглотил поразивший его взрыв. Кеттл, находившийся рядом, перехватил яростный замах другого врага своим собственным клинком, проревев: «Альбион!»

Когда он это проделал, его спутники-аэронавты с ревом рванули вперед с медными мечами в руках, запрыгивая на низкую стену или проскакивая сквозь прорехи, подавляя ошеломлённых захватчиков своим количеством.

Выжившие аврорцы продержались менее двух секунд.

— Криди, — произнес Гримм несколько мгновений спустя. — Доложите.

— Одиннадцать мертвы, — сообщил Криди серьезным и подавленным голосом. — Еще двое долго не протянут. Семнадцать выведено из строя из-за травм и столько же легкораненых, сэр. Я послал тех раненых, кто может двигаться на "Хищник" с просьбой немедленно прислать доктора Багена.

— Аврорцы? — проворчал Гримм.

— Трое живы. Они могут не выжить из-за ран.

— Пусть Баген осмотрит их, когда закончит с нашими ранеными. Полагаю, власти захотят с ними поговорить.

— Без сомнения, сэр. — Сказал Криди. — Я отряжу кого-нибудь постарше и поспокойнее охранять их.

— Молодец, — сказал Гримм. — Пошлите кого-нибудь в чановую сообщить, что мы не собираемся их убивать.

— Я подумал, что внутри могут быть нервные мужчины с наручами, так что я сходил сам, сэр, — сказал Криди.

Гримм усмехнулся.

— Вижу, они вас не подорвали, — заметил он.

— Нет, сэр, — серьезно ответил Криди. — Вооруженная охрана Ланкастеров, сэр бывшие пехотинцы, очень хорошая дисциплина. Они остались на посту, а их командир отправился охранять дом.

Из сада, где уложили раненых, доносился низкий, стонущий крик боли. Гримм и сам выглядел утомленным, сидя на скамейке в саду. Там был небольшой журчащий ручеек и бассейн, несколько карликовых деревьев и пышные зеленые папоротники: довольно красиво, несмотря на всю кровь и трупы.

Как часто это бывает, трупы воняли потрохами и дерьмом. Казалось, неправильным, что последние остатки человека были настолько грязными, но это было так. Гримм пытался игнорировать запах и неподвижные фигуры. В битве всегда были неприятные последствия. Он устало встал, выпрямил спину, прочистил горло и осмотрелся вокруг.

— Это была хорошая работа, мистер Криди. В битве и после. Я знал людей, у которых не было и половины вашего спокойствия в их первой битве.

Криди неуверенно замялся, прежде чем ответить. Капитаны не говорили такие вещи своим младшим офицерам на флоте. Криди нахмурился.

— Сэр, — начал он.

— Да, мне тоже это не нравится, — ответил Гримм. — Но поскольку я не могу представить вас к награде или выдать благодарность за необычайную компетентность под огнем, это нужно было сделать.

— Я… Да, сэр.

Гримм кивнул.

— Когда придет время, я куплю тебе выпить, и мы больше не будем об этом говорить.

— Я… — Криди кивнул. — Думаю, это вполне допустимо, капитан Гримм.

— Отлично, — ответил Гримм. — С этим покончено. Как только сюда доберется Баген, соберите людей и приготовьтесь выдвигаться. Где-то там куда большее количество авроpцев, и мы должны быть готовы среагировать.

— Мы захватили четыре неповрежденных длинноствольных ружья, сэр. Раздать их людям?

Гримм кивнул.

— Отличная идея. Выдайте одно мистеру Стерну.

Он отличный стрелок. Пусть наберет отряд для использования остальных ружей.

— Так точно, сэр. — ответил Криди и отправился исполнять.

— Капитан, — произнес Кеттл с того места, где он стоял сдержано и молчаливо на расстоянии выпада. В его тоне было предупреждение.

Гримм повернулся и обнаружил приближавшегося высокого мужчину в черном костюме, практически точно копировавшем флотскую униформу. У него был меч и наруч, а в коротко стриженых волосах виднелась седина. Даже до того как Гримм увидел его глаза, он признал в человеке урожденного воина по грации и худощавой фигуре.

— Полагаю, капитан Гримм, — произнес мужчина.

— Да, — ответил Гримм. — У вас передо мной преимущество, сэр.

Высокий мужчина подал руку и Гримм пожал ее.

— Истербрук, — представился он. — Глава охраны Дома Ланкастеров. я рад вашему вмешательству, капитан. Четверо на одного — неудачный расклад.

— Кажется, авроpцы так и думали, — ответил Гримм. — Вы вшестером сдерживали два отряда профессиональных солдат. Впечатляюще.

— Недолго, — сказал Истербрук, — в противном случае пришлось бы использовать слова вроде "трагическая" или, быть может, "благородная жертва". Спасибо.

Гримм понял, что улыбается мужчине.

— Чем я могу вам помочь, сэр?

— Лорд и леди Ланкастер были в резиденции и видели большую часть из того, что только что произошло. Они хотят, чтобы я передал их благодарность и соболезнования вашим потерям, и проинформировал вас, что они уже послали за своими личными врачами и что готовят место в доме для ваших раненых. Вам не нужно бояться, что ваши людям не будет обеспечен лучший уход.

Гримм почувствовал внутреннее облегчение, он даже не осознавал, что это причиняло ему боль.

— Я… Пожалуйста, сэр, передайте Ланкастерам мою сердечную благодарность.

Истербрук кивнул.

— Обязательно. — Он огляделся вокруг и затем снова посмотрел на Гримма. — Вы Френсис Мэдисон Гримм? Капитан "Опасного"?

Гримм почувствовал, как напряглись плечи.

— Бывший капитан, сэр. Это я.

— Я слышал, Адмиралтейство сломало ваш меч. За трусость.

Кеттл зарычал.

Истербруг, выгнув бровь, посмотрел на Кеттла. Но затем повернулся к Гримму, явно ожидая ответа.

— Так и было, сэр, — подтвердил Гримм.

Истербрук хмыкнул.

— Но вы атаковали пехотинцев в укрытии. С рукой на перевязи.

— В этом была необходимость, — ответил Гримм. — Мы все служим, сэр. Одни с большей славой, чем другие.

Истербрук, казалось, усмотрел несколько значений в ответе Гримма и произнес:

— Верно. Адмиралтейство снова поставило во главе мудаков.

Гримм вскинул бровь и ничего не сказал. За его спиной Криди выкрикнул приказ, и оставшиеся аэронавты начали собираться вместе. Прибыл Баген и двое других мужчин с явной уверенностью и сосредоточенностью целителей в кризисной ситуации. О его людях позаботились. Он почувствовал облегчение в груди, словно ее внезапно освободили от тугих кожаных ремней.

Истербрук оглядел собирающихся мужчин и произнес:

— Вы выдвигаетесь?

— Не могу представить, что чановая кристаллов была единственной вражеской целью, - ответил Гримм. — И не думаю, что люди, которых мы уложили, действовали сами по себе. Казалось, они ждали прибытия подкрепления.

Истербрук кивнул.

— Я тоже так подумал. Я бы послал с вами нескольких человек, но…

— Другие все еще могут напасть на чановую, а ваша обязанность — защищать Ланкастеров, — произнес Гримм. — Альбион не должен потерять чановую. Я оставлю с вами отряд для защиты, пока не появятся солдаты или настоящие гвардейцы.

Истербрук кивнул.

— Я благодарен вам, капитан. У меня тоже есть раненые. Куда вы направитесь дальше?

— Я собирался патрулировать периметр атриума и…

Без какого-либо предупреждения рыжий котяра перепрыгнул через садовую стену и припустил к ним. Кеттл удивленно охнул и рефлекторно потянулся к мечу. Кот примчался к Истербруку и резко остановился, издав долгий горловой звук, напоминающий жевание.

Истербрук заморгал и вытянул руку.

— Погоди, погоди, успокойся.

Казалось, кот заметался на месте с напружиненными ногами, словно едва удерживался от того, чтобы снова побежать. Поток возбужденных кошачьих звуков продолжался.

— Зверюга спятила, сэр? — поинтересовался Кеттл.

— Думаю, не спятила, — ответил Гримм. — Мистер Истербрук, вы его понимаете?

— Я лишь немного говорю, — сказал Истербрук. — "Он… там", "опасность", "помощь". Все, что я понял.

Он покачал головой.

— Какая опасность? Кому нужна помощь?

— Постойте, — произнес Кеттл. — Я знаю, что это умные зверюги, но… вы хотите сказать, что они действительно разговаривают?

Кот сделал несколько отчаянных кругов и метнулся у трупу аврорца в поддельной униформе. Он остановился, чтобы убедиться, что все они смотрят на него, затем нарочито ударил его в грудь, зашипев.

— Еще такие? — спросил Истербрук. — Как этот?

Кот издал еще один звук и Гримм мог бы поклясться, что это был раздраженно утвердительный ответ.

— Благословенные Строители, — выдохнул Кеттл. — Он что серьезно?

— Мой боцман на "Опасном" держал на борту кота, — сказал Гримм. — Маленького монстра нельзя было недооценивать.

Он взглянул на Истербрука.

— Вы знаете это создание?

— Да, — сразу подтвердил Истербрук. — Его зовут Роул.

— Тогда, полагаю, я знаю, куда отправится дальше, — спокойно произнес Гримм.

Роул развернулся, чтобы посмотреть прямо на Гримма пристальным взглядом широко раскрытых глаз. Затем он издал еще один мурчащий звук и метнулся к садовой стене. Он запрыгнул наверх и остановился, чтобы взглянуть назад.

— Мистер Криди! — позвал Гримм. — Мы выдвигаемся!

— Так точно, сэр! — отозвался Криди. — Куда мы направляемся, капитан?

Роул спрыгнул вниз и метнулся в полумрак, остановившись в тридцати ярдах, чтобы посмотреть назад.

Гримм начал двигаться, Кеттл рядом с ним.

— Быстрым маршем, мистер Криди. Следуйте за котом.

Глава 16

Шпиль Альбион, хаббл Монинг, вентиляционные тоннели

Бриджит никогда особо не задумывалась, каково это — быть пленницей, когда рука захватчика в буквальном смысле угрожает выдавить из тебя жизнь, но она была совершенно уверена, что никогда бы не представила, что опыт будет прежде всего утомительным.

Поначалу она была растеряна от смущения и страха, но в противостоянии, которое произошло после того, как ее захватили, она чувствовала себя все более униженной, оскорбленной. Что за дурочка позволила врагам захватить себя и использовать против собственного шпиля? И прямо на глазах у Бенедикта?

Рожденный воином аврорский пехотинец Сирьяко крепко прижимал ее спиной к своей груди: одной рукой держал ее поперек живота, а другой слегка сжимал горло. По началу, она думала, что, возможно, сможет застать его врасплох и бросить его, но при малейшем смещении веса, рука Сирьяко сожмется и полностью перекроет ей воздух.

После нескольких минут напряженной тишины, Бриджит повернула голову достаточно, чтобы увидеть часть лица Сирьяко.

— Просто, чтобы вы знали, — сказала она, — вы держите меня неудобно. Спину сейчас сведет судорогой. И когда это произойдет, я не смогу стоять неподвижно.

— Уверен, по вам будут скучать, — спокойно ответил аврорец, слегка сжав пальцы на ее горле в качестве демонстрации.

Бенедикт, чьи глаза были прикованы к аврорцу, издал низкий и совершенно нечеловеческий рык.

— Осторожнее, парень, — протянул Сирьяко. — Если кинешься на меня сейчас, это плохо кончится для нас всех.

— Я серьезно, — сказала Бриджит. — Сэр, если мою спину сведет судорогой, я начну корчиться, а вы за это меня убьете, мой друг наверняка на вас бросится, и обстоятельства разовьются.

С того места, где она все еще лежала на полу, целясь из наруча во взрывчатку, Гвен произнесла:

— Можно сказать "взрывоопасно разовьются".

Аврорец улыбнулся в ответ.

— Проклятье, я восхищаюсь женщинами с характером. Но мой опыт показывает, что пленники, которые пытаются что-нибудь сделать, хотят либо сбежать, либо убить меня. Так что вы не получите ни дюйма.

— Есть и другой вариант, который вы не рассматривали, — сказала Бриджит.

— И какой же?

— Возьмите меня. Оставьте свою взрывчатку и уходите.

— Чепуха, — произнесла Гвен.

— Мисс Ланкастер, — произнесла Бриджит очень сердитым и довольно громким голосом, — не могли бы вы перестать мне помогать. Ваше единственное предложение предполагает, в качестве ключевого элемента, смерть всех находящихся в этом тоннеле. Почему бы мне не обратить внимание на поиск чего-то менее радикального?

Сирьяко издал музыкальный смешок, который Бриджит ощутила позвоночником.

— Я слушаю. Зачем же мне так поступать?

— Потому что это дает максимальную выгоду от сложившейся ситуации, — ответила Бриджит.

— Мне нужна эта взрывчатка.

— Вы ее не получите, — откровенно сказала Бриджит. — Практически в каждом сценарии, который может здесь разыграться, вы не сможете получить взрывчатку. Если прибудет наше подкрепление — вы ее не получите. Если появляются ваши люди и кому-нибудь не

удастся сделать идеальный выстрел, прежде чем мои товарищи поймут что к чему, — вы ее не получите. Если никто не появится — вы ее не получите. Если мою спину сведет, и цепь событий будет развиваться так, как мы предполагаем — вы ее не получите.

Аврорец издал урчащий звук.

— Но учтите: если вы отступите и возьмете меня с собой, это позволит вам не опасаться, что мои друзья откроют огонь из-за угрозы моей жизни. И вас не будут преследовать — если вы оставите взрывчатку, им ничего не останется, кроме как остаться с ней, чтобы не дать вам использовать ее по назначению.

— Если не взрывчатка, то какую выгоду я получу от этого предложения?

— Вы останетесь в живых, — сказала Бриджит. — Ваши люди выживут. Вы сможете скрыться в тоннелях и напасть в другой раз.

Сирьяко одобрительно хмыкнул.

— А что получите вы?

— Вы не сможете взорвать то, что собирались, — ответила она. — И оба моих друга останутся в живых.

Он зарычал.

— А что получите вы, мисс?

— Скорее всего, буду изнасилована и убита, — ответила она. — Но поскольку решение

едва ли от меня зависит, нет смысла на этом останавливаться. Я новичок в подобного рода делах, сержант, но мне кажется, что поджидать какого-то солдата, который может придет, а может и нет и сделает идеальный выстрел по правильной цели с первой попытки, очень маловероятный вариант развития событий, особенно, когда его ошибка или неверное решение означают, что все умрут в результате взрыва. Напротив, мое предложение гарантирует вам жизнь сейчас и надежду выжить в ближайшем будущем, возможно, договориться о более выгодных условиях капитуляции или вообще уйти из Альбиона.

Один из оставшихся солдат, очевидно, разговаривал на альбионском, потому что он перевел взгляд с Бриджит на Сирьяко и что-то сказал напряженным голосом. Рожденный воином пехотинец выплюнул краткий, грубо звучащий ответ.

— Непременно обсудите это, — сказала Бриджит. — Чем больше мы говорим, тем больше вероятность того, что мы найдем какой-нибудь здравомыслящий способ покончить с этим.

"И," — подумала Бриджит, — "это даст больше времени Роулу, чтобы найти другое решение". Она только надеялась, что у него будет больше здравомыслия, чем устроить какое-нибудь неожиданное самоличное нападение.

— Сержант, конечно, вы должны видеть, что…

Пальцы Сирьяко снова сжались, перекрывая ей воздух, и он произнес довольно раздраженным голосом:

— Вы, люди, не можете насытиться звуком собственных голосов, не так ли? Я думаю.

— Она изложила это не лучшим образом, — произнес Бенедикт суровым низким голосом. — Но она права. Какой бы ни была ваша миссия, сейчас у вас мало шансов выполнить ее так, как планировалось. И чем дольше вы здесь остаетесь, тем больше вероятность, что что-нибудь плохое произойдет с нами со всеми.

— Что-то мне подсказывает, — сказал аврорец, — что ты не собираешь просто стоять там, пока я ухожу с девчонкой.

— Это будет зависеть, — ответил Бенедикт.

— От чего?

— От того, что с ней произойдет, — ответил он. — Обращайтесь с ней с уважением и отпустите невредимой, и мы все всего лишь солдаты.

— А если я этого не сделаю?

Бенедикт мгновение помолчал, прежде чем ответить:

— Это станет личным.

Бриджит, которая не могла дышать во время этого разговора, шлепнула пальцами по одному из стальных предплечий Сирьяко, словно прося пощады в одном из захватов Бенедикта на тренировке.

— Хмм? — протянул Сирьяко. Затем, — А, да.

Он отпустил пальцы, и Бриджит вдохнула полные легкие воздуха. Это движение сместило ее вес на какую-то долю градуса.

И тихо, так что на мгновение она подумала, что вообразила это, Сирьяко издал болезненный стон.

Бриджит застыла, обдумывая это. Все верно; аврорцу в плечо попал выстрел из наруча. Она до сих пор могла чувствовать запах горелой ткани и того, что могло быть горелой плотью. Ранение было достаточно серьезным, чтобы он побоялся принять вызов Бенедикта. На самом деле, теперь, когда она это обдумала, захват, которым ее держал Сирьяко, едва ли

был эффективным. Несколько недель тренировок не сделали ее экспертом, но она понимала, что он легко мог бы удерживать ее правой рукой, освободив руку с наручем. Вместо этого, его левая рука была прижата к ее животу, и не слишком-то крепко.

Почему? Очевидно, потому что он не мог. Может он вообще не мог поднять руку. Это бы объяснило, почему он не давал ей сменить позу. Его левая рука, должно быть, куда менее сильная, чем он хотел бы ее убедить, а она была достаточно высокой, чтобы при смене позы его пальцы уже не могли крепко сжаться. Правда, пальцы его правой руки сжимали ее трахею как тисками, и их было более чем достаточно, чтобы убить ее или отговорить от проверки его левой руки на прочность.

Она осознала. что для нее это было способом освободиться. Но все зависело от решимости аврорца. Насколько он был готов убить ее?

— Альбион, — произнес Сирьяко. — Даже не секунду не думай, что я боюсь, как бы ты не сделал это личным.

— Если не боишься, отпусти девушку, — сказал Бенедикт.

— Я бесстрашен, — ответил Сирьяко сухим тоном, — а не глуп. И как бы умно ни было принять ее предложение, этого не произойдет.

Бриджит снова повернула к нему голову.

— Почему же нет?

— Потому что я верный сын Авроры, — ответил Сирьяко. — И у меня есть долг. Я выполню его или умру пытаясь.

Через мгновение он произнес более мягким тоном:

— И, мисс, как бы это не повернулось — если мы возьмем вас, я лично выпотрошу любого, кто попытается наложить на вас лапы. Если придется вас убить, то сделаю это быстро и безболезненно.

— Внесу ясность, вы не насильник, — сказала Бриджит, — но вы убийца.

— Кажется, вы все схватываете, мисс, — сказал он.

Он говорил совершенно искренне, что делало любую попытку воспользоваться его ослабленной рукой чем-то, что лучше оставить для момента отчаяния. Впрочем. ее спину снова начало сводить, и она опасалась, что этот момент быстро приближается.

Обе группы еще на мгновение погрузились в напряженную иссушающую тишину. И тогда довольно жуткий кошачий голос эхом донесся из сумрачного коридора.

— Мышонок, — сказал Роул. — Помощь идет.

Сирьяко немедленно напрягся при звуке, оглядывая коридор, словно выискивая его источник, но даже замечательные глаза рожденного воином были неспособны что-либо увидеть в темноте из небольшой и довольно хорошо освещенной области.

— Это может быть вашей последней возможностью, сержант, — сказала Бриджит. — Уходите.

Сирьяко издал грудной рычащий звук.

— Коты — мелкая порочная зараза, но они тоже меня не пугают, мисс.

Несколько других аврорцев заговорили родном языке своего шпиля, быстрый и лаконичный обмен закончился, когда Сирьяко прорычал ту же фразу, что и до этого. Затем его глаза расширились, и он выплюнул другой приказ. Аврорцы переглянулись, но опустили наручи и начали отходить тем же путем, которым пришли.

— Держитесь рядом, мисс, — произнес Сирьяко низким голосом. — Альбион, ты шагай к своей маленькой лежащей подружке. Мы уходим.

Бенедикт прищурился, но затем его ноздри затрепетали, и он кивнул, словно соглашаясь. Он сделал несколько шагов, пока не встал рядом с Гвен.

— Помни, — обратился он к Бриджит, — наш первый урок.

Бриджит моргнула.

Первым, что нужно освоить, как он часто повторял во время обучения, было умение падать.

Конечно… это же не первый урок, правда?

Это казалось довольно самоубийственным, но… возможно, суждение Бенедикта в этих вопросах было лучше, чем ее собственное. Так что, хотя это и заставило ее сердце забиться от внезапного, вызывающего дрожь ужаса, Бриджит начала движение. Она напрягла ноги и вцепилась руками в правое предплечье Сирьяко, со всей силой наклоняясь вперед, как если бы ей нужно было бросить кусок говядины через плечо.

И очень быстро случилось несколько вещей.

Во-первых, что-то вроде огненного воротника сомкнулось у нее на шее. Сирьяко не был новичком в бою — вместо того чтобы полететь через плечо, он сделал несколько плавных шагов, обходя ее, и в результате она подняла его лишь на несколько дюймов.

Как только Бриджит почувствовала его вес на своих плечах, она со всей силы откинулась назад и впечатала его в стену раненым плечом. Он изумленно взвыл от боли, и смертельный захват на ее горле ослаб.

Трескучее копье эфирного разряда выжгло полосу в поле зрения Бриджит и поразило одного из аврорских пехотинцев прямо в голову. Он рухнул кучкой неподвижных конечностей. За первым разрядом последовало еще три за половину удара сердца, и хотя две не попали в цель, третий поразил аврорца в бедро, выбив из-под него ногу и свалив на пол.

У Бриджит не было шансов использовать мускулы против каменной силы рожденного воином. Обоих ее рук не достаточно, чтобы пересилить его единственную руку.

Так что она продолжила биться о его раненное плечо, вцепилась в один из пальцев двумя руками и жестоко вывернула его назад.

Сирьяко взбешенно закричал, а затем Бриджит взлетела в воздух и врезалась в дальнюю стену тоннеля. Это был довольно поразительный опыт, особенно резкая остановка. Руки и ноги перестали слушаться, и когда она отскочила от стены и начав падать, поняла, что не может дышать.

Она скорчилась на полу, а потом два кристалла, которые использовали аврорцы для освещения, мигнули, оставив только темноту, которая нарушалась только ослепительными вспышками эфирного света.

По какой-то причине пол казался довольно прохладным и удобным, и она была довольна, что лежит. Вспышки света прекратили перебранку и мгновение спустя она почувствовала как Роул осторожно обнюхивает ее щеку. Она сделала попытку пошевелить рукой, чтобы убедить его, что с ней все в порядке.

Потом она услышала голоса, и в тоннеле вспыхнул свет. Появилось множество мужчин в поношенной одежде с обветренными лицами и в странных, выглядевших тяжелыми туниках. Все они были вооружены наручами и мечами, за исключением четверых, которые несли длинноствольные ружья, их медные спирали светились, а из перегретых стволов поднимались струйки пара, так как у них выкипела вся вода из небольших резервуаров.

Из-за них вышел мужчина, и Бриджит сразу же определила его как их лидера. Он был лишь среднего роста, его костюм был довольно неподходящим и заплатанным, а одну руку

он держал на перевязи, но на его костюме были следы от огня наручей, а сам он был покрыт кровью, которая не казалась его собственной. Мужчина двигался с абсолютной уверенностью в цели, с неослабевающей сосредоточенностью и окружающие его люди прислушивались к нему с очевидным и молчаливым уважением, которого не выразить словами. Он быстро огляделся и произнес:

— Отличный выстрел, мистер Стерн.

Невысокий худощавый мужчина с длинноствольным ружьем коснулся пальцем воображаемой фуражки.

— Бейкер сделал хороший выстрел, сэр. Обогнал его. У нас есть пленник для допроса.

— Отличная работа. Приглядите за ним.

— Так точно, капитан.

Мужчина развернулся и подошел к Бриджит.

Роул немедленно вскочил Бриджит на грудь, уселся и уставился на мужчину сузившимися глазами, издавая низкое рычание.

— Прости, — обратился он к коту. — Но ты же сам хотел, чтобы я ей помог, разве нет?

Кошачьи глаза сузились еще сильнее.

Мужчина протянул Бриджит руку и поинтересовался:

— Можете подняться, мисс?

Бриджит успокоительно шикнула на Роула, взяла мужчину за руку и медленно поднялась, придерживая Роула другой рукой.

— Да. Спасибо, сэр.

Говорить было больно.

Мужчина вежливо склонил голову.

— Меня зовут Гримм. — Он посмотрел туда, где высокий и очень привлекательный юноша помогал Гвен подняться на ноги. — Мистер Криди, будьте любезны выделить отряд для охраны взрывчатки.

— Так точно, капитан, — произнес высокий молодой человек.

Бриджит вдруг почувствовала легкое головокружение, и тогда рядом с ней оказался Бенедикт, мягко поддержавший ее под локоть.

— Аврорцы, — спросила она. — Что произошло?

— Они воспользовались вашим предложением — за исключением той части, где они похищали вас, за это я не могу не чувствовать благодарности, — ответил Бенедикт.

— Я собиралась приподнять его и бросить, как ты мне показывал, — сказала Бриджит. — Но это не сработало. Мне жаль.

Бенедикт моргнул.

— Это то, что ты подумала… Нет, нет. Я уловил запах капитана Гримма и его людей, после того как Роул вернулся, и я подумал, что перестрелки не избежать. Я хотел, чтобы ты упала.

Бриджит моргнула.

— О, это… Оглядываясь назад, это довольно очевидно, когда ты формулируешь таким образом.

Бенедикт осторожно приподнял ее подбородок несколькими пальцами и уставился на ее шею.

— Хотя, должен признать, он совершенно не ожидал нападения.

Он осторожно прикоснулся к ее горлу кончиками пальцев.

— Ой, — спокойно произнесла Бриджит.

— Это должен осмотреть врач, — сказал Бенедикт обеспокоенным голосом.

Гвен, подошедшая к Барнабасу, подняла взгляд от раненого.

— Его тоже. Кажется, он без сознания. — Она встала и подошла к Гримму. — Капитан, вы можете кого-нибудь выделить, чтобы помочь нам с раненым?

— Конечно, мисс, — ответил Гримм, слегка кивнув головой. — Если вас устроит, их отнесут туда, где лечат моих людей — в дом Ланкастеров.

Гвен довольно резко вскинула бровь и произнесла:

— Полагаю, это подойдет.

— Мистер Криди, — сказал Гримм. — Вы возьмете отряд, чтобы доставить гражданских и конфискованные материалы в безопасное место. Я продолжу зачистку, встретимся с вами в доме Ланкастеров. Мистер Стерн, будьте так любезны, идите впереди…

И так же быстро как пришли, большая часть аэронавтов и их капитан ушли.

Высокий молодой человек позаботился о погрузке взрывчатки обратно на носилки и людях, чтобы их нести, а также убедился, что захваченный аврорец не истечет кровью и не сбежит. Затем он повернулся к ним и произнес:

— Дамы, сэр, не могли бы вы пойти со мной, пожалуйста. Мы не должны задерживаться здесь, пока не убедимся, что здесь больше нет врагов.

Бриджит все еще была несколько озадачена.

— Бенедикт, — сказала она. — Прости, но… Я не понимаю. Сражение окончено?

Его лицо потемнело.

— Нет, — тихо произнес он. — Думаю, оно только началось.

Глава 17

Шпиль Альбион, хаббл Монинг, дом мастера Феруса

Фолли села в постели в маленькой мансарде над библиотекой мастера-эфироманта, она была покрыта холодным потом, сердце колотилось, а дыхание было тяжелым. Она тупо сидела несколько безмолвных мгновений. Кошмар оставлял кисловатые испарения в воздухе вокруг человека — не то, что можно унюхать, даже если бы у нее было острейшее обоняние, но, по какой-то причине, она всегда могла заметить эту вонь.

— Учитель, — позвала Фолли. — Кажется, я снова видела тот сон.

— Ты поймала его? — спросил мастер. — Если нет, должен сказать, что тот сон победил тебя.

Фолли выпрямилась и оглядела свою маленькую мансарду. Множество ее банок наполненных чуть-чуть использованными осветительными кристаллами (она никогда не понимала слово "выгоревшие" в отношении кристаллов, которые больше не отвечали воле обычного человека) придавали помещению мягкое подводное свечение. Она повернулась, чтобы проверить ловец снов.

Между двумя рядами стеклянных банок находилась сетчатая воронка, сплетенная из отдельных нитей эфшела. Фолли проверила сеть и небольшую эфирную клетку за узким концом воронки, представляющую собой нейтральный кристалл в рамке из медной проволоки.

На самом деле Фолли подумала, что это довольно таки хорошо, что она ученица эфироманта, потому что из нее получился бы неудачный паук. В воронке были десятки провисающих нитей, а некоторые из них даже полностью оборвались, и их концы уворачивались от ее пальцев, когда проводила рядом рукой. Сеть была перекошена, спираль

завивалась неровно, и в узоре было несколько явных ошибок, где узелки и клей выглядели неуклюжими.

Но она подумала, что это не обязательно должно означать, что сеть плоха, особенно для того, у кого не было таких же возможностей выучиться плести, как у пауков.

А маленький кристалл в эфирной клетке светился тусклым огненным светом.

— Полагаю, я успешный паук-самоучка, — крикнула она мастеру Ферусу.

— Я всегда надеялся, что ты им станешь, — сказал Ферус. Его стул скрипнул по полу, и шаги раздались на лестнице в мансарду. Лестница скрипнула, когда он поднялся и увидел ловушку.

— Во имя Строителей, Фолли. Какая ты чудесная маленькая мухоловка!

Пока он говорил, Фолли улыбалась и слегка раскачивалась, протягивая руку за клеткой.

Маленькое устройство быстро отскочило от ее протянутой руки, казалось, что кристалл напрягся в медной клетке, жужжа и вибрируя среди прутьев, словно злая оса. Она несколько раз моргнула и убрала пальцы, вспомнив о неприятных взаимоотношениях с некоторыми пауками и кое-какими осами.

— Ах! — хихикнул Ферус. — Ах, ты сделала это. Я так и думал!

— Я же только что сказала вам, что сделала это, учитель, — заметила Фолли.

— Не ты, — раздраженно произнес Ферус. — Я говорил о Враге.

Фолли склонила голову, рассматривая небольшой медный каркас.

— Там Враг?

— Да, во имя Бога на небесах, — ответил Ферус. — Уверен, что говорил тебе. Я отчетливо помню это.

— Возможно, это было завтра, учитель.

— Может быть, — сказал Ферус. — Но да, абсолютно. Враг с большой буквы В.

— Если у человека есть Враг, то он и сам должен быть достойным. А этот сон? Его послал Враг?

— Я бы скорее заподозрил, что это в большей степени восприимчивость Фолли, — ответил Ферус. — Дай-ка его нам; давай посмотрим.

Фолли мгновение обдумывала эту проблему, потом осторожно потянулась рукой к дальней стороне медной клетки. Она приблизила к ней руку, и та снова начала жужжать, уворачиваясь. Фолли загнала ее к стене мансарды, и Ферус ловко перехватил ее, когда она отскочила от девушки.

— Великолепно, — произнес он довольным тоном. Старый эфиромант нагнулся, чтобы уставиться в кристалл.

— Давай-ка посмотрим, что было у тебя в голове, а?

Его глаза ярко засияли, и затем мужчина замолчал, всматриваясь.

Фолли поднялась с кровати, сняла ночную одежду и натянула вещи, которые казались правильными сегодня: красный чулок, серый чулок в голубой горох, простое желтое хлопковое платье и дюжину ярких шарфов, которые она завязала на каждую руку, зубами затягивая узелки. Затем она надела на талию оружейный ремень, за вычетом ненадежного оружия, и наполнила обе кобуры маленькими сетчатыми мешочками крошечных потускневших кристаллов. Они не привыкли, чтобы их носили подобным образом, но она подумала, что это будет для них хорошим опытом. Она дополнила наряд еще несколькими шарфами вокруг шеи и намотала длинный вязаный шарф на голову. Было жарко, но она подумала, что на сегодня сойдет, и почувствовала себя гораздо лучше, когда закончила

одеваться.

У нее было время одеться, сесть и начать желать доброго утра всем своим маленьким кристаллам, когда мастер сделал долгий, медленный выдох и опустил эфирную клетку с зловещим кристаллическим сердцем. Он выглядел ужасно. Лицо посерело, глаза ввалились.

— Учитель? — произнесла Фолли. Она подошла к стене мансарды и присела перед ним, протянув руку к его голове, которая горела, словно в лихорадке.

— Что вы видели?

— Несомненно послание, — сказал он. — Это был не сон и не эфирное эхо, девочка моя. Я уверен, это было послание.

Фолли моргнула.

— Послание? Отправленное через эфир? Такое вообще возможно?

— Мгновение назад я бы сказал, что нет, — ответил он, все еще блуждая взглядом. — Но оказалось, что кто-то придумал, как это может быть сделано — хотя, так же ясно, что они понятия не имели, что могут быть подслушаны.

— Думаете, я подслушивала во сне? Надеюсь, это не оценка моего характера, учитель.

— Нет, — медленно ответил он. Он часто так разговаривал, когда его мозг был полностью сконцентрирован на какой-то задаче.

— Нет, дитя. Твои кошмары в последнее время — сколько ты уже слышишь их шепот? Около двух недель?

— Вроде того, да, — ответила Фолли. — Но, учитель, как же так получилось, что я их слышала, а вы — нет?

— Это отличный вопрос. Я над ним поразмыслю. — Он медленно вздохнул и сказал, — кстати, час назад началась война. Я решил, что не стоит тебя будить.

— В противном случае я могла бы пропустить это… послание во сне, — серьезно сказала Фолли. — Полагаю, это сбивало бы с толку — иметь Врага, но не иметь войны.

— Давай не будем делать предположений, — сказал мастер.

— Тогда я задам пару вопросов, если вы не возражаете.

— В кои-то веки.

— Вы сказали, это было послание. Кому его послали?

— Вопрос грамматики, Фолли. Ммм. — Ферус потер подбородок. — Другому эфироманту, почти наверняка.

— Разве есть другие в хаббле Монинг?

Ферус покачал головой.

— Нет уже… очень много лет. Думаю, ближайший — Бернард Феззинг внизу в хаббле Солас. Но ты же знаешь, что он абсолютно сумасшедший.

Фолли осторожно поправила одну из сотен баночек выдохшихся кристаллов, которая необъяснимо выбилась из ряда.

— Бедняжка.

— Это случается с лучшими из нас, — произнес Ферус и скользнул на лестницу, удерживая захваченное эфирное послание одной рукой. Фолли заметила, что он забыл одеться с утра, за исключением пары толстых черных носков и ночного колпака.

— У меня есть предчувствие.

— Оно хорошее?

— Думаю, нам понадобится тот угрюмый капитан.

— Капитан Гримм?

— Не исправляй мою речь; это эстетический выбор порядка слов. И да, тот приятель, у которого была заражена рука.

— И зачем он нам понадобится?

— Он показался способным. И вежливым. А это такая редкость, встретить кого-то действительно вежливого по правильным причинам. — Он замолчал. — Здесь холодно?

— Вам нужно надеть свой теплый халат, учитель, — неуверенно предложила Фолли.

— Ах, да, я знал, что что-то забыл, дитя. Спасибо.

Мастер подобрал халат — на полу библиотеки лежало несколько тех, что он рассеяно сбросил за последние несколько недель — и надел его наизнанку. Но он был очень занят размышлениями; Фолли могла сказать это по тому, как он сжимал челюсть. Он еще хорошо справился, вообще попав руками в нужные отверстия, когда был в таком состоянии ума.

Фолли закончила прикасаться к каждой банке маленьких кристаллов, а затем аккуратно спустилась по лестнице. Когда она наполовину пересекла комнату, то услышала резкий, тяжелый грохот из прихожей.

Голова Феруса рывком повернулась на звук, его глаза засияли лихорадочно ярко, мелькая вправо и влево на произвольные расстояния. Он поднял одну руку, чтобы указать, и голос его был похож на вкрадчивое рычание.

— Фолли, к той стене, на пол.

Фолли поспешила повиноваться. Когда мастер сканировал так много вариантов будущего с такой скоростью, и говорил таким голосом, нужно быть очень глупым, чтобы поступить по-другому. Она низко присела, поджав ноги, на случай, если придется бежать и потянулась к кобурам, чтобы успокаивающе похлопать кристаллы, если они вдруг испугаются.

Ферус кивнул и рассеянно поднял правую руку. Кристалл в навершии его трости издал тихий звон, когда он выпустил поток эфирной энергии из кончиков пальцев, а затем трость плавно проплыла по комнате в его руку.

Как только он это сделал, библиотечные двери распахнулись и в комнату ворвались трое мужчин в униформе, приближенной к той. что носили гвардейцы шпилеарха. У них было всевозможное солдатское снаряжение, включая наручи и мечи. Один из них держал топор, который он только что использовал на прекрасной деревянной двери Феруса, а оба его подельника наступали, подняв заряженные наручи. Они разрядили наручи с секундной задержкой друг от друга, ослепительная энергия затопила комнату разрушительным потоком, призванным разорвать стоящего перед ними старика в клочья.

Фолли моргнула и почувствовала что-то похожее на жалость к бедным дуракам.

Ферус просто поднял трость, и кристалл в ее навершии впитал смертельный выплеск эфирной энергии, как губка впитывает воду. Он направил трость вперед, и кристалл продолжил вытягивать эфирную силу оружейных кристаллов из наручей, впитывая ее одним долгим непрерывным потоком.

Наручи не были рассчитаны на такой непрерывный выплеск энергии и начали перегреваться почти мгновенно. Медные провода, служившие рамкой для оружейного кристалла и обхватывающие предплечья солдат, задымились, раскалились и начали светиться. Двое мужчин разразились жалобными криками и упали, сражаясь с кожаными ремешками и пряжками, которые обжигали пальцы, даже когда их пытались расстегнуть.

Третий мужчина, посмотрев на двух других, блеснул искрой интеллекта. Он быстро снял наруч и бросил его на пол. Но затем он уничтожил всю свою тяжелую умственную

работу, подняв окованный медью меч и атаковав мастера с мечом в одной руке и топором в другой.

Ферус нетерпеливо мотнул головой, поднял трость и выпустил единственный мерцающий заряд обжигающего света через комнату. Он полетел по странной волнообразной траектории, облетая вокруг колонны, под столом, скользя по нескольким стопкам книг, прежде чем врезаться в широкую часть тяжелого окованного медью топора.

Заряд выжег трехдюймовую дыру в стали, рассыпав множество искр и мерцающих огненных вспышек, а мужчина закричал и уронил оружие, уставившись на мастера огромными глазами.

— Вы нарушаете правила, сэр. Прочь. Пока еще можете, — спокойно произнес Ферус.

С каждым словом, крошечный ослепительный пучок света вырывался из кристалла и начинал вращаться вокруг головы мастера с белоснежными кудрями в прекрасном и смертоносном венце эфирного огня.

Мужчина облизнул губы, затем оглянулся назад. Его раненные подельники смогли сорвать наручи с рук и вытащили короткие прямые мечи. Он повернулся назад к мастеру и оскалил зубы.

— Не надо, — произнес Ферус смягчившимся голосом. — Пожалуйста, не надо. На этом пути слишком много боли.

Двое мужчин на полу поднялись на ноги. Третий глубоко вздохнул.

— Фолли, — сказал мастер, — закрой глаза.

Фолли сразу же повиновалась.

Раздался гортанный крик незваного гостя. Затем поток шипящих звуков и хор пронзительных воплей.

Затем крики.

И тишина.

И запах горелой плоти.

Фолли сглотнула и медленно поднялась. Она разлепила один глаз, потом другой. Мастер не говорил, что ей нужно держать глаза закрытыми бесконечно.

Он был не ранен. Стоял на том же месте, склонив голову, кристалл его трости, снова потемневший, упирался в пол, словно трость стала слишком тяжела, чтобы ее удержать.

Фолли не стала смотреть на то, что осталось от переодетых злоумышленников. Это было неприятно, а она и так была на пределе, благодаря паучьим способностям. Ей не нужны дополнительные кошмары. Она старательно не позволяла себе расплакаться, хотя, ей очень этого хотелось. Мастеру причиняло боль видеть ее плачущей, а она лучше сгорит заживо, чем причинит ему боль. У него и так уже слишком много боли.

Она подошла к нему и нежно коснулась руки.

— С вами все в порядке, учитель?

Она наблюдала как его запавшие усталые глаза в течении долгих ударов сердца смотрят на обгорелых нелюдей, которые теперь усеивали пол библиотеки, прежде чем он ответил.

— Чему мы сегодня научились, Фолли?

— Что не следует применять эфирное оружие против эфироманта?

— Хотя то, что ты говоришь, истинная правда, я надеялся на другой контекст.

— Ах, — она подумала мгновение и сказала, — Кто-то послал этих людей вас убить, специально.

— Хорошо. Продолжай.

— Им нужно было знать, где вы живете. Поэтому их послал кто-то, кто знает вас или знает о вас.

— Верно, — подтвердил мастер, он понизил голос до неразличимого бормотания, — признаю, я не уловил даже малейшего отблеска этого будущего.

Фолли внезапно нахмурилась, сморщив нос. Она знала, что на самом деле не могла этого чувствовать, но разум утверждал, что ее нос заполнила вонь.

Страх клубился вокруг Эфферуса Эффренуса Феруса, мастера эфироманта.

— Вы знаете, — сказала Фолли. — Знаете, кто их послал.

— Полагаю, что так.

— Кто это, учитель?

— Старый друг. Друг, который был мертв уже десяток лет.

Фолли мгновение раздумывала над словами, прежде чем осторожно произнести:

— Это не кажется возможным.

— О, да, — подтвердил мастер. — Это полное сумасшествие. Но так и есть.

— Учитель, я не понимаю.

— Не нужно спешить, — мягко ответил он. — Ты все поймешь достаточно скоро.

Фолли немного покачала головой.

— Учитель?

— Да?

— Что нам сейчас делать?

— Будь добра, принеси мой дуэльный костюм, — сказал он. — Кроме того, три пера и молоток. Подготовь мою коллекцию. О, и упакуй сумку.

— Сумку?

— Сумку. С… едой, одеждой, книгами и тому подобным. Мы покидаем хаббл.

Фолли несколько раз моргнула.

— Что? Покидаем? И куда направимся?

— Сначала повидаемся со шпилеархом и попросим предоставить нам угрюмого капитана, — ответил он.

— А потом?

Что-то темное и жестокое поднялось на мгновение в глазах мастера, и взгляд заставил Фолли задрожать.

— А потом, — тихо произнес он, — мы навестим старого друга.

Глава 18

Шпиль Альбион, хаббл Монинг, особняк шпилеарха

Спустя двенадцать часов после окончания боя, Гримм ничего так не хотел, как принять ванну и оказаться на своей койке на "Хищнике". По сути, он этого жаждал. Когда он был настолько усталым, его сон бывал слишком глубоким, чтобы его беспокоили люди, которых он потерял в бою. Он мог, по крайней мере, на одну ночь отложить мучения от являющихся во сне лиц и конечностей, которые были раздроблены, обожжены и порублены во время первой битвы того, что могло стать долгой и затратной войной.

Однако, вместо отдыха они с Криди следовали за худощавым пожилым джентльменом по имени Винсент из прихожей особняка шпилеарха по коридору с полированными деревянными стенами и полами, украшенному несколькими лучшими образцами искусства в шпиле Альбиона. Судя по латунным табличкам с гравировкой под каждым объектом, там были картины легкомысленных времен Нового Рассвета, два века тому назад, скульптуры

мастера-олимпийца МакДаггета и другие образцы, некоторые из которых были творениями сравнительно неизвестных художников, работающих в настоящее время в шпиле Альбиона. Гримм нашел их восхитительными. Он одобрил вкус того, кто оформлял коридор.

Их провели в помещение, напоминавшее кабинет, также полностью обставленное деревом и освещенное свечами, а не осветительными кристаллами. Там был большой стол и пять стульев, аккуратно стоявших перед ним.

Винсент кивнул на стулья и произнес:

— Господа, будьте любезны подождать здесь, он вскоре к вам присоединится.

— Разумеется, — ответил Гримм. Они с Криди сели, а Винсент удалился.

Прошло не больше двух или трех минут, перед тем как дверь в задней стене кабинета открылась, и в комнату вошел шпилеарх. Он не был человеком внушительного роста и обладал телосложением, милосердно называемым телосложением ученых, но взгляд Лорда Альбиона был остер и тверд, и двигался он порывисто, с кипучей энергией, приближаясь к ним. Гримм и Криди одновременно поднялись ему навстречу.

Альбион обошел вокруг стола и подал Гримму руку.

— Капитан Гримм, — произнес он. — Я слышал необыкновенные вещи о вашей службе шпилю перед лицом неожиданной атаки.

— Сир, — сказал Гримм, слегка кивнув головой. — Это мой старпом, Байрон Криди.

Криди пробормотал что-то, чего Гримм не смог разобрать и пожал шпилеарху руку с выражением застывшего шока на лице.

— Ну что ж, — проговорил Альбион, — Я знаю насколько вы оба устали, поэтому сидите, сидите, а я буду кратким насколько это возможно. — Они присели, в то время как лорд Альбион уперся бедром в край своего стола, спокойно оценивая их взглядом. — Боюсь, вы допустили серьезную ошибку сегодня.

— Сир? — удивился Гримм.

— Вы проявили себя необыкновенно умелым, капитан, — сказал Альбион. — Я не могу позволить, чтобы что-то подобное осталось незамеченным.

— Я не понимаю, сир, — сказал Гримм, нахмурившись.

— Капитан, ваша ясность мысли перед лицом неожиданной катастрофы — редкое качество. Это плохая награда за такой героизм, но боюсь, что должен настаивать на том, чтобы продолжить использовать вас на благо моего шпиля.

Гримм мгновение помолчал. Он хотел погрузиться в ванну и смыть с себя насилие и ужас перестрелки с аврорскими пехотинцами. Он хотел поспать. Разве его люди не достаточно потрудились?

— Сир, — произнес он тихим, размеренным голосом. — Я уже предлагал свои навыки на службу Альбиону. Шпиль ясно дал понять, что во мне не нуждаются.

— Да, инцидент с "Опасным", — ответил Альбион. — Я знаком с тем, что произошло. Или, лучше сказать, я знаком с обеими версиями истории — тем, что случилось и тем, что на самом деле произошло. Вы не должны были мириться со своим увольнением, капитан. Но вы это сделали.

— Так было лучше для флота, — сказал Гримм.

— Полагаю, это спорный вопрос, — возразил лорд Альбион. — Но без сомнения ваше самопожертвование было лучше для флота, а не лично для вас.

— Я вступил во флот не для того, чтобы искать собственную выгоду, сир, — ответил Гримм.

— Лучше никогда этого не делать, — Альбион слегка улыбнулся Гримму. — Но ваши предыдущие трудности не имеют значения, капитан. Как мы уже говорили, Совет шпиля голосует за объявление войны со шпилем Авроры. Шпилю понадобится каждый способный командир, которого он сможет найти.

— Сильно сомневаюсь, что флот примет меня назад в любом качестве, сир, — произнес Гримм твердым, как алмаз голосом, хотя и не хотел этого, — Никто не хочет работать с признанным трусом.

— Я хочу, — сказал Альбион. — Я говорю не о вашем возвращении на флот, капитан. Я хочу вас для себя.

Гримм моргнул.

— Сир… то, что я сделал сегодня, сделал бы любой профессиональный командир, оказавшийся на моем месте. Это не дает мне права на должность у вас на службе.

— Капитан, возможно, суждение о том, что дает человеку право служить шпилеарху, лучше оставить самому шпилеарху, — предположил лорд Альбион, его глаза с юмором поблескивали.

Гримм неловко поерзал на кресле.

— Сир… я не дипломат, поэтому с вашего позволения просто скажу, и заранее прошу прощения, если это прозвучит неприятно или неуважительно.

Глаза Криди слегка увеличились, но он остался молчаливым как камень.

Альбион вскинул бровь.

— О, конечно, капитан, говорите.

— Мне здесь не нравится. Проведя больше нескольких недель в этом тоскливом старом мавзолее, я чувствую, как будто не могу дышать. Я не понимаю, как вы можете это терпеть изо дня в день. Я аэронавт, сир, живущий на палубе с тех пор, как могу себя помнить. Я принадлежу небу. Принадлежу своему кораблю. Это единственное место, которое кажется… правильным. Спасибо за предложение, но мне не нужна другая работа.

— Понимаю, — сказал лорд Альбион. — Но вы исходите из ложного предположения. Я не хочу, чтобы вы служили советником в моем штате, капитан.

Он сложил руки и слегка прищурился.

— Я хочу дирижабль под руководством капитана, которому я могу доверять.

Гримм и Криди обменялись удивленными взглядами.

— Сир?

— Мне нужен корабль в качестве транспорта и поддержки миссии для моих гвардейцев, — сказал Альбион. — Я решил, что хочу, чтобы "Хищник" вместе с капитаном и экипажем занял эту должность.

— Что если они не захотят этого делать? — поинтересовался Гримм.

Криди издал полузадушенный звук.

— Я могу быть очень убедительным, — сказал шпилеарх.

— У вас нет никаких юридических полномочий, чтобы сделать это, — возразил Гримм.

— Вы правы. Но я все равно решительно настроен увидеть, как это осуществится.

Возможно, дело было в усталости, но Гримм по-настоящему разозлился.

— Сир, — жестко произнес он, — "Хищник" не продается. Я не продаюсь.

Это вызвало хищную усмешку у лорда Альбиона. Он наставил указательный палец на Гримма и слегка наклонился вперед.

— Именно, капитан. Именно. Вы служите Альбиону в качестве капера уже

восемнадцать месяцев. Это задание не будет отличаться.

— Это… очень великодушно, сир, — осторожно сказал Гримм. — Возможно, вы не осведомлены о необходимости ремонта "Хищника". Он нуждается в переоборудовании. Может пройти время, прежде чем он сможет снова подняться в небо.

"Возможно, десятилетия," — подумал Гримм.

— Он двигается только на балансирующих кристаллах.

— Я не аэронавт, капитан, — извиняющимся тоном сказал шпилеарх, — и не эфирный инженер. Что именно это означает?

— Он может двигаться только вверх и вниз, — услужливо подсказал Криди. — И делает это очень медленно.

— А, — просиял Альбион. — Так случилось, что это именно то, что я хочу от вашего корабля.

Гримм прищурился.

— Что именно это означает?

— Я отправляю группу в Лэндинг, — ответил шпилеарх. — Это должно быть сделано быстро — по возможности до рассвета. Я уверен, что ваш корабль пригоден…

Гримм поднялся, его сердце билось все сильнее и громче, по мере того как рос его гнев.

— Сир, — он почти рявкнул. — При всем уважении, транспорта до Лэндинга предостаточно. Отправьте их на барже или лебедке.

Лорд Альбион слегка откинул голову и удивленно поднял брови.

— Капитан, я не понимаю, почему этот план вас так расстраивает.

— Мой корабль не баржа. И уж точно, черт возьми, не лебедка, — прорычал Гримм. — И пока я жив, никогда не будет ею. Ни для Флота, ни для чертова Совета шпиля, ни для вас, сир. Спасибо за предложение, но я не могу помочь. Пожалуйста, извините меня. Мне нужно позаботиться о раненых и погибших. Криди.

Гримм повернулся, чтобы уйти, и Криди сорвался со стула, следуя за ним, его лицо побледнело.

Альбион громко вздохнул. Едва Гримм достиг двери, он проговорил:

— Какая жалость, капитан. Хотелось, чтобы мы сработались. А вы, случайно, не знаете кого-нибудь на рынке, кто ищет новые поднимающие и балансирующие кристаллы для корабля размером с «Хищник»? Кажется, у меня есть парочка лишних.

Гримм застыл, положив руку на дверную ручку. Он наклонил голову, а затем медленно, обреченно повернулся к шпилеарху.

Альбион улыбнулся как кот.

— Сделайте это для меня, и вы совершите поездку на Лэндинг с первоклассными запчастями из Ланкастерской Чановой. Мне сказали, что ваш инженер может их установить и откалибровать в течении недели.

— Вы… сделаете это? — выдохнул Гримм. — В обмен на что?

— В обмен на эту работу, — проговорил Альбион. — Одно дело. Переправьте моих людей в Лэндинг. Обеспечивайте всем необходимым пока они там. И привезите их назад, когда они закончат дела.

— Одно дело, — промолвил Гримм.

— Честно говоря, капитан, я надеюсь, что вы увидите преимущества моего предложения и будете склонны работать со мной на постоянной основе. Но если вы не захотите иметь со мной ничего общего после этого, да будет так. Оставьте кристаллы и идтите своей дорогой.

— Если я соглашусь, вы выкинете целое состояние.

Лорд Альбион пожал плечами.

— Предпочитаю считать, что это инвестиция в будущее, капитан Гримм. Что скажите?

Гримм выдохнул через нос. Ярость все еще бурлила, но рядом с ней тлела…

Надежда.

Недосягаемо дорогая замена для поврежденных кристаллов "Хищника", ожидающая установки. Его корабль снова поднимется над туманом, чтобы плыть в ослепительном свете солнца. Команда снова будет обеспечена средствами к существованию. И в то же время "Хищник" будет подчиняться только капитану.

Свобода.

Гримм ощутил внезапное потрясение от осознания того, что ничего на свете не заставит его отказаться от этой сделки.

— Я скажу… — медленно начал Гримм, затем вздохнул. — Скажу, что вы сукин сын с задатками манипулятора, сир.

— Каждый божий день, — кивком подтвердил лорд Альбион. Он встретился с Гриммом глазами.

— И я не отворачиваюсь от своих людей, капитан.

Он не сказал: "Так как это делает Флот", но это повисло в тишине после его слов.

Альбион поднял руки, ладонями наружу, словно объявляя о конце аудиенции, и смерил Гримма откровенным взглядом.

— Все просто: вы мне нужны, капитан. Шпиль нуждается в вас.

Гримм на мгновение сжал правую руку в кулак, потом расслабился.

— Мистер Криди.

— Капитан?

— Возвращайтесь на "Хищник". Сообщите инженеру Джонимену, что его ждет работа Подготовьтесь к отправлению в Лэндинг.

Глава 19

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг

Майор Ренальдо Эспира, аврорский пехотинец, тихо шел по тесным, людным улицам хаббла Лэндинг одетый в местную одежду. В руках он нес ящик с логотипом одной из водных ферм Лэндинга. Несмотря на то, что в хаббле царило оживление, гул голосов и слухи, власти хаббла Лэндинг, очевидно, еще не осознали, в какой мере его батальон вторгся в шпиль Альбиона, и никаких пропускных пунктов и патрулей еще не было создано. Он все еще мог передвигаться относительно свободно.

Первоначальная атака прошла с тем успехом, которого разумно ожидать от любого боевого задания. У него еще не было вестей от штурмовых команд, атаковавших хаббл Монинг, но месяцы тренировок его пехотинцев в точности парашютного маневра щедро окупились. Уже более четырех или пяти сотен человек под его командованием вышли на контакт и начали собираться. И поступали сообщения о менее чем двадцати пехотинцах, которые не смогли должным образом нацелиться на одну из многочисленных вентиляционных шахт шпиля.

Это выглядело, словно избежание неудачи, у него было более чем достаточно людей, чтобы достичь своих целей, и если ему удастся увидеть завершение самого дерзкого рейда в истории любого шпиля, то куча денег в шпиле Авроры обеспечит его жизнь.

Эспира прокладывал путь по суетливым улицам Лэндинга. Большинство хабблов в

каждом шпиле доработали первоначальные помещения спроектированные Строителями, добавляя укрепления, дополнительное жилье, больше чановых, то что необходимо, но обитатели Лэндинга довели это почти до безумия. На самом деле, они поделили вертикальное пространство своего хаббла пополам, фактически создав два повторяющихся уровня одного и того же хаббла, один из которых расположен поверх другого. Это означало, что потолки обычного хаббла, как правило, высокие превратились в низкие и нависающие, которые вызывали у Эспиры чувство, что потолок медленно опускается на него сверху.

Словно этого безумия было недостаточно, они до отказа наполнили оба этих пространства каменными и деревянными конструкциями, лучшими из тех, что приходилось видеть Эспире. Улицы превратились из широких аллей в тесные и узкие, где не более трех человек могли идти рядом друг с другом. Дома и предприятия находились стена к стене, а двери были узкими по необходимости. Человек в буквальном смысле не мог и двадцати шагов пройти по улицам Лэндинга, чтобы не столкнуться с другим пешеходом.

Это был не хаббл. Это был лабиринт для крыс.

И все же… почти в каждом доме были деревянные двери. Местами целые дома были выстроены из дерева, и они не выглядели особенно роскошными, скорее, были сделаны с добротной, безвкусной функциональностью, которой отличалось жилье ремесленников и торговцев. Тем не менее, количество древесины, потребовавшееся для строительства одного такого жилища, при продаже могло обеспечить человека едой и питьем на всю жизнь.

И в самом деле, крысы. Жадные, грызущиеся, вороватые крысы.

Пусть они выставляют напоказ свое богатство. Все переменится.

Он проследовал по узким улочками, пробрался по проулку между двумя зданиям к старой, гниющей двери. Эспира остановился и постучал: три размеренных удара, за которыми последовали еще два быстрых, дверь сразу открылась.

По другую сторону стоял ее ординарец Сарк. Человек напоминал Эспире охотящегося паука — он был урожденным воином, высоким, худым, с длинными тонкими конечностями и ладонями, которые казались немного большеватыми для остальной фигуры. У него были короткие черные волосы, которые покрывали лицо, голову, шею и открытую часть рук редким паучьим пушком. Кошачьи глаза Сарка — особенность его вида — располагались под

небольшим углом друг к другу, так что Эспира никогда не мог быть уверен, куда именно мужчина смотрел.

— Чего, — буркнул Сарк. По его тону было понятно, что он скорее убил бы Эспиру, чем говорил с ним.

Эспира стал самым молодым майором в истории аврорской пехоты не потому, что позволял себя запугивать всяким неприятным людям.

— Она здесь? — поинтересовался он у Сарка.

— Зачем?

— Есть проблема.

Сарк взглянул на, или слегка мимо Эспиры, и зарычал.

Майор вздернул подбородок и прищурился.

— Это не в твоей компетенции, Сарк. Если только ты не желаешь сам объяснить ей, почему прогнал человека, который пришел предупредить об угрозе для ее плана.

Мгновение Сарк не двигался, замерев как любой паук, который чувствует приближающуюся добычу. Затем издал горловой звук и шагнул назад от двери, оставив ее

открытой.

Эспира смело вошел и сунул ящик с овощами Сарку в руки, словно тот был обычным слугой. Сарк принял ношу, но его косые глаза прищурились. Эспира чувствовал, как взгляд сверлит ему спину, когда проходил мимо ординарца и дальше по мрачному коридору к обитой медью стальной двери в ее комнату.

Он постучал и ждал, вместо того чтобы войти. Он был смелым, а не самоубийцей.

Через мгновение женский голос произнес:

— Входите, майор.

Эспира открыл дверь, которая легко и бесшумно повернулась на петлях, и вошел в комнату. Это были роскошные апартаменты, оформленные как гостиная. В настенных бра сверкали осветительные кристаллы. Скульптура шпиля Альбион была установлена в одном из углов комнаты, окруженная свободным пространством. Напротив шпиля возвышался изящный силуэт большой арфы около пяти футов высотой. Капельный фонтан, высеченный в одной из стен, издавал шепчущие звуки, а вода стекала в небольшой бассейн, наполненный плавающими цветами и небольшими скользящими силуэтами, которые были едва видны на поверхности.

Она сидела на одном из двух стульев возле бассейна рядом с сервировочным столиком. Она готовила две чашки чая, ее движения спокойны и точны, чем-то напоминая ритуал. На ней было темно-синее консервативное платье, точно по фигуре, элегантное и дорогое. Она была ни молода и не стара, ее тонкие, хищные черты были интригующими, и что-то в ее сдержанных движениях шептало, что под ее идеально выдержанной внешностью может скрываться обжигающая страсть.

Ее глаза вызывали беспокойство Эспиры. Они были холодными и безжизненно серыми, как туманы скрывавшие мир, и она редко моргала.

Эспира сделал надлежащий вежливый поклон. Мгновение она оставалась неподвижной, затем кивнула на второй стул. Эспира подошел и сел.

— Молю вас простить это вторжение, мадам Кэвендиш, но нужно было поговорить с вами.

Вместо ответа она передала ему чашку чая на тонком фарфоровом блюдце. Разумеется, он принял ее с улыбкой и благодарно кивнул головой.

Мадам Сикоракс Кэвендиш была очень правильной женщиной. Насколько Эспира мог сказать, любой кто вел себя по отношению к ней по-другому, не переживал этого. Так что он улыбнулся, подождал, пока она не взяла свою чашку, и сделал глоток одновременно с ней.

Он отметил, что чай был его любимым — олимпийский мятный, сдобренный идеальным количеством меда. Очевидно, его визит не застал женщину врасплох. Она никак не могла знать, что он придет, но, черт возьми, все равно знала.

Ее безжизненные глаза пристально наблюдали за ним поверх чашки.

Он подавил дрожь.

— Ренальдо, — произнесла она. Ее голос был необыкновенным: бархатным, теплым и мягким, подобный голос мог принести отдохновение измученным раненым или кротко заманить аэронавта к гибели на поверхности.

— Вы знаете, что мне нравятся ваши визиты. Я могу что-то для вас сделать?

Ей не понравятся новости, но он ничего не мог с этим поделать.

— Наш командный пункт был обнаружен.

Ее холодные глаза слегка прищурились.

— Оу?

— Боюсь, на него по долгу службы наткнулся дезинсектор, — сказал Эспира, сохраняя нейтральный тон, просто сообщая объективные факты.

— Он был захвачен до того, как смог сбежать и предупредить кого-либо о нашем присутствии.

Мадам Кэвендиш вскинула бровь.

— Захвачен?

Эспира на секунду сжал губы, потом кивнул.

— Гильдия Дезинсекторов в Лэндинге требует, чтобы они работали в парах. Он утверждает, что работал один, потому что не хотел делить контракт с кем-нибудь из товарищей.

— И он добровольно поделился этой информацией?

— Его история не изменилась даже после жестоких пыток, — произнес Эспира. — Но мы слишком близки к нашим целям, чтобы позволить какому-то маленькому недоразумению нам помешать. Мы должны быть уверены.

— Понятно, — ответила она, сделав еще один маленький глоток чая с задумчивым выражением. — Вы хотите, чтобы я подтвердила его правдивость.

— В сущности, — сказал Эспира. — Лучше перебдеть, чем сожалеть.

— Можно сказать, — вкрадчиво пробормотала она, — что большая предусмотрительность помешала бы произойти этому досадному событию.

Он видел, как люди умирали сразу после того, как женщина использовала этот особый тон. Эспира сделал паузу, чтобы тщательно обдумать ответ.

— Можно также сказать, что задним умом всегда рассуждать проще. Всегда есть непредвиденные проблемы. Самое важное умение командира — распознавать их появление и делать все для преодоления.

Мадам Кэвендиш наклонила голову, словно обдумывая это заявление.

— Полагаю, это практичный склад ума военного человека, — признала она. — Следовательно, вы заручились поддержкой союзника для преодоления этой неприятности.

— Именно, мадам, — подтвердил он. — Вы знаете, как высоко я ценю ваши суждения и навыки.

Незначительный намек на улыбку мелькнул по ее губам.

— Майор, я точно знаю, что вы обо мне думаете. — Она взяла чашку по-другому и слегка кивнула. — Очень хорошо. Я помогу вам.

— Вы очень любезны, мадам, — произнес Эспира, поднимаясь. — Время имеет значение, так что…

Голос мадам Кэвендиш прозвучал двумя импульсами сладкозвучной музыки, а осветительные кристаллы на стенах одновременно с этим вспыхнули зловещим алым светом.

— Сядьте. Немедленно.

Сердце Эспиры резко подскочило к горлу, нервная дрожь, похожая на чистую панику, скрутила живот. Он подавил этот порыв и неуклюже — быстро — снова занял свое место.

Губы мадам Кавендиш растянулись в улыбке, и она произнесла, словно объясняя ребенку:

— Мы все еще пьем чай.

У Эспиры пересохло во рту.

— Конечно, мадам. Прошу вас, пожалуйста, простите мой… энтузиазм.

— Полагаю, большинство удачливых солдат несут такое же бремя, — ответила она, все еще улыбаясь. Они вместе пили чай еще несколько минут, тишина была оглушающей. Затем мадам Кэвендиш поставила чашку с блюдцем и сказала:

— Я надеюсь, вы приняли меры, чтобы утилизировать останки, как только я закончу.

— Да.

— Замечательно, — сказала она. Женщина взяла сервировочную тарелку с искусно разложенными угощениями, подходящими к обстановке, и с улыбкой предложила ему.

— Возьмите булочку, майор. Я сама их испекла.

Глава 20

Шпиль Альбион, Хаббл Монинг, особняк шпилеарха

Гвендолин Ланкастер первая следовала за адъютантом шпилеарха вглубь особняка. С момента нападения аврорцев прошло почти полдня, но очень многое изменилось — не в последнюю очередь из-за того, что они с Бриджит вместе с остальными новобранцами сменили тренировочную форму на практичную униформу гвардии шпилеарха — простую белую рубашку с синими брюками и курткой, расшитыми золотыми кантами на рукавах и штанинах.

- Отчего-то мне это кажется нелогичным, — сказала Бриджит из-за ее спины. — Началась война. Разве мы вдруг мистически приобрели знания, которые нам нужны, чтобы служить в гвардии?

— Я бы сказала, что это практичный поступок, Бриджит, — ответила Гвен. — В конце концов, мы уже столкнулись с врагом и одержали победу.

— Победа кажется… чересчур громким словом, особенно по сравнению с тем, что произошло на самом деле. — с сомнением произнесла Бриджит

— Мы встретили врага огнем на поражение, сорвали их планы и выжили, — парировала Гвен.

— И были спасены теми аэронавтами

— Вне всякого сомнения, мы не были спасены, — возразила Гвен. — Ни аэронавтами, ни, тем более, человеком, который был изгнан из Флота за трусость.

— Как интересно, — подал голос Бенедикт. — А что же тогда случилось, дорогая кузина?

Гвен фыркнула.

— Мой план предполагал необходимость сотрудничества для преодоления численного преимущества. Мы удерживали врага до подхода основных сил. Мы были наковальней для молота нашего подкрепления.

- Она не шутит? — спросила Бриджит Бенедикта

— Милая Гвен живет в особенном мире, — спокойно, даже ласково ответил Бенедикт. — По-видимому, он только отдаленно напоминает место, где живут простые смертные.

Гвен развернулась и, сощурившись, взглянула на кузена.

— По сути, какая часть моего описания неточна?

При этом высокий молодой человек нахмурился. Через мгновение он пожал плечами и сказал:

— Там, где ты утверждаешь, что это был план, а не то, что ты импровизировала под влиянием момента

— Конечно, я спонтанно импровизировала, — огрызнулась Гвен. — Они заманили нас в

засаду.

— Но…, - промолвила Бриджит. — Гвен… бой начался, когда ты разрядила наруч офицеру в лицо.

— Вряд ли я виновата, в том что они не устроили засаду на нас более эффективно, — ответила Гвен. — И если бы у них получилось, или если бы я не сделала то, что сделала, никто из нас сейчас бы здесь не находился.

Она сделала еще несколько шагов, прежде чем сказать:

— И в любом случае, мы сохранили головы во время паники, и мы спасли жизнь бедного Барни. Думаю, это то, чем и должны заниматься обученные члены Гвардии.

— Это, безусловно, так, — с одобрением сказал Бенедикт. — Также должен сказать, что ни разу не видел тебя дрогнувшей перед лицом опасности, но никогда заранее не скажешь, как человек будет действовать в настоящем бою. Ты более чем оправдала мои ожидания. Стальные нервы.

— Спасибо, кузен, — сказала Гвен, смягчаясь. Она не стала оглядываться назад. Вспышка разрядившегося наруча раз за разом проигрывалась у нее в голове. Аврорский офицер совершенно не ожидал взрыва. Его лицо было слегка смущенным, как будто он не расслышал последнюю фразу, и хотел, чтобы она её повторила. Позже она осознала, насколько молод он был. В панике и в беспокойстве о Барни, в пыли и крови, она видела лишь человека в форме. Но размышляя, она постепенно поняла, что он был не намного старше, чем она, и, конечно же, не старше Бенедикта.

Молодой офицер, возможно, один из элиты новых выпусков Корпуса морской пехоты Авроры, был выбран возглавить небольшую команду в простой, но важной вспомогательной миссии, доставить взрывчатку штурмовой команде стратегическую точку. В глазах людей, планировавших атаку, это должно было стать идеальным назначением для яркого перспективного молодого человека — простое задание, вряд ли могущее привести к непосредственному бою, в котором офицер с живым умом был бы гораздо ценнее, чем испытанный в бою, особенно если за ним для подстраховки приглядывал бдительный глаз опытного сержанта, вроде Сирьако. Наверняка, какому-то командиру эта миссия показалась прекрасной возможностью начать восхождение новой звезды.

И Гвендолин стерла его жизнь так же быстро и точно, как темнота поглощала падающие в ночи звезды.

Ей хотелось чувствовать угрызения совести, сожаление о содеянном. Ей казалось, что это именно то, что должен чувствовать достойный человек. Но когда она принималась искать такие эмоции внутри себя, обнаруживала только глубокое облегчение, что она и ее спутники все еще живы.

Но никак не могла перестать думать о его лице.

Взрыв оставил исковерканное месиво на месте его лица. Разумеется, она должна была стрелять именно туда — не было никакой возможности узнать, был ли эфшел под фальшивым мундиром. Она продолжала видеть его лицо в этой короткой, фатальной вспышке, продолжала представлять слова, которые соответствовали его выражению. "Прошу прощения, мисс? Не могли бы вы еще раз повторить, пожалуйста? Что, Бога ради, вы делаете?"

Что бы она сказала в ответ? "Позвольте, превращаю в труп чьего-то любимого ребенка, сэр."

С тех пор она не ела.

Адьютант лорда Альбиона подошел к концу богато обставленного коридора и постучал в дверь. Дождавшись ответа, он открыл ее для Гвен и ее друзей и слегка поклонился, приглашая войти.

Гвен вошла в комнату, которая была обставлена и устроена как небольшой уютный кабинет, но на самом деле являлась чем-то гораздо большим. О, конечно, стол и освещение: и световыми кристаллами и свечами, были вполне кабинетными, как и книжные полки, забитые невероятным количеством толстенных томов, однако вся это являлось лишь маскировкой. О чем свидетельствовали некоторые книги, которые мог заметить внимательный посетитель: и если истории Альбиона, написанные Даггетом и Дином, были обычным делом и встречались повсеместно, то сборник Монклера, объявленного вне закона два века назад, за распространение скандальных слухов о первом Шпилархе Альбиона, стоявший по соседству вызывал вопросы. Один довольно толстый том назывался «Различные способы пыток сквозь века» и поддерживал элегантный баланс небрежности и доступности взгляду, расположившись на уровне глаз любого, кто попадал в эту комнату. Угроза была почти подсознательна и, вероятно, книга была расположена именно с таким умыслом.

За столом, в витрине располагались миниатюрные модели каждого дирижабля Эфирного флота Альбиона от могучего линкора "Дредноут", размером с Роула, до самого маленького эсминца "Энергичный", не больше мизинца Гвен. Несколько мест пустовало. Их было видно по чистым островкам в пыли, где стояли модели. Возможно, отсутствовали корабли, уничтоженные при нападении аврорцев?

Напротив ящика с моделями, за столом, была большая секция стены, на которой расположились различные карты, от крупномасштабных изображений известного мира до древних копий схем Шпиля Альбиона. Гвен видела подобные карты в кабинете своего отца. Географические карты и карты эфирных течений. Они постоянно и скрупулезно обновлялись, активно использовались Флотом и хранились в секрете капитанами кораблей с четким приказом уничтожить их, если корабль окажется в опасности.

Гвен подумала, что в целом для монарха, который утверждает, что он слишком стар, чтобы поспевать за течением истории, лорд Альбион, похоже, довольно внимательно следил за игрой.

Это был не кабинет.

Во всех отношениях, имевших значение, это был тронный зал.

В комнате находилось двое мужчин. Один из них был, очевидно, Шпилеарх, сидящий за столом, выглядел таким же приветливым и любезным, как и при первой их встрече. Друим был изгнанник — капитан Гримм. Он стоял в углу, ближнем к миниатюрам, с одной рукой на перевязи и спиной к стене. Он был все в той же одежде, в которой вместе со своими людьми устроил атаку в тоннеле, хотя, возможно, крови на его куртке прибавилось.

Лорд Альбион, улыбаясь, поднялся, когда они вошли.

— А, герои этого поистине отчаянного часа. Если бы та группа сумела донести взрывчатку до своих товарищей, Альбион мог бы пострадать от повреждения или необратимой потери нашей крупнейшей чановой кристаллов. Пожалуйста, садитесь.

Гвен и Бриджит присели в реверансе, который у Бриджит не очень-то получился. Бенедикт изогнулся в безупречном поклоне, а затем каждый из них сел на один из пяти стульев перед столом Шпилеарха, Роул же устроился на коленях Бриджит.

— Сир, — произнес Бенедикт. — Как ваша Гвардия может служить вам?

— Вы можете начать с того, что оставите церемонии, — Ответил Альбион. — По

крайней мере, пока мы здесь. Я в курсе, что я — шпилеарх, вы, очевидно, тоже. Мне это кажется достаточным, и это сэкономит время.

— Ах, — произнес Бенедикт, но нахмурился, усаживаясь на стул. — В таком случае, как ваша гвардия может вам служить?

— Подождав минутку, — ответил Альбион. — Я ожидаю еще двоих.

Не прошло и тридцати секунд, как дверная ручка в кабинет задребезжала. Раздалось несколько судорожных щелчков, и мужской голос раздраженно воскликнул.

— Гром и молния на эти чертовы штуки. Фолли?

Дверь открылась, и вошел довольно странный старик. Он был одет в бутылочно-зеленый костюм, который выглядел так, словно хорошо сидел в какой-то момент последних несколько десятилетий. Костюм отливал странным блеском, как будто…

Гвен изогнула бровь. Господь в Небесах, мужчина не был одет в костюм с шелковой подкладкой. На нем был костюм, сделанный целиком из эфшела, из нескольких слоев дорогого материала.

Девочка, судя по поведению, служанка или ученица, проследовала за ним в комнату, не поднимая глаз. Одета она была довольно странным образом в ворох самой разнообразной одежды, однако ее глаза сразу привлекали внимание: один — серо-голубого цвета, другой — жгучего золотисто-зеленого. Одной рукой, словно младенца, она прижимала к груди банку, в которой виднелись обычные, израсходованные световые кристаллы. Другой — тянула за собой паровозиком пару маленьких детских тележек. Обе были переполнены разными, явно случайно попавшими туда предметами.

— Эддисон! — нетерпеливо воскликнул старик. Внезапно он, не мигая, вперился в Гримма, стоящего в углу.

- А! — сказал он. — Именно тот, кого я ищу! Мне нужен этот человек.

Лорд Альбион приподнял бровь.

— Да, — протянул он. — Вот поэтому он здесь.

— Это было чертовски умно, Эддисон, — произнес старик. — Однако, как тебе это удалось?

— Вы вчера рассказали мне о нем, мастер Ферус, — терпеливо ответил шпилеарх, — и посоветовали заполучить его на службу.

Старик откинул голову назад.

— В самом деле? Ты вполне в этом уверен?

— Полностью, — ответил Альбион. — Правда, было сложно выбрать из череды опытных, независимых капитанов с поврежденными кораблями, готовых отвезти вас в Лэндинг.

— Замечательно, — пробормотал Ферус. — И ты уверен, что это точно он?

— Уверен. Мастер Ферус, это капитан Гримм. Капитан, я полагаю, вы встречались с мастером Ферусом?

— Действительно встречался, — ответил изгой

— Ха, — воскликнул Ферус. — Ага, капитан. Разве я не говорил вам что мы встретимся сегодня?

— Насколько я помню, говорили

— Я так и думал, — кивнул Ферус. — Что ж, хорошо. Отправляемся?

Альбион прочистил горло.

— Мастер Ферус. Пожалуйста, поделитесь причиной, по которой вам нужно судно

умелого капитана?

— Найти Врага, разумеется, — сказал Ферус. — Грядет беда.

— Вот как, — сказал Альбион без энтузиазма. — Вы можете сообщить мне что-нибудь более конкретное?

Ферус задумался.

— У дверных ручек чрезвычайно сложная конструкция.

Альбион с трудом подавил вздох.

— Вы полагаете, Лэндинг в опасности?

— Конечно. Все мы в опасности

— Это возможно, — тихо проговорил Гримм. — За исключением Монинга, хаббл Лэндинг является крупнейшим центром торговли в Шпиле. Если аврорцы применят взрывчатку в доках, это вызовет хаос. Я не экономист, но значительная часть торговых путей между хабблами Шпиля Альбиона проходит через Лэндинг.

— Семьдесят пять процентов, — уточнил шпилеарх.

— Господь в Небесах, — удивился Гримм. — Так много?

— Каждый хаббл устанавливает плату за прохождение через свою часть транспортных спиралей, — кивнул Альбион. — Транспортировка на барже или лебедке дешевле, быстрее и безопаснее. В обход некоторых или всех плат торговец может в два раза увеличить свою прибыль

— И если верфи в Лэндинге уничтожить? Какие убытки понесет Шпиль?

— Неисчислимые, — сказал Альбион. — В конечном итоге, разумеется, все будет отстроено заново, но экономика будет искалечена или парализована в ближайшее время и, безусловно, наша способность обороняться, будет значительно снижена, пока верфи не начнут функционировать снова.

- Простите, си… Ах. То есть, извините меня, — Гвен, пыталась говорить уважительно, пропуская титул шпилеарха. Она чувствовала себя неловко и неправильно, словно пробовала петь с набитым ртом.

— Я не понимаю. Если аврорцы захотели уничтожить верфи Лэндинга, почему бы просто не послать свои корабли?

— Очевидно, — вставил Гримм, — потому что единственные их корабли, быстрые и тихие достаточно, чтобы проскользнуть мимо наших патрулей — эсминцы. Их орудия разрушительны, но относительно легки. Потребовалось бы значительное время, чтобы разнести верфи в щепки, на что защитные орудия Лэндинга и наш флот определенно бы не согласились. Для совершения чего-то подобного нужны бронированные боевые корабли. Их орудия крупнее и уничтожат цель достаточно быстро, а их броня и защитное поле позволят им продержаться пока работа не будет закончена.

Бриджит нахмурилась.

— Я думала, что все аврорцы, которые проникли в Шпиль, были уничтожены или схвачены.

— Если бы это было так, — тихо сказал Альбион. — Корабли, которые обстреливали верфи Монинга, сумели уклониться от Флота, но капитан Байард на своем «Доблестном» подошел достаточно близко к вражеским порядкам, чтобы подтвердить присутствие десантного корабля Авроры.

— Я не знаю, что это значит, — сказала Бриджит.

— Аврорский десантный корабль вмещает полный батальон пехотинцев, — тихо

проговорил Бенедикт. — Около пятисот человек.

— Сколько из них было замечено? — спросила Гвен.

— Сорок девять, — ответил Альбион. — Те, что были обезврежены в нападении на Ланкастерскую чановую и, несколько человек, которые, очевидно, пытались десантироваться на парашютах в вентиляционные отверстия, но промахнулись. Их тела были обнаружены на поверхности.

Гвен представила людей, со спутанными парашютами, рухнувших в туман; кричащие, они падают почти две мили, все быстрее и быстрее и быстрее. Она попыталась унять дрожь.

— Я… поняла.

— А я не совсем, — сказал Бенедикт. — Какова наша роль в этом?

Альбион развел руками.

— Боюсь, вы трое — все, что у нас осталось.

— Сир? — сказала Гвен. — О, черт, виновата. Прошу прощения?

Лорд Альбион поднялся и развернул пару больших карт на стене позади, показывая масштабное изображение всего Шпиля.

— Шпиль Альбион, — промолвил он. — Десять тысяч футов в высоту, две мили в поперечнике. Двести пятьдесят хабблов, жилых из которых двести тридцать шесть. Приблизительно четыреста пятьдесят тяжело вооруженных вражеских десантников рядом с нами — где-то здесь. Напомните, сколько гвардейцев в данный момент числится в штате, мисс Ланкастер?

— Чуть больше трех тысяч, — ответила она

Альбион кивнул.

— Мистер Сореллин, вы знаете, сколько десантников служат в нашем флоте?

— Полный полк, — ответил Бенедикт. Он взглянул на Бриджит и добавил: — Плюс-минус полторы тысячи.

— Точно, — сказал Альбион. — Четыре с половиной тысячи человек, чтобы защитить двести тридцать шесть потенциальных целей. Он снова развел руками. — Я был вынужден разослать их всех вверх и вниз по Шпилю.

— Но почему? — спросила Бриджит. — Разве не было бы мудрее сразиться с аврорцами всеми силами? Я хочу сказать, что кажется, что Четыре с половиной тысячи человек могут противостоять пятистам врагам.

— Мы до сих пор не знаем, где аврорцы и наше численное превосходство ничего не значит, пока мы этого не узнаем, — ответил Альбион. — Гораздо важнее, что некоторые враги куда опаснее простых солдат, даже чудовищнее. Прямо сейчас распространяются слухи, а с ними распространяется страх. Страх убивает. Прежде всего, должен быть сохранен порядок — а это означает, что граждаане Альбиона должны быть уверены, что они защищены.

— И вы посылаете нас защитить хаббл Лэндинг? — догадалась Гвен.

— В некотором смысле, — сказал лорд Альбион. — Капитаны аврорского флота точно знали, с какого угла атаковать морские верфи, чтобы свести к минимуму эффективность оборонительного огня. Они отправили свои войска в Шпиль и, очевидно, достаточно осведомлены об устройстве тоннелей и вентиляционных шахт, чтобы оставаться незамеченными, по крайней мере, до сих пор. Кроме того, они имели представление, где найти Ланкастерскую чановую, а их униформа почти идентична нашей.

Гвен нахмурилась, размышляя.

— Ни одна из этих деталей не кажется особенно важной, но… если их объединить…

Лорд Альбион улыбнулся ей, явно ожидая ответа.

— Здесь замешан кто-то еще, — сказала Гвен. — Тот, кто знает Шпиль.

Она моргнула.

— Кто-то, кто живет здесь.

— Высший балл, — сказал лорд Альбион. — Среди нас есть предатель. Возможно, даже в моей гвардии.

Роул посмотрел на Бриджит и издал звук.

— Вот почему вы отправляете котят на работу охотника. — перевела Бриджит

Альбион посмотрел на Роула и кивнул.

— Точно. Мне нужно отправить кого-то, кому я могу доверять. Когда эта операция планировалась, ни одному из участников не сообщили подробностей. Схема действий врага указывает на глубокое знание работы Гвардии и Флота.

— Что на счет меня? — поинтересовался Бенедикт.

Альбион неопределенно отмахнулся.

— Ой, да ладно. Это не ты, Соррелин.

Гвен подумала, что кузен не знает, то ли испытать облегчение, то ли слегка оскорбиться, но он смог кивнуть лорду Альбиону.

— Значит, вы посылаете нас? — вставила Бриджит. — Гм. Сделать что? Я спрашиваю только потому, что думаю, будет легче следовать вашим приказам, если мы их услышим.

Лорда Альбиона поморщился.

— Я разослал несколько небольших групп новобранцев с разными поручениями, в разные хабблы. Вас я отправляю в хаббл Лэндинг вместе с мастером Ферусом, чтобы вы помогли в его расследовании.

— А, — кивнула Гвен. — Не будет ли дерзостью спросить, что вы ищете, мастер?

— Будет. — Ответил Мастер Ферус. — И я почти уверен, что узнаю что это, когда увижу воочию.

На этот раз Альбион улыбнулся.

— В Лэндинге больше жителей и больше людей, которые постоянно приходят и уходят, чем в любом другом хаббле в Шпиле. Это рассадник информации и торговли на черном рынке. Если что-то и можно узнать о наших гостях или о гадюке в нашем окружении, это самое подходящее место.

— Ах, — произнес Ферус сдавленным голосом. — Да, точно. Я также буду собирать информацию.

Альбион указал пальцем на Бенедикта.

— Ваша единственная забота в этой операции — физическое благополучие мастера Феруса. Он имеет решающее значение для безопасности Шпиля Альбион. Вы должны находится рядом с ним постоянно. Вы должны его защищать. Что бы ни случилось, он должен вернуться невредимым. Вы понимаете?

Бенедикт серьезно кивнул.

— Так точно.

Альбиона перевел взгляд на Бриджит.

— Я посылаю вас и мистера Роула, потому что, если в Лэндинг грядут неприятности, тамошние коты узнают об этом первыми. Они редко сотрудничают с людьми, но я полагаю, они могут сделать исключение в вашем случае. Вы должны обеспечить связь мастера Феруса

с местными котами.

— Я могу это сделать, — сказала Бриджит.

— Как насчет меня? — спросила Гвен. Она была уверена, что голос не выдал ее нетерпения, но в глазах лорда Альбиона светилась улыбка.

— Мисс Ланкастер, приняв во внимание ваши таланты и ваше несомненную, хм, решительность не сворачивать от намеченной цели, не смотря на неблагоприятные условия, я посылаю вас как миротворца.

— Кого?

— Ваша обязанность — облегчить путь для расследования мастера Феруса. Расслдование должно продвигаться вперед. Вы должны избегать, преодолевать или разрушать любые препятствия, которые могут встать на его пути.

Гвен задумчиво нахмурилась.

— Я не уверена, что понимаю, как это сделать.

— А я не уверен, что ты понимаешь, как делать что-нибудь другое, — усмехнулся Бенедикт.

Гвен пнула его по лодыжке носком ботинка.

— Капитан Гримм, — продолжил Альбион, сделав вид, что не заметил, — переправит вас в Лэндинг и вместе с командой будет готов оказать вам помощь и поддержку, если она вам понадобится.

Он оглядел их.

— Вы понимаете свое задание? У вас есть вопросы?

— Эм, — задумчиво протянула Бриджит. — Что конкретно мы делаем?

И поспешно добавила:

— О, я понимаю, что каждому из нас вменяется помогать мастеру Ферусу, но мы все еще не курсе, в каком деле помогать.

Шпилеарх серьезно посмотрел на нее.

— Вы знаете, что означает фраза "оперативная безопасность", мисс Тагвинн?

— Нет.

— Это значит, что все участники операции обладают лишь обрывками информации, — заметил он. — Таким образом, если за вами будут следить, или вас схватят и допросят противники, это им ничего не даст. Вы не можете случайно выдать секреты, о которых вам не сказали. Вас бесполезно подвергать пыткам и вынуждать раскрывать информацию, которой у вас и так нет.

Глаза Бриджит широко раскрылись.

— Боже мой.

— Я оставляю право решить насколько много каждый из вас должен знать, чтобы выполнить свой долг адекватно, мастеру Ферусу — сказал Шпилеарх. — Он проинформирует вас по своему усмотрению. До тех пор, пока он этого не сделает, у вас есть определенные обязанности. Это ясно?

— Это кажется довольно простым, — сказала Бриджит.

— Большинство сложных дел часто такими кажутся, — заключил лорд Альбион. — Собирайтесь в командировку, и делайте это быстро. Вы отправляетесь не позднее чем через час.

Глава 21

Шпиль Альбион, верфи Флота

Бриджит баюкала Роула на руках, пока они поднимались по спиральному пандусу, ведущему от хаббла Монинг к верфям на крыше Шпиля, и старалась дышать ровно.

— Серьезно, — промурчал Роул. — Чем ты обеспокоена, Мышонок?

— Я никогда… — сказала Бриджит. — В действительности никогда не была… снаружи.

— Есть много вещей, которые ты никогда не делала, — ответил Роул. — Бояться их бессмысленно.

Бриджит обернулась на Бенедикта, который шел за мастером Ферусом, не отпуская старика более чем на два шага. На плече он рассеянно нес свой рюкзак и огромный вещевой мешок, очевидно, принадлежавший мастеру Ферусу и его ученице, но его глаза внимательно оценивали обстановку, даже здесь, в хаббле Монинг.

— Я не боюсь, — ответила Бриджит. — Я… просто учитываю возможности.

— Например, падение со Шпиля? — спросил Роул.

Бриджит сглотнула.

— Да

— Или какой-то огромный монстр вылетит из тумана и пожрёт тебя?

— Я уверена, что защита шпиля вполне компетентна, чтобы отразить левиафана.

— Или сумасшествие от солнечного света?

Пальцы Бриджит тотчас же взметнулись к шее, где висели очки с защитными линзами.

— Роул, дружище, иногда ты совершенный маленький монстр.

Роул презрительно дернул хвостом.

— Я совершенен во всем.

— Вы разговариваете с котами, мисс Тагвинн? — спросил мужчина, идущий рядом с ней. Капитан Гримм, чья рука все еще покоилась в грязной повязке, выглядел как человек, который должен был свалиться от истощения, но его голос был ровным, вежливым, а глаза были настороже.

— Не идеально, — сказала Бриджит. — Хотя, честно говоря, думаю, что большинство из них понимают каждое наше слово. За исключением случаев, когда они этого не хотят, конечно.

Улыбаясь, он взглянул на Роула.

— Невежливо так говорить о герое.

Роул снова дернул хвостом с неприличным самодовольством.

Бриджит засмеялась и потерлась носом о пушистую голову Роула.

— Он герой. И тиран.

Кот посмотрел на нее и зевнул

Гримм коротко усмехнулся.

— Да, да. Кот, живший на "Опасном", был почти таким же. Он не слишком хорошо повиновался приказами, но нам повезло, что он был с нами.

— Этот, — сказал Роул, глядя на Гримма. — Кажется умнее большинства людей, Мышонок. Я решил, что он может остаться.

— Учитывая, что его корабль повезет нас, — сказала Бриджит сухим тоном, — это кажется очень практичным.

Гримм, казалось, догадался о своей участи и слегка наклонил голову к Роулу.

— К вашим услугам, сэр. А, пункт охраны, отлично.

Их небольшая группа достигла вершины трапа, ведущего к верфи. Над внешней дверью

была опущена большая металлическая решетка, и по крайней мере двадцать пехотинцев стояли на страже. Гвендолин Ланкастер явно серьезно относилась к своим обязанностям — она уже была там, тихо разговаривала со старшим сержантом и показывала ему письмо с разрешением Шпилеарха. Сержант выглядел недовольным. Гвен нахмурилась, уперла один кулак в бедро и сказала ему что-то с довольно едким выражением лица.

Обветренное лицо пехотинца покраснело, но он рыкнул и быстро взмахнул рукой. Один из его людей подошел к решетке и начал натягивать веревку. Решетка начала приподниматься, открывая им путь к верфи.

Свет из внешнего мира, почти такой же яркий, как вспышка разряда наруча, залил трап. Со светом пришло дыхание ветра и воздуха, который был намного холоднее, чем привычный Бриджит с детства. В нем был странный запах — дерева, горелого дерева, металла и запах чего-то еще, резкий и свежий. Сердце Бриджит забилось.

Капитан Гримм что-то сказал ей, но она не расслышала. Они поднялись по трапу в остро пахнущий воздух и ослепительный свет.

Он был ярким, болезненно ярким, как внезапно открывшаяся правда, которую предпочитаешь не знать. Ей пришлось зажмуриться, испытав полный шок от ощущения, когда холодный воздух ударил в лицо. Она никогда не чувствовала ничего подобного.

Затем она в панике вспомнила, насколько опасен свет для незащищенных глаз, и слепо зашарила в поиске висящих на шее очков. Одной рукой было непросто справится, но ей, наконец, удалось поднять их к лицу и удержать там дрожащими пальцами.

Темные линзы уменьшили ослепляющую яркость, и она внезапно смогла видеть.

На мгновение она пожалела об этом.

На верфи были сооружения и дирижабли и люди, но это было отдаленно, второстепенно. Она подняла голову и почувствовала, что может просто упасть на землю из-за дезориентации.

Потолка не было.

Не было потолка.

Она взглянула вверх, выше и выше и выше, и ничего не было над головой, ничего, кроме легкой, прекрасной завесы тумана, которая поднималась на бесконечное расстояние над ней. Она чувствовала нелогичную убежденность в том, что она балансирует над пропастью, и что один неверный шаг отправит ее тело лететь в пустоту. Глаза ее рванулись к полу. Она подавила внезапный, ошеломительный порыв упасть ничком и вцепиться мертвой хваткой в твердый каменный пол Шпиля.

— Спокойно, — услышала она капитана Гримма. — Для некоторых, первый раз это шок, мисс Тагвинн.

— Простите, — выдавила она. — Я не собиралась устраивать сцен. Обычно я лучше владею собой.

— Вы держитесь лучше, чем я, — сказал Гримм. — Я расстался с завтраком и не мог смотреть вверх несколько дней.

— И что же вы сделали?

— Я продолжал пытаться, пока не поднял глаза, — ответил он. — Все стало лучше. Не будьте строги к себе, мисс. Это пройдет.

— Думаю, это очень интересно, — спокойным, довольным тоном сказал Роул.

Бриджит подавила что-то среднее между смешком и всхлипом. Она не была уверена, что именно. Головокружение и тошнота еще чувствовались, но было ясно, что эта проблема

не решится сама по себе. Небо никуда не делось. Поэтому она сделала глубокий вдох и заставила себя снова поднять глаза.

И смогла увидеть горящий шар, очерченный в тумане. Солнце. Никогда она не смотрела на него так, без фильтрации и рассеивания через полупрозрачные сегменты шпильного камня по окружности хаббла. Ни одна свеча или кристалл не горели так как этот шар.

— Это… — выдохнула она. — Это прекрасно.

Гримм поднял взгляд и улыбнулся.

— Немного мрачновато, — сказал он. — В подходящее время вы увидете как выглядит небо.

— Вы имеете в виду, — спросила Бриджит, указывая, — наверху?

Она повернулась и обнаружила капитана Гримма, который пристально смотрел на нее и спокойно улыбался.

— Там наверху. В глубине синего неба. Если вы думаете, что солнце красиво, подождите, пока вы не увидите его безо всякого тумана. И луну. И звезды. Нет ничего красивее звезд в ясную ночь, мисс Тагвинн.

— Но, — сказала она, — разве это не опасно? Смотреть на такие вещи? Я думала, что люди сходят с ума.

— О, вам понадобятся очки в течении дня; это правда, — ответил Гримм. — Дирижабли плавают в эфирных течениях, а те в свою очередь странно взаимодействуют с солнечным светом. Если кто-то не защищает свои глаза, этот феномен чудным образом влияет на мозг.

Бриджит бросила взгляд на мастера Феруса впереди.

— Это поэтому… человек лорда Альбиона такой… такой странный?

— Он — эфиромант, мисс Тагвинн, — ответил Гримм. — Для большинства из нас потоки эфира текут вокруг нас, как поток воды, текущей вокруг камней. Но некоторых людей эфирная энергия не обходит — она течет сквозь них. Они притягивают ее к себе.

Он покачал головой.

— Очков достаточно для таких, как вы или я, мисс, но для такого человека, как мастер Ферус, защиты нет.

— Он безумен? — тихо спросила Бриджит.

— Как и его ученица, хотя и в меньшей степени, — сказал Гримм. — Мастер Ферус — четвертый эфиромант, которого я встречал. Они все были безумны. Вопрос только в том, видно ли это.

— Ой, — опомнилась Бриджит. — Я не хочу больше докучать вам вопросами, капитан, если у вас есть дела.

Он покачал головой.

— Пожалуйста, мисс, не стесняйтесь. В конце концов, я должен помогать вам. Предполагаю, делиться этими скромными знаниями тоже входит в сферу моих обязанностей. Задавайте свои вопросы.

— Благодарю. Эфироманты — они действительно могут делать то, что рассказывают в историях? — спросила Бриджит.

— Думаю, это зависит от того, какие истории вы слышали, — улыбнулся Гримм.

— Обычные, думаю, — сказала Бриджит. — Истории Бёрнхама. Рассказы о Финче и Бруме.

Гримм чуть-чуть улыбнулся и развел руками.

— Что ж. Эти, возможно, немного преувеличены.

— Но эфироманты действительно могут делать некоторые вещи? — спросила Бриджит. — Вызвать молнию магическим словом? Сделать мистический жест и полететь?

— Постарайтесь не думать об этом в таком ключе, — сказал Гримм. — Эфироманты — во многих отношениях просто эфирные инженеры.

— Эфирные инженеры не могут вызвать молнию, сэр. Или летать.

— Нет? — переспросил Гримм. — Но они могут спроектировать эфирное оружие, такое как наруч, создают ружья и пушки, не так ли? Разве они не могут построить дирижабль и отправить его в небо?

— Верно, — сказала Бриджит. — Но это все… оружие и корабли. Конечно, они это делают. Они проектируют и строят функционирующие устройства. Это то, что они должны делать.

- Я хочу сказать, что эфиромант делает то же самое, мисс. Просто он пропускает хлопотную часть.

Бриджит рассмеялась.

— О, — сказала она. — И это все, что он умеет?

Гримм подмигнул ей.

— А они опасны? — внезапно серьезно спросила она.

Некоторое время он молчал, прежде чем задумчиво ответил.

— Любой может быть опасен, мисс Тагвинн. Эфиромант он или нет. — Он улыбнулся ей, но потом его лицо разгладилось. — Но между нами говоря, я думаю, они способны на большее, чем мы представляем. Как по мне, держать разум открытым мудрое решение.

За разговорами они прошли вдоль верфи и подошли к широкому трапу, который вел на дирижабль.

— Капитан Гримм, — спросила Бриджит, — это ваше судно?

— Точно, — ответил Гримм с нескрываемой гордостью в голосе. — Это — "Хищник", мисс Тагвинн. Полагаю, вы раньше не бывали на борту дирижабля?

Бриджит покачала головой, изумленно глазея.

— Я даже и не видела ни одного.

"Хищник" показался Бриджит довольно впечатляющим. Основная часть корабля казалась большим и странно очерченным полуцилиндром, подвешенным между тремя закругленными башнями, которые вырастали с обоих концов корабля и в самой его середине. По бокам было несколько закругленных стержней, которые, похоже, можно было сложить, с них свисала старомодная холщовая ткань — паруса, как она поняла, которые развертываются вдоль бортов корабля. Другие мачты были развернуты поперек его чрева, которое было прикреплено к пристани тяжелыми стойками, выдерживающими вес судна. И она увидела, как еще две мачты на главной палубе корабля поднялись над ним, их нок-реи заполнились парусами. На концах обеих мачт были установлены большие металлические кольца, окруженные скрученными отрезками паруса из эфшела — эфирного щита корабля.

На большинстве дирижаблей, о которых она читала, были установлены паровые двигатели в качестве дополнительной движущей силы. Те немногие корабли, на которых предпочитали паруса, были либо во составе флотов очень бедных шпилей, либо управлялись негодяями, типа пиратов, контрабандистов и им подобных, теми кто был готов бросить вызов опасностям таящимся в тумане, а не плавать в открытом небе.

Она увидела расположенные по периметру судна у основания мачт большие катушки с

тонкой как паутина сетью из эфирного шелка, которыми захватывали эфирные потоки, позволяя дирижаблям двигаться быстрее, чем любой другой транспорт в мире. Она поняла этот довольно простой принцип. Чем больше сеть высвобождалась из катушки, тем больше эфирной энергии она могла поймать, и тем быстрее двигался корабль. Разумеется, чтобы нормально функционировать сеть должна была быть заряжена электричеством, поэтому дирижабли были ограничены в ее количестве мощностью своих силовых ядер.

И там были орудия.

Выпуклые орудийные площадки выдавались на палубе корабля, медные сопла орудии высовывались из дорогостоящего вращающегося шарового агрегата, позволяющего обслуге пушки перемещать пушки вперед и назад, а также вверх и вниз. У нее не было возможности судить, насколько велики были эти орудия по сравнению с другими, но, выглядели они угрожающе.

Бриджит заметила, что одно из орудийных гнезд, просто отсутствовало. Вокруг было несколько свежевыструганных досок, что указывало на то, что огневая позиция была каким-то образом повреждена, что потребовало замены большого количества древесины, чтобы обеспечить стабильную платформу для замены отсутствующего механизма.

И весь корабль, поняла она, был сделан из дерева, такого количества дерева, что ее воображение не могло объять. Она помнила, как гордился ее отец, когда они смогли позволить себе полированный деревянный стол для прилавка в чановой, и как осторожно он чистил и ухаживал за ним. Древесина, которой еле хватило для стойки длиной в десять футов и шириной в три фута, обошлась им в недельную выручку.

Но «Хищник», поняла Бриджит, была в дюжину раз больше в длину и высотой с двухэтажный дом. И полностью из дерева.

На корабле повсюду суетились люди. Мужчины, несли сундуки и тюки по трапу, мужчины свисали на веревках с бортов корабля, наносящие масло на корпус, мужчины были на вышках, мужчины поднимались по мачтам и занимались носовыми парусами, мужчины чистили палубу, мужчины осматривали орудийные гнезда, мужчины аккуратно наматывали драгоценную сеть из эфшела на катушку.

На борту этого судна находилась небольшая армия, и все они были заняты своим делом. Бриджит порадовалась, что их было так много. Возможно, без аэронавтов они не смогли выжить в том противостоянии в туннеле, как считала Гвендолин.

— Простите, мисс Тагвинн, — сказал капитан Гримм. — Множество вещей требуют моего внимания до отбытия.

Бриджит склонила голову.

— Конечно, сэр.

Он кивнул и слегка поклонился.

— Кто-нибудь незамедлительно спустится, чтобы показать вашей команде, куда идти.

Он поднялся по трапу, обходя нескольких мужчин, несущих различные грузы, и ни разу не запнувшись.

Роул пристально смотрел на корабль, его глаза внимательно отслеживали каждое движение, его уши, дрожа от напряжения, тянулись вперед.

— Мышонок, — сказал он. — Тут довольно занятно.

— Надеюсь, не слишком занятно, — ответила Бриджит. — Ты же знаешь, дирижабли довольно опасны.

— Опасны, — с пренебрежением повторил Роул. — Для людей, возможно.

— Не глупи, — предупредила она. — Там может быть сколько угодно опасных факторов. Механизмы, электропроводка, оружие — если пойдешь на разведку, можешь обнаружить что-нибудь, что тебя поранит.

— А если не найдешь, значит это не настоящая разведка, — возразил Роул. — Но раз уж ты так сильно переживаешь, и раз ты все равно не перестанешь об этом говорить, не важно, насколько глупо это звучит, я останусь рядом с тобой, разумеется, чтобы убедиться, что ты не нарвешься на опасные факторы на борту корабля.

— Спасибо, — поблагодарила Бриджит.

— Но эти высокие… корабельные деревья, стоящие наверху.

— Мы называем их мачтами, — сказала Бриджит. Ей пришлось использовать человеческое слово. В кошачьем языке оказалось редкое упущение.

— Корабельные деревья, — настойчиво повторил Роул. — Они интересуют меня. Я заберусь на них.

— На самый верх? — спросила Бриджит. Она почувствовала легкое головокружение только подумав о виде с верхушки мачты.

— Так ли это необходимо?

Роул повернул голову и кинул на нее косой взгляд. Затем он сказал:

— Временами я забываю, что ты всего лишь человек. — Он пренебрежительно дернул ушами и снова взглянул на мачты. — Кот бы понял.

— Только до тех пор, пока не свалится, — сказала она.

Роул громко заворчал, выражая неудовольствие, которое не требовало особого понимания. Бриджит улыбнулась. Она не смогла удержаться. Маленький монстр был настолько полон самолюбования, что она не могла не дразнить его время от времени.

Она нежно обняла Роула и потерлась носом о шерсть на его голове.

Роул снова зарычал, но с куда меньшей искренностью.

Внезапно совсем рядом она ощутила присутствие и, подняв голову, увидела ученицу эфироманта. Девушка с разноцветными глазами пристально смотрела на корабль, но самое странное, отметила про себя Бриджит, было не цвете ее глаз. А в том, как она сосредоточенно рассматривала невыразительные борта "Хищника". И в глубине души у Бриджит появилось слегка тревожное впечатление, что она пронизывает дерево насквозь взглядом своих неправильных глаз.

— Вот это да, — произнесла девушка, склонив голову достаточно, чтобы было понятно, что она обращается к банке выгоревших световых кристаллов, которую она до сих пор держала в руке. — Вы когда-нибудь такой видели?

— Прошу прощения, мисс? — вежливо переспросила Бриджит.

— Ох, они снова со мной разговаривают, — сказала девушка банке. — Почему люди всегда разговаривают со мной, когда я выхожу из дома?

Бриджит несколько раз моргнула после ее ответа. Что же делать в подобной ситуации? Казалось немыслимым, что они могут стоять рядом, глядя на такое впечатляющее творение, и не вести какой-нибудь вежливый разговор.

— Я… я боюсь, что не знаю вашего имени, мисс. Кажется, мы должны работать вместе. Меня зовут Бриджит Тагвинн, а это — Роул.

Девушка улыбнулась и сказала своей банке:

— Это Бриджит Тагвинн и Роул, и мы будем работать вместе.

Бриджит нахмурилась. Ответ девушки определенно не был грубым. Он просто

настолько не был связан с ситуацией, что применение этикета полностью провалилось.

— Могу я узнать ваше имя, пожалуйста?

Девушка вздохнула.

— Она хочет узнать мое имя, но я так ужасно представляюсь. Может, мне стоит сделать татуировку "Фолли" на лбу, и люди смогут просто читать ее.

— Фолли, — повторила Бриджит. — Приятно познакомиться с тобой, Фолли.

— Она кажется очень милой, — сообщила Фолли банке. — Уверена, у нее добрые намерения.

— Думаю, у этой девушки слишком много вещей в голове, — сказал Роул.

Фолли ответила:

— Ох, кот прав. Все вещи, которые я забыла, плюс те, что — нет. Я все время забываю, какие именно мне нужно засунуть под пыльный брезент.

Бриджит снова моргнула. До того как она покинула чановую, она по пальцам одной руки могла пересчитать людей, которые по-настоящему понимали котов. Она опустила взгляд, и обнаружила Роула, глядящего в бесконечные дали. Бриджит знала кота достаточно хорошо, чтобы понимать, что он не удивлен.

Наконец, Гвендолин и Бенедикт догнали их, Бенедикт держался рядом с погруженным в задумчивость мастером Ферусом.

— …проще говоря, — сказал Бенедикт, — ты могла бы добиться сотрудничества от гвардейца, не прибегая к угрозе арестовать его за препятствование расследованию.

Гвендолин нахмурилась.

— Думаешь, надо было припугнуть его обвинением в измене? Но за это полагается смертная казнь.

Бенедикт кинул на кузину довольно затравленный взгляд.

— Гвен, ты… я даже не… я и предположить не…

Она покачал головой, на секунду приоткрыв рот.

Небольшая улыбка коснулась губ Гвендолин, а глаза засверкали.

Бенедикт вздохнул и снова закрыл рот.

— Туше. Я больше не буду говорить тебе, как выполнять твою работу, кузина.

— Спасибо, — поблагодарила Гвен.

Бриджет слегка улыбнулась этой пикировке, даже Роул казался позабавленным.

Не прошло и минуты, как очень высокий молодой человек, темноволосый с квадратной челюстью, быстро спустился с корабля и подошел к ним, одетый в кожаную форму аэронавта, его защитные очки висели на шее. Он остановился перед ними, поклонился и произнес:

— Дамы и господа, я Байрон Криди — старший помощник на "Хищнике". Мастер Ферус, капитан Гримм просил проводить вас и ваших спутников на борт, когда вам будет удобнее.

Старый эфиромант моргнул и оторвался от того, что занимало его мысли. Он осмотрел молодого человека с головы до ног, кивнул и произнес:

— Удобнее было бы вчера. Сейчас вполне подойдет.

Криди вскинул бровь при этом ответе, но кивнул и произнес:

— Тогда, пожалуйста, следуйте за мной. Добро пожаловать на борт "Хищника".

Глава 22

Торговый корабль Альбиона "Хищник"

Гвендолин Ланкастер оглядела "Хищник" с заслуженным, по ее мнению, скептицизмом. Кажется, следуя приказам, Шпилеарха она связалась с негодяями.

Ох, допустим, они были достаточно свирепы в битве, и, допустим, в сущности, вполне возможно могли спасти ее жизнь. Даже, наверняка. Но, задав несколько вопросов при обходе экипажа, она решила, что помощь капитана Гримма и его людей предназначалась в первую очередь Ланкастерской чановой. Возможно, это было случайное стечение обстоятельств, но отец Гвен слишком мало в это верил.

Кристаллы, производимые её семьёй, были буквально самым ценным ресурсом в мире, самым дорогим оборудованием, которое можно было купить. Казалось, натянутым, что капитан корабля, крайне нуждающийся в замене кристаллов, внезапно забрел в окрестности чановой. Таким же натянутым казалось обстоятельство, что ему чисто случайно пришлось спасать наследницу Дома Ланкастер.

Она предположила, что стратегически мыслящий человек мог бы сделать вывод, что Ланкастерская чановая станет главной целью атаки, но если Гримму удалось собрать воедино все кусочки мозаики в хаосе боя, он был тактическим равным старому адмиралу Тагвинну, и Гвен с трудом верила, что Флот изгнал бы капитана с такими способностями. Конечно, если случились совпадения это одно. Но если совпадений не было, значит капитан Гримм знал вражеские перемещения и замыслы.

Вполне возможно, что это было серьезное обвинение в адрес мужественного и способного человеку, но решимость защищать чановую была впитана с молоком матери и взросла в ней с самого рождения. Поскольку их чановая была единственной в Шпиле где выращивали центральные кристаллы просто не существовало альтернативы, кроме как принять все возможные меры предосторожности. Поэтому, когда она почувствовала раскаяние, что, возможно, Гримм заслужил лучшего отношения, она молчала и спокойно смотрела на этого человека, помня о своем долге.

Она поднялась по ступенькам на мостик дирижабля — конусом возвышающимся перед кормой корабля. На самом верху конуса сзади была небольшая платформа, где были расположены рулевые рычаги корабля. Пилот, стоящий на мостике, видел все, что находится перед дирижаблем гораздо лучше любого на борту. Капитан и его старший помощник стояли на палубе перед пилотом, наслаждаясь видами. Гвен предположила, что видеть все, что окружает корабль жизненно важно во время боя.

На данный момент вид был довольно прозаический. Туман сгустился, когда "Хищник" отчалил от пирса и корабль в настоящее время повис в мутном мареве, а от солнца остался лишь смутный намек вдалеке. Тусклые черные стены Шпиля Альбион тянулись впереди и позади с левой стороны дирижабля (или «по левому борту»). Пара толстых канатов была прикреплена к длинному кабельтовому тросу, который уходил в сторону Шпиля, чтобы ветер не отнес корабль от пристани. Два больших шеста, упертые в борт дирижабля оберегали от порывов ветра которые могли бросить судно на башню. Прошло не менее четверти часа, и черный камень Шпиля медленно полыл вверх, когда судно внезапно нырнуло в туман, направляясь к верфям хаббла Лэндинг.

Пилот, довольно жесткий мужчина, по имени Кеттл, первым заметил ее присутствие и громко прочистил горло.

Капитан Гримм и командор Криди оглянулись на Кеттла, а затем на нее. Они переглянулись, после чего Криди подошел к ней с вежливой улыбкой.

— Мисс Ланкастер, — сказал он. — Могу вам чем-нибудь помочь?

Гвен расправила свой темно-синий форменный жакет и проговорила:

— Я хотела задать вам несколько вопросов, сэр, если это возможно?

— Конечно, мисс.

Гвен кивнула.

— Вы тот самый Байрон Криди, что недавно служил на крейсере "Великолепный"?

Дружеское выражение лица Криди заметно увяло.

- Действительно, мисс. Имел такую честь.

— Это не вы были разжалованы комиссией Флота за поведение недостойное офицера и джентльмена?

Мускулы на челюсти молодого человека дрогнули, и Криди коротко и жестко кивнул ей.

— Ясно, — сказала Гвен. — Мне придется доверить успех нашего расследования и даже наши жизни в ваши руки, Командор. Мне нужно знать, что вы за человек, и придете ли вы на помощь своевременно, если мне придется попросить вас.

— До сих пор, мисс, — ответил он учтивым голосом, тщательно подбирая слова — капитан и команда "Хищника" приходили на помощь, даже когда вы об этом не просили. Если я верно оценил ситуацию, которая была в тоннеле.

— Прошу простить меня, сэр, — сказала она. — Но у нас мало времени, и я боюсь, что мне приходится говорить прямо и откровенно. Вы были разжалованы из офицеров Флота. Ваш капитан полностью изгнан со службы. Многие из членов вашего экипажа имеют аналогичные служебные записи во Флоте. Здесь собрались люди, находящихся в опале.

— Возможно, мисс, — Криди дерзко дернул подбородком, — вы предпочли бы путешествовать всю оставшуюся часть пути до Лэндинга, не страдая от позора нашей компании.

— Байрон, — сказал Гримм спокойным, твердым тоном.

Криди оглянулся через плечо, выдохнул, а затем снова повернулся к Гвен, понизив голос, жестко проговорил.

- Мисс, на вашем месте, я бы думал о том, что говорить о капитане перед любым из его офицеров или членов экипажа, включая меня. Никому из нас особо нет дела о том, что судачат о человеке, и любому из нас плевать кто ваши родители, если вы оскорбляете капитана. Я выразился понятно?

Гвен изогнула бровь.

— Я сказала что-то, что не соответствует действительности, Командор?

— Вы не сказали неправду, — ответил он. — Но также и не сказали ничего определенного. В мире есть нечто большее, чем послужной список офицера или аэронавта, мисс Ланкастер. Придержите. Свой. Язык.

С этими словами он коротко поклонился и сошел с мостика. Его сапоги громко стучали по палубе и по лестнице, когда он уходил.

Когда Гвен развернулась к носу корабля, и обнаружила, что Гримм стоит в двух футах от нее. Он ни единым шорохом не выдал свой маневр, и Гвен заставила себя не вздрогнуть, когда обнаружила, его так близко.

Он казался ей довольно поразительным человеком. Он не был красив. Его черты не были гармоничны. У него были довольно густые брови, что придавало ему немного звероподобный вид, который опровергался блеском интеллекта в его темных глазах. Его скулы были резкими и широкими и контрастировали с его плотным подбородком. Губы были плотно сжаты, хотя, было ли это их обычное состояние или просто его текущее

настроение, Гвен не могла сказать. Он не был впечатляюще высок, но хорошо сложен, и у него был вид человека, готового без устали выполнять тяжелую работу часами. Его руки были широкими, сильными и мозолистыми и он держался с настоящей флотской выправкой, несмотря на опалу.

На нем была кровь, кажется, его собственная и она доставляла ей беспокойство. Он все еще не сменил ни одежду, которую носил в бою, ни перевязь на которой висела его рука.

— Капитан Гримм, — спокойно сказала она.

— Мисс Ланкастер, — ответил он. — Почему вы провоцируете моего старшего помощника?

— Потому что я всегда основываюсь на том, что реакции людей более искренне, когда они утомлены, и мне хотелось проверить его, прежде чем он отправится спать.

Казалось, он задумался на мгновение и кивнул.

— И со мной вы говорите сейчас по той же причине, как я понимаю.

Гвен скупо улыбнулась ему.

- Что-то вроде того.

Капитан хмыкнул.

- Вы еще слишком молоды, чтобы быть такой безжалостной.

— Моя няня и некоторые наставники говорили то же самое, — сказала она. — После битвы ваши люди по-прежнему хорошо относятся к вам, капитан. Это замечательно.

— Вы так считаете?

— На многих капитанов Флота люди будут озлобляться, если они понесут потери в бою, как случилось с вашей командой. — Пожала плечами Гвен.

— Многие капитаны флота, кретины, — ответил он.

— Ваши люди, похоже, не беспокоятся.

— Это была битва, которая должна была произойти, — сказал Гримм. — Они это понимают. Я не убивал этих людей. Аврорцы сделали это. Это они тоже понимают.

— Все-таки, — сказала Гвен. — Я расспросила о вас команду, капитан Гримм. Теперь у меня и к вам есть несколько вопросов.

— Не сомневался в этом, мисс. Пожалуйста, продолжайте.

Гвен кивнула.

— Что вы можете рассказать мне об инциденте с "Опасным", капитан?

На утомленном лице Гримма не дрогнул ни один мускул.

— Мне нечего сказать об этом.

— И это породило массу слухов, — кивнула Гвен. — Итоги расследования оказались закрыты. Даже влияние моего отца не помогло их получить.

— Дело закрыто, — сказал Гримм. — Оно в прошлом, и пусть там остается.

— В Адмиралтействе думают так же, — сказала Гвен. — Капитан Флота погиб посредине рейса, его старпом лежит в коме. Три молодых лейтенанта благополучно вернули военный корабль и его экипаж домой через небо, кишащее пиратами. Лейтенантов звали Гримм, Байард и Рук, все верно?

Гримм бесстрастно ее рассматривал.

— По сей день никто не уверен, что случилось с "Опасным", — сказала она ему. — Но он вернулся домой с большими потерями — и когда пыль улеглась, лейтенанты Рук и Байард были повышены до капитан-лейтенантов, а лейтенант Гримм был немедленно исключен с позором за трусость перед лицом врага.

— Я кое-что слышал об этом, мисс. — сказал он сухо.

— Это вызывает серьезные опасения, — сказала Гвен. — Вы трус, капитан?

Мужчина несколько мгновений смотрел на нее темными глазами, прежде чем сказал очень мягким голосом:

— Когда нужно, мисс. Когда нужно.

Гвен наклонила голову.

— Я не уверена, что мне делать с этим ответом, капитан.

— Хорошо, сказал он коротко. — Мистер Кеттл, отправьте за мной за четверть часа до прибытия.

— Да, капитан, — лаконично ответил рулевой.

Гримм коротко поклонился ей.

— Мисс Ланкастер, — сказал он. Затем повернулся и устало пошел по ступенькам к палубе.

Гвен наблюдала, как он пересекает центральную башню и входит в свою каюту. Этот человек не был похож на негодяя. И он не казался трусом. Она задумчиво хмурилась, пока не почувствовала пристальный взгляд рулевого. Она подняла глаза на Кеттла и спросила,

— Вы верите тому, что говорили о нем на военном трибунале?

Кеттл хмыкнул и уставился вперед, и Гвен подумала, что он просто отказался отвечать. Она повернулась чтобы уйти, когда услышала,

— Мисс Ланкастер?

Она выдержала паузу.

— Да?

— Я не знал его, когда он служил во флоте, мисс, но… — Кеттл медленно вздохнул, пожевал губами, словно составляя ответ. Затем он кивнул и повернулся к ней, полный решимости. — Мисс Ланкастер, камень Шпиля тяжел. Огонь горяч. А капитан выполняет свой долг. Независимо от того какова цена. Понимаете?

Гвен внимательно рассмотрела небритое лицо Кеттла, а затем медленно кивнула.

— Кажется, начинаю. Спасибо, мистер Кеттл.

— Не стоит, мисс.

— Сколько времени нам понадобится, чтобы добраться до Лэндинга?

— Еще примерно час. Затем будем ждать очереди на причал. Скорее всего, несколько часов. Когда мы прибудем, пробьет корабельный колокол.

— Спасибо, — сказала Гвен, и повернулась, оставив рулевого с его обязанностями.

Интересно.

Ее отец всегда говорил, что человека можно судить по качеству его союзников и его врагов. У капитана Гримма, несмотря на его опозоренный статус, похоже, было несколько довольно основательных союзников, вероятно, включая самого лорда Альбиона. И несмотря на то, что с ним случилось, его гордость была не сломлена. Если то, что сказал Кеттл, было правдой, тогда Гримм был довольно выдающимся человеком, возможно, даже человеком, который мог бы соответствовать блестящим тактикам из истории, тем типом людей что создавали случайности сами, не позволяя им выйти из под контроля.

Возможно, он спас чановую её семьи и её жизнь, потому что считал своим долгом это сделать.

А возможно и нет.

Время покажет.

Глава 23

Торговый корабль Альбиона "Хищник"

Сны Гримма были неприятными и закончились суматошным шумом, который оказался чьим-то настойчивым стуком в дверь его каюты. До того, как он на самом деле осознал, что проснулся, он уже успел спустить ноги с койки и сесть, бормоча:

— Войдите.

Дверь открылась, и Стерн просунул голову в каюту.

— Прошу прощения, капитан.

Гримм небрежно отмахнулся.

— Мы уже на месте, мистер Стерн?

— Все еще ожидаем швартовки, — ответил крепкий молодой человек. — Но у вас посетитель с флота, сэр.

Гримм пристально взглянул на молодого человека и резко кивнул.

— Я сейчас выйду.

— Так точно, капитан, — ответил Стерн и снова закрыл дверь.

Посетители с флота? Сейчас? По крайней мере, Гримм смог отмыться в тазу с водой перед сном. Теперь он встал, оделся, как мог, в чистую одежду, и неуклюже приспособил свежую повязку для раненой руки. Несколько раз провел гребнем по спутанным волосам, хмуро посмотрелся в маленькое зеркало и поморщился при виде щетины, которая портила ему все шансы предстать в надлежащем офицеру виде.

Разумеется, он больше не был офицером флота, ведь так?

Гримм покачал головой, пытаясь стряхнуть глубокое истощение, которое все еще ощущал, потерпел неудачу и все-таки покинул каюту.

— Капитан на палубе! — рявкнул Стерн, когда Гримм открыл дверь. Гримм шагнул на палубу и увидел, что все члены экипажа в зоне видимости оставили свои дела, развернулись к нему и сделали идеальный флотский салют. Он удержался от улыбки.

— Мистер Стерн, — проворчал Гримм вполголоса. — Почему экипаж соблюдает формальный протокол, только когда на борту находится служащий флота?

— Потому что нам нравится напоминать упрямым ублюдкам, что на этом корабле командуете вы, капитан. Независимо от того, что о вас думают флотские.

— А, — сказал Гримм. Он слегка повысил голос. — Отставить.

— Команда отсалютовала с практически парадной точностью и вернулась к своим обязанностям. Подвижная маленькая фигура в мундире капитана 1-го ранга Флота перебиралась по абордажному мостику, проложенному между палубой Хищника и катером флота, зависшим рядом с кораблем Гримма. Человек спрыгнул на палубу и покачал головой в изумлении.

- Разрешить подняться на борт, капитан?

— Байард, — сказал Гримм, шагнув вперед и протянув руку.

— Мэд, — сказал Байард, обменявшись рукопожатием.

- Боже Всемогущий, дружище, я знал, что "Хищник" был поврежден, но… Вы снова разговаривали с незнакомцами?

— Капитан Кастильо с "Итаски", если вкратце, — ответил Гримм. — Я успел уйти, пока разговор не зашел слишком далеко. Что ты здесь делаешь, Алекс?

— Мы узнали, что ты снова получил ранения, играя в героя во время атаки, и Эбигейл настояла, чтобы я посмотрел на тебя.

Гримм указал на руку.

— Боюсь, слухи преувеличены. У меня уже было это, когда все началось.

— Я помню, — кивнул Байард. — Итак. Ты отразил нападение морских пехотинцев Авроры… одной рукой.

— В основном это сделала моя команда.

Байард шутливо изумился.

— Ну конечно. А ты стоял и критиковал всех вокруг, полагаю.

— Ты меня насквозь видишь.

— Потом новых травм не появилось — от недовольного матроса, например? — сверкнул зубами, улыбаясь Байард.

— Несколько царапин и синяков. Я в порядке.

— Это сильно успокоит Эбигейл, — сказал Байард. -

Теперь поговорим о том бренди.

— Каком бренди?

— Отличный бренди, который ты собираешься налить мне в своей каюте, естественно, — весело сказал Байард, — но его глаза оставались серьезными.

— Понимаю, — кивнул Гримм. — Полагаю, если он поможет быстрее избавится от тебя, это достойная инвестиция. Прошу сюда, капитан.

Байард усмехнулся.

- Подумать только, они еще называют торговых капитанов нецивилизованными.

Оказавшись внутри каюты, Гримм закрыл за собой дверь и повернулся к своему старому другу.

— Хорошо. В чем дело?

Байярд сложил пальцы, будто бы держа рюмку, и нахмурился, уставившись на них в замешательстве.

- Странно. Я не вижу алкоголя.

Гримм фыркнул. Затем подошел к шкафу и вернулся с парой рюмок с бренди. Он протянул одну Байарду. Байард взял ее, поднял и сказал, то же что и всегда, когда они пили вместе:

- За отсутствующих друзей.

— За отсутствующих друзей. — эхом отозвался Гримм и оба выпили.

— Официально, — сказал Байард после. — Совет Шпиля объявил войну Шпилю Аврора.

Гримм нахмурился.

— Неизбежно, полагаю.

— Неизбежно и скверно, — сказал Байард. — Мы уже созываем корабли как первой так и второй эскадры. Умные головы из Адмиралтейства решили оставаться в оборонительной позиции, пока мы не сосредоточим весь наш флот в одном месте.

Гримм поднял брови. Душой воздушной войны была стремительность внезапная и подавляющая. Командир, который сдал инициативу врагу, был командиром, которого вполне можно было бы уничтожить неожиданным ударом прежде чем он успеет отдать приказ вступить в бой, причем выбор времени и места удара оставался за противником.

— Что?

Баярд плюхнулся на тесный диван Гримма.

— Именно. Боюсь, что этот налет ужасно потрепал старого Уотсона.

— Почему?

— Потому что противник затеяли эту атаку, чтобы манипулировать им, и они преуспели. Они дергали его, как куклу на струнах. Если бы только какой-то бедный дурак случайно не бродил рядом с Ланкастерской чановой…

Байард отсалютовал бокалом Гримму.

Гримм закатил глаза.

— …Ответ Уотсона может стоить Альбиону его самого ценного ресурса. — Байард хлебнул бренди. — Поэтому он и проявляет максимальную осторожность, чтобы не попасть в другую такую ловушку.

— Если, конечно, — сказал Гримм, — они не пытаются манипулировать им, заставив приложить все усилия, собирая все наши корабли в одном месте.

— Именно. — Байард вздохнул. — Каждое звено Первой эскадры в настоящее время плавает в гигантском хороводе вокруг Шпиля, ожидая неприятностей, как какая-то кровавая карусель. Некоторые из нас пытались призвать к здравому смыслу, но ты же знаешь старого Уотсона.

— Он довольно хорош в оборонительной тактике, — сказал Гримм.

— Я согласен, — сказал Байард. — Проблема в том, что он довольно плох в оборонительной стратегии. Нам нужно слать корабли, чтобы бить аврорцев в их домашнем небе, заставлять их думать об обороне. Проклятый дурак поощряет их проявлять инициативу.

Гримм нахмурился и сказал,

— Какое отношение это имеет ко мне?

Байард нахмурился.

— Давай без этого. Ты флотский, Мэд. Как и я.

— В реестре Флота говорится другое.

— У нас война на носу, — ответил его друг. — Сейчас не время для мелких обид. Нам нужен каждый квалифицированный капитан, которого мы можем получить. Я хочу, чтобы ты вернулся.

— Я был уволен с позором. Я не могу вернуться.

— Ты опытный боевой командир, — возразил Байард. — И ты заслужил больше, чем просто уважение своими действиям в Ланкастерской Чановой. Премьер-министр Альбиона лично наблюдал, как вы защищаете его дом, его людей и его средства к существованию через окно своего кабинета. Если ты вернешься во флот и предложишь свои услуги, я думаю так, ветры иногда несут в нужном направлении, а у тебя сейчас попутный ветер — у меня есть место капитана в моей эскадре.

Гримм резко поднял глаза.

— "Доблестный", — просто сказал Байард. — Мне нужен капитан флагмана.

Что-то в груди Гримма шевельнулось, что-то, что он забыл за последнее десятилетие — голос гораздо более молодого, гораздо менее опытного Фрэнсиса Мэдисона Гримма, полного решимости добиться права управлять кораблем Флота. Он не был уверен, было ли это похоже на фейерверк, взрывающийся в его груди, или головокружение от пьяного падения с лестницы.

— Ты ненормальный. Я никогда не командовал кораблем Флота.

— Нет, — сказал Байард, его голос стал тверже. — Командовал.

— Неофициально, — Гримм сплюнул. — Не на бумаге. И ни один офицер, как бы он не был популярен и любим, не получает проклятый тяжелый крейсер в качестве своего первого

корабля.

— Правила созданы, чтобы их нарушать, — ответил Баярд. — То, что они сделали с тобой, было неправильным. Я не вижу способа, как можно исправить ту несправедливость.

— Я сейчас работаю на Шпилеарха, — сказал Гримм

— Я знаю. Но это твой шанс, Мэд. Шанс все исправить. Вернись к командованию Флота со мной. Предлагаю воссоединиться.

Гримм сузил глаза.

— Ты хочешь, чтобы я пошел к ним. Пошел с шляпой в руках и попросил их светлость милостиво вернуть меня.

— Война, Мэд, — сказал Баярд, наклоняясь вперед. — Это больше, чем я. Это больше чем Гамильтон Рук и его семья. Это даже больше, чем твоя раненая гордость. Ты нужен нам.

— Тогда я с нетерпением жду уведомления в письменной форме об очищении моего имени и восстановлении моего звания и репутации на флоте — сказал Гримм

Байард рассвирепел.

— Черт возьми, Мэд. У тебя есть обязательства. Долг.

— Во многом ты прав. Но мой долг перед Флотом я закрыл много лет назад. Теперь у меня есть другие обязательства.

Байард только смотрел, излучая гнев каждой порой. Гримм встретил его взгляд без враждебности, но неуступчиво.

Через мгновение Баярд, казалось, сдулся. Он издал отвратительный звук и проглотил коньяк одним глотком.

- Черт возьми твою гордость.

Гримм прикончил свой стакан и позволил ликеру обжечь горло, почти испугавшись, что от суматохи в груди может вспыхнуть.

— Алекс… То что ты просишь меня сделать — я этого не сделаю. Я не могу этого сделать. Не могу.

Наступила тишина.

— Эбигейл сказала так же, — наконец произнес Байард. — Но я должен был попробовать.

— Спасибо, — сказал Гримм. — В самом деле.

Байард повел плечом, отложил рюмку и встал.

— Еще хотел заблаговременно предупредить — твой старпом скоро вернется на действительную службу. Они призывают всех, кого когда-то уволили и всех доступных резервистов с торговых кораблей.

— Полагаю, это не удивительно, — сказал Гримм, поднимаясь вместе с ним.

— Как он? — спросил Байард.

— Он справится, — твердо сказал Гримм. — Когда?

— Неделя, не больше — сказал Байард.

— Я приму меры, — сказал Гримм, и они вместе отправились на палубу. — Передавай Эбигейл привет.

— Ты должен прийти к нам на обед в ближайшее время, — сказал Байард. Затем поморщился. — Если война позволит.

— Буду рад.

— Эта… договоренность, которая у тебя со Шпилеархом, — сказал Байард. — Надолго?

— Может быть. Может — нет.

— Тогда я оставляю за собой право снова поговорить с тобой по этому вопросу.

— Мой ответ не изменится.

— Нет. Я и не надеялся. — Байард поднял голову, а затем немного наклонил в сторону. — Капитан, — сказал он. — А что это на самом верху вашей фок-мачты?

Гримм поднял глаза, следуя взгляду Байарда, где была очерчена на фоне солнечного тумана маленькая крепкая фигурка. — Очевидно, — сказал он, — это кот.

Глава 24

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг

Роулу вид с высоты двух корабельных деревьев показался менее захватывающим, чем он предполагал сначала. О, он мог видеть сам корабль довольно хорошо, хотя, основываясь на его понимании имени судна (как будто оно нуждался в имени) он чувствовал, что его хозяин должен поблагодарить кошек по крайней мере за очевидное вдохновение. Возможно, здесь даже была договоренность. Конечно, если они назвали что-то в честь кошек, даже самые бестолковые люди должны понимать, что необходимо обсудить вознаграждение.

Само судно оказалось интересным. Он проследил за Мышонком, которая уютно устроилась в маленькой комнате с чашкой горячего напитка, гадкого на вкус, но она настойчиво наливала его при любом удобном случае. После этого он отправился на разведку. На "Хищнике" было много коридоров и комнат, а также множество вещей, которые необходимо было догнать и словить. Вероятно, не стоило их есть, пока он действительно не чувствовал голода. Роул был уверен, что хрупкие чувства Бриджит будут разбиты, если он откажет ей в удовольствии разделить с ним еду.

Определенно такая конструкция была подходящим местом для кота, при условии, что он не возражал против компании.

Как-то, когда он только закончил проверку судна и быстро поднялся на корабельное дерево, поначалу интересно было наблюдать только за людьми, снующими по кораблю, и, честно говоря, день и впрямь обещал быть долгим и скучным, а потом случилось кое-что, оказавшись интересным чуть более, чем на мгновение. Маленький корабль, возможно, тоже названный именем, вдохновленным его народом, появился рядом с "Хищником". Человек с гораздо меньшей неуклюжестью, чем большинство людей, взошел на борт. Это был невысокий самец, и, несмотря на его крохотную фигуру, двигался он с уверенностью воина и носил очень большую и благородную шляпу.

Такие шляпы часто бывали признаком людей, которые считали себя важными, что умиляло первые несколько минут, а потом начинало раздражать.

Посетитель, однако, взошел на корабль, как будто ожидал разрешения быть на чужой территории, что было правильно. Роул начал одобрять человека Гримма, который до сих пор действовал с наименьшей некомпетентностью во всех аспектах своей жизни. И если Гримм мог получить такое уважение даже у людей с очень большими головными уборами, он мог сгодиться для помощи, и даже люди были достаточно умны, чтобы понять, что хорошая помощь была наиболее неуловимой из добыч.

Роул следил за разговором, которым Гримм вел с гостем. Казалось, что в основном это связано с необъяснимым человеческим безумием, хотя он понимал гнев и повышенные голоса, которые означали, что все могло закончиться кровопролитием. Как часто это случалось с переменчивыми зверями, разговор не развился до настоящей битвы, а посетитель остался в явном поражении.

Вскоре после этого произошла какая-то деятельность между высоким вторым после

командира и человеком орудующим несколькими длинными рукоятками с кусками цветной ткани на конце. По-видимому, это были какие-то сигналы, потому что люди какое-то время смотрели на что-то под ними, после того как помахали флагами. То, что они увидели, казалось, удовлетворило их. Корабль, висевший неподвижно, наконец спустился к деревянной платформе, которая, за исключением мелких деталей, выглядела почти так же, как та, которую они оставили.

Роул почувствовал разочарование. Казалось, он преодолел кучу проблем, чтобы полжизни скучать на корабельных деревьях, в обмен на самую малость развлечений в пути вместо интересного изменения окружающей обстановки. Но такие вещи следовало ожидать,

когда имеешь дело с людьми. Он должен оставаться терпеливым, пока они не вляпаются в какую-нибудь глупость. Разве он не был котом, в конце концов?

Он спустился с корабельного дерева. Это было куда менее приятным, чем взбираться. Такая деятельность более подходит для людей и их паучьих пальцев. Он должен проследить, чтобы в следующий раз рядом оказался человек, готовый вскарабкаться и спустить его с должным достоинством. Возможно, это будет удобный случай проверить способности человека Бенедикта. Понятно, что он недостоин быть помощником Мышонку, но, возможно, с правильным руководством можно было бы взрастить некоторую адекватность.

Роул вернулся к маленькой комнате, где Мышонок и ее спутники пили свою вонючую воду и вспрыгнул, схватившись за ручку на двери, повисел на ней достаточно долго, чтобы она открылась. Затем он прокрался внутрь и закрыл дверь, надавив плечами.

Человек Гвендолин несколько раз моргнула, а затем сказала:

— Боже, когда он уходил? Как он ушел?

Мышонок кивнула ему и ответила человеку Гвендолин:

— Он кот, мисс Ланкастер. Задавать такие вопросы бесполезное занятие.

Роул вскочил на колени Мышонка и ласково потерся носом о ее щеку. Ему нравилась Мышонок. Она была значительно умнее большинства людей.

— Корабль пришвартовывается, — сказал он ей. — Мы немедленно должны пойти посмотреть, как выглядит этот новый хаббл.

Он подождал, пока Мышонок повторит то, что он сказал другим людям. Честно говоря, иногда он чувствовал, что люди просто притворяются тупыми. Разве было так трудно понять цивилизованную и превосходно сформулированную речь? Его отец часто говорил, что на самом деле люди настолько же глупые и беспомощные, насколько кажется со

стороны — по крайней мере, жизнь значительно упрощалась, если думать что это правда. Но Роул все же не был уверен до конца.

Минуту спустя, очень неприятный звук металла ударяющего о металл пронзил палубу. Это был один из тех человеческих шумов, которые были, он не сомневался в этом, созданы с одной единственной целью — раздражать кошек.

Звук, похоже, все же активировал людей. Мышонок и ее спутники встали и начали суетиться в той манере, как часто делали люди. Люди, которые управляли кораблем, занимались тем же, и после бессмысленной отсрочки, когда люди собрали все свои игрушки и сувениры, он, наконец, смог занять свое законное место в объятиях Мышонка и погнать их всех в правильном направлении.

Они спустились с корабля на деревянную платформу, которая, казалось, просто висела в открытом воздухе сбоку от Шпиля. Он должен был отдать должное людям там, где они заслуживали — они, похоже, умели строить интересные для кошек места. Они шли по

скрипучим деревянным доскам, их шаги отдавались эхом.

— Мышонок, — сказал он, — а если человеческая платформа рухнет, разве мы не упадем на поверхность?

Он услышал, как ее сердце забилось быстрее, а ладони, зарывшиеся в его мех, вспотели.

— Вздор. Я уверена, что этого не произойдет.

Но она начала идти заметно быстрее.

Мышонок и ее спутники присоединились к довольно большому стаду людей, которые стояли вокруг, не делая ничего интересного или полезного. Они стояли там бесконечно, только изредка деля шаг вперед. Серьезно. Разве стоит удивляться, что глава их клана наконец-то упросил отца Роула, чтобы Тихие Лапы взяли руководство и оказали помощь?

Наконец, они прошли через относительно крошечное отверстие в стене Шпиля вместе с колонной таких же спокойных представителей человечества и по очереди, напрасно тратя впустую время, поговорили с вооруженными людьми, которые были не так важны, как большие шляпы. И только после того, как весь этот не поддающийся расшифровке человеческий ритуал был полностью удовлетворен, они вошли в хаббл Лэндинг.

Роул постоянно напоминал себе, что кошки бесконечно терпеливы, и что он совершенно не взорвется, если не выскочит из рук Мышонка и не отправится исследовать. Это не означало, что он не мог этого сделать, если бы захотел, потому что только кошки всегда были сами себе хозяевами. Он решил, что его терпение было практически легендарным — Мышонку повезло с ним, а Роул, более того, уже позаботился бы об этой проблеме или тайне или чем бы там ни было, пока она еще стояла в очереди для разговора с вооруженными людьми на входе в хаббл Лэндинг, и тем самым лишила себя великолепного триумфа.

Хотя, если задуматься он был самым важным членом отряда. Любая полученная слава была его по праву в любом случае.

На данный момент он решил примириться с ситуацией. Но если люди станут неуправляемыми, возможно ему придется принять меры. И кто станет его винить? Даже его отец не утверждал, что было целесообразно руководить пятью людьми. Хорошо известно, что люди становились более растерянными, чем обычно, когда сбивались в стада.

Хаббл Лэндинг был примечательным. Во-первых, потолок всего в половину высоты других хабблов, которые он видел. Он все еще возвышался даже над головой Мышонка, но более замкнутое пространство напомнило ему воздуховоды и вентиляционные тоннели, которые традиционно были территорией его народа. И в нем было множество людей. Хаббл Монинг считался густонаселенным хабблом, но, по сравнению с ним, в Лэндинге люди просто кишели. Сотни и сотни приходили и уходили сквозь дыру в стене шпиля. Десятки людей, торговавших сувенирами и безделушками (Мышонок сказала бы, что все они были людям абсолютно необходимы), выстроились вдоль стен в аккуратно устроенных киосках — и это даже была не рыночная площадь.

Голоса наполняли воздух, их было так много, что невозможно было вычленить конкретный разговор, в целом голоса создавали низкий гул, который немного напоминал завывания ветра в местах соединения вентиляционных тоннелей. Запахи тоже были очень сильными: неприятные, которые всегда появляются с людьми, аппетитные запахи разнообразной еды, и совершенно замечательные запахи, которые он не смог определить.

— Боже мой, — воскликнула человек Гвендолин. — Вы когда-нибудь видели столько прибывающих и уходящих людей?

— Это было бы прекрасным местом для проскальзывания вражеского агента в шпиль, — согласился человек Бенедикт.

Человек Фолли явно испугалась чего-то, хотя она точно была вне опасности насколько мог видеть Роул. Ее сердце билось очень быстро, и от нее смердело напряжением. Она не поднимала глаз от пола и держалась в нескольких дюймах от самого старого человека группы, мастера Феруса. Глаза пожилого человека были полуприкрыты, как будто он хотел, чтобы наблюдатель подумал, что он засыпает, но Роул прекрасно видел, как они озираются вокруг в почти кошачьей манере, подражая ему.

— Мастер Ферус? — обратилась человек Гвендолин. — Куда нам идти, сэр?

— Ммм? — отозвался Ферус. — Что такое?

— Может быть, жилье? — предложила Мышонок.

— Ах, отлично, да. — Он обернулся к человеку Бенедикту. — Молодой человек, вы не знаете приличной гостиницы?

— Я думаю, здесь их немало, но я останавливался в Гвардейском доме, когда был здесь, — произнес человек Бенедикт извиняющимся тоном. — Я знаю, что мы сможем нанять посыльного, который может нам помочь.

Человек Гвендолин нахмурилась.

— Разве мы не должны остановиться там в любом случае? В конце концов, это официальное расследование для Шпилеарха.

— Мы не можем объявить о нем официально, и мы не можем встать на постой в Гвардейском доме, — сказала Мышонок. — Если среди гвардейцев есть предатель, а мы

промаршируем и объявим о наших намерениях, мы можем с тем же успехом раструбить об этом на весь мир.

— Совершенно верно, — сказал мастер Ферус. — Совершенно верно. Тогда — посыльный.

Кажется, человек Гвендолин восприняла это как приказ. Она кивнула и прошла через толпу. Роул ждал с поистине безграничным терпением. Вокруг было множество вещей, которые нужно было увидеть и обонять. У одного человека-продавца было много небольших существ в маленьких клетках. У некоторых из них были крылья, у других чешуя и мех. Роулу удалось сопоставить запахи с их владельцами и задумчиво изучить их. Затем мягкое движение и смещение в сторону вентилируемого воздуха объявили о приходе дня, когда солнце начало согревать другую сторону Шпиля и принесло с собой безумно вкусный запах готовящегося мяса.

Роул поднял голову, чтобы посмотреть откуда пришел запах, и отметил, что как и он, этот человек Бенедикт был достаточно умен, чтобы унюхать нужное и проявил точно такой же интерес. Желудок человека заурчал.

Человек Гвендолин вскоре вернулась в компании довольно тощего маленького человеческого котенка. Волосы у маленького человека были в беспорядке, лицо грязное, одежда оборвана, и Роул, который по большей части считал людей похожими друг на друга, не смог определить, был ли этот посыльный самцом или самкой.

— Это Грейди, — объявила человек Гвендолин. — Он милостиво согласился отвести нас в гостиницу.

— Да, да, — сказал маленький человек. — Просто идите за мной, дамы и господа, и мы все уладим на счет чистой постели и горячей еды.

— Хорошо, хорошо, — сказал старший человек. — Приступайте.

— Слушаюсь, сэр! — отозвался маленький человек. — Сюда!

Они проследовали за маленьким человеком из галереи, которая вела к верфи в боковой туннель, он был освещен люмин кристаллом среднего размера и делал всех совершенно слепыми ко всему, что происходило вокруг чуть далее нескольких шагов. Люди такие невнимательные. В конце концов, Роул прекрасно все видел. Вряд ли он виноват в том, что люди не могут отличить небольшое затенение от истинной тьмы.

Это было иронично, потому что в целом они были самыми безмозглыми существами из всех, кого он знал.

Они прошли короткий путь через боковой туннель, а затем вышли на длинную узкую улицу, где человеческие здания стояли вплотную со всех сторон и в большинстве случаях тянулись от пола до потолка, но высота зданий были неровной и общий вид был зазубренный, похожий на множество сломанных зубов. Улица была тускло освещена, а людей было намного меньше, чем они видели у верфи.

Роул посчитал это… непоследовательным. Ощущение опасности коснулось его шерсти, когда маленький человечек вывел Мышонка и ее спутников на улицу и Роул обнаружил, что напрягает и расслабляет мускулы. Он не мог точно определить какую-либо особую угрозу…

Мышонок, достаточно мудрая, чтобы следовать кошачьим рекомендациям, сразу заметила реакцию Роула. Ее собственное тело напряглось, ее глаза метались по округе в поисках любой угрозы, как это делал Роул.

Внезапно Роул услышал мягкие шаги позади них и быстро повернул уши, чтобы послушать в этом направлении.

— Мышонок, — тихо сказал он. — На нас охотятся. Позади.

Она посмотрела на него сверху вниз, но не повернула голову, чтобы взглянуть через плечо на своих преследователей. Отлично. Такой жест предупредил бы охотников о том, что их добыча ощутила их. Мышонок была умна — для человека, конечно.

— Бенедикт, — тихо сказала она. — Роул думает, что кто-то следит за нами.

Человек Бенедикт хмуро глянул на нее, но не стал задавать вопросов. Вместо этого Роул увидел, как его ноздри раздулись, и он начал вращать глазами, оглядываясь вокруг, не поворачивая головы.

— Черт, — сказал человек Бенедикт через мгновение. Он шагнул вперед, поравнявшись с Мастером Ферусом, и постучал Гвендолин по плечу. Она повернулась, чтобы посмотреть на него, но не остановилась. Человек Бенедикт наклонился, чтобы тихо сказать.

— Кузина, боюсь, нас пометили.

Человек Гвендолин нахмурилась.

— Пометили? — Она осмотрела себя. — Кто-то что-то налепил на мою одежду?

Человек Бенедикт выпустил воздух сквозь зубы.

— Пометили как добычу, сестренка. За нами идут и охотятся.

— Кто же?

— Разбойники, скорее всего, — ответил человек Бенедикт. — В хаббле Лэндинг действуют несколько банд.

Человек Гвендолин сузила глаза.

— Ясно. И кто конкретно нас пометил?

— Слева от тебя, — сказал человек Бенедикт. — Около десяти футов позади нас, темно-коричневое пальто, черные волосы, около двадцати лет. Он следит за нами, наблюдая за отражениями в окнах, когда мы проходим мимо них. И еще один впереди нас, справа, в

надвинутой шляпе.

— Понятно, — ответила она. — Каков обычный ход действий в таких ситуациях?

— Избегать их.

— В этом мы уже потерпели неудачу, — сказала человек Гвендолин, раздраженным тоном. — Что еще?

Голос человека Бенедикта прозвучал немного возбужденно.

— Кузина, ну откуда я могу знать? Меня разбойники раньше не помечали.

Она обдумала сказанное и кивнула.

— Понятно.

Затем, не колеблясь ни мгновения, шагнув вперед, человек Гвендолин повернулась, подняла наруч и разрядила его.

Почти невидимый луч силы и жара взвыл в воздухе и врезался в каменную стену фасада здания, меньше чем в двух футах от головы бандита, шедшего позади. Свет заставил Роула, быстро наклонить голову, чтобы уберечь глаза, а сила взрыва выбила камни со стены, посыпая ими улицу.

Разбойник (и, возможно, дюжина других людей, оказавшихся поблизости) вскрикнул и вздрогнул, глядя на курящуюся, обожженную выбоину в камне. Он потерял равновесие и упал спиной на землю. Все на улице застыло, и все глазели на маленькую человеческую самку Гвендолин.

Она подошла к бандиту, кристалл в наруче все еще пылал в ее ладони, и повысила голос, чтобы ее было слышно на всей улице. Направив указательный палец правой руки на ошеломленного преступника, она жестко произнесла:

— Ты.

Мужчина лишь таращился на нее.

— Беги домой, — сказала человек Гвендолин. — Немедленно. И сообщи своим хозяевам, что мы не добыча.

Ее слова эхом отражались от фасадов каменных зданий несколько секунд. Затем рот бедолаги дернулся несколько раз. Он отчаянно закивал, вскочил на ноги и бросился вниз по улице, скрывшись из виду.

Роул поднял глаза на человека Гвендолин, явно впечатленный. Именно так и нужно разбираться с потенциальным хищником. Инстинкты и реакция человека Гвендолин были практически профессиональными.

— Создатель пути, — переводя дыхание, выругался человек Бенедикт. — Кузина, ты только что разрядила наруч на переполненной улице.

— И уберегла от нападения головорезов, — отрезала человек Гвендолин. — Никто не пострадал. Честно говоря, у нас нет времени на такую чушь.

Она сделала шаг вперед и присела, чтобы посмотреть в глаза маленькому проводнику.

— Грэйди, — сказала она милым тоном, — ты привел нас сюда, чтобы на нас напали?

— Я здесь не причем! — затараторил маленький человечек, его лицо побледнело. — Я бы не стал! Никогда, мисс!

— Ты привел нас в мусорную канаву, переполненную людьми, ищущими поживы с простаков. Ты хочешь, чтобы я поверила?

Маленький человек сглотнул. Затем он сказал:

— Я знаю другую гостиницу, мисс. Прямо возле галереи, на открытом месте. Я могу отвезти вас туда, если захотите.

— Одурачил меня раз, позор тебе, — сказала Гвендолин. — Одурачишь второй, и я могу почувствовать желание пристрелить тебя чисто из принципа.

Маленький человек напряженно таращился на нее.

— Бу! — крикнула Гвендолин и топнула ногой.

Грейди повернулся и бросился наутек.

— Ты уверена, что не хочешь пальнуть ему под ноги, пока он убегает? — спросил Бенедикт сухо.

— Не будь занудой, Бенни, — ответила Гвендолин. — Если мы не можем доверять одному посыльному, то и не можем доверять им всем. Нет никакой гарантии, что в следующий раз это будут простые воры, а не поджидающие нас аврорские агенты. Какие у нас варианты?

Бенедикт на мгновение нахмурился, а затем пожал плечами.

— Есть одно место, куда мы можем отправиться. Там где, я полагаю, мы можем хотя бы получить честного проводника, если не будет других вариантов.

— Отлично, — сказала Гвендолин. — Продолжим.

— Сюда, — сказал Бенедикт, и они снова пошли. Спустя мгновение человек Бенедикт повернулся, чтобы посмотреть прямо на Роула.

— Спасибо, — сказал он.

Роул зевнул, чувствуя себя, пожалуй, довольным за то, что спас своих людей от разбойников и сказал:

— Это то, что я делаю.

Глава 25

Монастырь Пути, Хаббл Лэндинг

Бриджит осторожно шла по тесным переходам хаббла Лэндинг, пытаясь обратить внимание на любые возможные источники потенциальной опасности, но ей казалось, что ее отправили в магазин, и не сказали, что она должна купить. Как будет выглядеть опасность? Она предположила, что, если бы это было неприкрыто и очевидно, то сразу бы бросалось в глаза, но она и понятия не имела, что предшествует нападению из засады. Она не видела никого в огромном черном плаще или подозрительных типов вращающих вощеными усами, которые были у всех злодеев в театре, хотя она предполагала, что настоящие негодяи редко настолько любезны, чтобы позволить идентифицировать себя или заявить о своих намерениях напрямую. В конце концов, это и было одной из отличительных черт преступников.

Она постоянно посматривала на Роула. Никогда бы не призналась маленькому хвастуну вслух, но у него явно было гораздо лучшее представление, где может скрываться угроза. Он и так уже был чрезвычайно доволен собой, гораздо больше, чем обычно, предупредив их сегодня о засаде. Если она признается, он никогда не позволит ей забыть об этом.

Роул, в свою очередь, смотрел, нюхал и двигал ушами так и эдак, впитывая все виды и звуки оживленного, даже маниакально трудолюбивого хаббла.

Многолюдный лабиринт торговых лавок и прилавков рядом с доками всего лишь предварял настоящий хаббл. В одном секторе Лэндинг было больше магазинов, чем во всем Хаббле Монинг! И они разделили все вертикальное пространство наполовину, так что на втором этаже над ними, находилось еще больше предприятий.

Целые отрезки тесных улиц были занятыми определенными ремеслами и предприятиями. В квартале лудильщиков и кузнецов, воздух был горяч и наполнен

скрежетом металла о металл. Они прошли целую улицу бумажных мастеров, запах их трудов был настолько ужасен, что Роул засунул нос подмышку Бриджит, пока они не прошли мимо. Рядом с кварталом кожевников был центр чановых дел мастеров, дальше шел квартал красильщиков и абсолютно все, казалось, очень торопились, минуя их медленно передвигающуюся группу, бросали страшные взгляды или ворчали ругательства.

Люди были столь же поразительны в своем разнообразии. Она всегда считала, что хаббл Монинг — самый космополитичный хаббл Шпиля, абсолютный центр культуры Альбиона, и, хотя посетители в нем не были чем-то совершенно неслыханным, многообразие населения здесь просто ни шло ни в какое сравнение.

В течение десяти минут она заметила полдюжины разных групп иностранцев, перемещающихся по улицам Лэндинга. Она увидела группу румяных олимпийцев в традиционных зелено-золотых одеждах, большинство из которых носили лавровый венок, знак своего дома, на груди, в подвесках или на кольцах. Через пять шагов от них, пара женщин с золотисто-коричневой кожей, выдающих в них нефезианцев, прогуливалась, демонстрируя длинные, широкие юбки из полдюжины тонких слоев разноцветной ткани. За ними проследовал высокий воин с почти черной кожей и голубыми глазами атланта, в форменном мундире капитана дирижабля цвета индиго, следом она заметила команду довольно маленьких, худощавых, потрепанных мужчин и женщины, на их лицах были тонкие, спиралевидные ритуальными шрамы пикеров.

— Это ваше первое путешествие за пределы хаббла Монинг, мисс Тагвинн? — спросил Бенедикт.

Бриджет довольно виновато отвела глаза от пикеров.

— Это так очевидно?

— Совершенно понятно, — сказал он. — В конце концов, около семидесяти процентов жителей шпиля Альбион вообще никогда не покидают родных хабблов.

— Думаю, это уменьшает шансы стать жертвой разбойников, — заметила она.

Бенедикт улыбнулся.

— О, разумеется. В такие команды никогда не набирают людей из собственного хаббла. Властям слишком легко вычислить их. А главари никогда не допустят подобного.

— Главари? — переспросила Бриджит. — Разве они не просто… ну, шайки мародерствующих крыс?

— Естественно нет, — сказал Бенедикт. — Слишком грубо и не организовано и потому легко остановить. Все, что они делают, должно быть скоординировано и тщательно организовано.

— Организованное ограбление?

— Да, среди прочего, — подтвердил Бенедикт. — Контрабанда, продажа опасных дурманящих средств, торговля оружием, лекарствами, людьми.

Его глаза слегка потемнели.

— Все контролируется и четко применяется гильдиями.

Бриджит заморгала.

— Гильдиями? Как гильдия чановщиков?

— Сомневаюсь, что это похоже на гильдию чановщиков в хаббле Монинг, — ответил Бенедикт. — Здесь все гильдии конкурируют между собой и большинство из них занимаются той или иной сомнительной деятельностью. Некоторые больше других погрязли в этом, но, как правило, если кому-то в хаббл Лэндинг пробивают голову, это потому, что

одна из гильдий решила, что это должно быть сделано.

— Кажется, непросто управлять группой людей, которые занимаются такими вещами, — отметила Бриджит.

— В самом деле.

— Разве не проще им… просто работать честно?

Бенедикт ухмыльнулся.

— Вероятно. Но всегда найдутся те, кто думает, что просто отбирать желаемое силой легче и приятнее, чем работать над его созданием. К тому же остается больше свободного времени.

— Я не понимаю, — удивилась Бриджит. — Почему гильдиям, которые ведут себя таким образом, разрешено существовать?

— Есть много причин, — сказал Бенедикт. — Если есть закон, всегда кто-то будет нарушать его. Это человеческая природа. В гильдиях есть свой определенный кодекс поведения, которого они придерживаются, что делает их несколько менее ужасающим предприятием, чем независимая преступная группировка. Они дьявол, которого мы знаем.

Он поджал губы.

— И они чрезвычайно сильны.

— Конечно не сильнее Гвардии.

— Более мотивированы, чем гвардия, — сказал Бенедикт. — Намного сложнее отыскать, чем гвардию. И, конечно же, они не обременены ограничениями законов Шпиля. Кроме того, они еще контролируют ряд легальных предприятий, и благодаря их влиянию могут значительно изменять политику хаббла. Они умело управляют сочетанием страха, уважения, денег и профессионального мастерства, что делает конфликт с ними сложным и опасным делом.

Бриджит нахмурилась, размышляя.

— Тогда… простите меня, если я не ухватила сути, но разве Гвендолин не дала очевидный публичный отпор этим сильным и опасным людям?

— Да, — спокойно сказал Бенедикт. — Именно это она и сделала.

— О, Боже! — воскликнула Бриджит. — Кажется… неидеально.

Бенедикт пожал плечами, его кошачьи глаза постоянно оглядывали окрестности.

— Может быть. Возможно, они поймут это как демонстрацию силы. Такие люди склонны воздерживаться от нерентабельных предприятий, например как охота на жертву, которая сопротивляется, а Ланкастеры, безусловно, могут сопротивляться.

Как только они свернули с последней тесной улицы, Бриджит увидела, как напряжение покинуло сухопарую фигуру Бенедикта и его лицо расслабилось в улыбке.

— Что только что произошло? — спросила Бриджит.

— Это безопасная территория. Мы близко, — сказал Бенедикт. — Гильдии не имеют влияние в этой части хаббла.

— Почему нет?

— Здесь их научили, что овчинка не стоит выделки, — ответил Бенедикт.

Они прошли через последнюю часть улицы, битком забитой зданиями, и внезапно вышли из суматохи на открытое пространство с обычной для хаббла высотой потолков в пятьдесят футов над головой. Последние здания в стиле Лэндинга — сдвоенные уровни, соединенные тяжелым настилом и несколькими большими деревянными лестницами закончились, как будто их конструкторы попросту забыли перенести перестройку

первоначального пространства за границу того места, которую они только что перешли.

Они стояли перед сплошной стеной с кладкой высотой в десять футов, с единственными тяжелыми воротами из оплетенных бронзой деревянных брусков. Перед воротами сидел человек в довольно необычном шафрановом халате. Ткань свободно спадала с плеч, но была закреплена подвязками на предплечьях. Его бледная голова была на лысо выбрита, и он сидел, с закрытыми глаза, скрестив ноги, а ладони легко опирались на колени. Простая палка примерно трех футов длиной полностью покрытая медью лежала на полу рядом с правой рукой.

— Ох, — сказала Бриджит. — Монах Пути?

Роул пошевелилась на ее руках, и посмотрел на мужчину, уши кота поднялись, а его хвост подергивался, выражая интерес.

— О, я не могу этого сделать, — сказал Мастер Ферус. — Сэр Бенедикт, вы не против?

— Конечно, сэр, — сказал Бенедикт. Он повысил голос и сказал: — Это брат Винсент. Он несет дежурство у ворот в наказание за свой ужасный почерк.

Брат Винсент улыбнулся, не открывая глаз.

— Сэр Бенедикт. Вы пришли учить или учиться?

— Давай узнаем, брат. — сказал Бенедикт.

Брат Винсент снова улыбнулся, но глаза так и не открыл.

Бенедикт быстро расстегнул свой пояс с мечом и снял наруч. Он протянул их Бриджит и спросил:

— Вы не против?

Она моргнула, а затем заверила его:

— Совсем нет.

Ей пришлось применить навыки жонглирования, чтобы удержать и оружие Бенедикта и Роула, но она справилась.

— Спасибо, мисс, — сказал Бенедикт. Затем он повернулся и начал по-кошачьи мягко обходить брата Винсента.

— Что именно здесь происходит? — спросила Гвендолин у мастера Феруса.

— Традиция, — ответил Ферус, глядя на Бенедикта сияющими глазами.

Она нахмурилась.

— Что именно это означает?

— Разве не традиционно для Ланкастера знать что-нибудь о традициях? — саркастично поинтересовался мастер Ферус.

Фолли сделала небольшой реверанс в пространство и сообщила своей банке кристаллов:

— Монахи очень серьезно относятся к попечительству над храмом. Они не позволят зайти случайным прохожим. Необходимо доказать монахам, что желание войти искреннее.

Гвендолин подняла аккуратную бровь.

— И как человек должен…

Бесшумный, как сама тьма, Бенедикт напал на брата Винсента.

— О, — произнесла Гвендолин. — Понятно.

Бриджит никогда не видела урожденного воина двигающегося настолько быстро, но монах встретил его уже на ногах, и двое мужчин обменивались шквалом ударов и блоков, заставившие сердце Бриджит замереть на мгновения. Она едва могла уследить за их движениями. Они двигались очень быстро, и было смешно думать, что она смогла бы предвидеть следующий выпад. Она поняла, что ее собственные знания о рукопашном бое

были булыжником по сравнению со Шпилем.

И тут случилось что-то ужасно сложное и молниеносное, Бенедикт оказался прижат лицом к полу, а брат Винсент завел одну руку воина назад и вверх под умопомрачительным углом. Нога монаха упиралась в спину Бенедикта, пока тот не поморщился и дважды не ударил свободной ладонью по полу.

Брат Винсент любезно отпустил руку, а молодой человек полежал спокойно, переводя дух, потом поднялся. Он, морщась, размял плечи.

— Что это было?

— Кажется, — сказал брат Винсент, — ты пришел учиться, молодой рыцарь.

— Я был уверен в этом пять минут назад. Ты никогда не показывал мне эту комбинацию.

— Разве? — улыбаясь, спросил брат Винсент. — Боже. Какой недосмотр. Уверен, что не забыл показать тебе что-нибудь другое.

— Уверен, что ты не забыл, брат, — с иронией ответил Бенедикт. — Думаю, ты просто хочешь, чтобы я навещал тебя почаще.

Брат Винсент улыбнулся и схватил Бенедикта за плечо одной рукой.

— Потребовалось время, чтобы немного размягчить твой череп, дабы знания проскользнули внутрь, но, в конце концов, ты оказался хорошим учеником. Рад тебя видеть, сынок.

Бенедикт рассмеялся, и они обменялись поклонами.

— Брат, мы пришли в храм за помощью.

Темные глаза Винсента затуманились.

— Ты же знаешь, мы не вмешиваемся в политику, сэр Бенедикт.

— Ничего подобного я и не прошу, — сказал Бенедикт. — Всего лишь чашку чая и несколько минут разговора?

Брат Винсент некоторое время изучал лицо Бенедикта, прежде чем его взгляд метнулся к его спутникам. Бриджит почувствовала себя немного неуютно под этим взглядом. Казалось, что этот человек видел гораздо больше, чем следовало. Глаза Брата Винсента задержались на мастере Ферусе и он вздохнул.

— Значит, слухи верны. Снова война.

— И у стен есть уши, — сказал Бенедикт.

— Конечно, конечно, — подтвердил Винсент. — Я пришлю кого-нибудь подменить меня на посту. Проводи своих товарищей внутрь.

Бенедикт кивнул и поманил остальных. Бриджит подошла к нему и вернула оружие.

— Это было удивительно, — сказала она.

— Это было обычно, — улыбаясь, возразил Бенедикт. — Удивительно было бы, если бы я победил его.

— Откуда ты его знаешь?

— Он был моим наставником, когда я впервые пришел сюда несколько лет назад, — сказал Бенедикт. — Тогда я рассматривал вопрос о присоединении к монахам.

Гвендолин тихо фыркнула.

— Смешно, Бенни. В оранжевом ты выглядел бы жалко.

— Это не мой лучший цвет, — серьезно кивнул Бенедикт.

— Тогда он в основном носил фиолетовый, — бодро сказал брат Винсент.

— Фиолетовый? — переспросила Бриджит.

— Синяки, — с улыбкой разъяснил Бенедикт. — Я был тем учеником, который испытывает трудности со слухом.

— Учитель всегда может найти другие пути, — сказал Винсент. — Леди и джентльмены, пожалуйста проходите внутрь. Добро пожаловать в Храм Пути.

Глава 26

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, монастырь Пути

Гвендолин наблюдала, как Бриджит протянула оружие кузену и едва сдерживала ухмылку. Да ради бога, Гвен стояла так же близко к нему, и с пустыми руками, но все же Бенни почти инстинктивно повернулся к девушке с котом, когда начал разоружаться.

Бенедикт недвусмысленно и неоднократно выражал Гвен свою решимость избегать матримониальных отношений. Он даже практически нагрубил матери, когда на балу два года назад она подсовывала ему чересчур много партнерш.

Было бы неверно сказать, что им не интересовались девушки. О, конечно, ни подходящая дама из высшего света не рассматривала союз с урожденным воином, даже если бы он являлся полноправным членом Дома Ланкастеров, ну разве что он был бы наследником. Но дамы из младших Домов могли бы неплохо упрочить свое положение через союз с Бенедиктом.

Она также подумала, что всегда находились такие дамочки, которые с удовольствием искали свиданий с урожденными воинами просто для острых ощущений от чего-то столь эксцентричного. Бенедикт, конечно, был привлекательным молодым человеком. С тех пор, как он достиг совершеннолетия, его постоянно преследовало некоторое количество молодых (или молодящихся) вдов, но он игнорировал их всех с преувеличенно сдержанной вежливостью.

Теперь он тихо переговаривался с Бриджит и монахом Пути, и Гвендолин была очень рада за него. Она знала Бриджит достаточно долго, чтобы знать наверняка, что у нее нет никаких планов на Бенедикта из-за его состояния или положения. И хотя казалось, что у Бриджит немного способов продвижения вверх по социальной лестнице, такие вещи сразу бросались в глаза. Так или иначе, мужество и добросовестность были более важными качествами, а у девушки их было с избытком. Имя Тагвинн все еще имело вес в некоторых уголках хаббла. Мать можно было убедить благословить такой союз.

Само собой Бенедикт, сделает все наперекосяк если оставить его на произвол судьбы. Слава богу, у него был кое-кто, кто сгладит все шероховатости — когда настанет время, естественно.

Гвендолин удовлетворенно улыбнулась своим мыслям и последовала вместе с остальными за монахом.

Она была совершенно не подготовлена к тому, что открылось им внутри храма. Она ожидала скромного убранства, и в целом так и было. Но монахи превратили двор за тяжелыми воротами в сад, такой пышный и густой, что даже сады в имениях ее семьи, не шли ни в какое сравнение с ним.

Каждый квадратный фут, насколько хватало глаз, который можно было засеять, был усеян грядками и клумбами огороженными кирпичом и, наполненными плодородной черной землей, бережно перенесенной с поверхности. Каждую грядку покрывала тонкая сеть шелковых нитей, унизанная маленькими люмин кристаллами, которые светились как тысяча звезд, купая весь двор в ослепительном серебряном сиянии. Под рукотворными сетями света росли фруктовые деревья, виноградные лозы, длинные ряды овощей и зерновых, кроме этого

хватало и цветов, карликовых деревьев, папоротника и лиственных кустов, которые она не смогла опознать. Продукты питания, растущие из грязной почвы с поверхности, вместо полагающегося гидропонного парника с разветвленной системой ухода и подкормки. Сама мысль об этом была слегка тошнотворной. Зачем делать такое?

Запах этого места был просто шокирующим. Он наполнял воздух буйством ароматов острых и едких, гниловатых и сладких, и, прежде всего, очень, очень живых. Сам воздух казался другим, плотным и набухшим от влажности. Больше всего впечатляло ощущение безудержной жизни, растущей столь же дико, как смертельный зеленый ад, покрывающий поверхность мира, и она почувствовала, как сердце ускорилось в немедленной иррациональной реакции инстинктивного страха.

Ее рациональная часть утверждала, что здесь нет никакой опасности. Несколько монахов тихо передвигалось между растениями в своих шафрановых одеждах, обрезая, осматривая или пропалывая. В воздухе гудели насекомые, многие из них были с черно-желтыми полосками. Пчелы? Боже правый, она и не знала, что кто-то смог успешно переселить колонию в Шпиль Альбион. Насколько ей было известно, только пикеры сумели успешно управляться с ульями, почти захватив монополию на мед и весь медовый рынок, что было краеугольным камнем их экономики.

Что же. Если в этом саду могло существовать столь чувствительная форма жизни как пчелы, то, конечно, это место не могло быть угрожающим, независимо от того, насколько кошмарным оно казалось. Она вздохнула и успокоилась, протиснувшись в заросли, следом за кузеном и братом Винсентом.

Они прошли примерно двести футов в окружении этого странного сада от ворот до собственно храма, которые поднимался до четырехэтажной высоты и был выложен превосходной кладкой. Здание выглядело почти квадратным, цельным и незыблемым будто было возведено самими Строителями из шпилевого камня. Несмотря на высоту, храм казался приземистым и толстым, всем видом показывая решимость противостоять самой идее нападения, не говоря уже о настоящей атаке, если бы кому то в голову втемяшилась такая мысль. Два монаха, вооруженные как брат Винсент, стояли у главного входа Храма и со стоическим молчанием проводили взглядами группу Гвендолин, следующую за своим проводником.

Гвен ожидала, что внутренняя часть храма будет соответствовать его внешней холодности, но, к ее очередному удивлению, внутренние помещения были ярко освещены и украшены картинами и знаменами с высказываниями в духе Путников.

Некоторые из картин, хотя и изображали каноничные фигуры верования Пути, были написаны мастерски. По-своему они соответствовали коллекции, которую они видели в поместье Шпилеарха.

Пол, сделанный из каменных блоков, был окрашен в темно-зеленый цвет, за исключением коричневой дорожки, которая замысловато петляла в разных направлениях по коридору. Столько ног прошли по центру этого лабиринта что стерлась не только краска, но и камень был сточен. В какой-то момент Гвен даже обнаружила что идет по коридору в небольшом углублении, подошвы ее ног оказались на дюйм ниже первоначального уровня пола.

— Трапезная? — спросил Бенедикт.

— Кажется, так будет проще, — сказал брат Винсент. Монах вдруг посмотрел через плечо и улыбнулся Гвен.

— Вы, кажется, удивлены, мисс.

— Здесь… правда очень мило, — ответила Гвен. — Совсем не похоже на то, что снаружи.

— Что-то еще? — с полуулыбкой спросил брат Винсент.

— Начинается, — буркнул Бенедикт себе под нос.

Гвен изогнула бровь в сторону кузена, затем повернулась к брату Винсенту.

— Разве не было бы быстрее идти по прямой, а не блуждать вот так? Этот путь кажется неразумным.

Монах улыбнулся шире.

— Кто-то запретил вам это делать?

— Ну, нет, — сказала Гвен.

— Почему же вы не пошли так, как считаете разумным?

Гвен моргнула.

— Что ж… очевидно, я полагала, что здесь так принято.

— Вы не хотели оскорблять наши чувства?

— Нет. Не совсем, — сказала Гвен. — Это просто… казалось правильным.

Брат Винсент кивнул.

— А почему?

— Потому что… ну, взгляните на это. Камень сточен там, где прошли все.

— Вы чувствуете, что вам нужно идти тем же путем, которым прошли многие до вас, мисс?

Гвен взглянула на Бенедикта, но ее двоюродный брат только молча смотрел на нее, видимо, заинтересованный ее ответом. — Нет, конечно нет. Может быть, да, в некотором роде. Я не думала об этом.

— Немногие думают. — Брат Винсент склонил голову и развернулся, чтобы продолжить движение по коридору, а Гвен внезапно поняла по языку его тела, что он ведет себя как учитель, только что преподавший урок.

Она почувствовала, как ее спина одеревенела.

— Брат Винсент, — сказала она, сдержанно, но подпустив, как ей казалось, стальные нотки в голос. — Вы пытаетесь хитростью заманить меня в монастырь?

Она не могла видеть его лица полностью, но с того места, где она стояла, заметила, как округлились его щеки когда он улыбнулся.

— В пустоте нет различия между востоком и западом.

Гвен слегка моргнула.

— Я знаю все эти слова, но когда они в таком порядке, я понятия не имею, что они значат.

Монах кивнул.

— Возможно, вы предпочитаете просто не слышать их.

Гвен раздраженно выдохнула.

— Бенедикт?

Ее кузен повернул, прошел еще несколько шагов и только потом, улыбнувшись, ответил.

— Он такой, какой есть. И я тоже не знаю, что он имеет в виду. Это его путь.

Монах старательно не поворачивался к ней лицом, и Гвен внезапно поняла, что этот человек просто смеется над ней. Поэтому она фыркнула, высоко подняла подбородок и пошла прямо по коридору, проклиная обычаи святош.

Через несколько секунд она споткнулась о неровную поверхность и чуть не упала. После этого ей пришлось опустить свой подбородок, чтобы видеть, куда следует ставить ногу.

— Простите меня, брат, — сказал Мастер Ферус спустя мгновение. — Не могли бы вы показать нам коллекцию, если это не сложно? Моя ученица никогда не видела ее.

Лицо брата Винсента озарилось, как будто эфиромант только что предложил удивительное лакомство.

— Конечно, сэр. В конце концов, нам по пути.

Мастер Ферус просиял.

— Отлично. Будь внимательна, Фолли.

— Да, учитель, — пискнула ученица.

— Коллекция? — оживилась Гвен. — Что за коллекция?

Глаза Винсента блеснули. Он остановился у очень большой, очень тяжелой двери и осторожно толкнул ее рукой. Громадные створки распахнулись широко и гладко, открыв им вид на необъятную комнату.

— Дамы и господа, — сказал он торжественно, с благоговейной дрожью в голосе. — Великая Библиотека Шпиля Альбиона.

Гвен широко распахнула глаза.

Библиотека была огромна, она занимала не меньше трех четвертей пространства всего храма. На первом этаже были стеллажи и рабочие столы и на каждом дюйме стеллажей лежали или стояли книги формы, размера или цвета на любой вкус. Собрание книг здесь значительно превосходило любую коллекцию, например, в академии, где училась Гвен, хранилось около трех тысяч томов, но они не заняли бы и десятую часть первого этажа, а еще здесь было три яруса полок по периметру внешней стены библиотеки над первым этажом. Доступ к ярусам осуществлялся через балкончики и многочисленные ряды лестниц. Множество монахов вытирали пыли или прибирались на полках верхних этажей. И куда не падал взор, повсюду были только книги. В общем, в библиотеке было больше книг, чем, Гвен не сомневалась в этом, она видела в своей жизни.

С дюину монахов в шафрановых одеяниях сидели за столами, переписывая вручную объемные тома, а младшие посвященные носили бумагу, посыпали песком страницы, чтобы высушить все еще мокрые чернила и выполняли различные мелкие поручения. Двое монахов, играли на деревянных флейтах, и изящные переливы мелодии легко плыли по залу.

Гвен несколько секунд молча глазела, а затем осознала что пытается подсчитать в уме приблизительную стоимость томов, основываясь исключительно на материале. В каждой книге было столько древесины, что ее ценность было сложно представить. В доме Ланкастеров библиотека состояла из нескольких сотен томов, и это был один из самых богатых домов во всем Шпиле Альбионе. Академия Хаббл Монинг имела почти тысячу томов, собранных в течении двух столетий, некоторые из них были довольно старыми и ценными. Но в этом месте…

Если бы даже стены и пол Великой Библиотеки были из чистого золота, она вряд ли бы была дороже в денежном эквиваленте, чем сейчас.

Но все это, предполагала она, соответствовало остальной части хаббла Лэндинг. Целые здания в безумном разделении рабочего пространства были построены сплошь из дерева. Она знала, что местная экономика была динамичной, но и понятия не имела, что уровень торговли здесь затмевает положение даже Хаббла Монинг. Всё это строительство требовало

большого объема древесины и в результате оставались бы горы опилок. Возможно, они и были источником сырья для бумаги. Возможно, это и снизило конечную цену производства, но все же книги были настоящим богатством, которым владела группа мужчин и женщин, известная своим патологическим неприятием любых излишеств или материальных выгод.

И еще Гвен ясно поняла, почему монахи не поощряли случайные посещения храма. Ее собственная семья была закрыта для публики по тем же причинам.

— Ох, — Фолли шумно выдохнула. Странно одетая девушка смотрела на библиотеку, округлив глаза. — О, это же…?

— О, да, — ответил ей мастер Ферус.

— Я никогда… никогда не ощущала такого в нашей библиотеке, учитель.

— Ощущала чего? — спросил Ферус. Его голос был ласковым, но его взгляд, подумала Гвен, был довольно проницательным.

Фолли замерла на мгновение, прежде чем ответить.

— Я не уверена.

— Подумай об этом, — предложил Ферус. Он повернулся к брату Винсенту и спросил, — Разрешите ей остаться здесь, в укромном уголке, пока мы пьем чай, брат? Она не причинит вреда, обещаю.

Брат Винсент склонился в поклоне. Затем он отошел в сторону и что-то прошептал одному из послушников, прежде чем вернуться к группе.

— Мисс, прошу вас, не трогайте книги без разрешения кого-то из ордена.

Фолли напряглась, когда монах обратился к ней, и тут же наклонила голову к банке с маленькими кристаллами.

— О, он заговорил со мной. Должна ли я теперь сказать ему, что я понимаю? Нет, конечно, нет, теперь он знает, потому что я спросила тебя об этом вслух.

— Ну вот, — радостно улыбнулся Мастер Ферус. — А теперь, как насчет чая?

Брат Винсент изучил послушницу эфироманта испытующим взглядом, затем улыбнулся мастеру Ферусу и сказал,

— Прошу сюда.

Монах привел их в скромный обеденный зал с низкими круглыми столами обитые медными пластинами, окруженные прочными подушками вместо стульев. Гвен не была уверена в достоинстве такого приема…, но ей удалось сесть на одну из подушек с тем, что она полагала приемлемой грацией, и уже через мгновение они потягивали превосходный горячий чай, подслащенный возмутительными порциями меда. Роулу тоже подали маленькую чашу. Кот выглядел недовольным, пока Бриджит не положила ему меда в два раза больше остальных.

Как только они все закончили прихлебывать (вернее упиваться), брат Винсент кивнул и повернулся к Бенедикту, который сидел справа от него.

— Что ж. Выкладывай.

Бенедикт после ряда предисловий изложил события последних дней, включая и цель их визита в Лэндинг.

— Не вдаваясь в подробности, — сказал он, — нам нужно убежище, чтобы улизнуть от нежелательного влияния гильдий. Надеюсь, мы сможем убедить Идущего укрыться здесь, брат. Это самое безопасное место из всех возможных.

— Идущего? — не удержалась Гвен.

— Главенствующий брат или сестра в храме, — сказал брат Винсент, улыбаясь. Он

повернулся к Бенедикту и покачал лысой головой. — Прости, сын. Законы нашего ордена незыблемы. Храмы Пути не принимают участия в политических разногласиях любого рода.

— Но ведь это ваш дом, — выпалила Гвен. — Если аврорцы завоюют Альбион, они завоюют и вас.

— Храм Пути в Шпиле Аврора действует довольно мирно, — мягко произнес брат Винсент. — Мы будем глубоко сожалеть о гибели людей, которые пострадают в результате завоевания. Мы будем помогать раненным и обездоленным любым возможным для нас способом. Мы будем протестовать против любой жестокости, совершаемой любой из сторон, и примем любые последствия этого протеста. Но мы не солдаты и не воины, мисс Ланкастер. Это не наш путь.

— Что-то я не припомню, чтобы просила вас сражаться за меня, брат Винсент, — ответила Гвендолин. — Недавно я обнаружила, что умею это сама.

— Если мы разрешим вам использовать храм в качестве базы для вашей миссии, это создаст впечатление приверженности к Шпилеарху. Мы глубоко уважаем его авторитет и его самообладание, но цель нашего храма — служить всему человечеству, не только жителям одного Шпиля.

Бенедикт невесело улыбнулся.

— Другого ответа я и не ожидал от тебя, брат. Возможно, посоветуешь, где нам остановиться, чтобы быть в относительной безопасности. Прошло немало времени с тех пор, как я был здесь в последний раз, и даже тогда я не знал хаббл так же хорошо, как ваш орден.

Брат Винсент, сузив глаза в задумчивости, не спеша отпил чай.

— Если вы ищете совершенно честного домовладельца в этом хаббле, я надеюсь, вы захватили немалые ресурсы, для подкрепления своих намерений. — Он вернул Бенедикту улыбку. — Думаю, все дело в деньгах. С некоторыми они совершают странные вещи.

— Наверняка, некоторые лучше остальных, — сказал Бенедикт.

— Некоторые определенно таковы, — ответил Винсент. -

Соответствует ли истина внешности, дело другое. Я часто слышал, как говорят, что если у чего-то в Лэндинг и есть цена, так это у верности.

Гвендолин опустила чашку и заявила.

— Нам не нужен честный трактирщик, Бенни.

Ее кузен моргнул.

— Не нужен?

— Ни за что. Нам просто нужен тот, кто продает свою лояльность с достаточной честностью. Она повернулась к брату Винсенту. — Есть ли на примете трактирщик, который продавшись, остается верным?

— Продажный трактирщик? — Поднял брови монах.

— Это самый быстрый путь, а мы спешим, — сказала Гвен.

Винсент, задумался над ее словами, прежде чем сказать,

— Даже такая малая вещь, как наш совет — это злоупотребление нейтральностью ордена, которую мы взращивали годами.

— Что, если мы не будем просить брата Винсента? — сказала Гвен. — Предположим, мы попросили Винсента, старого учителя моего кузена дать нам рекомендацию?

— Софистика, — возразил монах. — И избито, к тому же.

— Мы просто беседуем за чаем, — не отступала Гвендолин.

— Ни у кого из нас нет письменного запроса о помощи от самого Шпилеарха.

Брат Винсент поджал губы.

— Я должен тщательно обдумать влияние моих действий на орден и остальных последователей Пути.

— Пока вы это делаете, — продолжала Гвен, — возможно, вам стоит подумать о том, какое влияние может оказать ваше бездействие на последователей Пути Шпиля Альбион вместе со всеми их соседями. Наверняка они включены в список человечества, которому, как вы говорите, служите.

Брат Винсент несколько раз моргнул. Затем он мягко поинтересовался:

— Вы не понимаете намеки, мисс Ланкастер?

— Возможно, я предпочитаю не слышать их, — добавив сладости в голосе, парировала Гвен.

Что-то подозрительное, похожее на возрожденную улыбку, внезапно проскользнуло в глазах монаха.

Гвендолин открыто улыбнулась ему в ответ.

Глава 27.

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, трактир "Черная Лошадь"

Бриджит шла чуть позади Бенедикта, чьи глаза пристально оглядывали улицы, по которым они от храма к гостинице, названной братом Винсентом. Ей не хотелось отвлекать его болтовней. Его обязанностью было следить за опасностью и защищать мастера Феруса от любой возможной атаки. Он не сможет делать эту работу эффективно, если она будет цепляться к нему.

— Что ты обнаружила, Фолли? — спросил мастер Ферус свою ученицу.

Причудливо одетая девушка хмуро молчала с полминуты, прежде чем ответить.

— Замерзшие души.

— Ага, — сказал Ферус, поднимая палец. — Да, очень близко. Отличная работа, дитя.

Фолли просияла и крепко стиснула свою банку с кристаллами.

— Но почему я никогда не чувствовала ничего подобного в нашем кабинете?

— Дело, прежде всего в концентрации, — ответил Ферус. — Чтобы увидеть лес не хватит горстки деревьев.

Фолли нахмурилась.

— Кажется, словно… они разговаривали друг с другом?

— Ничего настолько сложного, как мне кажется, — сказал эфиромант. — Хотя, какое-то примитивное общение наверняка есть.

Бриджит прочистила горло и сказала осторожно.

— Простите, мастер Ферус?

Эфиромант и его ученица подняли на нее взгляды.

— Да?

— Не хочу показаться назойливой, но… О чем вы говорите?

— О книгах, моя дорогая, — ответил Ферус. — О книгах.

Бриджит моргнула.

— Но у книг нет души, сэр.

— У тех, кто их пишет, есть, — сказал Ферус. — Они оставляют частички и обломки себя, когда кладут слова на бумагу, крохотные обрывки и невнятные мазки своей сущности. — Он фыркнул. — В основном беспорядочно, но собрав достаточно фрагментов можно собрать что-то близкое к целому.

— Вы верите, что и библиотека имеет душу, — осторожно произнесла Бриджит.

— Я не верю, юная леди, — чопорно сказал Ферус. — Я знаю это.

— …Поняятно, — протянула Бриджит. — Спасибо за ваш ответ.

— Всегда пожалуйста.

Следуя за Бенедиктом они, наконец, добрались до гостиницы по оживленной улице, проходящей по галерее с видом на верфь. На наружной вывеске, как и у многих подобных заведениях, красовалось фантастическое животное, по слухам действительно существовавшее давным-давно — Бриджит знала, что большинство гостиниц в хаббле Монинг были украшены примерно так же. Надпись ниже гласила — Постоялый двор "Черная Лошадь".

Они вошли в обычный для такого места общий зал, где подавали еду и питье, бывший, по сути, небольшим баром или закусочной. Потолок нависал очень низко. Бенедикту даже пришлось немного наклонить голову, чтобы не стукнуться о толстые балки, поддерживающие второй этаж. Воздух был плотным и дымным. Несколько мужчин и женщин, сидящих за столами, держали трубки, в которых тлело какое-то растение. Что, строго говоря, было против рекомендаций, изложенных Милостивыми Строителями в Высшем Наставлении. Видимо, они рассматривали курение как серьезный грех.

Но опять же, у хаббла Лэндинг была репутация места не склонного к благочестию. В конце концов, он был обителью Храма Пути, и в нем было лишь несколько часовен, посвященных Богу на Небесах. Основной религией здесь был выгодный бизнес. И, похоже, в трактире "Черная Лошадь" бизнес шел как надо.

В битком набитой общей комнате было порядка шестидесяти человек, все столы были заняты. Две женщины деловито метались между кухней и посетителями так быстро как могли, принося еду и напитки и забирая пустые тарелки и чашки. Из кухни доносился грохот посуды и громкие раздраженные голоса, свидетельства того, что работа кипела в полную мощь.

- Один момент, один момент, леди и джентльмены, — зачастил круглолицый человек в довольно простой куртке из грубого серебристо-серого эфшела. Только после этой тирады, он поднял глаза на них. Бриджит увидела, как его яркие, близко посаженные глаза впиваются в превосходную (и дорогую) одежду Гвендолин и Феруса, тотчас же он вышел вперед, потирая руки и широко улыбаясь им.

— Мы очень заняты, как вы видите, но сей же миг освободим для вас столик.

Желудок Бенедикта издал рокот, перекрывший даже гам в комнате.

— Замечательно, — сказал он.

— А еще мы нуждаемся в жилье, сэр, — сказала Гвендолин.

— Нам сказали, что ваше заведение может удовлетворить наши потребности.

Трактирщик потер свою шею.

— Ах, мисс. Понимаю. Мы будем рады предложить вам горячую еду и питье, дорогие путешественники, но боюсь, все наши комнаты уже заняты.

— Прошу прощения, — улыбнулась Гвен. — Не уверена, что правильно расслышала.

— Ну, мисс, — сказал хозяин таверны, — времена нынче такие, эта атака, возможная война, и тому подобное… Боюсь, у нас нет комнат в аренду.

— Они сейчас заняты? — спросила Гвендолин. — Все до единой?

— Простите меня, но так и есть, — солгал хозяин. Это было видно по выражению его лица. Возможно, размышляла Бриджит, отказ от денег был для владельца заведения в хаббле

Лэндинг очень тяжелым эмоциональным испытанием. Но, если это так, почему ему бы просто не сдать им комнаты? Ах, это, несомненно, имело отношение к…

— Кто же их снимает? — живо поинтересовалась Гвен. — Возможно, я могла бы договориться с этим человеком?

— Это вас не касается, мисс. Без обид, но я не буду болтать о своих клиентах или их делах.

— Уверена, что мы сможем прийти к взаимопониманию, — заявила Гвендолин.

— Комнат нет, — решительно отрезал хозяин гостиницы, упрямо выпятив нижнюю челюсть.

Гвендолин Ланкастер сузила глаза.

Они решили поужинать в своих апартаментах, а не толкаться локтями в общей комнате Черной Лошади. Одна из женщин доставила еду с первого этажа на нескольких подносах стоящих друг на друге. Пища была горячей и свежей, на лучших тарелках, которые могла предложить "Черная Лошадь", наряду с настоящими серебряными приборами и несколькими довольно дорогими бутылками туманного вина.

Как только еда была выставлена на сервировочный столик, а обслуживавшие их женщины ушли, Фолли закрыла и тщательно заперла дверь. Ученица эфироманта выглядела бледной, будто ела в последний раз несколько дней назад. Как только дверь была закрыта, девушка тут же поспешила в угол комнаты, наиболее удаленной от входа и уселась на пол, бережно держа маленький сосуд с кристаллами.

— Кузина, — сказал Бенедикт, открывая первую бутылку вина, — боюсь, тебе нужно кое-что выучить, чтобы успешно торговаться до лучшей цены.

— Моя задача не экономить деньги, — ответила Гвен довольно едко. — Я здесь, чтобы сэкономить время.

— Невозможно, невозможно, — пробормотал мастер Ферус.

— Время есть время. Мы едва можем его увидеть, а тем более изменить.

Бенедикт спокойно налил вина в их бокалы, не обращая внимания на урчание желудка, прежде чем сел и начал накладывать в свою тарелку. Его движения, заметила Бриджит, были неторопливыми, но она видела, как вены на его шее вздулись от усилий не наброситься на еду в одно мгновение.

— Тогда, не время, — сказала Гвен, — но решение проблем. Да, мы заплатили в пятикратном размере…

— Десятикратном, — мягко вмешался Бенедикт.

Гвен отмахнулась.

— Дело в том, что мы не тратим часы, бегая туда-сюда к храму, в поисках другой таверны.

— Аргумент, дитя, справедливый аргумент, — заметил мастер Ферус.

— Мышонок, — многозначительно сказал Роул у ее ног, — где я должен сидеть?

Бриджит спокойно расчистила небольшое место на столе, положила немного жареной птицы на маленькую тарелку и подняла Роула на стол, посадив перед ней. Кот издал удовлетворенный, гортанный звук и принялся грызть мясо.

— Если можно спросить, — нерешительно поинтересовалась Бриджит, — какой наш следующий шаг?

— Изучать окружение, — сказал мастер Ферус, прожевав говядину. — Зал внизу — отличное место, чтобы разобраться в местном климате и выявить признаки необычной

активности. Сэр Сореллин, может быть, вы захотите использовать свои таланты, чтобы спуститься и послушать? Притворяйтесь, что пьете, но сильно не налегайте.

Бенедикт наспех проглотил пищу и прочистил горло.

— Мастер Ферус, я боюсь, что приказы Шпилеарха не позволяют мне делать что-то подобное. Я должен оставаться в пределах вашей досягаемости.

Старый эфиромант моргнул.

— О, я полагаю, приказы могут быть истолкованы по-разному, разве нет?

— Толкование буквальное, — сказал Бенедикт. — Боюсь, что так.

— В таком случае, — сказал Ферус, — я буду сопровождать вас. Это добавит правдоподобности, чтобы напиваться, надо иметь собутыльника.

Он печально покачал головой.

— Смерть легка, как пух, долг тяжел, как шпиль, так?

— Ага, — хмыкнул Бенедикт.

— Мастер Ферус, считаете это мудро? — спросила Гвен

— Это древняя пословица, дошедшая до нас со времен Строителей, — ответил Ферус. — Хронологически говоря, это мудрость высшего порядка.

— Я не про пословицу, — сказала Гвен. — Вы, опьянели. Мне кажется, что, когда вы пьяны, у вас могут возникнуть проблемы с вашей миссией.

— Я скорее должен быть пьяным, чем наевшимся, мисс Ланкастер, — сказал Ферус серьезным тоном. — Как и все мы. Хорошо, этот вопрос улажен.

Гвен моргнула.

Эфиромант медленно глотнул из своего стакана и сонно кивнул.

— Мы с мастером Сореллином будем противостоять и уничтожим еще несколько бутылок этого превосходного туманного вина и посмотрим, какие новости принесет нам птичка на хвосте. В это время, Роул и Бриджит, с вашей поддержкой, свяжутся с местными кошками. Если что-то необычное происходит в хаббле Лэндинг, они это заметили.

Роул поднял голову от тарелки и мурлыкнул.

— Мое имя он назвал первым, Мышонок. Он правильно расставляет приоритеты.

Бриджит посмотрела на Роула, а затем снова посмотрела на старика.

— Мастер Ферус, простите меня, но я не уверена, сколько времени потребуется, чтобы выйти на контакт. Кошки не склонны к гостеприимству, особенно когда речь заходит о встрече с незнакомцами.

— Я помогу, — спокойно сказала Гвен.

Бриджит вздохнула.

— Я… думаю, что твоя помощь в этом конкретном деле может быть контрпродуктивной.

Гвен нахмурилась.

— В каком смысле?

"Боже Всемогущий, она действительно не понимает, что ей нравится набрасываться на какого-нибудь бедолагу", — подумала Бриджит. Вслух же произнесла,

— Кошки не очень хорошо реагируют на… мм…, на… Она запнулась и посмотрела на Бенедикта, молча умоляя о помощи.

— Гвинни, — сказал Бенедикт.

Гвен подняла бровь.

— Что именно ты хотел сказать этой ремаркой, братец?

— Это означает, — ответил Бенедикт. — Что твои дипломатические усилия до сих пор привели к подстрекательству к поединку, угрозе отряду стражников с обвинениями в государственной измене, избавлении от кучу денег в результате взятки и применении наруча в условиях, когда можно было решить ситуацию более мирным способом.

— Но… — начала Гвен.

— Дважды, — мягко сказал Бенедикт.

Гвен пристально разглядывала его, и внезапно яростно вонзила вилку в очередной кусок птицы.

— Я не собираюсь оскорблять тебя, Гвен, но… кошки не очень хорошо реагируют на давление, с которым ты убеждаешь, — сказала Бриджит, — особенно когда они имеют дело с…

— Захватчиками, — пробормотал Роул.

— …вновь прибывшими, — мягко закончила Бриджит.

Гвен закатила глаза.

— Отлично. Я буду держать себя подальше от мягколапых.

— Это только на первую встречу, — быстро сказала Бриджит.

Бенедикт хмуро глянул на Бриджит.

— Ты не пойдешь одна.

— Не пойдет, — вставил старик. — Фолли будет с ней.

Бриджит взглянула на Фолли. Девушка мягко баюкала свою маленькую банку кристаллов и очень тихо пела ей колыбельную.

Бенедикт изогнул бровь и смог только сказать,

— Ох.

— Все в порядке, — сказала Бриджит. — Меньше людей значит меньше внимания. К тому же Роул сможет учуять потенциальную угрозу задолго до того, как злоумышленники смогут приблизиться, чтобы навредить нам.

Роул скромно вылизывал переднюю лапу.

— Отлично, — сказал мастер Ферус. — Этот вопрос тоже решился. Вперед, нас ждет славная охота. Сэр Бенедикт, давайте напьемся как следует.

Глава 28

Шпиль Альбион, верфи хаббла Лэндинг, торговый корабль "Хищник"

Гримм спустился с палубы в инженерный отсек, где инженеры осторожно открывали ящики, отмеченные знаком Ланкастерской чановой.

— Уф! — отдувался Джоннимен, потирая широкие, мозолистые руки. Коренастый, лысеющий инженер вспотел, несмотря на приятный прохладный вечер. Они пришвартовали корабль и закрепили основной кристалл всего за полчаса до этого и жар, излучаемый силовыми каналами корабля, еще не рассеялся. В настоящее время электричество было только в люмин кристаллах для освещения и на кухне.

— Наконец-то! Осторожно, парень, если ты сломаешь один из моих новых кристаллов, я насажу тебя на пику!

Гримм осторожно прочистил горло.

Джоннимен скосился через плечо.

— Ой, — сказал он. — Ну, то есть, я сообщу о тебе… в… нужному человеку из командования, который будет принимать дисциплинарные решения, которые я не уполномочен принимать.

— Поддерживать дисциплину в своем отсеке всегда похвально, шеф, — любезно сказал Гримм. — Даже на гражданском судне.

Джоннимен тут же отсалютовал Гримму и фыркнул.

— "Хищник" — военный корабль, кэп. Мы все это знаем.

Гримм пожал плечами.

— При необходимости, шеф. Новые детали в порядке?

Джоннимен рассеянно махнул рукой на дальний верстак, в длинном ящике были, как яйца в гнезде, аккуратно уложены восемь бело-зеленых кристаллов размером с мужскую голову.

— Новые балансирующие кристаллы и они первоклассны. Они еще пахнут раствором из чана.

Гримм коротко глянул на Джоннимена. Нередко можно было найти кристаллы разного качества, но новые никогда. Новые балансирующие кристаллы обычно были более эффективными и более чувствительными к малейшим изменениям течений, а затем постепенно деградировали со временем. Корабль с новыми балансирующими кристаллами был значительно маневренней, по сравнению с другими и именно поэтому эти кристаллы повсеместно скупались Эфирным флотом едва ли не быстрее, чем производились.

— Точно новые?

Джоннимен беззубо ухмыльнулся Гримму.

— Можем поспорить на ваш модный шелковый костюм, кэп.

Гримм медленно покачал головой, отчасти в ответ Джоннимену, отчасти в постепенном осознании суммы долга. "Хищник" был бы подвижным, даже если бы Шпилеарх предоставил использованные кристаллы — с новыми же они могли поспорить с лучшими в мире.

Последний ящик, наконец, распахнулся со скрипом, и инженерная команда осторожно сломала оплетку вокруг последнего кристалла, огромного, продолговатой формы размером с ванну. Его изумрудная поверхность была огранена настолько мелко, что, за исключением нескольких бликов света на нем он выглядел идеально округлым и гладким. Подъемный кристалл будет вставляться в подвесную установку, основной структурный элемент корабля, и когда они будут в полете, весь вес "Хищника" будет распределяться по поверхности этого кристалла.

— Великолепно, — пробормотал Джоннимен, приближаясь к кристаллу с вытянутыми руками. — Ох, ты красивая штучка. Иди сюда. Иди ко мне, прелесть.

Гримм выгнул бровь.

— Пожалуй, оставлю вас наедине.

Джоннимен презрительно фыркнул, затем опустился на колени рядом с кристаллом и провел руками по его поверхности. Он что-то пробормотал про себя, затем начал доставать зонды и датчики со своего пояса с инструментами. Он водрузил инженерные очки на нос, щелкнул несколькими линзами и вгляделся в поверхность кристалла, тыча пальцем и бормоча.

Гримм дал ему несколько минут на изучение поднимающего кристалла, прежде чем снова откашлялся.

— Мистер Джоннимен?

— Должно быть какая-то ошибка, капитан, — пробормотал Джоннимен.

Гримм подался вперед.

— Ошибка? Как так?

Джоннимен подключил набор датчиков к розетке и коснулся большого кристалла. Лучистые спирали света начали течь сквозь кристалл прямо от того места, где коснулись зонды. Джоннимен долго смотрел на спирали через свои линзы, затем раздраженно щелкал ими, меняя увеличение, снова и снова.

— Ага. Определенно ошибка.

— Что с ним не так, шеф?

— О, ничего ужасного, кэп, — сказал Джоннимен. — Совершенно новый кристалл из семейства Марк IV. Эффективный, как сам дьявол.

Джоннимен, напомнил себе Гримм, был гением в эфирных технологиях. Вот почему им удалось вернуться домой в Альбион с почти полностью нерабочим подъемным кристаллом, в первую очередь из-за того, что Джоннимен подменил его балансирующими кристаллами, чтобы распределить вес корабля. Они никогда не были спроектированы для этого, и в большей или меньшей степени сгорели в процессе. Он был треклятым превосходным инженером, но порой Гримму хотелось, чтобы он был не просто гениальным ребенком, полностью поглощенным своими игрушками.

— Так в чем же ошибка, шеф?

Джоннимен обернулся и посмотрел на Гримма.

— Это крейсерский поднимающий кристалл, капитан, или я сопливый новорожденный воллипог.

Гримм хмыкнул. Флагманские суда использовали несколько тяжелых кристаллов для поддержания высоты и эти кристаллы имели более плотную и более сложную структуру, что делало их гораздо энергоэффективнее. Огромная масса конструкций и брони крупных кораблей требовала немало. Если то, что сказал Джоннимен, было правдой, то поднимающий кристалл мог легко удерживать корабль в тридцать раз превосходящий по массе их "Хищник". Им следовало соблюдать осторожность в подаче энергии на кристалл или его неудержимая мощь могла полностью вырвать его из подвесной установки. Вполне возможно, что "Хищник" мог подняться быстрее, чем спуститься с таким кристаллом.

— На какую высоту он поднимет нас, шеф?

Джоннимен почесал ухо пальцем с обломанным ногтем.

— Семь, может, восемь миль? В любом случае на большей высоте мы не сможем дышать без масок. В реальности у него нет рабочего потолка. И установка с ним чертовски эффективна на более низкой высоте. Не нужно отрывать четверть мощности, как мы привыкли, от центрального кристалла для этой милашки, чтобы держать нас в воздухе.

Один матрос из инженерной команды тихо присвистнул и Гримм в душе согласился с этой оценкой. Наибольшая часть запаса мощности судна была выделена на его поднимающий кристалл. Меньше энергии, потраченной на поддержание корабля на плаву, означало большую мощность, которая могла использоваться для других систем. Они могли добавить скорости эфирной сети, зарядив ее побольше, могли увеличить плотность защитного экрана "Хищника" и стреляли бы из пушек, пока их медные стволы не растаяли от жара. Шпилеарх выдал им запчасти такого качества, что в сочетании с их исключительным основным кристаллом "Хищник" должен был стать самым быстрым дирижаблем во всем флоте Альбиона, столь же свирепым, как и любое военное судно в этом классе, с возможностью вести огонь такой плотности, что позавидует даже крейсер.

Это не означало, что "Хищник" мог взять вверх над серьезно бронированным военным

кораблем, таким как "Итаска". Но он становился более неуловимой и трудной мишенью и капитан любого другого судна, более легкого чем "Итаска", был бы очень неприятно удивлен, если бы заинтересовался маленьким кораблем Гримма.

— Я люблю тебя, — сказал Джоннимен кристаллу. Он поцеловал его и погладил руками по поверхности. — Я люблю тебя. Ты большая красивая зверюга, я хочу, женится на тебе. Я хочу от тебя детей.

— Шеф, — укоризненно сказал Гримм, но сердце его выпрыгивало из груди. Эддисон Альбион выполнил свое обещание до такой степени, что ум Гримма едва мог объять. Он попытался рассчитать стоимость щедрости Шпилеарха и понял, что не может. Такие кристаллы не продавались. Они были бесценны, и они превращали его корабль в нечто гораздо более быстрое, страшное и эффективное, чем когда-либо.

Шпилеарх знал, что Гримм не горел желанием служить ему, но он все равно послал эти кристаллы. Как же с чистой совестью вернуть долг, который по определению не рассчитать? Как Гримм мог отвернуться от такого доверительного жеста и уйти после одного поручения? Если и был способ сделать это, он, безусловно, его не видел.

Лорд Альбион, был почти экспертом, разбирающимся в людях, решил Гримм.

— Сколько времени потребуется, чтобы установить их все, шеф? — спросил он.

Джоннимен с трудом оторвал взгляд от кристалла и щурясь, обвел взглядом отсек, очевидно, собираясь с мыслями.

— Балансиры не займут и дня, — сказал он. — Они стандартны, и мы сможем быстро заменить их. Но эта прекрасная зверюга, — Он снова погладил поверхность поднимающего кристалла. — Это может занять некоторое время. Наша подвесная установка справиться с ним, но только после того, как я внесу некоторые доработки.

— Сколько?

— И еще изменить силовые потоки, — сказал Джоннимен. — Нужно будет установить несколько резисторов для уменьшения тока, или эти балансирующие кристаллы закрутят нас веретеном в воздушном пространстве, когда Кеттл заложит вираж. А еще придется перенаправить новые потоки на узлы сети, чтобы дать стабильный поток.

— Сколько?

— И еще учесть клети Хаслетта. Нужно откалибровать их для увеличения эффективности и рамку центрального кристалла, чтобы установить защитный щит поплотнее.

— Шеф, — сказал Гримм, едва сдерживаясь, — сколько?

Джоннимен пожал плечами.

— Может, месяц?

Насколько Гримм знал своего инженера, он все равно будет суетиться и массажировать свои новые кристаллы в течении полугода.

— Надвигается война, шеф. Сколько времени потребуется для установки, чтобы просто двигаться, если придется быстро и грязно уходить?

Лицо Джоннимена сморщилось, как будто он только что съел что-то кислое.

— Капитан, — запротестовал он.

Гримм добавил холодной стали в голосе с тенью умиротворения.

— Да, я капитан. Сделай одолжение. Сколько?

Инженер почесал затылок, что-то бормоча. Затем он произнес:

— Неделя, может быть?

— Введите круглосуточную рабочую смену, — сказал Гримм. — И если вы сможете найти толковых местных инженеров, мы наймем их.

Джоннимен уставился на Гримма, как будто тот только что предложил, ему продать свою мать пиратам.

— В моё машинное отделение? Кэп!

— Выполняйте, шеф, — сказал Гримм. — Это приказ.

Джоннимен проворчал свирепо.

— Через несколько дней. В результате вы получите самый жалкий, ничтожный, неадекватный, рахитичный, ненадежный и подверженный риску потенциальной катастрофы дирижабль в истории.

— Я верю в вас, шеф, — сказал Гримм, разворачиваясь к выходу. Получайте все необходимые вам средства и приступайте.

Глава 29

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг

Четыре недели назад Бриджит жила спокойно и осмысленно. Она работала с отцом, пеклась о клиентах и часто посещала своих бедных соседей, принося мясо, которое они не смогли продать. Каждый день она посещала школу и время от времени отваживалась зайти на рынок, чтобы прикупить все необходимое для дома или семейного бизнеса. Она полдюжины раз бывала в амфитеатре на музыкальных представлениях и раз в две недели посещала службы в церкви Господа на Небесах.

А теперь она блуждала по странному и, возможно, опасному хабблу, а ее единственными спутниками были кот, который считал себя самым выдающимся существом в мире, и довольно худая девушка, постоянно шепчущаяся с банкой использованных кристаллов. Что, если она потеряется? Что, если они наткнутся на банду разбойников? Что, если она найдет врага, прежде чем вступит в контакт с местными котами?

По крайней мере, в хаббле Монинг ее защищал авторитет ее униформы. Теперь она носила только повседневную одежду. Разумеется, широкие рукава ее блузки почти полностью скрывали наруч на левой руке, но она едва успела научиться разряжать его, чтобы случайно не убить кого-нибудь, не говоря уже о том, чтобы делать это осознанно. Она сомневалась в своей способности поразить цель дальше, чем в трех или четырех футах, если бы дело дошло до настоящей боевой ситуации. И она не была уверена, лучше ли было, если бы она была безоружной или хуже.

Роул сидел на ее плече, надменно держа голову, как будто совсем недавно завоевал это место и теперь милостивым взглядом окидывал свое царство и подданных, пока их маленький отряд проходил через один из наиболее широких и переполненных туннелей первого уровня хаббла. Нос кота не прекращал подергиваться, а уши настороженно подрагивали.

— Серьезно, Роул, — пробормотала Бриджит. — Ты уверен, что ищешь местных кошек?

— Даже самый острый глаз не увидит, то чего нет, Мышонок, — спокойно ответил Роул. — Продолжай идти. В сторону этих мест для приготовления пищи.

— Я покупала тебе пирожки меньше получаса назад, — запротестовала Бриджит.

— Те запахи привлекает меня, и я хочу еще немного понюхать их, — назидательно сказал Роул. — Любая другая кошка, достойная своего имени, будет ощущать то же самое. Может быть, мы и увидим их там.

— И, может быть, пока мы будем там, ты сможешь перекусить?

— Может быть.

— Я должна заставить тебя нести все деньги, которые уходят на твое обслуживание.

— Металлические кружочки, — фыркнул презрительно Роул.

- Это человеческое безумство. Вот пусть люди ими и занимаются.

— Он прав, — вмешалась Фолли, откуда-то сбоку подкравшаяся так близко к Бриджит, что та побоялась повернуться к ней чтобы не задеть ее локтем. — Деньги — это безумие, заблуждение. На самом деле это не металл. Деньги сделаны из времени. Сколько стоит время человека? Если он сможет убедить достаточно людей, что его время чрезвычайно ценное, тогда у него будет много-много денег. Поэтому человек может тратить время — вот только никто не сможет возместить его.

— Понимаю, — сказала Бриджит, хотя не самом деле не понимала. — Ну, в любом случае, идем туда?

Фолли наклонилась и прошептала в свою банку.

— Она балует кота.

— Привилегия, которую я больше никому не позволяю, — самодовольно сказал Роул. В этот момент Фолли внезапно застыла и резко зашипела.

Бриджит повернулась к девушке, которую нетерпеливо огибали прохожие, чуть не столкнувшись с ней. Ученица эфироманта стояла с неестественно прямой спиной, ее разноцветные глаза были широкими распахнуты.

— Фолли, — позвала Бриджит.

— Они здесь, — шепотом сказала Фолли. — Наблюдают. Мы бы рассказали Бриджит об этом, если бы смогли.

Их стали окидывать недоброжелательными взглядами с недовольным ворчанием, ведь они служили помехой потоку пешеходов. Бриджит не обращала внимания на ругань проклятия, но очень обеспокоилась тем, что созданный ими затор привлекал внимание к двум молодым девушкам. Что совершенно не вязалось с задуманной секретностью их плана.

Она крепко взяла Фолли за руку и увлекла девушку в сторону. — Фолли? — позвала она. — Что здесь? Кто наблюдает?

— Бриджит ничего не знает о посетителях угрюмого капитана, — сказала Фолли, ее глаза дрогнули. — Но они смотрят на нас прямо сейчас.

Бриджит моргнула.

— Посетитель капитана Гримма? Ты имеешь ввиду того командора?

— Того с большой шляпой, — помог Роул.

— Она не понимает, — сказала Фолли банке. — Они приходили до этого, когда учитель лечил угрюмого капитана, за день до того, как они встретились.

— Я запуталась, — терпеливо сказала Бриджит. — Мастер Ферус лечил капитана Гримма, прежде чем встретить его?

Фолли шепнула в банку:

— Если она будет повторять все, что я говорю, это займет гораздо больше времени. — Она огляделась и медленно выдохнула. — Там. Я думаю… Да, думаю там. Мы сейчас одни.

— Фолли, помоги мне понять, — сказала Бриджит. — Ты говоришь об аврорцах?

Фолли несколько раз моргнула, а затем сказала задумчиво:

— Она смотрит в самую суть. Возможно. Я чувствую себя ужасно, мне лучше присесть.

Ученица эфироманта села на землю, в полном изнеможении, подтянула колени к груди, ее глаза закатились. Она откинулась на стену шпиля.

— Мисс Фолли, — сказала Бриджит, — ты действительно хорошо себя чувствуешь?

Фолли похлопала банку, как мать, беспокойного ребенка и сказала:

— Все в порядке. Бриджит не знает, как тяжело слушать всякое разное. Скажите ей, что мы просто устали, и нам нужна минутка.

— Понятно, — сказала Бриджит. Она наклонила голову, задумчиво изучая девушку. Она считала Фолли кем-то вроде слегка слабоумной, но… ее ответы были разумными, пусть и высказанными в странной манере. Фолли сказала, что она расскажет Бриджит все что сможет, но даже такое простое действие как объяснение этого, полностью обессилело ее.

— Я заметила, — сказала Бриджит, — что мастер Ферус, похоже, испытывает трудности с дверными ручками.

— Она не знает, что мастер слишком выдающийся для таких мелочей, — кивнула Фолли.

— А ты, — задумчиво продолжала Бриджит, — кажется, у тебя трудности общения с окружающими.

— О, она оказывается использует глаза и то, что за ними, — устало улыбнулась ей Фолли. — Уже вторая за неделю. Наверное, нужно записать сегодняшнюю дату.

— Замечательно, — сказала Бриджит. — Мисс, мне очень жаль, если я сказала что-то, что оскорбило вас, или, если я не обратила внимания, когда вы хотели, чтобы я что-то услышала. Я не понимала.

Роул наклонился, вглядываясь в Фолли.

— Мне она не кажется более глупой, чем большинство людей.

При этом замечании Фолли подняла глаза и улыбнулась Роулу. — Ой. Он не знает, что это самое доброе, что мне кто-либо говорил, с тех пор как учитель назвал меня мухоловкой.

— А вот теперь она снова очень странная, — сказала Бриджит. — Но я постараюсь сделать скидку на это, потому что теперь мы будем работать вместе.

Бриджит почувствовала, как лапка Роула коснулась ее щеки, и повернула голову в этом направлении.

Проулок, где они остановились, был тускло освещен, даже по меркам хаббл Лэндинг. Это напомнило ей о туннеле, где скрывались бандиты. Примерно секунду она не видела ничего особенного, но затем случайная вспышка света выхватила из тени пару зеленых глаз, внимательно изучающих их и пушистую серую фигурку. Кот.

Бриджит сделала корзинку из ладоней, и Роул прыгнул в нее, а затем на землю. Рыжий кот с достоинством пересек переулок легким шагом по направлению к другому представителю своего вида. Затем он сел в нескольких футах от него и, полностью игнорируя, принялся тщательно вылизывать лапы.

Незнакомец вышел из тени и пересел немного ближе к Роулу. Затем он точно также проигнорировал кота и начал вылизывать свою шерсть.

— О, — обратилась Фолли к банке. — Как вы думаете, Бриджит знает что это… кошачья дипломатия?

— Они никогда не объясняли мне этого, но думаю, что это скорее поединок, — ответила Бриджит. — Я совершенно уверена, что дело в том, кто из них произведет больше впечатления на другого.

— Интересно, как это определяется.

— Более умелый кот никогда не впечатлится менее умелым котом.

— О, — сказала Фолли. — Теперь я понимаю, что она говорит. Они решают, кто из них

великолепней.

Бриджит вздохнула и кивнула.

— Или, по крайней мере, у кого эго больше.

— Игнорируя друг друга? — удивилась Фолли.

— Да.

Фолли нахмурилась.

— Я не знаю все о кошках, как Бриджит, но мне кажется, что этот конкурс может затянуться надолго.

— Чаще всего так и происходит.

— Интересно, как нам ускорить процесс, — обратилась Фолли к банке.

— Поторопить двух кошек? — спросила Бриджит, улыбаясь Роулу. — О, нет. Не кошки же пришли в наш хаббл искать помощи, мисс Фолли. Это их обычаи, их методы. Подождем.

— Видимо придется ждать часа три, — Фолли, зевнув, снова обратилась к своей банке кристаллов.

- Работая в чановой можно научиться терпению, — сказала Бриджит. — Неважно, насколько ты хочешь, чтобы партия была готова. Этого не произойдет быстрее. То же самое и с кошками.

Фолли наклонилась к своей банке и прошептала,

— Не думаю, что кошки растут в чанах, но мы не должны говорить так громко, потому что это будет невежливо и может огорчить.

— Ты же знаешь, что я имела в виду, — сказала Бриджит, — хотя это было очень забавно.

Девушка спрятала улыбку, явно довольная.

— Мало кто понимает мои шутки. Обычно все просто косятся с подозрением.

— Я общаюсь с кошками, — сказала Бриджит. — Пожалуйста, поверь, уж я-то точно знаю, что за взгляды ты имеешь в виду.

Бриджит снова взглянула на Роула, но два кота остались на тех же позициях в своём противостоянии взаимного безразличия.

— Я тут думала о том, что говорил Шпилеарх. О сути миссии мастера Феруса.

— Она имеет в виду секретную миссию, — обратилась Фолли к банке.

— Он не говорил, в чем она заключается?

Фолли провела кончиком пальца вдоль банки. Возможно, воображение Бриджит разыгралось, но крошечные кристаллы внутри, казалось, едва заметно засветились, как будто отвечая на прикосновения.

— Бриджит не очень хорошо понимает мастера, — сказала она. — Он хранит знания, как банкиры, хранят монеты.

— Значит, ты точно не знаешь, что он ищет?

Фолли слабо улыбнулась, не поднимая глаз.

— Он дал мне несколько пенни. Они ужасны.

Бриджит нахмурилась.

— Конечно, не трудно сделать вывод, что он жаждет найти аврорских нарушителей и сорвать их планы.

— Логика Бриджит кажется здравой, — сказала Фолли. — Я думала почти то же самое.

Бриджит кивнула.

— Мы просим помощи котов Альбиона, чтобы помешать аврорцам. Но они настолько

умело сумели скрыться, что мы до сих пор понятия не имеем, где они. Это выдающееся достижение, спуститься через вентиляцию половины хабблов в Шпиле, будучи незамеченными даже кошками. Они должны делать что-то необычное, чтобы быть уверенными в своей невидимости. Думаешь, есть вероятность, что аврорцы тоже используют кошек в качестве разведчиков, Фолли?

Подмастерье эфироманта немного наклонила голову, при упоминании своего имени. Голос ее упал до почти беззвучного, шепота.

— Не кошек. Не кошек.

— Не кошек, — сказала Бриджит. — Значит это что-то другое. Что-то, что тебя пугает.

— Это ужасный пенни, — сказала Фолли своей маленькой банке. — Я слегка сумасшедшая, но я не дура. Если бы Бриджит знала, она бы боялась так же.

Бриджит ощутила холодок, поднявшийся по позвоночнику, и наклонилась к Фолли.

— Ты имеешь в виду… что-то с… — во рту внезапно пересохло и она сглотнула. — С поверхности?

Для созданий с поверхности не было непреодолимых препятствий для входа в Шпиль. В сущности, мелкие животные делали это регулярно. В чреве Шпиля находилось буквально сотни километров вентиляционных туннелей и труб, водных каналов, цистерн, канализационных русел и компостных ям. Металлические решетки регулярно устанавливались во всех необходимых местах, но постоянный контакт с внешней средой ухудшал их покрытие и в конечном итоге делал уязвимыми для ржавчины.

Кошки делали гораздо больше для защиты жителей любого из Шпилей, чем люди могли осознать, охотясь и убивая таких незваных гостей. Разумеется, прекрасные маленькие забияки делали бы это в любом случае не просто для еды, а потому, что им нравилось охотиться. Большинство людей склонны предполагать, что кошки охотятся исключительно на грызунов и прочую мелочь. Что было почти верно, но на самом деле, действуя совместно, стая кошек может преследовать и уничтожать жертву, значительно большую, чем они сами.

Однако, иногда чему-то слишком большому и слишком опасному для кошек удавалось войти в туннели Шпиля. Вот почему каждый хаббл использовал дезинсекторов, мужчин и женщин, которые профессионально охотились на таких хищников, поддерживали и ремонтировали защитные решетки, а также отслеживали и убивали кошмарных нарушителей, прежде чем чудовища могли начать охоту на людей в Шпиле.

Но то были дикие существа. Если бы каким-то образом аврорцы сумели обучить что-то с поверхности сражаться за них… Было немало историй, книг и драм, написанных вокруг концепции какой-то заблудшей души, как правило, после большой потери в жизни, пытающейся приручить существ с поверхности, обучить их исполнению своей воли. Эти вымышленные персонажи повсеместно встречали одну и ту же судьбу: агонию и смерть от их якобы прирученных животных.

Диких зверей нельзя было приручить. Их нельзя было контролировать. В конце концов, это и делало их дикими.

— Они чужие здесь и они хотят нас уничтожить, — сказала Фолли банке, в глазах застыла тоска, но голос был лишен эмоций. — Всех нас. Им все равно, что мы называем Шпиль домом.

— Что ж, — сказала Бриджит. — Если аврорцы действительно играют с огнем, всего лишь вопрос времени, когда они сгорят в нем.

— Однажды я видела сон о мире, — сказала Фолли. Она коротко взглянула на лицо

Бриджит и снова опустила глаза. — Он весь горел.

Бриджит почувствовала, как страх сдавил ей горло и ничего не сказала. Она отвела взгляд в сторону, ожидая Роула.

Глава 30

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, таверна "Черная Лошадь"

Бенедикт принес выпивку, как только бармен махнул им, и мастер Ферус с явным энтузиазмом схватил свою довольно большую кружку пива и сразу опрокинул ее.

— Боже, — покачала головой Гвен. — Я совершенно уверена, что джентльмены так не набрасываются на напитки.

Ферус опустил кружку и вытер пену с верхней губы, сияя.

— Действительно, не набрасываются. К счастью, у меня нет качеств, определяющих джентльмена и поэтому не нужно беспокоиться о джентльменском поведении. — Он махнул своей пустой кружкой бармену и сказал, — Еще, сэр Бенедикт!

Бенедикт, который только что сел, слегка улыбнулся старику, а затем, не протестуя, снова поднялся к барной стойке и вернулся обратно с огромными кружками в каждой руке и поставил их обе перед Ферусом.

Старый эфиромант лучезарно улыбнулся.

— Человек, который планирует наперед. Предвидение, всегда предвидение, это лучшая черта любого значимого человека.

— Я просто надеялся, что смогу пробовать свое пиво, прежде чем снова придется идти, — сказал Бенедикт и демонстративно глотнул из своей кружки. — Как твой чай, кузина?

— Вполне сносный, — ответила Гвендолин, но все-таки добавила в него солидную порцию меда, помешала его и отпила. Даже едва теплый чай был чаем, слава богу, и чем-то, что казалось нормальным среди всех странных событий последних нескольких дней.

— Мастер Ферус… пару слов.

Ферус осушил вторую кружку, тихо, довольно скромно рыгнул и улыбнулся ей.

— Да, дитя?

— Вы же не собираетесь лишаться здравого смысла безо всякой на то причины?

Он прищурил глаза и взглянул на Бенедикта проницательным заговорщическим взглядом.

— А она не промах, не так ли?

— Несмотря на то, что все хотят так думать, не промах, — согласился Бенедикт с вежливым тоном. — Мне кажется, ей нравится, когда все считают, что она слишком поглощена собой, чтобы замечать все, что происходит вокруг нее.

— Либо так, либо пусть считают, что я бездушная. Как мама, — сказала Гвен. — Я просто не смогу заставить себя опуститься до такого уровня.

Ферус глубокомысленно кивнул.

— Нет, не такая как ваша мать. Не могу этого допустить. — Он перехватил третью по счету кружку поудобней и улыбнулся. — На самом деле, вы совершенно правы, мисс Ланкастер. Есть причина моего безумия. Ну. Этого конкретного безумия, во всяком случае.

Он снова надолго приложился к кружке, хотя на этот раз не прикончил ее за один присест.

— И что это? — поторопила его Гвен.

— Вы должны понимать, что мы делаем, — сказал Ферус, — или это будет казаться

бессмыслицей.

— Мы? Вы имеете в виду эфироманты?

— Именно, — сказал Ферус, подавив очередную отрыжку. — Многое, из того что мы стремимся достичь, происходит так же… как интуиция, можно сказать. Мы затрагиваем силы, которые другие не могут ощущать.

— Вы имеете в виду эфир?

Ферус чрезмерно преувеличенно помахал рукой. — Это упрощает чудовищно сложную концепцию до голого ядра, но да именно его. Мы ощущаем силы эфира. Большинство людей ощущает, в той или иной мере, хотя и редко это понимают.

— Уверена, я не знаю, о чем вы говорите, — сказала Гвен.

— На самом деле знаете, — возразил Ферус. — Ваш наруч, например.

— И?

— Что вы чувствуете в нем?

— Ничего особенного, — ответила Гвен. — Слегка прохладный кристалл в моей ладони, как и всегда.

— Строго говоря, мисс, это не так, — сказал Ферус. — Если бы вы поместили термометр и сравнили температуру кристалла с температурой вашего тела, вы бы обнаружили, что они почти точно совпадают.

Гвен нахмурилась.

— Уверяю вас, сэр, он ощутимо холодней.

— Это не так, — упорствовал Ферус. — То, что вы чувствуете, является эфирной энергией, проходящей через кристалл. Но ваши ощущения… ваш мозг не был уверен, что делать, когда вы впервые столкнулись с этим явлением. Замечательная штука, мозг, но если происходит сбивающий с толку сбой, он всегда пытается помещать новые вещи в знакомый контекст и узнаваемую обстановку. Таким образом, ваш мозг, по-видимому, столкнувшись с этим новым ощущением, решил, что он может обозначить его «холодным» и жить поживать дальше. И вы далеко не единственная — это одна из наиболее распространенных реакций на первое прямое воздействие интенсивного поля эфирной энергии.

— На моем наруче кристалл покалывает, — кивнул Бенедикт. — Похоже на ощущение, когда засыпаешь на руке, и она немеет. Хотя я раньше никогда не слышал, чтобы это объяснялось в таких терминах, мастер Ферус.

— Это звучит как бессмыслица, — сказала Гвен. — Что-то либо холодное, либо нет, сэр.

— Ага, — воскликнул Ферус, указывая на нее пальцем. — Я и не подозревал, что вы интересуетесь философией! Прекрасно!

— Прошу прощения, — удивилась Гвен. — Я не упоминала философию.

— Разве? — ответил Ферус. — Вы только что слышали, как сэр Бенедикт подтвердил, что его опыт с оружейным кристаллом значительно отличается от вашего собственного. Существует только одна реальность; это правда, но вы оба испытываете разные ощущения. Чем старше вы становитесь, я думаю, тем яснее вы понимаете, что вселенная похожа на зеркало, мисс Ланкастер.

— Чем именно?

— Тем, что оно отражает гораздо больше смысла, чем вы, вероятно, осознаете.

— Бред. Если я смотрю на голубое платье, то вижу голубое платье. Тот факт, что смотрю на него, не изменяет цвет.

— Ага — сказал Ферус, поднимая палец. — Но предположим, что то, что вы видите синим — это тот же оттенок, смотря на который сэр Бенедикт видит зеленый.

— Но этого не происходит, — парировала Гвен.

— Откуда вы знаете? — ответил Ферус. — Вы видите с глазами сэра Бенедикта? И если да, то я хотел бы узнать этот секрет.

Гвен несколько раз моргнула.

— То есть, вы утверждаете, что, когда я вижу синий, он видит зеленый?

— Не совсем так. Он видит синий цвет, — сказал эфиромант. — Но свой синий цвет. Не ваш.

Гвен нахмурилась. Она открыла рот, чтобы снова возразить, подумала и сжала зубы.

— И если у Бенедикта такое свойство, тогда, возможно, у всех остальных тоже?

Бенедикт засмеялся в кружку.

— Ты должна признать, что это многое бы объяснило в эстетических вкусах Дома Асторов.

— Фу, — содрогнулась Гвен. — Да, эти люди просто не могут правильно подбирать свой гардероб.

— Так вот, — сказал Ферус, еще раз приложившись к кружке. — Цвета нечто совершенно простое и относительно второстепенное. Что, если другие фундаментальные аспекты жизни кажутся совершенно разными для остальных? Что, если их ощущения тепла и холода отличаются? Что, если они ощущают удовольствие или боль по-разному? Что, если, в их глазах, гравитация тянет объекты в сторону, а не вниз? Как мы узнаем разницу, а? В конце концов, мы все научились называть одни и те же явления определенными именами с того момента, когда мы были маленькими. Мы могли видеть окружающее совершенно уникальным и удивительным и могли быть совершенно не осведомлены об этом.

— Это звучит в высшей степени неорганизованно, — сказала Гвен. — Я уверена, что Бог Всемогущий не создал бы мир и его жителей в такой неустойчивой форме.

— Ага! — просиял Ферус. — Вот, вы уже и философ! Очень много разумных людей прошлого выдвигали аналогичный аргумент.

— Настоящий вопрос, конечно, в том, — вставил Бенедикт, — почему это важно. В конце концов, у нас, похоже, есть общая система отсчета для синего, и когда она говорит «синий», я знаю, о чем она говорит, даже если мой синий, на самом деле ее зеленый.

— Это важно, потому что это философия, — ответил Ферус с выражением тайной мудрости. — Если бы все философы серьезно относились к таким вопросам, как ваш, сэр Бенедикт, они бы свернули свои занятия философией, не так ли?

Гвен потягивала чай, нахмурившись еще сильней.

— Но… Я конечно не говорю, что согласна с вашими утверждениями мастер Ферус, но давайте предположим, что вы правы, ради продолжения дискуссии.

— Давайте предположим, — согласился Ферус.

— Тогда это означает что… во всех практических смыслах каждый из нас живет в своей собственной… Вселенной-Шпиле, не так ли? Воспринимая все это по-своему.

— Продолжайте, — сказал Ферус.

— Ну, — сказала Гвен, — если это так, мне кажется совершенно удивительным, что нам удалось установить хоть какое-либо общение.

Ферус выгнул бровь.

— Быстро учитесь, мисс Ланкастер, очень быстро. В самом деле. Когда мы связываемся

с нашими собратьямии-смертными, происходит нечто совершенно замечательное. И, возможно, когда-нибудь, когда мы все будем усердно работать над этим и перестанем истреблять друг друга, мы, может даже, увидим глазами друг друга, — просиял он. — На данный момент, я полагаю, нам придется только выводить прекрасные умозаключения. Пища для размышлений. Он осушил третью кружку очередным глотком и помахал, прося добавки.

Бенедикт прокашлялся.

— Мастер Ферус, боюсь, мы отклонились от исходной цели.

— Разве?

— Зачем вы напиваетесь? — мягко спросил юноша.

— О! — сказал Ферус. Он протянул Бенедикту пустую кружку. — Вас не затруднит?

— Думаю твоя очередь, кузина, — просто сказал Бенедикт.

Гвен вздохнула и принесла еще пару кружек для эфироманта.

— Прекрасно, — сказал Ферус и снова глотнул. — Восприятие эфирной энергии меняется от разума к разуму, как вы, сэр Бенедикт, и продемонстрировали своими оружейными кристаллами. И если кто-то изменяет свой разум, это также изменит характер их восприятия. Это позволит мне воспринимать эти энергии способами, которые обычно мне недоступны.

— Вы напиваетесь, — медленно произнесла Гвен, — чтобы ощутить эфирную энергию по иному?

Ферус торжественно поднял кружку.

— Думайте об этом, как о защитных очках для мозга, а не для глаз.

Бенедикт нахмурился, пригубив пиво.

— Думаете, что сможете почувствовать кристаллы оружия аврорцев?

Ферус снова махнул рукой.

— Нет, нет, таких вещей очень много, это будет похоже на поиск иголки в барже с иголками.

Гвен бездумно повертела чашку в руках.

— Думаете, здесь есть еще один эфиромант? И вы решили… изменив свой разум, вам будет легче найти его?

Ферус кивнул, его голову слегка мотнуло.

— Высший балл. — Он допил еще одну кружку, и на этот раз его отрыжка была довольно громкой. — Предположение.

Бенедикт внезапно рассмеялся.

— Если бы вы почувствовали его, он почувствовал бы вас. Еще и поэтому вы изменяете свой разум, чтобы уменьшить его шансы.

Ферус с громким стуком поставил пустую тару на стол.

— Проницательно, сэр, действительно проницательно. — Он посмотрел на дно своей кружки. — Хотя, признаюсь, я не изменял свой разум настолько основательно уже очень давно.

— Почему? — спросила Гвен. — Я имею в виду, почему вы считаете, что здесь есть такой же человек, как и вы?

— Это сложно, — сказал Ферус. — Или, во всяком случае, я припоминаю, что это так.

— Аврорский флот, — задумчиво сказал Бенедикт. — Их атака была точной. Как будто у них был какой-то маяк, показывающий им где можно прошмыгнуть через туман. Может

эфиромант управлять такими вещами, сэр?

— Я полагаю, — сказал Ферус.

Гвен отставила чашку.

— И вы уже… изменили разум достаточно, чтобы найти этого человека?

Ферус неуверенно посмотрел на нее, а затем на свою кружку. — Кажется, нет. Но это, видимо… вопрос расстояния… думаю. Если мы подойдем поближе, я пойму это…

— Вот почему вы связываетесь с местными кошками, — сказала Гвен. — Чтобы понять откуда начинать поиски.

— Время, — сказал Ферус. — Времени на поиски уже нет.

Он на мгновение закрыл глаза, и Гвен подумалось, что он внезапно стал выглядеть на несколько лет старше и предельно утомленным.

— Знаете, времени никогда не бывает достаточно.

Гвен обменялась хмурыми взглядами с кузеном.

— Сэр?

Ферус покачал головой. Он глотнул из кружки и снова поставил ее.

— Полагаю, самое время притормозить.

Гвен кивнула и почувствовала облегчение.

— Такое потворство своим желаниям может быть опасным, сэр. Что теперь?

Ферус вздохнул, не открывая глаз.

— Теперь мы подождем.

— Разве это мудро, сэр? — вежливо спросил Бенедикт. — Вы говорили у нас мало времени.

— Как и всегда, — сказал Ферус. — Боюсь, на данный момент, это все, что мы можем сделать. Устраивайтесь поудобнее.

Гвен и Бенедикт снова обменялись взглядом, и Гвен твердо кивнула.

— В таком случае, — сказала она, — я попрошу по-настоящему горячего чая.

Глава 31

Шпиль Альбиона, верфи хаббла Лэндинг, торговый корабль Альбиона "Хищник"

Дверь в каюту Гримма приоткрылась на несколько дюймов, и заглянул Кеттл.

— Капитан, вы захотите это увидеть.

Гримм заморгал глазами, рефлексом, выработанным за долгие годы, сбросил ноги со своей койки на пол еще до того, как смог сосредоточить взгляд. Наступила ночь, и каюта была освещена только несколькими крупными кристаллами, висевшими на верфи и заглядывающими в маленькие окна каюты. Ему показалось, словно какая-то смола не дает разлепить веки, но он знал, что это не что иное, как обычная усталость. Он, должно быть, спал не более трех-четырех часов, раз его тело так сопротивлялось при попытке выбраться из постели.

— Капитан?

Гримм почувствовал безотчетный всплеск раздражения на рулевого и незамедлительно подавил его. Кеттл не спал гораздо больше, чем Гримм, и не стал бы будить его, если бы это не было действительно важно.

— Я слышу вас, мистер Кеттл. Сейчас выйду.

— Да, сэр, — тихо сказал Кеттл и закрыл дверь.

Гримм оживил люмен кристалл, быстро умылся из таза прохладной водой и оделся. Капитаны не отправляются решать кризисную ситуацию, выглядя, как неприбранная

кровать. Они всегда должны были быть спокойными, уверенными и аккуратными. Если вражеский линкор разворачивался кораблю бортом для залпа, капитан должен был встретить его с ровно сидящей шляпой, накрахмаленным и идеально повязанным галстуком. Все иное подрывало веру экипажа, увеличивая шансы на потери и поэтому было неприемлемо.

Тем не менее, любой капитан очень хорошо знал, что некоторые проблемы критически важно решать вовремя. На флотском корабле у Гримма был бы персональный камердинер, который решал бы множество подобных вопросов и экономил бы ему немалую часть личного времени каждый день, но "Хищник", как частное судно не мог позволить себе такой роскоши. В результате, ему потребовалось почти четыре минуты вместо трех, чтобы привести себя в порядок, одеться, пристегнуть меч, натянуть неизменную шляпу и появиться на палубе. Его рука болела без перевязи и, кроме того, не мешало бы побриться, но, учитывая обстоятельства, все это могло подождать до утра.

— Время, мистер Кеттл? — спросил Гримм, когда появился.

— Шесть склянок, — ответил Кеттл. — Три часа, сэр.

Гримм направился к перилам правого борта корабля и принялся хмуро наблюдать за судном, спускавшимся из туманного ночного неба к посадочной площадке рядом с "Хищником".

Это был крупный вооруженный торговый дирижабль, размером превосходивший "Хищника" раза в три, этой ночью на флагштоке развевался далосианский флаг. Корпус был окрашен в любимый цвет контрабандистов — черный, хотя на палубах были нарисованы заостренные белые метки, чтобы экипаж мог ориентироваться в темноте. Как и у "Хищника", на судне были установлены мачты для парусов, на случай если паутину нельзя будет использовать и, хотя паруса были свернуты, Гримм знал, что они окрашены в черный и серый под цвет штормовых облаков. Нанесенная блестящей ярко-красной краской надпись на носу гласила, что перед ними "Туманная Акула".

— Видите, сэр? — проворчал Кеттл. — Что она здесь делает?

— Что бы там ни было, — задумчиво произнес Гримм, — думаю, можно с уверенностью сказать, что это вряд ли сделает наш сон более спокойным.

— Может быть, у нас возникла проблема с новой пушкой номер три, капитан, — мрачно предложил Чайник. — Может быть, произошла нелепая ошибка. Уничтожим эту суку в небе. Ужасная авария, искренние сожаления, мы все отправляемся на похороны.

— Ну, ну, мистер Кеттл. Вы же знаете, я никогда не потворствовал бы такому. — Он отвел глаза в сторону и добавил саркастично, — Или по крайней мере, убедился бы, что "Хищник" вне подозрений.

Он сузил глаза, выискивая на палубе "Туманной Акулы" знакомые лица.

- Тем не менее, вы знаете, что она спускается не просто так. Подготовьте абордажную команду, на всякий случай. Через мгновение она будет здесь, чтобы позлорадствовать.

— А еще может случиться ужасная неприятность с наручем, — проворчал Кеттл.

— Пожалуйста, мистер Кеттл, — Гримм добавил жесткости в голосе.

— Абордажная команда, так точно, капитан, — сказал Кеттл и убежал, бормоча себе под нос.

Гримм кивнул и вернулся в свою каюту. Он собрал свои лучшие бутылки с ликером, столовые приборы, наруч и ряд мелких ценных предметов, сложил всё в сейф и запер. Затем заправил кровать и добавил освещения в кристаллах до самого яркого уровня. К тому

времени, как он закончил, послышались крики матросов с палубы "Туманной Акулы". Их капитан на подходе.

Гримм вернулся на палубу и посмотрел на новоприбывшее судно. Худая женщина одного с ним возраста, но на пол фута выше, спускалась по трапу на пристань.

— Нет, — твердо сказала она здоровенной одноглазой обезьяне, похожей на человека, идущей рядом с ней — первому помощнику на "Туманной Акуле", Сантосу. — Я безусловно запрещаю. Только если вы не найдете способ подстроить, будто это был чей-то корабль, попавший в аварию.

Сантос выплюнул проклятие, нахмурился и упер руки в бедра. Он сердито посмотрел на своего капитана, а затем на палубу "Хищника".

Женщина обратила внимание на реакцию Сантоса и развернулась на низких устойчивых каблуках сапог, чтобы взглянуть на Гримма. Ее лицо расплылось в довольно приветливую улыбку. На ней были брюки аэронавта из темной кожи, белая блузка с широкими рукавами и пошитый на заказ жилет с замысловатыми узорами. Она поднесла руку к голове и сняла шляпу, церемонно поприветствовав его в поклоне, разведя руки в стороны.

Гримм нахмурился.

Она выпрямилась, надела шляпу и сказала,

— Мой дорогой, милый, очаровательный Фрэнсис. Выглядишь просто восхитительно.

Гримм скрестил руки, продолжая хмуриться.

Женщина рассмеялась.

— Фрэнсис, я надеюсь, что с твоей обычной очаровательной предсказуемостью и учтивостью ты готов меня принять. Я поднимаюсь на борт. С твоего позволения, конечно.

— Кеттл умоляет меня позволить ему расстрелять тебя, капитан Рэнсом.

— Но ты никогда этого не сделаешь, — улыбнулась Рэнсом. — Только не Фрэнсис Мэдисон Гримм из Эфирного флота Альбиона. Даже если он уже лишен звания.

Гримм угрюмо улыбнулся ей.

— Давай уже покончим с этим?

Рэнсом положила руку на грудь и сделала грустное лицо.

— О, милый Фрэнсис. Ты ранишь меня своим отсутствием энтузиазма.

— Обязательно так и сделаю, если попытаешься стащить то, что тебе не принадлежит, пока будешь на моем корабле.

— Все моё, Фрэнсис, — повеселела она. — Вопрос только в том, знают ли об этом или еще нет.

Гримм категорично махнул головой в сторону трапа "Хищника" и пошел к нему, стараясь не поворачиваться спиной к капитану Рэнсом.

Женщина спустилась на пирс и быстрым и уверенным шагом направилась к трапу "Хищника". Мгновение спустя, она взошла на борт с видом царствующего монарха.

— Отряд, — прорычал Кеттл. — На караул!

"Действительно, караул, полный", — подумал Гримм. Полдюжины вооруженных людей, по трое с обеих сторон трапа застыли в напряжении, каждый из них держал руку на своем мече, наручи были активированы и угрожающе светилась. Кеттл стоял напротив трапа и пристально смотрел на капитана Рэнсом, пока она поднималась на палубу.

— Душка Кеттл, — сказала Рэнсом. В ее улыбке проскользнуло что-то хищное. — Твое колено все еще болит в дождь?

— Ага, — огрызнулся Кеттл. — И ему становится намного лучше, когда я разбиваю

носы болтливых сосунков, этих коварных кидал, этих олимпийских суч…

— Мистер Кеттл, — веско сказал Гримм. — Капитан Рэнсом — мой гость. Вы будете поддерживать вежливость и дисциплину на борту моего судна, или я разорву контракт с вами. Я ясно выражаюсь?

Кеттл угрюмо посмотрел на Гримма. Хмыкнул. Затем повернулся и отсалютовал как по учебнику капитану Рэнсом.

Рэнсом вернула салют не менее идеально.

— Разрешите подняться на борт?

— Разрешено, — сказал Кеттл сквозь стиснутые зубы.

Гримм шагнул вперед и прочистил горло.

— Условие, капитан Рэнсом. Я знаю, ты знакома с моими правилами.

Рэнсом лучезарно улыбнулась и расстегнула наруч. Кеттл осторожно шагнул вперед, чтобы принять его. Затем она расстегнула свой пояс с мечом и передала и его тоже.

- Доволен?

— И ножи из сапог, будь любезна, — сказал Гримм.

Она потянулась и вытащила из сапог два тонких лезвия в медной оправе и сдала их, улыбаясь без намека на стыд или раскаяние.

— Я сунула их туда, всего лишь чтобы дать тебе повод оглядеть мою нижнюю часть тела, Фрэнсис.

— Как трогательно, — ответил Гримм, равнодушным тоном. — А что это за малютка на твоей спине?

Рэнсом потянулась за спину и все матрос в абордажной команде как один зашелестели своими мечами, проверяя, как легко они выходят из ножен.

Ее улыбка стала шире, и она показала маленькую серебряную колбочку.

— Восхитительные капли, которые я собрала в Этосии. Тебе понравится.

— Обдури меня дважды — позор мне, — сказал Гримм. — Тебе это не понадобится.

Она закатила глаза и передала и колбу.

— Не смей трогать ни капли из этой колбы, Кеттл.

— Не волнуйся, — пробурчал Кеттл. — Я знаю, где он побывал.

Ренсом надменно проигнорировала этот комментарий.

— Что-нибудь еще, Френсис? — Она вскинула бровь. — Может мне следует раздеться, а?

— В этом нет необходимости, — натянуто ответил Гримм.

Ренсом подмигнула ему.

— Я так ценю вежливость, с которой ко мне относятся при посещении второго по скорости корабля в небе.

Гримм почувствовал вспышку совершенно безотчетного раздражения при упоминании гонки, и ему пришлось сдержаться, чтобы не раскрошить зубы от напряжения.

— Так ведут себя приличные, цивилизованные люди, капитан Рэнсом. Хотя я полагаю, что кому-то с твоим уровнем морали это покажется удивительным.

Она коротко рассмеялась.

— Я бы сказала, что ты заработал очко, Фрэнсис, если бы у меня была хотя бы крупица желания узнать твоё мнение. — Она легко зашагала по палубе. — Не беспокойтесь, мне не нужно показывать дорогу в вашу каюту, капитан. Уверена, найду ее на том же месте.

Гримм смотрел, как Рэнсом уходит и медленно выдохнул, сощурившись. К нему

подошел Кеттл, его глаза выражали настороженность.

— Эта женщина, — тихо произнес Гримм, — сводит меня с ума.

Кеттл хмыкнул.

— Зачем же вы тогда на ней женились?

* *

Гримм последовал за ней в свою каюту и закрыл за собой дверь. Он облокотился на дверь и сложил руки на груди, в основном, чтобы использовать правую руку для поддержки раненой левой.

— Ладно, Каллиопа, — сказал он. — О чем ты собираешься заставить меня пожалеть в этот раз?

Она небрежно бросила шляпу на его письменный стол, уселась на его койке и самодовольно вытянулась на ней, заняв ее полностью.

- Может я скучала по тебе. Разве я не могу нанести старому другу светский визит?

— Друга, — произнес он старательно неэмоциональным голосом. — Факты доказывают, что нет.

Она улыбнулась, выражение лица стало шаловливым, ее зеленые глаза сверкали на сильном, квадратном лице. Если бы художник нарисовал Каллиопу, никто бы не заметил в ней необыкновенной красоты, красота была в другом — в том, как она держала голову, в блеске глаз, в ее полной уверенности в себе. Ее портрет был чем-то вроде оксюморона. Каллиопа постоянно двигалась. Даже когда она казалась неподвижной, он мог видеть работу ее мозга, сортировку идей, поиск решений, каталогизацию пространства вокруг себя. Чтобы увидеть ее красоту, нужно было увидеть ее в движении.

— Ты стал циничнее с тех пор, как Адмиралтейство уволило тебя со службы за подчинение приказам, Фрэнсис, — сказала она. — Это самое возмутительное.

Гримм просто смотрел на нее.

Каллиопа закатила глаза.

— Я почти уверена, что помню, как у тебя было чувство юмора когда-то, в мрачном прошлом, еще на заре истории.

— У нас было много чего, — сказал Гримм нейтральным тоном. — Чего ты хочешь?

— Я хочу сделать тебе предложение. Легкая работа с отличной прибылью.

— Как правдоподобно, — сказал Гримм. — Но боюсь, как бы не потерять заработанное за год от твоих предложений.

— Речь не о деньгах, — ответила она.

— С каких это пор? — мягко сказал Гримм.

— С этим у меня сейчас все хорошо, — ответила Каллиопа. — Потому что, меньше месяца назад мы наткнулись на поврежденного торговца Кортес-класса. У них был крейсер в конвое, но, по-видимому, он ушел в погоню за какими-то тупоумными пиратами-любителями, которые наделали лажи в поисках добычи. Он был голый как новорожденный. Взяли корабль и его груз, продали и получили выкуп за команду. Сейчас у меня достаточно денег, чтобы купаться в них.

Гримм фыркнул и открыл дверь.

— По-моему, я слышала достаточно. Всего наилучшего, капитан Рэнсом.

— Нет, — ответила она, ее глаза потемнели. — Ты услышал недостаточно. Еще не всё. Выслушай меня. Дай мне одну минуту. Если тебе не понравится предложение, я пойду.

Гримм неодобрительно скривил рот.

— Мы закончили.

Каллиопа села, ее брови сошлись у переносицы, она не отрывала глаз от Гримма.

— Мэд, — очень тихо прошептала она. — Пожалуйста.

Гримм смотрел на нее несколько секунд. Затем закрыл дверь.

— Одна минута, сказал он.

— Из-за канцелярской ошибки у меня двойной заказ, — сказала она. — Половина трюма забита чанами в Олимпию, а другая медикаментами с адресатом в Киссаме. Я не успеваю сделать обе поставки своевременно. Помоги мне, взяв на себя Олимпию, и я поделюсь чистой прибылью.

— Теоретически, думаю, девяносто на десять меня бы устроило, — сказал Гримм.

— Ты хочешь девяносто процентов за мой груз? — спросила Каллиопа.

— Десять процентов и надежная репутация — это нечто большее, чем ничего и нарушенный контракт в придачу, — сказал Гримм. — Теоретически.

Она сузила глаза.

— Нет смысла пытаться спорить с тобой по этому поводу.

— Никак нет. Я не тот, кому требуется помощь.

Она сжала губы, а затем кивнула.

— Кажется, ты оставляешь мне совсем небольшой выбор.

— На самом деле, я не оставляю ни какого. Я бесполезен. Этот крейсер, который ты упомянула, потрепал "Хищника". Пройдет несколько дней, прежде чем мы сможем снова подняться в небо.

Каллиопа нахмурилась.

— Что? Он не летает?

— Да, — подтвердил Гримм.

Зеленые глаза заметались в расчетах и в итоге, казалось, она сделала какие-то выводы. Она резко поднялась и потянулась к своей шляпе.

— Тогда, полагаю, что мне следует поискать помощи в другом месте. Я уверена, что найдутся желающие подработать.

Гримм кивнул и открыл ей дверь. Капитан Рэнсом выскочила из кабины и направилась к трапу, где Кеттл осторожно вернул ей оружие. Она на секунду взглянула через плечо на Гримма, а затем быстро ушла.

Кеттл подошел к нему.

— В чем она лгала на этот раз?

Гримм пожал плечами.

— Я не уверен. Во всем, пожалуй. Говорила о какой-то не пыльной работенке для нас.

Кеттл фыркнул.

— Вот именно!

— И вы сказали ей нет, — осторожно сказал Кеттл.

— Конечно.

Рулевой немного расслабился с явным облегчением.

— Ох. Хорошо. Добрые новости иссякают, когда она появляется.

Гримм нахмурился в задумчивости.

— Нет. Нет, это не так.

— Сэр?

"Туманная Акула" прибыла сразу же после атаки на шпиль? — спросил Гримм. — Мы

должны считать это совпадением?

Кеттл хмыкнул.

— Что вы имеете в виду?

— Шпилеарх посылает нас в Лэндинг, чтобы выкурить вражеские силы, — сказал Гримм. — И так удачно получилось, что самый быстрый корабль пришвартован на верфи Лэндинг?

Кеттл нахмурился.

— "Хищник" проиграл ту гонку только потому что Сантос повредил нашу главную клеть Хаслета.

— Независимо от того как это произошло, она выиграла, — сказал Гримм. — Она заявила о славе и триумфе. Такая известность является товарным знаком.

Кеттл потемнел лицом.

— Считаете, они вражеский транспорт?

— Меня беспокоит чрезмерное количество совпадений, — сказал Гримм. — Я хочу чтобы за "Туманной Акулой" следили постоянно, сообщая обо всем что там происходит, как бы тривиально это что-то не выглядело. Проследи.

— Так точно, сэр. — кивнул Кеттл.

Гримм задумчиво прикрыл глаза.

— И после этого… Пригласи, пожалуйста, мистеров Джоннимена и Стерна в мою каюту.

В озабоченном виде Кеттла проскочила искорка улыбки и в глазах внезапно засверкали ехидные огоньки.

— Ох. Да, сэр. С радостью, сэр.

Глава 32

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, вентиляционные туннели.

Майор Эспира вырвал меч из руки аврорского пехотинца, поднятой в положении смирно перед ним. Он поднял оружие и скрупулезно осмотрел его, прежде чем зарычать.

— Ты позволил меди износиться, прямо здесь, солдат. — Он поднял оружие в нескольких дюймах от глаз солдата, так что крошечное пятно коричнево-красной ржавчины стало хорошо видно. — Железная гниль уже началась. Ты видишь это?

— Да, сэр, — ответил пехотинец.

— Почему мы одеваем железо и сталь медью, солдат?

Щеки парня слегка покраснели.

— Чтобы предотвратить разрушение оружия от железной гнили, сэр.

— Отлично. Это ты знаешь. И как только железная гниль войдет в сталь, сколько времени пройдет с момента распространения, до момента полного превращения боевого оружия в ржавый мусор?

— Несколько дней, сэр. Плюс-минус.

Эспира кивнул.

— Это оружие не убьет, когда придется убивать, если оно разрушится при первом ударе, или сломается, когда ты попытаешься извлечь его из ножен. Я не против, если твоя небрежность убьет тебя, но она может убить твоих братьев по оружию, и меня в том числе, всего лишь из-за того, что ты не выполняешь свой долг.

Пехотинец сглотнул, глядя вперед, и ничего не сказал.

— Ну? Что ты можешь сказать себе сам, солдат?

— Нет оправдания, сэр, — ответил он.

Эспира опустил оружие резким движением.

- Доложить оружейнику, отчистить ржавчину и залить поврежденный участок свинцом. Как только это будет сделано, будешь выполнять техническое обслуживание каждого запасного оружия в арсенале, и сделаешь это с безупречным вниманием к деталям. Понятно?

— Да, сэр, — ответил пехотинец, салютуя.

Эспира бросил взгляд на строй пехоты второго взвода второй роты.

— Почему вы все до единого не готовите свое оружие и снаряжение к осмотру? Повторно. Когда я вернусь через час, каждый из вас покажет себя аврорским пехотинцем или, Господь на Небесах свидетель, я отправлю каждого по веревкам.

Сильное беспокойство появилось на лицах двадцати стойких, видавших виды и Эспира позволил тишине тяжело повисеть перед строем, прежде чем наконец сказал:

- Разойдись!

Морские пехотинцы без приказа строем выполнили команду направо и тихо и быстро промаршировали от пересечения туннелей вглубь вентиляции в направлении палаточного лагеря.

— Я почти поверил, что это настоящее пятно, майор, — глубокий грудной голос донесся из-за его спины.

Эспира повернулся к сержанту Сирьяко, подкравшемуся совершенно бесшумно и стоящему в нескольких футах от него. Урожденный воин четко отсалютовал, Эспира ответил ему тем же.

— Сержант. Однажды, первый сержант, с которым я служил, научил меня держать людей на пределе во время задания, чтобы привычная рутина затмевалась страхом перед моим гневом, если они вдруг забудут свой долг.

Человек напротив, расслабившись, слегка улыбнулся.

— Вот как? Чему еще он вас научил?

— Только тому чтобы никогда не ожидать его своевременного прибытия, — сказал Эспира, без намека на улыбку. — Где лейтенант Лазаро?

Кошачьи глаза Сирьяко сверкнули от ярости.

— Мертв, сэр.

Эспира откинул голову.

— Как?

— Он проигнорировал мой совет и сделал плохой выбор, — сказал Сирьяко. — Пойдя туда, где, по его мнению, были гражданские, присматривающие за ранеными после воздушного удара. Он пытался обманом пройти их, вместо того, чтобы расстрелять всех и двинуться дальше вместе с нашим полезным грузом.

— Зачем?

— Одна из них была красивой девушкой. Как фарфоровая куколка. Он был молод, сэр.

Эспира нахмурился и кивнул. Рыцарство было достоинством, которое высоко ценилось в верхних эшелонах Шпиля Авроры. Молодым офицерам требовалось время, чтобы понять, как редко его можно применить в бою. К сожалению, реальный бой, смертельно скупой на время, отпущенное молодым солдатам для учебы, часто вспыхивал внезапно.

— Как это произошло?

— Они поймали его, и куколка сожгла его лицо наручом с двух футов.

Эспира хмыкнул.

— Черт. Мальчик был многообещающий. По крайней мере, это было быстро. Чановая?

Сержант покачал головой.

— Ждали ударный отряд, но они так и не пришли, и мы не дождались взрывчатки. Какой-то отставной офицер флота с повышенным чувством гражданского долга собрал ополчение, загнал их в туннели и перехватил нас. Полагаю, что отряд нацеленный на чановую истреблен, сэр.

— Ба, — сказала Эспира. — Это было побочное поручение и осмысленная авантюра, но в наших шляпах появилось бы еще одно красивое перо, если бы нам удалось уничтожить этот их проклятый кристальный цех.

Он наклонил голову, хмуро глянув на Сирьяко.

— Вы ранены, сержант?

— Слегка, — сказал Сирьяко. — Пройдет. Чертов дурак Лазаро. Потерял половину отряда.

Он прищурился в коридор вслед ушедшему взводу.

— Вы действительно хотите отправить их по веревкам, сэр?

— Половину десятой части моей силы? Не смешите. Но на данный момент им нужно бояться чего-то больше, чем Шпиль, полный сердитых альбионцев.

Ноздри Сирьяко раздулись, а глаза метнулись в один из туннелей, идущих от перекрестка.

— Значит, вот почему она здесь?

— Держите себя в руках, сержант, — сказал Эспира мужчине.

— Вы один из лучших солдат в Шпиле Аврора, но у нас всех есть приказы.

— Да, сэр.

Эспира кивнул, а затем проследил за взглядом сержанта в темный туннель. Камердинер мадам Кэвендиш, Сарк, стоял у входа в туннель спокойной, пугающей фигурой в черном, его одноглазое лицо застыло в выражении бесконечной скуки. Никто даже половиной унции мозгов в голове не спутал бы смертоносного часового ни с кем другим.

Эспира сознательно не акцентировал внимание, постоянно поглощенный заботой о своих людях — но теперь, когда все голоса смолкли, он снова услышал его: высокий, несчастный, безнадежный вопль, вырвавшийся из темноты.

— Рен? — спросил Сирьяко шепотом.

— Дезинсектор наткнулся на базу, — спокойно ответила Эспира. — Мы поймали его, но не его напарника. Говорит, что был один. Она здесь, чтобы проверить его историю.

— Ножи? — поинтересовался воин.

Эспира покачал головой и подавил дрожь.

— С собой она ничего не взяла.

— Она безумное чудовище, — сказал Сириако.

— Она наше безумное чудовище, — поправил его Эспира. — Радуйся, что она на нашей стороне.

Воин сузил глаза, пристально глядя на Сарка, и неловко размял плечо, будто оно причиняло ему боль.

— Нет, сэр, майор, — сказал он. — Не думаю, что смогу.

В этот момент в темном коридоре прозвучали шаги, твердые и решительные. Через мгновение Мадам Кэвендиш вышла из темноты. Она остановилась у Сарка, и ее слуга протянул ей маленькое полотенце. Только в этот момент Эспир заметил, что ее ногти и

кончики пальцев были влажными и алыми. Всхлипы продолжали доноситься из туннеля.

Эфиромант спокойно отбросила тряпку и подошла к Эспире. Сарк маячил позади нее.

— Майор, — сказала она, — нам повезло. Он действительно работал один, хотя, по его мнению, его начнут искать его в ближайшие двадцать четыре часа или около того.

— Избавиться от тела, мэм?

— Господь на Небесах, нет, — ответила она. — Это заставит гильдию дезинсекторов собрать народ, для обследования большего количества туннелей, чтобы найти одного из своих. Возьмите тело и оставьте его там, где оно будет найдено в ближайшие несколько часов. Тогда поиска не будет.

Эспира медленно кивнул, пытаясь оставаться беспристрастным. Он глянул в темноту, из которой все еще доносились слабые всхлипы.

— Он еще жив, мэм.

— То, что осталось в этом туннеле — это формальность, — сказала Кэвендиш. — Но нам нежелательно, чтобы его нашли с порезами от мечей и ожогами.

Она некоторое время размышляла, а затем улыбнулась.

— Оттащите его к веревкам.

Эспира почувствовал, как его горло снова сжалось, а живот скрутило от мысли причинить такое любому человеку, а тем более сломанному и отчаявшемуся.

— Мэм?

— Не более минуты, иначе нечего будет опознавать, — сказала Кэвендиш. Она сделала паузу, а затем добавила со сталью в голосе:

- Вы понимаете, майор? Вы ведь знаете, сколько длится минута?

Эспира заскрипел зубами, но ответил.

— Да, мэм.

— Очень хорошо. Сделайте все возможное, чтобы не прерывать мои приготовления снова, любезный. Я жду гостей и должна быть готова принять их.

Произнеся это, она повернулась и спокойно пошла прочь. Сарк молча наблюдал за ними, пока она не удалилась на несколько шагов, а затем развернулся и отправился следом.

Сирьяко дождался, пока Сарк не удалится на приличное расстояние прежде чем испустить низкий львиный рык.

— Мы работаем с тем материалом, что у нас есть, сержант, — сказал Эспира.

Из темноты продолжали доноситься рыдания.

— Рен, — тихо сказал Сириако, — не приказывай мне посылать живую душу по веревкам.

— Конечно, я не стану, старый друг, — тихо сказал Эспира. — Сломайте ему шею. Отправьте труп. Расположите его, как указала мадам Кэвендиш.

Эспира чувствовал, как Сирьяко пристально посмотрел на него, а затем вздохнул и кивнул.

— Есть, сэр.

Глава 33

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг

Бриджит почти заснула, когда через несколько часов оба, скучающих кота внезапно подняли головы в одном направлении, уши встали торчком, будто они что-то услышали, хотя Бриджит не заметила ничего необычного, кроме приглушенных звуков обычного вечера в хаббле.

Спустя мгновение неподвижности оба кота одновременно поднялись, потянулись и зевнули.

— Фолли, проснись, — сказала Бриджит. — Время.

Фолли, дремавшая, упершись головой о стену, моргнула, открыла глаза, явно сбитая с толку.

— Чье время?

— Шшш, — сказала Бриджит, сосредоточенно прислушиваясь.

— Соответствует? — спросил Роул другого кота.

— Кажется, — ответил незнакомец.

— Представление?

— Подходящее.

Оба кота повернулись одновременно и пошли к Бриджит и Фолли, бок о бок.

Фолли сонно осматривала их, пока они приближались и шепнула ей в банку,

— Интересно, кто из них победил.

Бриджит почувствовала, как поднимаются брови.

— Я… Мне кажется, что это была ничья, — прошептала она. — Это значительный член его племени.

Она вздохнула.

— Просто нам повезло, что мы в такой спешке смогли встретить кого-то, кто мог так долго игнорировать Роула.

— Должны ли мы встать? — Фолли спросила свою банку. — Разве это не будет воспринято как неуважение, если мы этого не сделаем?

— Сидящий человек — это человек, который не сможет наброситься на кошку быстрее, чем кошка может отскочить, — ответила Бриджит. — Оставайся сидеть. Это более вежливо.

— О, Бриджит так рассудительна, — улыбнулась Фолли. — Я так рада, что думаю вслух.

Роул с достоинством подошел к Бриджит и удобно расположился у нее на коленях.

— О, — сказал странный кот. — Они принадлежат тебе. А я спрашивал себя, почему они ждут.

— Эта принадлежит мне, — сказал Роул, потершись головой о подбородок Бриджит. — Другая работает на меня.

— С тобой, — сказала Бриджит, вздохнув.

Роул небрежно повел ухом.

— Это то же самое. — Он повернулся к незнакомому коту и представился — Я Роул, котенок Маула из Тихих лап. Это Мышонок. Эта еще не получила настоящего имени.

— Ее зовут Фолли, — вмешалась Бриджит, сказав все, кроме имени Фолли на кошачьем.

— Нет настоящего имени, — согласился другой кот. — Я — Нийн, котенок Науна из Девяти когтей.

— Я слышал о Девяти когтях, — сказал Роул. — Они, кажется, вполне компетентны.

— Я слышал о Тихих лапах, — ответил Нийн. — Я не нахожу в них ничего нежелательного.

— Люди моего хаббла послали сюда Мышонка, чтобы попросить помощи у кошек.

Нийн задумчиво стегнул хвостом.

— Это довольно умно для людей.

— Я подумал также, — сказал Роул. — Мышонок, спрашивай.

Бриджит спокойно посмотрела на Нийна, стараясь подражать загадочному, уверенному выражению кошачьей морды, насколько могла.

— Если это не сложно, я хотела бы поговорить с вашим главой клана.

Нийн наклонил голову и вернул ей взгляд.

— Она почти похожа на кошку.

— Она точно как кошка, — ответил Роул, несколько шерстинок на его спине поднялись. — Мышонок — моя и я буду благодарен тебе, если запомнишь это.

Бриджит провела рукой по спине Роула именно так, как он предпочитал, и поспешила добавить.

— Я знаю, что эта просьба необычна, Нийн, котенок Науна, но это очень важно для Шпилеарха, лорда Альбиона и, вполне возможно, что помочь нам смогут только Девять когтей. Я умоляю вас о снисхождении в этом вопросе и приму любое ваше решение.

Нийн стегнул хвостом влево и вправо, потом поднял его вверх и изрек:

— Я думаю, дело Науна решать это. Оставайтесь здесь. Наун увидит тебя. Или нет. Прощай, Мышонок Роула. Затем он повернулся и исчез в тени.

— Боже мой, так резко, — пробормотала Фолли.

— Кошек не стоит торопить, — сказала Бриджит. — С другой стороны, их довольно сложно замедлить, если они взялись за дело.

Она провела по ушам Роула кончиками пальцев и обратилась к нему.

— Я полагаю, мы должны подождать.

— Вы должны, — одобрительно сказал Роул, свернувшись калачиком, лежа у нее на коленях. — Однако, я устал от всей этой дипломатии. Я буду спать.

* * *

Девять когтей заставили ждать их полчаса.

Затем из темного коридора появилась пара крупных кошек. Они сели на пределе зрения Бриджит и только желто-золотой блеск глаз выдавал их.

— Фолли, — сказала Бриджит. Она слегка коснулась спины Роула, и кот сразу поднял голову.

— Разумеется! — сказал он и зевнул. — Они быстро.

— Есть ощущение, что они не обсуждали с остальными, — сухо произнесла Бриджит.

— Подозреваю, что нет, — проворчал Роул. — Но это их территория. Мы должны показать им… — Он поморщился. — Уважение.

Бриджит уверенно кивнула и обратилась к Фолли.

- Роул идет первым. Оставайся рядом со мной, бок обок, и старайся не задерживать взгляд на какой-либо конкретной кошке больше, чем на секунду или две — это их нервирует. Договорились?

— Не волнуйся, — сказала Фолли банке. — Я здесь, чтобы защищать тебя.

— Да, слава Богу за это, — сказала Бриджит, поднимаясь, пока Роул слезал с ее колен. Она протянула руку Фолли и подняла на ноги худенькую ученицу эфироманта.

Роул оглянулся и посмотрел на них с загадочным выражением, затем повернулся и двинулся вперед.

Они следовали за парой кошек в темноту, которые быстро разрослась и поглотила их. Бриджит почти ослепла, если бы не Фолли со своей банкой отработанных световых кристаллов. В контейнере девушки должно быть набилось несколько сотен маленьких кристаллов, каждый из которых производил поблекший остаток своего первоначального

сияния. По отдельности каждый из них едва мог бы давать достаточно света, чтобы его можно было увидеть глазами, но вместе взятые они отбрасывали очень мягкое, туманное сияние, которое, по крайней мере, позволяло Бриджит следовать за кошками, не врезаясь в стену и не спотыкаться о мусор на полу туннеля.

Пара воинов — они не могли быть никем иным, учитывая их размер, безмолвие и заносчивое поведение, привели их в вентиляционные туннели на восточной стороне Шпиля. Строители создали Шпиль Альбион в форме идеального круга, но каждый хаббл был квадратом, вписанным в этот круг. Пустые пространства, образованные в результате такого решения были заполнены различными вспомогательными конструкциями — цистернами, вентиляционными туннелями, мусоропроводами и прочим. Кошки обычно обживали самые маленькие вентиляционные туннели. Бриджит едва втискиваясь в один из таких маленьких туннелей и пробираясь вперед, искренне надеялась, что Наун встретит их в одном из больших туннелей или коллекторов.

Через несколько минут они добрались-таки до большого вентиляционного коллектора, где, по-видимому, Девять Когтей решили принять их. Это было просторное помещение, с высокими потолками, которое, насколько можно было судить по скудному свету банки Фолли, простиралась да сорока футов в ширину и, похоже, в два раза длиннее. Восемь вентиляционных туннелей пересекались в этой точке, и поток живого дыхания Шпиля врывался в коллектор постоянно гудящим вздохом.

На противоположной стороне "приемного зала" стояло несколько предметов мебели, в том числе скамейка для ног, деревянный стул, высокий табурет и впечатляющий темноокрашенный стол. Они были выстроены в лестничном порядке к возвышению.

Множество котов-воинов разместились на различной мебели или просто на земле от ног визитеров до большого стола, где отдельно сидел с закрытыми глазами, хорошо сложенный кот безупречного черного цвета. На барном табурете, чуть ниже уровня стола, сидел Нийн, со скучающим выражением, однако его хвост хлестал влево и вправо, выдавая возбуждение.

— У него своя мебель? — задумчиво спросил Роул. — Ох. Это просто возмутительно. Что он с ней делает? Кошки не нуждаются в таких вещах.

— Почему у меня возникло подозрение, что ты захочешь, чтобы я купила тебе что-то подобное? — спросила Бриджит.

— Не то место, — фыркнул Роул. — Мы вернемся к этому вопросу позже.

Бриджит, улыбнулась, стараясь не показать зубов, и внимательно огляделась. На них смотрело несметное количество кошек. В неверном свете банки Фолли она могла рассмотреть немногих, но нечеткие формы и блеск отражений зелено-золотых глаз давали представление.

О нескольких сотнях.

— О, Боже, — прошептала Фолли. — Здесь больше кошек, чем я видела за всю свою жизнь. И, смотри. Котята.

Брови Бриджит взметнулись, и она повернула голову туда, куда указывала Фолли. Она действительно разглядела множество крошечных пар глаз, некоторые из них приближались, когда любопытные котята пробирались вперед, протягивали носы, уши тянулись к посетителям. Это было странно. Кошки не показывали своих котят людям. Даже Бриджит и ее отец, с их прочными отношениями с Тихими Лапами, видели котят не более полудюжины раз в жизни.

А сейчас Девять Когтей принимали их в том же общем помещении, где находились котята. Только если…

— Они все тут, — выдохнула Бриджит Роулу. — Это весь клан. Котята и все остальные.

Роул сузил глаза и тихо мурлыкнул.

— Невозможно. Слишком много тоннелей, за которыми нужно наблюдать и охранять и удерживать от посягательств. — Но после этих слов, Бриджит увидела, как его глаза просматривают коллектор, прикидывая количество его обитателей.

— Они взволнованы, — шепнула Фолли. — И собрались для безопасности.

— Кошки так не делают, — начала говорить Бриджит, но осеклась. Кошки всегда действовали группами, так охотиться и защищать территорию было более безопасно. Но они, конечно, старались избегать такой стратегии. Подобное ограничение независимости было нежелательным.

Даже «команда» кошек, работающих вместе, как правило, была более чем свободна от обязательств и сохранялась не дольше необходимого. Вожаки кланов, вроде Маула или Науна, сохраняли свое положение через плотную, сложную сеть отношений «один на один», управляя общим мнением, по возможности при помощи личного давления или силы, при необходимости. Получить согласие на что угодно хотя бы у полдюжины кошек было следующим по трудности после абсолютно невозможного

Собрать несколько сотен, чтобы передвигаться вместе, отказаться от отдельных территорий, разделить с остальными жизненное пространство было…

…неслыханно. Буквально. Из всего, что она знала о кошках, Бриджит никогда бы не поверила таким россказням, если бы услышала от кого-то.

Что, во имя Господа на Небесах, происходит в этом хаббле?

Роул прогулочным шагом шел по коллектору, будто их и не окружало такое количество потенциально враждебных кошек, способных просто задушить их своим весом. Из всех смертей, подумалось Бриджит, по крайней мере из тех что она обдумывала за последние несколько дней, быть погребенной под теплыми, мягкими, пушистыми, маленькими животными, казалась наименее ужасной, но тем не менее она предпочла бы избежать и ее. Роул, вообще говоря, очень хорошо понимал, что им может грозить, но случаи когда его врожденные способности и самоуверенность провалились, как правило, были теми событиями, которые, как считалось, должны быть записаны для истории. Она очень надеялась, что это не будет одним из тех случаев.

Роул подошел прямо к нижнему табурету и взобрался на него так же спокойно, как если бы тот принадлежал ему, а коты, которые сидели там, были вынуждены неуклюже подвинуться в последний момент или же оказаться на полу. Роул проделал подобное еще несколько раз, пока не достиг высокого стула, на котором сидел Нийн. Поднявшись, Роул спокойно сел рядом со своим визави и внимательно посмотрел на Науна.

Наун наблюдал за этой демонстрацией прищуренными глазами, и кончик его хвоста дернулся раз или два. Затем он взглянул на Нийна.

Нийн лениво поднял лапу, аккуратно вылизывая ее. Он не то, чтобы полностью игнорировал вожака клана, но ходил, как почувствовала Бриджит, по краю.

Голос Науна был сильным глубоким рыком.

— Ты Роул из Тихих Лап.

— Я знаю это, — сказал Роул. — Помедлив, добавил, — Отец Девяти Когтей.

В груди Науна заворчало.

— Высокомерен. Как и другие Тихие Лапы, которые были на моей территории.

— Это я тоже знаю, — сказал Роул. — А ты знаешь, почему я привел этих людей к вам.

— Да, — сказал Наун. Его золотисто-зеленые глаза скользнули к Фолли и Бриджит. — Они считают, что мы должны им какую-то услугу.

— Отец Девяти Когтей, — сказала Бриджит, сделав крошечный шажок вперед.

Это привлекло внимание всех кошек. Бриджит почувствовала внезапную слабость от внимания стольких совершенных хищников, какими бы маленькими они ни были. Она сглотнула, но сдержала дрожь в голосе.

— Лорд Альбиона, Шпилеарх, послал нас попросить вашей помощи в деле, в котором, мы знаем, только Девять Когтей смогут нам помочь.

Наун посмотрел на Бриджит и секунду покачал головой влево и вправо.

— Это какой-то трюк, котенок Маула? Вроде того как люди заставляют этих отвратительных кукол говорить?

— Это не трюк, отец, — спокойно отозвался Роул. — Это мой человек, Мышонок.

— И она говорит, — размышлял Наун.

— Как я и рассказывал, — вставил Нийн.

Старший Девяти Когтей взглянул на своего отпрыска и мгновение рассматривал свои передние лапы, как бы решая, какой из них ему стоит ответить.

В этот момент Роул махнул одной лапой перед носом Нийна и тот вздрогнул. Мгновенно каждый кот-воин в помещении был на ногах, и Бриджит поняла, что действительно слышит, как масса меха на множестве позвоночников внезапно поднимается вверх. Воздух пронзило сотнями низких урчаний кошачьего предупреждения.

Бриджит затаила дыхание.

Роул проигнорировала хор сердитых рыков с каким-то величественным безразличием к реальности, глядя на Нийна в строгом осуждении.

— Уважай своего отца, — строго сказал Роул. — Или ты заставишь его учить тебя здесь и сейчас, когда у него, очевидно, есть более важные заботы.

Нийн несколько раз моргнул, глядя на Роула. Потом обратил внимание на помещение из глубины которого все кошки смотрели на него и внезапно стали безразличным ко всему, не глядя ни на что, присел, полузакрыв глаза.

Повисло долгое молчание. Затем Наун низко мурлыкнул от удовольствия, и его уши расслабились, выражая заинтересованность. Бриджит почувствовала, как ее дыхание медленно вернулось к ней, когда несколько десятков наблюдающих кошек присоединились к своему главе, разделяя его настроение.

— В тебе есть отвага, Роул из Тихих Лап, — заметил Наун. — Или ты безумен.

— И это я тоже это знаю, — ответил Роул. — Ты слышал просьбу Мышонка?

— Мышонок, — насмешливо сказал Наун, оглядывая крупную фигуру Бриджит с ног до головы. — Это имя ей подходит.

— Она выросла больше, чем ожидалось, — объяснил Роул. — Это было очень опрометчиво, но кто мог предполагать?

— Люди редко заботятся о потребностях кошек, — согласился Наун. — А тем, кто это делает, редко можно доверять.

Роул поднял подбородок.

— Мышонок, котенок Хранящего Слово, является исключением.

Наун некоторое время изучал Бриджит немигающими глазами. Затем он произнес,

— Роул, котенок Маула, ты желанный гость в моих владениях.

Роул резко наклонил голову вбок.

— Что бы это значило, отец?

Непроницаемые глаза Науна в мгновение опасно загорелись яростью.

— Девять Когтей не друзья людям. Независимо от того, кому те принадлежат. — Старый кот повернулся и пристально посмотрел на Бриджит. — Мышонок, котенок Хранящего Слово, тебе и твоей спутнице не рады здесь. Вы уходите немедленно. Вы не вернетесь в эти туннели; и вы оставите попытки установить контакт с моим кланом. Если вы откажетесь соблюдать любой из этих приказов, то поплатитесь жизнью.

Бриджит пораженно открыла рот.

— Но… сир, если бы вы только выслушали меня.

— Я знаю, почему вы здесь, — прорычал Наун, поднимаясь на четыре лапы. — Я знаю, что вы пытаетесь заручиться нашей помощью в качестве глаз и ушей в предстоящем конфликте, но у вас ее не будет. Эта война — человеческая война. Это не война кошек. Девять Когтей не волнует, убьют ли ваши враги каждого мужчину, женщину и ребенка — для нас все равно. Мы продолжим жить дальше с любой группой людей, управляющих этим хабблом.

Бриджит закусила губу. Да уж. Это было неприемлемо. Она не могла просто вернуться и объяснить Мастеру Ферусу, что кошки сказали «нет» и может быть он придумает что-то другое? Мисс Ланкастер, несомненно, просто не примет такого результата. Но что можно было сделать? В этом окружении слово Науна было законом. И хотя большинство людей считало, что кошки были просто злобными маленькими паразитами, в основном, для убийства еще худших паразитов, Бриджит прекрасно понимала, что они были готовы и смогли бы свалить людей, если бы они этого захотели. Безусловно Наун мог выполнить свою угрозу. Если бы Наун приказал, никто из них не покинул бы этот коллектор.

Несмотря на это, Бриджет должна была выполнить свой долг. И не собиралась терпеть неудачу. Она расправила плечи и сделала глубокий вдох, готовясь снова попробовать.

Фолли неожиданно схватила Бриджит за запястье, и тонкие пальцы девушки оказались холодными и крепкими как бронза.

— Нет, — прошипела Фолли. — Разве она не видит этого?

— Чего не видит? — прошептала в ответ Бриджит.

Фолли медленно повернула голову, обшаривая глазами помещение, тени, тишину и застывшие фигуры клана Девяти когтей.

— Они боятся, — едва слышно выдохнула Фолли, ее губы почти не шевелились. — За ними следят.

У Бриджит внезапно пересохло во рту и перехватило горло.

— Здесь? Сейчас?

Фолли кивнула так медленно и плавно, что Бриджит почти решила, что вообразила это.

Наун неторопливо обернулся, его темный мех струился в тусклом свете банки Фолли, и медленно и веско проговорил.

— Вас проводят отсюда до человеческого квартала. — Он сделал паузу, чтобы взглянуть через плечо на Нийна и сказал, тяжелым от усталости голосом, — Покажи им веревки.

Глава 34

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, вентиляционные туннели

Роул, Мышонок и слегка более странная, чем обычно человеческая девушка шли в кругу

самых закаленных воинов Науна. Полдюжины больших, помеченных боевыми шрамами котов, большинство из которых были размером почти с Роула. Каждый воин носил пару боевых шпор — изогнутых металлических лезвий, изготовленных людьми и прикрепленных к кожаным манжетам, обернутых вокруг их задних ног. Шпоры были достаточно острыми и при навыках использования, были более чем опасными.

Роул чувствовал, что эскорт символичный, скорее для вида. Ни один из них не был ему ровней, неважно со шпорами или без, да и Мышонок тоже была вооружена и, в придачу у них была необычная человек-женщина, с силой, которая впечатлила даже полудуха Бенедикта. Потребуется, по крайней мере, с десяток опытных воинов, чтобы свалить человека, такого как Мышонок.

У Роула заклекотало в горле. Первый, кто попытается это сделать, умрет раньше, чем коснется ее.

В чем же все-таки было дело? Наун распространил свое гостеприимство, а вместе с ним и свое предложение защиты на Роула. Он не сделал такого предложения для Мышонка и Фолли. Очевидно, что Наун не любил людей, за что Роул едва ли мог обвинить его. Как гласила история, кошки обычно раскаивались, связываясь с людьми. Люди были ненадежны, склонны менять свои взгляды без предупреждения или повода. Очень немногие люди слыли надежными даже среди полудухов, поэтому именно такие, как Мышонок и Хранящий Слово, были настолько исключительными. По этой причине ни одна здравомыслящая кошка не разрешила бы котятам находиться где-нибудь поблизости от людей. Людям, казалось, вполне приемлемо приучить котят принимать пищу из рук, как само собой разумеющееся, вместо того, чтобы обучить их важности охотничьего мастерства и уверенности в себе.

Как только кто-то становился зависимым от другого из-за еды, то тут же становился зависимым и от образа жизни. Дать людям такую власть над кошками было мерзостью, но это было далеко не единственное унижение или несправедливость, которую люди демонстрировали на протяжении веков, например, активно охотясь на кошек, время от времени обвиняя их в злостных деяниях, которые ни одна кошка не сделала бы для кого бы то ни было без причины, например, в попытках отравить продовольствие или воду. Кошки и люди регулярно сталкивались в местах, где местное человеческое население недостаточно хорошо понимало эти тонкие моменты, а взаимная боль от столкновений была неизбежным результатом разлада во взаимопонимании. Если Наун или те о ком он заботился пострадали от чего-то подобного, это могло бы легко привести его к безотчетной ненависти даже к исключительным людям, вроде Мышонка.

Было лишь несколько причин, по которым Наун отправил их со своей территории по пути, отличному от того, который они проделали, по прибытии, никому из них не понравившемуся. Разумеется, подумал Роул, Наун намекал, что что-то должно случиться — что-то, чего он не произнес (и, возможно, не мог, если Фолли была права) вслух. Инстинкты Роула продолжали хладнокровно подсказывать, что Наун намеревался подвергнуть их какой-то опасности.

И это было прекрасно. Роул мог справиться с любой умеренной опасностью, а у них с Мышонком, он чувствовал, к тому же появилось несколько загадок, которыми стоило занять свои мысли с утроенным усердием. Настоящей головоломкой для него было то, почему Наун сделал то что сделал. Он показался грубоватым, особенно по отношению к наследнику клана, но все же Роул не знал всего, что происходило — практически во всем он был уверен, но возможно был какой-то нюанс ситуации или мотивы Науна, которые глава местного

клана намеревался показать ему. Или имело место быть простое предательство.

Роулу было все равно. В любом случае, он справится с проблемой, а затем отплатит Науну каким- нибудь подходящим способом и со вкусом. Когда он делал по другому?

Маленький отряд дошел до отверстия очередного бокового туннеля и лидер эскорта Девяти Когтей остановился.

— Туда, — сказал кот. — Вниз по туннелю. Продолжайте идти, и он приведет вас в человеческий раздел хаббла.

— Неужели? — холодно спросил Роул.

— Да.

— Но вы не идете, — продолжил Роул.

— Нет.

— Вы остаетесь здесь, — уточнил Роул.

— Да.

— Потому что боитесь.

Кот вонзился взглядом безжизненных глаз в Роула

Роул беззаботно зевнул.

— Если тебе нравятся твои глаза, — сказал он, — убери их.

— Роул, — вздохнула Мышонок с протестом. Мышонок была такой нежной и чувствительной. Угрожать выцарапать чьи-то глаза, вероятно, было шокирующим для нее, как бы ни был искренен Роул или насколько хорошо сработала бы угроза. Роул с любовью посмотрел на нее, затем снова обратила внимание на эскорт.

Угроза нашла отклик в остальных присутствующих Девяти Когтях и все они повернулись, чтобы посмотреть на Роула.

Роул вернула взгляд каждому по очереди. И все они беспристрастно отворачивались от него, как будто внезапно решили, что их конфликт стал невыразимо скучным.

Роул удовлетворенно дернул хвостом и сказал Мышонку,

— Пойдем?

— Конечно, — ответила она. — Хочешь, я тебя понесу?

Роул серьезно обдумал вопрос.

— Нет, решил он. — Ты должна быть готова воспользоваться наручем.

Брови Бриджит поползли вверх, но вместо того, чтобы протестовать, она спокойно закатала рукав на всю длину подальше от наруча. Насколько Роул понимал, в этом действии не было никакой реальной необходимости, пока Мышонок не применяла наруч, но медные застежки устройства через некоторое время использования нагревались и могли поджечь ткань.

Между тем, Фолли, широко раскрыв глаза, уставилась в черноту нового туннеля. Роул одобрил. Страх был мудростью в подобной ситуации, и он был доволен, что Фолли, очевидно, была достаточно умна, чтобы это знать. Он надеялся, что она предпочтет страх глупости, что, возможно, сделает ее умнее, но что взять с человека, со странностями или без.

— Интересно, — сказала Фолли банке, — а не могли бы мы пойти другим путем? Не этим туннелем?

— Вряд ли, — сказал Роул. — Наун ясно дал понять, что мы спустимся по туннелю. Перечить ему, значит бросить вызов его власти.

— О, Боже! — ойкнула Фолли.

— Думаю, ты должна идти справа от меня, — сказала Мышонок Фолли. Мышонок

боялась, Роул слышала ее быстрое сердцебиение, но голос оставался спокойным и обычным, как у кошки. Он заслуженно похвалил себя за то, что научил ее этому.

— Таким образом, я смогу использовать наруч, не боясь задеть тебя.

— О, да, она совершенно права, — сказала Фолли, кивнула и встала справа и немного позади Мышонка. — Но один из нас должен сказать ей, что я предпочла бы другой туннель — вообще любой другой туннель в мире.

— Поддерживай освещение, пожалуйста, — попросила Мышонок. — Чем скорее я увижу потенциальную угрозу, тем скорее могу попытаться ее взорвать.

Фолли торжественно подняла свою маленькую банку кристаллов до подбородка.

— Спасибо, — серьезно сказала Мышонок.

— Я иду первым, — сказал Роул. — И прошу тебя, не наступай на мой хвост. Я нахожу это унизительным.

— Я не делала этого с одиннадцати лет, — улыбаясь, сказала Мышонок.

— Тем не менее, — сказал Роул. Затем он махнул хвостом влево и вправо и пошел по туннелю. После того, как он сделал несколько шагов, одежда людей зашуршала, и они обреченно двинулись за ним.

В туннеле был странный запах, и Роул сразу заметил это. Так пахла плоть существ — он знал точно — проникших в Шпиль с поверхности, их запах был острым и тревожным. Еще была вонючая примесь, ассоциирующаяся у Роула с ядовитыми, несъедобными убийствами, когда он был еще пушистым маленьким котенком. Что-то особенно странное и, возможно, особенно опасное было в этом туннеле совсем недавно.

Роул выразил неодобрение. Разумеется, территория Девяти Когтей не была под его защитой, но казалось чудовищно неуместным, что нечто, преодолев все трудности, чтобы зайти с поверхности так далеко в Шпиль, оказывается совершенно бесполезным в смысле пищи после того, как охота закончится. Было очень грубо заставить кошку поохотиться и убить жертву, а затем лишить победного пира в честь успешного завершения охоты.

— Впереди, — вздохнула Фолли. — Что-то. На потолке.

Им пришлось пройти еще сорок шагов (он предположил, что людям понадобилось меньше), прежде чем даже его глаза смогли что-то разглядеть в практически идеальной темноте потолочного тоннеля. Потолок был, пожалуй, в двух-трех прыжках над ними и сделан из обычного, а не шпилевого камня. Люди хаббла Лэндинг также уменьшили высоту тоннелей, хотя Роул и не понимал, зачем им делать такую глупость. Он предположил, что это должно обеспечить больше тоннелей для верхней половины их хаббла.

В потолке, как заметил Роул, было отверстие, шириной с его телом, включая хвост. Из дыры тянулось несколько десятков длинных линий, что-то вроде тех многочисленных веревок на дирижабле Гримма, но из другого материала. Они легко шевельнулись на сквозняке, отразив сотни крошечных, разнообразных оттенков света, струящегося из банки Фолли.

Прошло еще немного времени, прежде чем Мышонок и Фолли смогли увидеть эти линии, и в этот момент их шаги замедлились и они остановились.

— Что… что это? — выдохнула Мышонок. — Из чего сделаны эти веревки?

— Эфшел, — прошептала Фолли.

— Веревки из эфшела? — изумилась Мышонок, открыв рот.

- Кто может позволить себе такое?

— Это не веревки, — сказала Фолли своей банке. — Но она этого не знает. Вероятно,

она никогда не видела, как он выглядит, пока не собран урожай.

— Урожай? — спросила Мышонок. Затем она сделала короткий резкий вдох. — Шелкопряды. Ты это имеешь в виду, не так ли?

Фолли уставилась на дыру, как будто не могла отвести взгляд и молча кивнула.

Бриджит покачала головой.

— Но они живут на поверхности и в тумане. Они не… Чтобы сплести такую большую нить они должны быть огромными. И, Господь на Небесах, какой безумец попытается укротить их? Дураки пытались приручить их за их шелк в течение двух тысяч лет, безуспешно. Без выживших.

— По моему мнению, люди достаточно глупы, чтобы повторить попытку, — заметил Роул.

— Ох! — внезапно воскликнула Фолли и отшатнулась назад, уклоняясь от какой-то невидимой угрозы. — Осторожно!

Роул, сбитый с толку, уставился на странную девушку и секунду ничего не происходило.

А затем раздалась пронзительная какафония, жуткие звуки, и около дюжины шелкопрядов, протиснувшись в дыру, стремительно упав к ним.

Роул никогда раньше не видел таких существ, но он изучал знания своего народа о шелкопрядах, а также кошмарный зверинец подобных существ. Он знал их, знал как они охотятся и он знал как их убивать.

На первый взгляд существ, размером примерно в два раза меньше Роула, было около полудюжины. По обеим сторонам тощего, покрытого хитином тела порядка десяти конечностей. Телами они походили на бьющихся на поверхности золотых рыбок. Однако на выпуклых головах расположились мутировавшие короткие челюсти, зазубренные по всей длине, открывающиеся в трёх направлениях. С помощью паутины из шелка выходящей из их задней части брюшка эти существа контролировали скорость и направление стремительного снижения на жертву.

Свежевыделенный шелк, вспомнил Роул, был довольно клейким и представлял дополнительную опасность. Стоило действовать обдуманно. Поэтому он тщательно распланировал следующие действия, пока шелкопряды не преодолели почти половину пути до пола в туннеле.

А затем он начал двигаться.

Он прыгнул на спускающегося последним шелкопряда. Он хлопнул по твари двумя лапами, замер на мгновение и оттолкнулся от нее. Используя инерцию, Роул перевернулся в воздухе и приземлился на все лапы, одновременно оценивая результаты атаки.

Его жертва раскачалась по широкой дуге, ее шелковая нить спуталась со остальными. Шелкопряды тревожно заверещали, так как клейкий шелк прилипал к ткачам и их нитям. Один из них безнадежно запутался, а еще двое угодили в западню ногами. Оставшимся троим удалось избежать сплетения и приземлиться на пол.

Роул обрушился на первого и ударил лапами из всех сил, сбив тварь с ног набок. Со вторым он обошелся так же, а затем третий прыгнул на Роула.

Кот-воитель ждал от безмозглых существ подобного. Он бросился навстречу шелкопряду, внезапно изогнувшись в прыжке, упал на спину. Тварь навалилась сверху, ядовитые челюсти искали его плоть, но Роул, удерживая их своими передними лапами, задними яростно разрывал уязвимое брюхо.

Ноги шелкопряда задергались в конвульсиях, когда Роул нашел что-то жизненно важное

и кот презрительно отбросил тушку. Двое других еще не поднялись на свои многочисленные ноги и все еще бились о каменный пол. Он набросился на ближайшего, сжал зубами его подбрюшье, и, прежде чем враг смог извернутся и укусить его он беспощадно потряс, разрывая хрупкую нижнюю часть тела. Чудовищное насекомое издало визг, как и первое, засучило ногами и рухнуло с распотрошенными внутренностями.

Роул выплюнул отвратительную на вкус слизь изо рта и повернулся к третьему шелкопряду — только чтобы увидеть большой, крепкий сапог Мышонка, сокрушительный, словно ожившая каменная колонна. Тело шелкопряда не выдержало такой массы и напора и просто взорвалось, забрызгав собой все вокруг. Роул повернулся к запутавшимся чудовищам, прыгнул на одного из них и убил его своими челюстями, стараясь избегать шелка, в это время Мышонок превратила оставшихся двух в мокрые пятна на полу.

Полезные люди, подумал Роул. Неуклюжие, медленные и не особо смышленые, они были очень и очень сильными, настоящими неудержимыми громадами. Теперь он понял мудрость своего отца, желающего удержать некоторых из людей возле домашних туннелей. Они смогут справиться с досадными проблемами, которые покажутся кошкам неудобными и трудоемкими.

Роул хладнокровно огляделся в поисках еще живых врагов, но те кончились, и развлечься стало нечем. Ну и к лучшему, предположил он. На вкус они были ужасными, и теперь потребуется не меньше недели, чтобы полностью избавить свой мех от слизи и зловония.

— Что ж, я спас вас обеих, — сказал Роул людям. — Хотя, должен признать, Мышонок, в целом ты была не бесполезна в этом деле.

— Спасибо, — серьезно сказала Мышонок. Она осмотрела подошву своего сапога и содрогнулась.

— Фу. Как отвратительно.

— Как бесполезно, — сказал Роул с отвращением. — Это была просто драка, и мы даже не можем их съесть.

— Ну и ладно, — сказала Мышонок. — У них ядовитые челюсти, не так ли?

— Кого-нибудь из нас укусили? — поинтересовался Роул.

— Нет.

— Значит, нет, просто сказал Роул. — Видимо не ядовитые. — Он бросил взгляд на её наруч.

- Неиспользованное оружие и не оружие вовсе.

— У меня не было времени прицелиться, пока они не попадали на пол, — сказала Мышонок. — Да и после этого они окружили тебя. Ты просил не наступать на хвост моими сапогами. Я предположила, что ты не хочешь, чтобы я наступила на него моим наручем.

Роул обдумал ее слова и кивнул.

— Полагаю, это обоснованно. Самонадеянно, но не глупо.

— Спасибо, — сказала Мышонок тем тоном, который иногда заставлял Роула подозревать, что она как-то насмехается над ним. Он не был уверен. Мышонку удручающе не доставало ушей и хвоста. Как можно было узнать, что происходит за этими огромными близорукими глазными яблоками без какого-либо сигнала?

— Вот значит на что это похоже, — заговорила странная. Она вдруг затрепетала. — Ткачи, ткачи, бежим.

— Фолли, — сказала Мышонок. — Все в порядке. Они мертвы. Мы убили их.

Фолли судорожно дернула головой и ткнула пальцем вверх.

— Бриджит не знает, — всхлипнула она. — Бриджит не знает. Там, там, там!

И с этими словами поток шелкопрядов выплеснулся из дыры под потолком. Они все были примерно того же размера, что и первая группа — но их было больше. Не десятки. Не сосчитать. Сотни. Сотни и сотни созданий, выплескивались как вода с какофонией визгов и хрустом зубастых челюстей, кишели на уже висящих веревках, подобно обернувшимся аэронавтам. Целому флоту аэронавтов.

Была вероятность, что их просто слишком много, чтобы Роул мог уничтожить их один.

— Бежим! — рявкнула Мышонок. Она схватила Фолли, а Роул бросился бежать рядом с ними. Подмастерье эфироманта и два гвардейца, ни один из которых не защищал ничего кроме, по сути, людей, неслись по тоннелю в безумном спринте.

Клацающая зубами волна шелкопрядов катилась позади них.

Глава 35

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, вентиляционные тоннели

До того, как первые шесть шелкопрядов бросились на них, Фолли видела, как это произойдет.

На самом деле это было довольно пугающе. Она уставилась на отверстие в потолке и вдруг почувствовала полную безотчетную уверенность в том, что из нее выползут шесть шелкопрядов. Она еще ничего не видела, но уже могла бы посчитать мелкие волоски на их многочисленных ногах, если бы захотела. И пока ее глаза утверждали, что перед ними ничего нет, каждый нерв в ее теле предостерегающе вопил об опасности, и она не могла ничего делать, кроме как вздрагивать и кричать.

Секунду спустя появились чудовища и растерявшаяся Фолли просто смотрела как Роул и Бриджит убивают их. Правда, она не слишком долго испытывала ошеломление — этот кот атаковал с абсолютным пренебрежением к превосходящему числу противника и, если на то пошло, к силе тяжести. Шесть шелкопрядов перестали существовать через несколько секунд.

Фолли видела завершение боя в своих мыслях за несколько секунд до того, как он закончился.

Это могло означать только одно…

Она успешно отслеживала возможное будущее.

— Ох, — услышала она себя. — Вот значит, на что это похоже.

А затем возмущение эфира, такое же, как при первом предупреждении о злобных существах за дырой в потолке, неуловимо скользнуло в воздух, только в этот раз намного сильнее. Фолли тотчас же склонила голову в сторону, пытаясь отследить ощущения. Ее глаза расфокусировались, потому что они были бесполезны, совсем бесполезны, и она вздрогнула, поняв, что чувствует — еще одна нить вероятного будущего распускалась перед ее внутренним взором.

И в этом будущем было еще больше шелкопрядов. В сотни раз больше.

— Ткачи, — выдохнула она. — Ткачи. Бежим.

— Фолли, — сказала Бриджит. — Все в порядке. Они мертвы. Мы их убили.

Фолли потрясла головой, когда злобная сущность в эфире внезапно оглянулась на нее, она испытала потрясение от нематериального ощущения, тревожного, как внезапный крик в ухо. Сущность, казалось, вгляделась в неё, и бросилась вперед.

Именно в этот момент Фолли впервые поняла природу Врага, о котором ее предупреждал учитель.

Те, кого уничтожили Роул и Бриджит, не были шелкопрядами.

Они были марионетками.

— Бриджит не знает, — сказал Фолли воздуху, отчаянно пытаясь нащупать то же чувство чистейшего инстинкта, позволившее ей узнать об атаке в будущем. Невидимое ощущение тысячи образов размылось в ее сознании, будто сто человек, поющих вразнобой над ухом. Это было больно, и она чувствовала, что увидела только самый очевидный вариант. Она смогла бы уйти, и у Роула был шанс, но… — Бриджит не сможет, — сказала она вслух.

Она дико озиралась, пытаясь найти больше вероятностей, вариант выживания всех, но это было похоже на попытку поймать определенную мошку из облака ей подобных. Живые вероятности проворно порхали, и Фолли изо всех сил пыталась понять их, прежде чем они исчезнут. Там был одна. И там. И там. Она едва сознавала, что ее рот шевелится.

— Там, там, там.

Даже когда она заговорила, будущее вылилось в уверенность, и у нее было предчувствие менее чем за секунду, до того как шелкопряды посыпались из логова им на головы. Она отчаянно искала будущее с жизнью, а отвратительная орда болезненных, все более вероятных исходов падала на ее мысли, словно градины жалящие череп. Это было новое, странное и ужасное ощущение, потому что какая-то её часть переживала каждое будущее, которое ей виделось.

Она сражалась, чтобы удержать одну из вероятностей, но не сумела сохранить видение, и та исчезла.

— Бежим! — прорычала Бриджит и Фолли почувствовала, что ее толкают. Она споткнулась на бегу рядом с высокой девушкой, а за ними понеслась орда маленьких шелкопрядов.

Несколько секунд она пыталась прочистить разум и успокоится, чтобы увидеть будущее, найти какой-то путь к выживанию, а затем отступилась. Это был признак истинного мастера-эфироманта — умение смотреть в будущее в любой ситуации, как бы ни было страшно и это требовало того уровня самообладания и концентрации, которого она явно еще не достигла.

Бриджит повернулась, чтобы выпустить ярость наруча в рой позади них, но с тем же успехом она могла бы кидать камни в большой костер, с целью затушить его. Конечно, если подумать с хорошей стороны, шелкопрядов было так много, что Бриджит не смогла бы промазать. И лучшее что они могли теперь делать, просто бежать вперед.

Но шелкопряды нагоняли.

Фолли заставила себя упорядочить свои мысли, как учитель часто делал с ней на занятиях. Это сработало бы, если бы она смогла посидеть в элегантной позе лотоса и тихо подышать какое-то время, но шелкопряды вряд ли оказали бы ей эту услугу, поэтому пришлось синхронизировать свои мысли со стуком сердца и топотом бегущих ног, а потом эфирный мир открылся перед Фолли.

Все изменилось.

Мир накрыло непроницаемой черной пустотой, вспыхивающей росчерками эфирного света. Крошечные кристаллы в ее банке ярко мерцали, а оружейный кристалл наруча Бриджит светился, словно миниатюрное солнце. Роул и Бриджит предстали перед ней как зыбкие призраки, частично освещаемые сиянием эфирной энергии, проходящей сквозь них. Но преимущественно выглядели словно тени.

Пульсирующие нити энергии пронизывали стены и пол Шпиля, шпилевый камень вытягивал ее с неба и проводил к земле, словно постоянно работающий громоотвод. Она бросила взгляд через плечо и увидела, как орда шелкопрядов сияет как неконтролируемый огонь, каждое существо окуталось облаками света. Используя эту часть своего разума, чтобы видеть, Фолли могла заглянуть сквозь, казалось бы, твердый камень, словно его там не было, хотя заниматься этим внутри шпиля было довольно ошеломляюще и сбивало с толку. Здесь было множество потоков энергии, протекающих в основном вниз, но иногда и взад и вперед по каналам в шпилевом камне, устроенных там Строителями, чтобы системы Шпиля могли поддерживать жизнеспособность своих обитателей. Фолли представила свое нынешнее затруднительное положение в виде действительно сложного часового механизма, сделанного из прозрачного стекла, то, что она пыталась сделать, напоминало попытку найти определенную деталь где-то внутри.

Им был нужен тоннель поменьше, такой, где они смогли бы передвигаться, но достаточно узкий, чтобы задержать их преследователей и Фолли нашла подобный поблизости. Теперь, если бы только у нее получилось нащупать эфирное ядро, у нее появилось бы больше возможностей.

— Туда! — крикнула она в свою банку и резко повернула в гораздо более узкий проход с гораздо более низким потолком.

— Фолли! — протестующе крикнула Бриджит, но выбора, куда направиться не оставалось: только у Фолли был источник света. Бриджит поскользнулась в забрызганных слизью шелкопрядов ботинках, но устояла на ногах, пригнулась и бросилась в маленький туннель следом за Фолли. Роул нырнул за Бриджит, огрызаясь, шипя по-кошачьи предостережение первым настигающим их насекомых, и они помчались дальше втроем по сужающемуся коридору.

Их шаги здесь были гулкими, дыхание оглушало. Бриджит приходилось бежать, низко наклонившись, но волна шелкопрядов, преследующая их, замедлилась у входа, как вода, льющаяся из маленького отверстия в большой сосуд; их преследователей было не так много, но они приблизились, и это устраивало Фолли для выполнения задуманной цели.

Хотя теперь, когда она поразмыслила над этим, Фолли никогда не считала себя девушкой, у которой есть четкая цель. Это было потенциально тревожным достижением — конечно, не таким тревожным, как быть разорванной тысячью тысяч мелких чудовищ, но это был вопрос, который стоило обдумать, конечно, если она переживет следующие несколько минут.

Фолли тащила их вперед по затхлому туннелю, слегка замедляя шаг, чтобы оглядеть вокруг себя ориентированным на эфир взглядом дальнейшие варианты спасения. И тут, внезапно, она углядела одну из вещей, что могли бы изменить ситуацию — ядро.

Потоки эфирной энергии текли с шести направлений, вливаясь в единый нисходящий канал и в точке, где они сливались вместе, избыточная энергия переполняла этот канал, распространяясь в воздухе тоннеля невесомым вихрящимся потоком. Это облако эфирной силы почти что пело для Фолли и она бросилась вперед в отчаянном рывке, задыхаясь, нащупывая на бегу кобуру.

— Фолли! — закричала Бриджит из-за спины. — Постой!

Времени не было, только бы успеть сдержать волну шелкопрядов, чтобы спасти жизнь Бриджит. Фолли вырвала два сетчатых мешка дремлющих люмин кристаллов из кобуры и, быстро активировав их, высыпала на пол туннеля. Затем, не колеблясь, она разбила банку

кристаллов о камни.

И в один момент в туннеле сгустилась непроницаемая тьма. Конечно, Фолли могла видеть умирающее освещение своим эфирным зрением, но она предположила что это был страшный момент для Бриджит, которая отчаянно взвизгнула.

Но это, решила Фолли, только потому, что Бриджит никогда не видела, что эфиромант, даже настолько несовершенно обученный, как Фолли, мог сделать с запасом готовой энергии и сосудами наполненными ей.

— Теперь мы вместе, — обратилась Фолли к кристаллам и почувствовала их сонное, довольно путанное и смущенное чувство общего согласия, а затем мысленно зачерпнула свободно плывущую эфирную энергию и отправила ее в кристаллы.

Вливание энергией превосходящей пределы того, что первоначально хранилось внутри них, увеличило сияние маленьких кристаллов от слабых, призрачно тлеющих угольков до тысячи веселых сияющих точек, неожиданных колодцев белого света.

Шелкопряды исторгли удивленные и болезненные вопли, грубая звуковая волна, сдавленная узкими стенами тоннеля, превратилась в кувалду. Фолли сделала все возможное, чтобы не поддаться удару и лишь немного покачнулась. Затем она вскинула руку в сторону тоннеля, по которому они только что пробежали, давая потокам энергии быстрый ментальный толчок, и послала волну маленьких кристаллов в полет по заполненному монстрами коридору сверкающим облаком, которое рассеялось среди существ в случайном порядке.

Следующая часть была сложной и Фолли надеялась, что кристаллы вспомнят ее бесконечные практические тренировки. Люмин кристаллы были спроектированы так, чтобы принимать заряд эфирной энергии и выдавать устойчивый поток света. Но свет был всего лишь одним из возможных выражений энергии. Кристаллы оружия делали то же самое, только с жаром и силой. Подъемные кристаллы выражали эту энергию в виде обратной гравитации. И самые сложные из всех кристаллов, кристаллы силового ядра, выделяли энергию в другой форме — электричестве.

Разницы между люмин кристаллами и кристаллами силового ядра практически не было, за исключением того, что силовой кристалл выращивали по сложной методике, распределяя эфирную энергию по растущим канальцам внутри кристалла, превращая её, по сути, в запечатанную молнию. Не было препятствий, чтобы из маленького кристалла света сделать то же самое, оставалось только показать им план разметки определенной структуры внутренних канальцев.

Таким образом, Фолли, максимально быстро и искусно, представила точные пути, которые должны были использовать ее маленькие кристаллы. Это было довольно элементарное упражнение, и она делала его тысячу раз, но сейчас, это стало вроде экзамена, более важного, чем она сдавала на своих занятиях. Разумеется, цель практических занятий была научить её умению, которое понадобилось бы в такой ответственный момент как этот.

Боже, подумать только в какую беду они бы попали, если бы Фолли не практиковалась.

Итак, потому что это было правильно и необходимо сделать, она просто вообразила тысячу различных сложных, уникальных маленьких канальцев для всех своих люмин кристалльчиков. Хотя, не стоило преувеличивать, это было бы хвастовство. На полу было девятьсот восемьдесят семь кристаллов. Поэтому она скромно представляла себе девятьсот восемьдесят семь узоров, по одному на каждый маленький кристалл, показывая им, как использовать энергию, которую она им посылала.

И коридор за ними — и каждый шелкопряд в нем — внезапно покрылись сеткой ослепляющей бело-синей молнии.

Грохот от нее был потрясающий: множество отдельных щелчков, похожих на разряд оружейного кристалла, только в количестве девятисот восьмидесяти семи штук, в пределах одной или двух секунд, шум был эквивалентен небольшой армии, стреляющей залпом в маленьком коридоре. Жар тоже был значителен, и с жаром грянула взрывная волна, которая, подумала Фолли, была лишней в процессе, не добавляя внушительного страха к высвобожденной энергии, не делая ничего, кроме шумного сбивания Фолли и Бриджит с ног и разбрасывания ее сети люмин кристаллов туда-сюда.

После того как все закончилась, Фолли легла на пол, потому что это казалось правильным. Она несколько раз моргнула на потолок и поняла, что без эфирного зрения не может быть уверена, что она вообще смотрит на потолок. Когда кое-кто предполагал, то довольно часто оказывалась прав, но едва ли это было постоянным.

Энергия все еще изливалась из ядра и Фолли слабо махнула рукой, посылая ее к своим маленьким кристаллам. Без разума Фолли, показывающего им что делать, они снова были лишены знания, как превратить силу эфира в смерть. Маленькие кристаллы начали весело мигать, освещая тоннель по всей длине.

Фолли повернула голову и увидела Бриджит, определенно глазеющую на потолок. У высокой девушки был ожог на подбородке и длинная кровоточащая царапина на лбу, кровь едва не заливала ей глаз. Она несколько раз моргнула, а затем ошеломленно огляделась.

Фолли повернула голову в другую сторону и увидела Роула, стоящего над ней. Мех кота был вздыблен, хотя тут и там были неровные подпалины. Выражение морды, заметила Фолли, было очень кошачьим.

Роул крепко шлепнул по носу одной лапой, спрятав когти. Затем, с большим достоинством, он поднялся и решительно повернулся спиной к Фолли, подойдя к Бриджит, ткнулся в неё носом и ободряюще мурлыкнул.

Фолли безропотно продолжала лежать на полу. Она подумала, что Роул, вероятно, хотел что-то этим сказать. Она действительно не ожидала, что будет настолько взволнована. Что подумал бы учитель? Он так не одобрял хвастовства. И кроме того, она чувствовала себя полностью истощенной, по крайней мере, такой же сонной, как и ее выводок крошечных кристаллов.

Бриджит медленно села. Она подняла глаза и посмотрела в коридор. Воздух был наполнен зловонием сгоревших шелкопрядов, хотя от них осталось совсем немного — нога здесь, кусок панциря там, зазубренное жвало в отдалении. Тоннель была черным от мелкой золы.

Бывшая чановщица медленно потрясла головой.

— Фолли. Твои маленькие кристаллы это сделали?

— Не хвастайтесь, — твердо предостерегла кристаллы Фолли. — Вы бы не справились, если бы я не показала вам как.

Бриджит несколько раз моргнула.

— Ты это сделала.

Фолли вздохнула и закрыла глаза. Она действительно очень устала. — Как на тренировке, — задумчиво произнесла она, — все было очень просто. Совсем не легко, но довольно просто.

— Я не… — начала Бриджит. — Я и понятия не имела… Это было…

К этому Фолли тоже готовили. Большинство людей не понимали, насколько могущественными могут быть навыки эфироманта при правильном применении. Когда они узнавали, их общей реакцией, она была уверена в этом, был безотчетный страх. Это было досадно, потому что казалось, они с Бриджит могли бы подружиться, и она с трудом сдерживала слезы. Это было бы очень неудобно.

— … потрясающе! — закончила Бриджит. — Господь на Небесах, Фолли, я уже подумала, что нам конец. Молодчина!

Фолли моргнула, открыв глаза, и на мгновение уставилась на Бриджит. Затем она почувствовала, что улыбается и очень быстро опустила глаза, так как фигура Бриджит начала размываться. Как странно, но теперь ее слезы не показались неудобными.

Затем Роул резко зашипел.

Фолли почувствовала это в самый последний момент, слишком поздно — ужасное внимание сознания, которое она ощущала раньше, когда они искали Девять Когтей. Это был Враг; она была почти уверенна. Она не могла придумать лучшего прозвища для злобной сущности, которая направляла шелкопрядов, как огромную молотилку, стремящаяся уничтожить их. Как будто самому духу ненависти был дан ум и тёмная воля и оно стремилось передать свою злобу через отвратительные создания поверхности.

Какое существо может иметь такие ужасные желания? Как сражаться с таким непостижимым созданием? В своей своеобразной жизни Фолли никогда не слышала об таком раньше и сейчас поняла, что очень боится его.

Та же самая сущность Врага теперь отправила трех маленьких существ — обгорелых и искалеченных, но живых и, очевидно, опасных, прямиком к усталой, лежащей фигурке Фолли.

Все произошло очень и очень быстро. Роул издал пронзительный крик и стремительно бросился на дальнего шелкопряда. Одновременно с этим раздался вой разряженного наруча Бриджит и второй шелкопряд исчез, сожженный и разорванный на мелкие кусочки.

Третье насекомое бросилось в лицо Фолли…

…и было остановлено кулаком Бриджит. Высокая девушка просто опустила руку вниз, как поршень парового двигателя, раздавив шелкопряда о пол из шпилевого камня, и поставила на попытке покушения на жизнь Фолли совершенно безжалостную точку.

— Ох, — выдохнула Фолли. Ее сердце болезненно колотилось.

— Боже мой.

— Вот, — сказала Бриджит, удовлетворенно кивнув. — Роул?

Кот тоже покончил со своим противником и подошел, тряся одной из своих передних лап в полнейшем отвращении.

— Они последние, — сообщил он. — Могу ли я использовать свои металлические круги для найма человека, чтобы почистить лапы? Есть ли человек, который мог бы сделать это грамотно?

— Я это сделаю, — сказала Бриджит, поднимаясь. Она поморщилась и слегка коснулась пореза.

— Но мне хотелось бы умения, — возразил Роул. — Ты слишком груба с мокрой тканью. Если бы только использовала язык, как и полагается…

— Я так не думаю, — твердо ответила Бриджит. — Я знаю, где побывали твои лапы.

Она подала руку Фолли.

— Можешь встать?

Фолли взялась за руку подруги и поднялась. На мгновение она покачнулась, но Бриджит удерживала ее до тех пор, пока коридор не перестал ненавистно кружиться.

— Роул, — спросила Бриджит. — Эти шелкопряды уже выросли?

— Они выросли ровно настолько, насколько должны были, — с удовлетворением ответил Роул.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Я не думаю, что они взрослые, — ответил Роул. — Истории моего народа говорят, что взрослые весом с двух-трех котов или больше.

— Молодняк, — сказала Бриджит, нахмурившись. — Разве могут такие маленькие шелкопряды сплести нити, подобные тем, что мы видели в дыре из потолка?

— Ох, — произнесла Фолли. — Ох, Бриджит умна. В ужасающем смысле. Нет, эти малыши не могли сделать подобного.

— Взрослые должны были отложить яйца и сплести нити, — сказала Бриджит. — Но… если для атаки остался только молодняк…?

Роул зарычал.

— Именно. Где же взрослые?

Сердце Фолли зашлось от паники.

— Ох, — выдохнула она, все ее инстинкты кричали о том, куда именно Враг направит свое смертоносное оружие. — Мастер.

Глава 36

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, таверна "Черная Лошадь"

Было далеко за полночь, Гвен чувствовала себя отупевшей от усталости, а главный эфиромант Шпилеарха увлеченно возглавлял в баре очередную партию «Фермера Длинный Огурец», песню, в которой было столько возмутительных идей, о которых Гвен едва ли подозревала до этой ночи, с, казалось, бесконечным числом куплетов.

— Серьезно, Бенедикт, — пожаловалась она. — Я понятия не имею, где ты мог выучить такую глупую и вредоносную ерунду.

-… и снова там спрятала его! — спел Бенедикт, усмехаясь, прежде чем обратиться к кузине. — У Истербрука, конечно.

— Грубиян. У тебя, надеюсь, закончились куплеты?

Бенедикт глотнул из кружки и назидательно изрёк:

— У пехотинцев на дирижабле, есть обычай, писать дополнительные куплеты к своим любимым песням во время дежурства. Только лучшие…

— Имеешь ввиду, самые непристойные, — вмешалась Гвен.

Бенедикт склонил голову в подтверждения.

— Только лучшие сохранились, но даже так после нескольких веков воздухоплавания…

Гвен изогнула бровь.

— Ты намекаешь, что они будут продолжать это всю ночь, не так ли?

— Гораздо дольше, если не устанут, — сказал Бенедикт. Он прищурился на веселого, разрумянившегося эфироманта. — Однако, интересно, где их узнал Мастер Ферус.

— Я, конечно же, был пехотинцем! — рявкнул Ферус. Затем он и несколько клиентов таверны проорали в унисон, — Semper fortitudo!

Гвен вздохнула.

— Fortitudo, мисс Ланкастер, — сказал Мастер Ферус и плюхнулся со стола на стул с изяществом (или, по крайней мере, пьяным безрассудством) гораздо более молодого

человека. — Старое, старое слово, даже по моим меркам. Вы знаете, что оно значит?

— Сила, — быстро сказала Гвен. — Сила навсегда.

— Ага, но что за сила? — спросил Ферус, перекрикивая рев очередного певца, затянувшего новый куплет.

В котором описывалось, как длинный огурец фермера провалился в грязную дыру, но Гвен не хотела ничего знать об этом.

— Сэр?

— Существует множество, монжество видов силы. Фортитудо кое-что совершенно особенное. — Он показал пальцем на бицепсы Бенедикта для демонстрации. — Не такая грубая сила, совсем нет. Это означает нечто большее — внутреннюю силу, силу цели, нравственное мужество. Сила бороться, когда кажется, поражение неизбежно. Сила продолжать верить, когда кажется, что никто не знает или всем плевать.

Он крутанул свою кружку и посмотрел на Гвен.

— И сила жертвовать собой, когда жертва на благо других, даже если вместо себя можно предложить кого-то другого. Особенно тогда.

Гвен коротко улыбнулась.

— Как, эм…

— Поверхностно и бесцельно? — быстро предположил мастер Ферус.

— Я собиралась сказать интересно, — укоризненно поправила Гвен.

— И это самое дипломатичное, что она может изобразить, — заметил Бенедикт.

Гвен пнула своего кузена под столом.

— Мастер Ферус, уже поздно.

— Действительно, — сказал эфиромант и прикрыл зевок одной рукой. — Возможно, пора рассмотреть вопрос о прекращении нашего расследования, пока мы не узнаем новостей от наших полевых агентов.

— Имеете в виду кота? — спросила Гвен.

— Совершенно верно. — Мастер Ферус внезапно всмотрелся в Бенедикта. — Послушайте, мой мальчик. Вас что-то заинтересовало?

Кошачьи глаза Бенедикта были сосредоточены дальнем конце бара, где хозяин таверны тихо переговаривался с полным решимости, вновь прибывшим мужчиной. Этот тип был довольно крупным и плотным человеком в зеленых авиационных крагах и кителе, отделанном густым серо-коричневым мехом какого-то существа с поверхности, заставляя его и без того массивные плечи выглядеть не-человечески широкими. На обшлагах были две широких нашивки командира дирижабля. Его квадратное лицо покраснело и разрумянилось, он ударил кулаком по барной стойке так сильно, что было слышно даже сквозь хор певцов.

— Что!?

Огромная рука метнулась через стойку и схватила хозяина гостиницы за ворот.

Возмущенный трактирщик бросил на их столик нервный взгляд и что-то тихо сказал здоровенному аэронавту.

— Ага, — сказал Бенедикт. — Теперь я понимаю, почему наш хозяин так неохотно сдавал нам комнаты. Он уже пообещал кое-кому другому.

— Это не форма Флота, — заметила Гвен.

— Нет, — сказал Бенедикт. — Это вообще не форма. Он, определенно, капитан частного судна.

— Олимпиец, судя по цвету и меховой отделке его куртки, — вмешался мастер

Ферус. — Олимпиец и, кажется, разгневанный. Что забавно, если вы знаете историю.

Олимпиец после нескольких, тщательно подобранных слов отпустил, наконец хозяина таверны, а затем, нахмурившись, направился к их столику. Гвен изучала его в качестве потенциального противника, как ее учили, и поняла что встревожена. Человек слишком легко двигался для своей комплекции, и его координация (как и можно было ожидать от аэронавта) была превосходной. Хуже всего, его глаза, быстрые и бдительные, оценивали комнату, пока он двигался, признак человека, который всегда настороже.

Гвен достигла некоторых скромных умений в рукопашном боевом искусстве последователей Пути, но у нее не было иллюзий относительно своей способности справиться с более крупным или лучше обученным противником без элемента неожиданности.

— Бенни? — сказала Гвен. — Чтобы ты не думал, мы должны его застрелить…

— Я не тот, кто перекупил его кровать прямо у него из под носа, — ответил Бенедикт. — Как по мне, эту ситуацию нужно сгладить.

— Я бы предпочла сделать это без превращения в паштет, — выпалила Гвен.

Бенедикт откинулся на спинку стула, с весельем в глазах и задумиво поинтересовался:

- Ты хотя бы мельком задумывалась просто поговорить с ним? Для разнообразия?

— Он не похож на человека, который хорошо реагирует на угрозы.

— В высшей степени превосходнай куртка, — размышлял вслух Мастер Ферус. — Их не раздают кому попало, верно?

Бенедикт удивленно взглянул на эфироманта и ответил Гвен.

- Я имел в виду что-то кроме угроз. Хотя, стоит ли напрягаться, чтобы понять, что ты не видишь разницы.

— Послушать тебя, так я совершенный людоед, — закипела Гвен.

— Но ясно выражающаяся, богатая и очень стильная, — примирительно сказал Бенедикт. — Красотка, к тому же. Попробуй. Просто ради забавы. И если это не сработает, мы всегда сможем стереть его в порошок и съесть на завтрак позже.

— Или, — продолжал Мастер Ферус, — ляжем в землю, смотря как дело повернется.

Капитан-олимпиец наконец-то добрался до их стола, тяжело ударил по нему кулаком, что вся посуда и утварь подпрыгнули на поверхности и потребовал.

— Выметайтесь из моей комнаты.

Гвен не так уж сильно возражала против демонстрации угрозы. Господь на Небесах знал, сколько ей пришлось их сделать за последние несколько дней. Но она не заботилась об этом, как и не чувствовала себя напуганной. В конце концов, она была вооружена наручем, впрочем, как она заметила потом, олимпиец тоже.

— Мне очень жаль, что я причинила вам неудобство, сэр, — кротко сказала Гвен.

- Но моим товарищам и мне потребовалась комната. Возможно, было бы лучше, если бы вы посмотрели в другом месте.

Человек, пристально взирающий на Бенедикта, бросил взгляд на Гвен, потом снова обратился к урожденному воину.

— Она говорит за тебя?

— Во всем, что касается этого спора, боюсь что так, — ответил Бенедикт.

— Отлично, — сказал мужчина и обернулся к Гвен, нависая над ней. — Значит ты. Иди, собери все вещи и вынеси их из моей комнаты, девочка. Сейчас же.

Она почувствовала непререкаемый авторитет в голосе мужчины, но ее это совсем не

волновало.

— Представьтесь, — сказала она решительно.

Это ввело олимпийца в короткий ступор.

— Что?

— Вы не представились, сэр, — веско сказала Гвен. — Я хотела бы узнать ваше имя, прежде чем разговаривать.

Мужчина выпрямился, его глаза сузились, а затем он покачал головой.

— Проклятые альбионские зануды… — Он сделал глубокий вдох, явно сдерживая более грязные ругательства, а затем сказал, — Пайн. Капитан Горацио Пайн из Торговой компании "Халф Мун" из Олимпии. И я не дам и гроша, чтобы узнать кто ты. Этот люкс зарезервирован для моих капитанов и для меня самого, и мы только что прошагали милю по поверхности, чтобы добраться до этого проклятого Шпиля и чуть не попали под огонь вашего проклятого флота, когда нам, наконец, это удалось. У меня нет настроения для игр.

Гвен кивнула.

— Меня зовут Гвендолин Ланкастер из Дома Ланкастеров — да, прежде чем вы спросите, именно тех Ланкастеров, что сделали кристаллы, которые, скорее всего, держат ваши корабли в воздухе, сэр, — и, хоть я и сочувствую вашему положению, боюсь, что все еще нуждаюсь в этих комнатах.

— Значит, вы и ваши друзья можете комфортно поесть и выпить? — Пайн сплюнул. — У меня раненые, которым нужны добротные кровати и осмотр врачей, а этот проклятый хаббл упакован по самую крышу. Освободите эти комнаты или, клянусь Господом на Небесах и Длинной дорогой, я оставлю вас без сознания в переулке и в любом случае заселю своих людей.

— Может такие бандитские методы и действуют в Олимпии, — вспылила Гвен, голос её изменился, став похожим на щелчок хлыста. — Но в Альбионе, сэр, власть закона и я буду защищать себя от любого подобного насилия.

Пайн прищурился. Затем обратился к Бенедикту.

— Ты уверен, что она говорит за тебя?

Бенедикт вздохнул и наклонился вперед, слегка ударившись лбом о стол. Несколько раз.

— Я не угрожала ему! — запротестовала Гвен.

Внезапно раздался отчетливый звук бьющейся посуды, и Гвен повернулась, чтобы обнаружить, что кружка Мастера Феруса выпала из внезапно ослабевших пальцев. Он издал слабый стон и дернулся несколько раз. Затем вздрогнул и закрыл глаза.

Гвен переглянулась с Бенедиктом и подняла руку в предупредительном жесте капитану Пайну.

— Мастер Ферус? — спросила она через мгновение. — Мастер Ферус, с вами все хорошо?

Ферус открыл глаза, спокойно встал и заговорил ровным тоном.

— Сэр Бенедикт, я бы попросил вас, если не затруднит, достать свой меч. Мисс Ланкастер, приготовьте наруч, пожалуйста. — Он взял свой стул и подтолкнул его к капитану Пайну. — Это, для вас, сэр. Полагаю, вы с ним управитесь.

Пайн заморгал.

— Что?

— Гвен, — отрывисто бросил Бенедикт, поднимаясь и доставая свой меч, его глаза метались.

Гвен сглотнула и инстинктивно прислонилась спиной к Бенедикту, и, следуя наказу Мастера Феруса, активировала наруч, кристалл орудия в ее ладони, засветился, оживая.

А затем двери "Черной Лошади" распахнулись, и воздух наполнили пронзительные инородные визги.

Глава 37

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, таверна "Черная Лошадь"

Двери в "Черную лошадь" с силой распахнулись, ударившись о стены, и внутрь протиснулась не что иное, как создание с поверхности.

Тварь была кожистая и громадная, в два, а то и в три раза превышающая самого большого человека, которого когда-либо видела Гвен, но ей как-то удалось сжаться и протиснуться в дверь, не замедляясь. Сегментированное тело было чем-то вроде паучьего, но с четырьмя частями вместо двух, чудовищно удлиненными, темно-серый панцирь покрывал спину гибкими, сочлененными пластинами. У неё было слишком много ног для паука, все толстые и массивные у основания, покрытые зарослями шипов или жестких, острых волос.

Голова показалась Гвен отвратительной. Она была полузакрыта, спрятана в широких и плоских укрепленных выступах, с гнездом из бусинок сверкающих глаз с обеих сторон и со множеством крупных челюстей, прикрепленных на большие, выпяченные мышцы вдоль черепа.

Чудовище захлопнуло дверь "Черной Лошади", а затем его задние ноги засучили, выстрелив массу какого-то вязкого серого вещества на дверь за спиной.

— Шелкопряд! — закричал кто-то.

Комната взорвалась паникой. Посетители, вопя, ринулись прочь со своих мест. Некоторые из них бежали вверх по лестнице к комнатам. Большинство направились к противоположной двери или к кухне. И лишь горстка потянулась за мечами и подняла наручи.

Шелкопряд не дал им времени на атаку. Он стремительно бросился в дальнюю часть зала, на пути его массивного тело оказался невезучий посетитель в форме аэронавта — человека размозжило о стену гостиницы с явным хрустом костей. Затем шелкопряд захлопнул другую дверь и запечатал ее своими выделениями, а глаза в это время осматривали зал, как поняла Гвен, в поисках цели. В процессе сканирования, длинными передними конечностями монстр рассеянно схватил еще одного потрясенного клиента и небрежно хлопнул мужчину о пол со смертоносной силой.

— Милосердный Господь на Небесах, — выдохнула Гвен, а в желудке зародился холодок. — Оно разумное.

— Невозможно, — огрызнулся коммодор Пайн, хватая стул мясистыми руками и шагая назад, чтобы встать рядом с Гвен и Бенедиктом. — Шелкопряды — звери.

— Это не шелкопряд, — безразлично произнес мастер Ферус. Эфиромант наклонился вперед и схватил кувшин с пивом со стола.

— Это марионетка. Так или иначе, какая-то кукла.

Пайн хмуро взглянул на мастера Феруса, когда тот начал длинными и решительными глотками пить из кувшина, а затем перевел взгляд на Гвен.

— Насколько пьян этот человек?

— Он эфиромант, — ответила Гвен, — и потише.

— А? — удивленно моргнул Пайн, посмотрел на мастера Феруса с несомненным осознанием и снова произнес, — а.

— Нам нужно вывести Феруса отсюда, — сказал Бенедикт тихим напряженным голосом. — Оно тут за ним.

— Безусловно! — пробормотал мастер Ферус с полным ртом. Он закашлялся и вытер рот.

— Да, безусловно. Его послали, чтобы не дать мне вмешаться.

— Во что? — поинтересовался Пайн.

— На самом деле я понятия не имею, — счастливо произнес Ферус. — Я всю ночь изменял сознание. Полагаю, поэтому оно не могло меня найти.

Гвен с ужасом наблюдала, как шелкопряд подождал, пока несколько людей не сбились у дверей на кухню в кучу, а затем просто бросился на них в очередном фантастически

мощном прыжке. Тела, орущие в унисон, раскидало, словно грузовую повозку, несущуюся под откос. Многочисленные конечности чудовища, словно смертоносные дубины поражали выживших после прыжка. Пьяный вооруженный клиент разрядил наруч с расстояния менее фута, но панцирь шелкопряда поглотил большую часть взрыва, и атака не принесла большого результата, кроме небольшой воронки в его шкуре.

Оружие, однако, привлекло внимание существа и оно, слишком молниеносно для таких размеров, повернулось, его челюсти открылись в трех направлениях, и отделило руку с наручем от тела также быстро и аккуратно как садовник Ланкастеров обрезает розовые кусты.

После этого шелкопряд вновь принялся прясть и запечатал дверь на кухню обезображенными трупами и шелковой клейковиной вперемешку. Люди, остававшиеся в зале, бежали к лестнице, единственному выходу, что у них оставался.

— На лестницу, — резко сказал Бенедикт.

— Нет. Мы не можем бежать. Мы должны убить его, — жестко и зло возразила Гвен. — Наручи бесполезны против этой брони. Если мы запрем себя в узких коридорах и крошечных комнатах, мы упустим свои сильные стороны, и оно будет убивать нас всех поодиночке. Мы все еще гвардейцы, Бенедикт.

— С приказом защищать мастера Феруса.

— Мы и защитим его, убив эту ужасную тварь, прежде чем она покалечит еще больше альбионцев, — зашипела Гвен. — Прямо здесь, где у нас есть место, где развернутся и возможность использовать численное преимущество, пока оно у нас еще есть.

— Девчонка права, — проворчал капитан Пайн. — Чтоб меня крысы сожрали, это здоровенная скотина. Но не неуязвимая. Если сможем добраться до ее живота, то сможем и убить. Там нет ничего, кроме жира и артерий. Выстрелом в голову можно его отвлечь, если получится попасть в место без брони.

Гвен отрывисто кивнула. Голова шелкопряда, стиснутая шишковатыми бронированными выступами, постоянно движущаяся — трудная цель, к тому же, существо не будет ждать, пока стрелок прицелится. Она повернулась к эфироманту.

— Вы можете что-нибудь сделать?

— Боюсь, моя трость наверху в номере, — извиняющимся тоном сказал Ферус. — Она бы выдала меня. Без нее я ничего существенного сделать не смогу.

— Идите за ней, — стиснув зубы, сказала Гвен.

Ферус открыл рот и беспомощно уставился на Гвен, затем махнул рукой.

— Но… там дверные ручки. А я послал Фолли разговаривать с кошками.

Гвен холодно взглянула на него, но, в любом случае, времени чтобы эфиромант смог

достать свою трость до того, как шелкопряд атакует у них не было. Она повернулась к остальным выжившим в зале.

— Эй, вы! — крикнула она группе пожилых мужчин, вставших в оборонительную связку, так же, как Гвен и ее спутники.

— Когда оно подойдет к лестнице, атакуем его со всех сторон!

— Semper fortitudo! — рявкнул Мастер Ферус.

— Semper fortitudo! — отозвался седой, мускулистый мужчина в куртке рабочего дока. — Мы с вами! Все вместе!

— Вы ненормальные? — закричал еще один посетитель, юноша из группы людей помоложе из другого конца. — Эта штука убьет нас!

— О, Господь на Небесах, парень, собери яйца в кулак и сражайся! — прорычала Гвен.

Бенедикт заморгал.

— Даже если мы отвлечем его, — сказал капитан Пайн, — нам не убить его, если не доберемся до брюха. Оно просто спрячется под своей оболочкой.

Гвен быстро оглядела помещение и нашла возможное решение.

— Если это произойдет, я должна быть уверена, что у него нет возможности оставаться на месте. Бенни, ты можешь занять его на несколько секунд?

— Как скажешь, кузина, — Бенедикт, обнажи острые клыки в свирепой улыбке. — Планируешь обвинить его в измене?

— Ты просто так не отстанешь, не так ли?

— Оно уже на подходе, — спокойно сказал Мастер Ферус.

Шелкопряд уложил последнюю пару изломанных тел в дверной проем — один из них, подумала Гвен, все еще двигался — плотно обматывая их шелком, и вскарабкался на барную стойку, его странные фасеточные глаза осматривали зал, а ноги постоянно приплясывали, словно страстно желали наброситься на очередную цель.

Бенедикт приковал внимание существа, скользнув на открытое пространство прямо между огромным шелкопрядом и лестницей, с мечом в руке и повернулся лицом к лицу, отделенный от всех баррикад выживших. Шелкопряд был хищником, существом, чувствовавшим уязвимость и нападающим на него. Монстр моментально прыгнул на него, быстро и смертельно, также как и в первый, когда он разбросал тела по полу таверны.

Но предыдущие жертвы не были сэром Бенедиктом Сореллином, урожденным воином из Альбиона.

Гвен метнулась к бару, пытаясь следить за кузеном, но это было практически невозможно. Не потому, что она не могла его видеть — просто потому, что они с шелкопрядом двигались чересчур быстро, чтобы правильно понять, что происходит.

Массивное тело чудовища перемещалось молниеносно, словно какая-то машина разрушения, его дубинообразные конечности ударяли по полу, оставляя трещины и осколки, как тяжелые паровые поршни, которыми пробивали этажи в Шпиле, но независимо от того, как быстро двигалось существо или как быстро оно атаковало, его удары не находили плоти. Бенедикт чудесным образом оставался на несколько дюймов спереди или сбоку, или под стремительными конечностями, отскакивая назад, перед надвигающейся горой, его ноги почти не касались пола. Когда челюсти шелкопряда щелкнули ему в лицо, они встретились только с коротким, яростным ударом его меча.

Чудовище завопило от боли и бешено рванулось на Бенедикта, следуя за ним в центр комнаты, тут Гвен поняла, что Бенедикт сделал это намеренно, чтобы подставить

шелкопряда под атаку со всех сторон.

— Сейчас! — Крикнула Гвен, добежав до бара. — Атакуем!

Капитан Пайн взревел, поднял стул и бросился на шелкопряда и остальные выжившие посетители "Черной Лошади" присоединились к нему. У некоторых из мужчин были мечи, и Гвен увидела, как минимум один наруч, но большинство из них были вооружены стульями и ножами. Их лица были бледны, их голоса заходились в крике, в котором слышалось больше ужаса, чем свирепости, но они знали так же хорошо, как и Гвен, если крупный хищник на поверхности начал лить человеческую кровь, он не остановится, пока не убьет всех живых людей до которых дотянется. Что-то сводило их с ума, доводило их до такой свирепости, далеко за пределы простого животного голода, и никто не мог объяснить почему.

Двое молодых людей упали, прежде чем смогли даже приблизиться к шелкопряду с импровизированным оружием, сбитые быстрыми ударами множества конечностей. Остальное приблизились с фланга, замелькали ножи и мечи, и тварь, огрызаясь, начала отступать боком, издавая пронзительные вопли — пока капитан Пайн не подкрался с противоположной стороны и не опустил увесистый стул по широкой дуге, вложив в удар всю силу своего мощного тела.

Сиденье стула было из дерева, но остальная часть собрана из железа покрытого медью. Он весил порядка сорока фунтов, а Пайн приложил им с такой силой, что от удар а он согнулся и скрутился. Броня шелкопряда смогла защитить жизненно важные органы от сокрушительного удара, но тем не менее мощь олимпийского аэронавта пригвоздила зверя к полу, ошеломив его на долю секунды, его ноги разъехались.

В эти полсекунды слабости Бенедикт и атаковал.

С таким же гортанным рыком, что Гвен слышала в туннелях, Бенедикт приблизился к шелкопряду, его меч ударил один, два, три раза, мелькая в быстрых, сильных, смертельных выпадах. Бенедикт владел особенным массивным, утяжеленным мечом, который был специально создан для его телосложения, и Гвен знала, что он наносит огромный урон. Три конечности отделились от туловища насекомого с фонтаном фиолетовой жидкости, и оно отшатнулось назад, жесткие ноги скользили по окровавленному полу из шпилевого камня.

Пайн гаркнул, стукнул перекрученным стулом шелкопряда во второй раз, с меньшим эффектом, а затем, получив удар в грудь, отлетел в сторону. Задние сегменты шелкопряда изгибались влево и вправо, словно хвост, отбросили еще троих мужчин, выстреливая в них вязким шелком, но в этот момент старый морской пехотинец и несколько его спутников подобрались к брюху существа и к его раненому боку.

Шелкопряд взвизгнул, когда пролилось еще больше фиолетовой крови, и круто повернулся к людям с очевидной яростью. Они подняли свое оружие, но силы были не равны, их ножи и короткие мечи не смогли пробить броню, как только он развернулся к ним. Он бросился на них, сокрушая и разя, разбивая кости и раздирая плоть. Бенедикт снова рыкнул, но даже его клинок не смог пронзить прочный панцирь и он, безуспешно пытаясь привлечь внимание, налетал вихрем на жука, оставляя лишь царапины и борозды в шкуре, но не нанес серьезного ущерба. Даже когда он разрядил свой наруч почти вплотную к шкуре монстра, это не принесло должного эффекта и люди продолжать кричать и падать, оставляя Бенедикта в одиночестве.

Шелкопряд закружился вокруг кузена, размахивая обрубками ног, брызгая ему в лицо, а после бросился вперед. Бенедикт откинулся назад, когда кровь существа попала в глаз и снова начал уворачиваться и отклоняться, но теперь пол был скользким от алой и

фиолетовой крови и шелкопряд не атаковал в слепой ярости. Вместо этого он кружил, заставляя Бенедикта отступать по спирали, и только через несколько секунд Гвен поняла, что по мере продвижения, шелкопряд исторг прядь липкого эфирного шелка на пол позади себя.

— Бенни, берегись! — крикнула Гвен.

Сапог Бенедикта коснулся шелковой пряди на полу и почти мгновенно прилип к ней.

Кузен упал.

Шелкопряд бросился вперед, чтобы добить.

Наруч Бенедикта завыл, его лицо, покрытое кровью, оскалилось.

Шелкопряд извернулся, и массивные пластины брони вокруг его относительно маленькой головы защитили его от урона.

И тогда один люмин кристалл оторвался от люстры, пролетел через зал, словно пылающая звезда и ударил шелкопряда точно между глазами.

— Semper fortitudo! — невнятно проревел Мастер Ферус. — Сюда, эй остолоп! Оставь этого мальчика в покое! Я тот, кого ты ищешь!

Если бы Гвен сомневалась в интеллекте шелкопряда, его реакция на этот крик убедила бы ее и в сознании и в воле существа. При звуке голоса Феруса создание повернулось с ослепительной скоростью и потратив бесконечную секунду, сосредоточилось на старом эфироман словно в шоке от узнавания. А затем оно испустило самый кровожадный визг за все время бойни.

Второй осветительный кристалл сорвался с люстры и начал отскакивать от головы шелкопряда. Странные фасеточные глаза создания, казалось, отворачивались от холодного голубого света.

— Ну же, давай! — рявкнул Ферус. — Чего ты ждешь, особого приглашения?

Шелкопряд снова завизжал и ринулся на старика.

Гвен пришла в движение.

Правой рукой она схватила стеклянную бутылку с самым крепким ликером в баре и подбросила ее вверх между шелкопрядом и Мастером Ферусом. И в тот момент, когда

бутылка начала падать, она подняла наруч. На точное прицеливание времени не было. Вместо этого она опиралась на долгие часы практики, которые помогли ей почувствовать точный момент, чтобы взорвать зависшую бутылку.

Она активировала наруч и к бутылке с кристалла на ладони через всю комнату потек белый свет. Она сразу же превратилась в быстро расширяющийся поток синего пламени — поток, который упал прямо на спину и голову шелкопряду. Огонь внезапно окутал существо, поджигая кожу и закоптив бронированную шкуру, ошеломляя, обжигая и заставляя корчиться от боли.

— Мастер Ферус! — закричала Гвен и бросилась к старику. Казалось, это заняло бесконечность, хотя не прошло и нескольких секунд. Она достигла позиции эфироманта как раз в тот момент, когда шелкопряд содрогнулся и его безумные выверты прекратились. Все еще пылающий, он снова повернулся к эфироманту и снова бросился вперед, одновременно испуская ужасный, шипящий звук.

Гвен задвинула Мастера Феруса за спину и подняла наруч. Горящий шелкопряд быстро двигался, его тело все еще странно корчилось в мучениях, а маленькая голова непроизвольно дергалась. У Гвен был единственный шанс убить это существо, и она не имела права его потерять.

Она устойчиво встала, выпрямила спину, расправила плечи и успокоила дыхание. Затем тщательно навела пальцами прицел и замерла.

Шелкопряд, горящий и дымящийся, приблизился, напирая и шипя, его рот и дубиновидные конечности были измазаны кровью.

Когда расстояние сократилось до пяти футов, Гвен выпустила разряд из наруча.

Последовавший удар был настолько безбрежным, что показался ей наваждением, осталось только чувство быстрого, безжалостного движения и взрыв боли в ее голове.

А потом ничего.

Глава 38

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, вентиляционные тоннели

Бриджит мгновение смотрела на останки шелкопрядов, затем повернулась на каблуках и решительно двинулась по коридору обратно к их гнезду.

— Боже мой, — выдохнула Фолли. Бриджит помогла ей собрать рассыпанные кристаллы, большинство из которых были измазаны мелкой золой, некоторые с еще более ужасными остатками и девушка заполнила мешки в кобурах и зафиксировала крышку на своей банке. — Что делает Бриджит?

— Сотни маленьких шелкопрядов не выскочили просто из воздуха, — твердо бросила Бриджит. — Они вылупляются из яиц, не так ли? Что-то должно было отложить яйца.

— Она, конечно, права, — прошептала Фолли в банку. — Но мне кажется это веская причина не возвращаться в этом направлении. Вам так не кажется?

— Если там была мать, почему она не напала на нас? — спросила Бриджит.

— Роул?

Кот, бредущий сбоку от Бриджит, выдержал паузу, раздраженно стряхнув пепел с одной лапы.

— Это очевидно, Мышонок.

— Значит, матери нет, — заключила Бриджит. — Мы должны осмотреть логово. Может быть, что-то узнаем.

— Или будем опутаны паутиной. Или отравлены. Или съедены, — тихо произнесла Фолли. — Съедены целиком.

Бриджит помедлила и оглянулась на ученицу эфироманта.

— Фолли, — мягко сказала она, — я понимаю, что ты испугалась. Я тоже. Но нас послали, чтобы раздобыть информацию, а что мы можем показать?

Фолли не смотрела на Бриджит, но нахмурилась, глядя на мягко мигающую банку кристаллов.

— Если ты не хочешь идти, — сказала Бриджит, — тогда мы вернемся в освещенный коридор и я пойду сама, если ты одолжишь мне свою банку.

Фолли прижала банку маленьких кристаллов к груди и прикусила нижнюю губу.

— О, нет. Нет, нет, я не могу этого сделать. Это будет оскорбление доверия.

— У нас миссия, — стояла на своем Бриджит. — Нам нужен свет.

— Нам? — самодовольно спросил Роул.

— Ой, — сказала Бриджит, сердито взглянув на кота. Затем она снова подняла глаза на Фолли. — Пожалуйста, Фолли. Мы сделаем еще немного, а потом вернемся.

Фолли глубоко вздохнула. Затем, очень быстро кивнула, словно ей не терпелось покончить этим делом.

* * *

Лезть по веревкам было тяжело и оттого, что Роул настоял подниматься верхом на ее плечах, легче не стало.

— Почему ты так тяжело дышишь? — с любопытством спросил кот. — Это как-то помогает?

Бриджит бессвязно огрызнулась, прижала ноги к слишком узкой ленте эфшела, зажатой между ними, и напряглась, чтобы переместить руки еще хотя бы на фут.

— Твои плечи трясутся, — заметил Роул. — Мне от этого не очень удобно. Ты уверена, что делаешь всё правильно?

Бриджит сжала зубы и продолжала подниматься.

— Это очень просто, — нетерпеливо сказал Роул.

— Смотри.

И с этими словами кот взялся за ленту эфшела передними лапами, цепко ухватившись. Затем он подтянул заднюю часть, поднял задние лапы и запустил когтями в ленту шелка. Продвинул передние лапы вверх и с естественной грацией преодолел последние три фута веревки, скрывшись в отверстии в потолке.

— Видишь? — раздался его голос. — Делай что-то похожее. Это быстрее и нужно пыхтеть, как паровой двигатель.

На этот раз Бриджит сумела проворчать.

— …убить этого кота… — вложив столько угрозы в эти слова, сколько смогла. Затем она с трудом подтянула себя на несколько последних фута, подняла верхнюю часть тела над краем дыры и, лежа на животе, попыталась не думать, насколько она сейчас уязвима в том, что, предположительно, было гнездом шелкопрядов.

Пахло странно, едкий густой душок, от которого по коже поползли мурашки, и она почти ничего не видела в темноте. Роул предупредил бы ее о наличии врагов — это было, в конце концов, причиной, почему он первым вошел в гнездо, благослови его пушистое, высокомерное сердце, но даже Роул не мог ощутить всего и всегда.

Бриджит не была уверена, что хочет идти дальше. Если шелкопряд прыгнет на нее, она хотела бы успеть отступить. Конечно, если бы она это сделала, и не зацепилась бы за ленты, то упала бы на пол из шпилевого камня с двадцати футов. По статистике, как она слышала, пережить такое падение можно было лишь случайно. Конечно, шансов на выживание от яда шелкопряда было еще меньше.

Тьфу ты! Ей не нужна была математика. Ей нужно было взглянуть и покончить с этим и уже выбраться из этого отвратительного места.

Она активировала наруч и кристалл на ее ладони, светясь и потрескивая энергией, окатил волной покалывания ее руку до локтя, но он был создан не для освещения, и свет от него, казалось, рассеивался и был бесполезен. Единственный эффект — это ограничение зоны видимости до нескольких футов. Но, по крайней мере, предположила она, его свечение позволяло ей стать гораздо лучшей мишенью, чем раньше.

— Фолли, — позвала Бриджит, пытаясь унять дрожь в голосе. — Подними свет.

Бриджит ожидала, что ученица эфироманта привяжет банку к ленте эфшела, чтобы Бриджит могла ее поднять. Вместо этого она услышала, как Фолли открыла банку. Бриджит хмыкнула и подтянулась, чтобы развернуться и выглянуть из дыры на девушку.

Фолли взяла конец ленты эфшела в руку, на секунду закрыла глаза, а затем засунула её в банку мягко сияющих кристаллов. Она что-то тихо прошептала, говоря тем же тоном, каким говорят с маленькими детьми и затем между кристаллами промелькнула искра, а их

спокойное свечение внезапно размазалось по волшебному материалу и поднялось, как вода, текущая в трубе.

Бриджит с изумлением наблюдала, как свет распространяется по ленте, разветвляясь на другие нити эфшела, которых пересекал, пока не достиг шелка у края дыры и под её ногами, а затем в покрытое шелком логово, пока все вокруг не запульсировало приглушенным, переливающимся свечением.

У Роула вырвался тихий звук, выражение чистой эмоции, который Бриджит слышала лишь несколько раз в своей жизни, когда кот был по-настоящему впечатлен, но не желал признавать этот факт.

Гнездо было сплошь покрыто эфшелом. Повсюду, на стенах, на полу, на потолке словно в каком-то огромным коконе, он спускался из отверстия к полу туннелей, поднимался до крыши из шпилевого камня, более того, в логове были целые стены из шелка — этим, подумала Бриджит, остолбенев, можно было обеспечить обычного человека на всю жизнь, шелка было в десять раз больше, чем стоила вся чановая ее отца.

Она слегка тряхнула головой и заставила себя не думать, какие сокровища перед ней. Она снова осмотрела гнездо, подмечая детали. На полу и нижней части стен были небольшие наросты из шелка, каждый с кулак подростка. Что-то вроде… колыбели для маленьких

шелкопрядов? Каждый сплетен в похожей на воронку форме, очевидно в них покоились маленькие монстры.

Высоко над полом была закреплена гораздо более крупная колыбель, по-видимому, достаточно большая, чтобы разместить три или четыре таких, как Бриджит. Жилище матки?

Между огромной и крошечными колыбелями были множество воронкообразных форм, гораздо больших, чем нижние, но поменьше, чем самая верхняя.

Все они, насколько могла видеть Бриджит, пустовали.

— Вот почему Девять Когтей сбились вместе, — вздохнула Бриджит.

— Это то, что Наун хотел показать нам, — поправил Роул, менторским тоном.

— И это тоже, — тихо сказала Бриджит. Затем кивнула. — Давай возвращаться. Мастер Ферус должен поскорее узнать об этом.

Глава 39

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, торговый корабль Альбиона "Хищник"

Гримм провел вечер, замещая корабельного кока, которому дали отпуск вместе с четвертью экипажа корабля. К сожалению, Джонимен не потрудился сообщить коку или его помощнику, что он перевел еще двадцать человек на работу в машинное отделение. Джоннимен был простодушен, длина и широта его вселенной могли быть описаны точно так же, как и площадь инженерных пространств корабля. Таким образом, ужин обещал быть удручающе скудным и кое-кто должен был вмешаться.

Криди чуть не хватил удар, когда Гримм спокойно снял с плеч свой капитанский плащ и надел фартук. Но Флоте такое действие никогда бы не было понято. Капитан корабля был его хозяином и правой рукой Самого Бога на Небесах и занимался настолько наиважнейшими проблемами, что второстепенные вопросы, вроде пищи для простых смертных в команде были совершенно недостойны его внимания.

— Я заставлю кого-то другого взять эту обязанность на себя, сэр, — твердил Криди.

— Весь второстепенный персонал уже в отпуске, старпом, — ответил Гримм. — Все остальные руки полностью заняты установкой новых систем и ремонтом. Ты знаешь это.

— Но, сэр, — упорствовал Криди. — Что скажет экипаж?

— Чего они точно не скажут, Байрон, это что-то вроде "мой капитан морил меня голодом, требуя, чтобы я работал без остановки", — сказал Гримм.

Креди поднял руки в бесплодном жесте разочарования.

— Сэр… это неестественно для хозяина судна.

— Вздор. В Олимпийском флоте считается, что капитан должен знать детали каждой должности в команде своего корабля, работая собственными руками, от носа до кормы. Это единственный способ убедиться, что ты знаешь, что нужно каждому матросу от своего капитана, чтобы иметь возможность выполнять свой долг хорошо.

Красивое лицо Криди вскинулось в знак протеста.

— Мы не олимпийцы, сэр.

— Конечно, как альбионцам нам нет необходимости считать, что мы владеем всей мудростью мира. Разве нас не так воспитали, мистер Криди?

— Но… сэр, вы не можете ожидать от меня… брать у вас еду, будто вы очередной кок на камбузе.

— Определенно нет, — серьезно сказал Гримм и протянул второй фартук. — Поскольку у меня все еще только одна рабочая рука, я требую вашей помощи. Снимайте плащ и выше нос, мистер Криди. Эти клубни нужно почистить.

* *

Кеттл, поев, шел по переполненной столовой и нёс свою миску и ложку обратно к стойке выдачи пищи, широко ухмыляясь Криди.

Старпом хмуро взирал на него. В его волосах были кусочки чего-то, возможно, ошметки клубней, и он порезался два раза. Гримм тщательно очистил и перевязал каждый порез, прежде чем отправить молодого офицера работать, но настроение Криди оставалось отвратительным.

— У вас проблема, мистер Кеттл?

— Нет, сэр, — протянул Кеттл. — Просто хотел передать мои комплименты капитану по поводу его капитанства.

— Его капитанства? — переспросил Криди.

Гримм не дал себе расплыться в улыбке.

— Да, сэр, так точно. Мы с экипажем все подтверждаем, что он чертовски превосходный капитан.

Криди разглядывал Кеттла без намека на веселье.

— Ясно.

— Возможно, лучший капитан в небе.

— Я понимаю, — сказал Криди.

— Мы считаем, что мало кто превосходит капитана, — восторженно продолжал Кеттл.

— Вы четко определили свою позицию, мистер Кеттл, — чуть не рявкнул Криди. — Я уверен, капитан ценит это.

Кеттл кивнул и положил миску.

Криди хмуро подхватил ее.

— Итак, кэп, — спросил он совершенно невинно. — А когда Уоллер вернется на камбуз, чтобы вы снова смогли руководить кораблём?

— А что такое, мистер Кеттл? — поинтересовался Гримм. — Кто-нибудь может заподозрить, что вы не одобряете стряпню своего капитана.

— Нет, сэр, — сказал Кеттл. — Вы никогда не услышите, от меня жалоб, сэр. Мне просто гораздо больше по душе ваше капитанство, сэр.

— Помни своё место, Кеттл, — рявкнул, не выдержав Криди. — Почему я должен…

Гримм осторожно положил руку на плечо Криди.

— Полагаю, кок должен вернуться на борт к полуночи.

— Я расскажу остальным, — сказал Кеттл, учтиво кивнул им и вернулся на свое место за столом.

Криди несколько секунд хмуро глядел ему вслед, затем повернулся к Гримму, понизив голос.

— Сэр… люди не должны так открыто критиковать капитана.

— Я не слышал ни слова критики, старпом, — ответил Гримм. Он крякнул от натуги и свалил остатки простого тушеного мяса, которое он сделал из-за того что Уоллер оставил недостаточное количество приготовленной пищи, в огромную миску, в итоге получилась двойная порция, кхм… еды.

— Кеттл просто выразил свое мнение. Этот человек знает как безупречно жаловаться. — Он посмотрел на Криди. — Вы съели несколько кусочков, когда была возможность, Байрон. Я видел. Что думаете о моей стряпне?

Криди внезапно смутился.

— Это было… вполне сытно, сэр. С солью, практически аппетитно.

Гримм рассмеялся и начал убираться.

Криди несколько раз моргнул.

— Сэр… вы хотите сказать, что сделали… это… нарочно?

— Команда — это нечто большее, чем знание протокола, Байрон, — сказал Гримм. — Чья вина в том, что обеда было приготовлено недостаточно?

— Моя, сэр, — сказал Криди. — Я должен был следить за Джонименом, сэр. Его группа была необычайно занята. Есть небольшие основания, чтобы сделать ему выговор.

— По кодексу, может быть. Но мы с тобой оба управляем множеством разных частей корабля, а он — начальник машинного отделения. Он должен чертовски много думать о своих людях и о наёмных рабочих — также много, как и о своих системах.

— Тут… есть серьезное отличие, сэр.

Гримм покачал головой.

— Люди точно знают, что произошло. И некоторые выговоры не имеют ничего общего с кодексом. — Он отнес тарелку с двойной порцией к стойке. — Мистер Кеттл, — позвал он.

Рулевой поднял глаза.

— Да, кэп?

— Шеф не вышел из своего драгоценного машинного отделения на прием пищи. Может вы с несколькими матросами позаботитесь о том, чтобы он присел на минуточку, чтобы поесть.

Кеттл посмотрел на миску с двойной порцией, а затем медленно расцвел в улыбке.

— Так точно, капитан. Он так много работает и заслуживает большего.

Криди следил, как Кеттл поднимает миску и отходит. Практически все в столовой последовали за ним

— Что они собираются делать? — заворожено спросил Криди.

— Предположу, будут наблюдать, как шеф Джонимен проглатывает каждый кусочек без соли, опасаясь их крайнего недовольства, — сказал Гримм. — И всё время будут наседать на

него за то, что он пренебрег основными обязанностями и это стоило им приличной еды.

Молодой офицер нахмурился.

— Сэр… это кажется довольно суровым для него.

— Глупости, старпом, — возразил Гримм. — Пища, технически, была питательной и все насытились. Мы искупили свою вину в их глазах, стараясь устранить проблему в первую очередь. — Он подмигнул Байрону и начал натягивать на себя плащ. — И в итоге, теперь им вряд ли захочется, чтобы их капитан готовил обед, из-за того что кое-кто нарушил правила, не так ли? В конце концов, мне нужен корабль на ходу.

Криди обдумывал это в течении целой минуты.

— У вас коварный ум, сэр.

Гримм поднял взгляд на высокого молодого офицера и голос его посуровел.

— Стратегия и тактика, дисциплина и кодекс необходимы, но это только начало. Вы должны знать людей, Байрон. Как они думают, что движет ими. Смотрите. Учитесь.

Криди долго смотрел на Гримма. Затем серьезно кивнул.

— Я буду.

— Вот и хорошо.

— Вы почти не спали, сэр, — сказал Криди. — Я отстою следующую вахту. Отдохните.

— Хорошо, — согласился Гримм и снова поднял плащ. — Я буду в своей каюте, если понадоблюсь.

Он кивнул Байрону, пытаясь не обращать внимания на всепроникающую боль, которая распространялась из поврежденной руки в каждую клетку его тела, ввалился в свою каюту, повесил плащ и рухнул на койку не утруждая себя раздеванием. Он заснул до того, как слабый запах духов Каллиопы, который все еще держался на покрывале, мог вернуть воспоминания, несчастные или напротив.

* *

Резкий стук в дверь внезапно вырвал Гримма из первого здорового сна за несколько дней, практически сразу. Ему удалось сесть и стереть с подбородка совсем-неподобающую-капитану струйку слюны, прежде чем дверь открылась и Криди просунул голову с извиняющимся выражением.

— Сэр?

Гримм подавил стон. Капитанам не полагалось быть подверженным такой слабости смертных как сон.

— Да, старпом?

— Несколько людей вернулись пораньше с увольнительных, сэр. Говорят, какая-то ситуация с вашими пассажирами, сэр. Беда. Были убиты и ранены люди.

Гримм сразу поднялся с кровати, не обращая внимания на протесты усталого тела. По крайней мере, он все еще был одет.

— Пусть Кеттл и четыре вооруженных человека будут готовы уйти со мной, плюс матросы, доставившие донесение. Доктор Баген с сумкой сопровождает нас. Мы немедленно уходим, получим информацию по пути к группе мастера Феруса.

— Да, сэр, — энергично кивнул Крейди и ретировался из каюты Гримма, выкрикивая приказы на ходу.

Гримм ненадолго достал свою раненую руку из перевязи, чтобы пристойно одеть плащ, затем пристегнул меч на пояс и снова накинул повязку. Проклятая штука причиняла неудобства. В тот момент, когда его рука заработает, он вышвырнет чертову повязку со

Шпиля.

Вероятней всего это произойдет быстрее, чем он сможет поспать хотя бы несколько часов подряд.

Он проверил, что меч плавно выходит из ножен, крепко втолкнул его, нахлобучил шляпу на голову и, не откладывая более, вышел из каюты.

* *

Палубный матрос по имени Харрисон вел их к "Черной Лошади", гостинице с баром. Даже в столь поздний час, далеко за полночь, вокруг собралась небольшая толпа.

— Не знаю, что именно произошло, сэр, — сказал Харрисон. — Но внутри словнс адские души кричали и было что-то похожее на дым от огня.

Еще один член экипажа по имени Беннетт увидел, как они подошли и поспешил к ним, быстро отдавая честь Гримму.

— Сэр. Наблюдал здесь, как только Гарри и остальные ушли, сэр.

— И?

— Никто не входил и не выходил. Двери не открываются, сэр. Но наши пассажиры внутри. Когда я пил там, тот пожилой господин запевал куплеты про фермера-шутника. — Он кивнул в сторону пары охранников в форме возле дверей. Это были молодые люди, в помятой униформе, возможно, наименее ценные в гарнизоне солдаты, раз им доверили лишь позднюю смену. Казалось, они не очень понимали, что делать. — Эти парни, кажется, не в своей тарелке, сэр.

Гримм вздохнул и сказал:

— Абордажный топор, мистер Кеттл.

Кеттл повернулся к одному из подчинённых и поймал утяжеленный абордажный топор, который ему бросили. Это был топор и кувалда, одновременно, предназначенный для разрушения дверей или переборок вражеского корабля, но не для настоящего боя. Гримм рассудил, что он справится и с дверью гостиницы.

— За мной, — приказал Гримм и направился к молодым гвардейцам, Кеттл шел следом.

Они обернулись к нему с недоумением и гневом на лицах.

— Эй, вы, — сказал один из них. — Что еще что такое?

Гримм неотрывно смотрел на молодого человека. В минуты смущения молодые солдаты часто успокаивались рядом с властными личностями, которые знали что делать.

Спина гвардейца слегка выпрямилась и он кивнул.

— Капитан, — тут же поправился он, по крайней мере, с намеком на уважение.

Гримм кивнул в ответ.

— Гвардеец, Мои друзья внутри этого здания. Я смотрю, что двери до сих пор не открыты.

— Они быстро склеились, — сказал второй гвардеец. — Внутри кричат люди, и это поистинне дьявольское мучение слышать их.

— У меня тут топор, — сказал Гримм. — Возможно, вы захотите его использовать.

Гвардейцы переглянулись. Тогда как служба в Гвардии Шпилеарха быть популярна среди отпрысков Великих Домов Альбиона на символический год или два, большинство из постоянных членов были обычными мужчинами и женщинами с разным происхождением и их уверенности в экстремальной ситуации была традиционно низкой.

— Проклятые деревянные двери дорогие, — пробормотал второй гвардеец. — Они стоят месячного жалования.

— Запишите их на счет капитана Гримма, дирижабль "Хищник", — сказал Гримм. — Кеттл.

— Так точно, сэр, — сказал Кеттл. Он четко отсалютовал и уверенно направился к двери.

— Ему можно это сделать? — спросил первый гвардеец второго.

— Гм, — пробурчал второй.

— Гвардейцы, — спокойно сказал Гримм. — Возможно, вам следует следить за открытием двери, чтобы убедиться что никто не пострадал и быть под рукой, чтобы верно оценить ситуацию и оказать помощь по мере необходимости. Господа Беннетт и Харрисон, подойдите сюда, пожалуйста.

Два члена экипажа подошли, отсалютовав.

— Вы с остальными людьми сопровождайте этих двух гвардейцев и помогайте им любым возможным способом. — Он повернулся к стражникам. — Мои ребята действуют согласованно, сэры. Мастер Баген — судовой врач и он сможет оказать помощь всем, кто окажется ранен.

— Хорошо, — сказал первый гвардеец, кивая. — Спасибо за вашу помощь, капитан.

— Но… — начал второй.

— Заткнись, Малки. Людям внутри нужна помощь, — сказал первый. Он повернулся к матросам "Хищника", его поза и выправка стали более уверенными и властными. — Вы все, идите за нами. Малки, убери этих людей от дверей, а? Последнее, что нам нужно, чтобы кто-нибудь подлез под топор.

Гримм наблюдал как развивается ситуация с неким удовлетворением. Когда молодые гвардейцы получили указания, то оказались старательны и достаточно способны. Вероятно, в конечном итоге им придет в голову, что они, по сути, выполняли приказы гражданского лица без каких-либо юридических полномочий, но сейчас они, похоже, были в своей стихии.

Он задавался вопросом, не работает ли кто-то из них скрытно на аврорцев. Это казалось маловероятным, но хорошие шпионы никогда не казались вероятными кандидатами, не так ли?

Он сделал пару шагов назад, когда второй гвардеец отталкивал толпу зевак от дверей гостиницы и наткнулся на женщину, засмотревшуюся на что-то, от толчка она растянулась на земле.

— Ой! — воскликнула она, ее выражение сменялось от изумления до гнева. На ней был прекрасный костюм приглушенного лавандового оттенка подчеркнутый серыми юбками и жакетом-болеро с соответствующей образу шляпой. Это была привлекательная женщина с тонкими чертами лица, вероятно, на несколько лет старше Гримма, с большими серыми без примесей другого цвета глазами и темными волосами.

— Как грубо.

— Мадам, вы совершенно правы, — сказал Гримм. — Я был небрежен и прошу прощения. — Он выпрямился, поклонился, а затем протянул здоровую руку. — Более того, я молю о вашей снисходительности. В своем стремлении следовать инструкциям добрых гвардейцев, боюсь, прежде чем сдвинуться назад, я не удосужился осмотреться. Я совершенно неправ.

Женщина смотрела на него несколько секунд, и у Гримма появилось два неожиданных впечатления: во-первых, она искала в его словах что-нибудь обидное. Во-вторых…

Во-вторых, эта женщина, кем бы она не являлась, была опасна. У него просто волосы на

затылке зашевелились.

Женщина резко сузила глаза, и на безумный миг Гримм задался вопросом, достаточно ли он устал, чтобы случайно произнести свои мысли вслух.

Прошел миг, и женщина натянуто и сдержанно ему улыбнулась.

— Конечно, капитан. Вы ведь капитан дирижабля?

— Так точно, мадам. Капитан Френсис Мэдисон Гримм с "Хищника" к вашим услугам.

Ее широкий выразительный рот слегка скривился.

— О, правда? Меня зовут Сикоракс Кэвендиш. — Она приняла его руку и поднялась. — Спасибо.

— Всегда рад услужить, мадам Кэвендиш, — ответил Гримм.

Она улыбнулась, хотя ее выражение лица осталось пустым, каким-то образом лишенным того, что должна подразумевать улыбка.

— Вы тот самый Френсис Мэдисон Гримм, который взял на себя командование "Опасным" несколько лет назад?

Гримм застыл. Неужели этот проклятый корабль и тот выбор, что он сделал, будут преследовать его до конца дней?

Он полагал, что так и будет. Это было частью той цены, что он заплатил, чтобы исполнить свой долг.

— Тот самый, — подтвердил он.

— О, капитан, — выдохнула мадам Кэвендиш. — Я неоднократно хотела с вами встретиться.

— Тогда вы исключительный человек. Такая дурная слава как у меня обычно не привлекает почитателей, мадам.

— Так и есть, — ответила она, — и как таковая, я прекрасно знаю, что у любой истории есть две стороны. Даже, когда с одной стороны находится Адмиралтейство.

Он адресовал ей безжизненную улыбку, которую уже много лет являл остальным.

— Я молю вас простить грубость простого аэронавта, мадам, но мне больше нечего сказать по этому поводу.

— Мне нелегко устоять, когда такая просьба звучит столь любезно, — ответила мадам Кэвендиш. В ее глазах мелькнуло что-то очень тяжелое и покрытое зазубренными шипами, когда она произнесла эти слова, словно сама любезность как-то ее огорчила. Гримм обнаружил, что борется с внезапным желанием оказаться подальше от этой женщины.

В толпе за её спиной возникло движение, а затем большой мужчина раздвинул плечом несколько человек и подошел к ним. Он был высоким, худощавым урожденным воином, бледная голова была покрыта редкими, седеющими волосами. Он не был красавцем и один глаз слегка косил в сторону, делая его взгляд неуловимым и слегка тревожащим. Когда он увидел Гримма, то издал низкий грудной рык и шагнул вперед, его язык тела говорил об агрессии.

У Гримма не было никакого желания драться с воином. Этот бой нельзя было выиграть по-джентльменски и его инстинкты предупреждали, что любое такое действие будет ошибкой в присутствии мадам Кэвендиш. Когда он взглянул на мужчину, уголок его глаза дернулся.

— Добрый вечер сэр.

Большой урожденный воин нахмурился. Он посмотрел в сторону, быстро взглянув на мадам Кавендиш, или, по крайней мере, так показалось Гримму. Несоответствие глаз

мужчины затрудняло верное определение. Глядя на него Гримм испытал необъяснимое чувство, что смотрит на огромного паука терпеливого и смертельного, ожидающего свою жертву в пределах досягаемости.

В тот момент, когда мужчина отвел глаза, Гримм повернулся на каблуках, наклонился и поднял платок, который мадам Кэвендиш уронила на землю у своих ног.

— Простите, мадам, — произнес он, — но вы, похоже, обронили.

— Совершенно верно, — ответила мадам Кавендиш. Ее темные глаза сверкали ярко, почти с лихорадочной силой.

— У вас отличные манеры, сэр.

— Я уверен мои старые учителя этикета в Академии Флота были бы поражены если бы вы так выразились при них, — сказал он, присовокупляя легкий поклон к словам. В этот момент абордажный топор проломил дверь Черной Лошади люди начали входить. — Прошу извинить меня, мадам Кэвендиш. Я должен присутствовать.

Она протянула руку в перчатке и процедила едва ли не сквозь зубы:

— Конечно, капитан. Разве я могу вам препятствовать?

Гримм наклонился над ее рукой и вежливым поцелуем прикоснулся к её перчатке, хотя в этот момент ему показалось, что его кожа покрылась мурашками вдоль всего позвоночника и стянулась на макушке.

— Мне было приятно встретиться с вами, мадам Кэвендиш. — Он добавил, снова инстинктивно, — Я уверен что смогу убедить гвардейца увести вас в безопасное место, если пожелаете.

Глаза мадам Кэвендиш метнулись к гвардейцам и вернулись к Гримму, слишком настороженные, чтобы быть глазами обычной женщины из высшего света. Выражение её лица застыло, когда она обнаружила, что Гримм наблюдает за ней, а затем скудный намек на улыбку коснулся ее губ. Она наклонила голову к Гримму, как фехтовальщик, признающий поражение.

— Этого не понадобится. Я уверена, мистер Сарк сможет благополучно проводить меня домой.

Огромный урожденный воин издал еще один рычащий горловой звук.

— В таком случае, мадам Кэвендиш, мистер Сарк, я желаю вам хорошего вечера. — Он снова поклонился, затем повернулся и пошел прочь. Он не позволял себе ускорить шаг. Он не знал, кто эти двое, но он определял хищников с первого взгляда и проявлять страх перед такими созданиями всегда было плохой идеей.

Он прошел мимо Малки решительным шагом и уверенно кивнув тому. Молодой гвардеец не сомневался в необходимости его присутствия и Гримм присоединился к Кеттлу у двери гостиницы через мгновение.

Внутри стояла ужасная вонь. Первый этаж здания выглядел и пах как бойня.

— Милосердные Строители, — выдохнул Гримм. — Что здесь произошло?

— Похоже, на них напал шелкопряд, — доложил Кеттл. — И немаленький, сэр. Запечатал двери паутиной и убил много людей.

— Шелкопряд? Здесь? — удивился Гримм. Он скосил глаза на улицу. Хотя здесь было меньше огней, чем можно было ожидать в хаббле Монинг, тут все еще был достаточно светло, чтобы четко видеть объекты в пятидесяти футах от них. — Мы находимся в центре хаббла. Как он смог проникнуть незамеченным?

— Как он догадался запечатать двери и устроить западню для тех кто внутри? —

вопросом на вопрос ответил Кеттл.

— Эти твари не так умны, сэр.

Гримм хмыкнул. Он повернулся, чтобы проверить присутствие мадам Кэвендиш и ее спутника, но их уже след простыл.

— И просто случайно атаковал именно эту гостиницу. Это плохо пахнет, не так ли, мистер Кеттл?

— Даже хуже, чем ваша стряпня, сэр, — подтвердил Кеттл.

Гримм уставился на мужчину.

— Неужели это было так плохо?

Кеттл почесал короткую бородку.

— Неа, полагаю, нет, — ответил он. — Имейте в виду, сотня обедов вроде этого вызвала бы мятеж. Один — просто анекдот.

Гримм коротко усмехнулся.

— Доктор Баген?

— Внутри вместе с остальными, — ответил Кеттл.

Через минуту появился Харрисон и отдал честь Гримму.

— Капитан, доктор Баген передавал свое почтение, сэр, и он говорит, что девушка Ланкастер ранена. Он немедленно должен доставить ее в лазарет.

— Остальные из ее группы?

— Живы и здоровы, сэр, но двое отсутствуют, их послали по делам несколько часов назад.

Гримм кивнул.

— Тогда пусть Баген подготовит девушку к транспортировке. Давайте быстро доставим их обратно на "Хищник". Мы оставим здесь вас имистера Бенетта, чтобы забрать отсутствующих членов группы.

— Сэр, — подтвердил Харрисон и поспешил внутрь.

Гримм посмотрел как мужчина ушел, а затем огляделся, осматривая толпу. Он все еще не находил следов ни Кэвендиш, ни Сарка.

— У вас задумчивое лицо, капитан, — заметил Кеттл.

— Ммм, — протянул Гримм. — Я думал о том, что шпилеарх послал отряд в правильное место.

— Сэр? — переспросил Кеттл.

— Враг здесь, мистер Кеттл, — сказал он, — и он определенно нацелен на нас. Давайте заберем мастера Феруса и его людей отсюда, пока их снова не атаковали.

Глава 40

Шпиль Альбион, верфи хаббла Лэндинг, торговый корабль Альбиона "Хищник"

Гримм с десантной группой возвращались на Хищник и у него было очень неприятное ощущение, что за ними следят. Он шел рядом с довольно пьяным Мастером Ферусом, поддерживая его вместе с сэром Бенедиктом. Старый эфиромант едва мог двигаться по прямой и бурчал под нос отрывки и отдельные слова из похабной песни.

— Капитан, — подал голос сэр Бенедикт. Он шел с другой стороны Феруса, следя, чтобы старик не отставал от команды "Хищника". Он тащил за собой два перегруженных вагончика мастера Феруса.

— Две молодые девушки нашей группы отправились в…

— Я оставил двух человек в Черной Лошади, чтобы они дождались и провели их, когда

они вернутся, — прервал Гримм молодого человека.

— А что, если они не вернутся? — напряженным голосом спросил Сореллин. — Они должны были…

— В этом случае я отправлю поисковую группу, — снова резко отрезал Гримм. — Давайте не будем обсуждать наши планы, сэр, где нас могут подслушать, договорились?.

Юноша нахмурился, но затем, кажется, обдумал сказанное и успокоился.

— Конечно, капитан. Вы правы.

Гримм коротко кивнул и почувствовал как напряжение отпускает его. Молодой Сореллин был урожденным воином и высокородным. В свое время Гримм встретил многих из высшего света — большинство из них были ничем не примечательны во многих отношениях. Те же, кто чересчур кичился своим происхождением, напротив, являлись самыми неприятными людьми на земле, а Гамильтон Рук представлял худшую часть из этой выборки. Гримм не хотел бы иметь дело с Гамильтоном, если бы он был урожденным воином, но этот молодой человек казался более или менее приличным.

Они прошли остальной путь до корабля в тишине и доктор Баген с людьми, осторожно несшими мисс Ланкастер, направились прямо в лазарет.

Мастер Ферус проковылял по трапу на корабль и резко качнулся к лицу Бенедикта.

— Будьте любезны, мою трость, мастер Сореллин.

Сореллин стянул с плеча лямку походного мешка. Прогулочная трость с завернутым в кожу набалдашником была привязана к мешку и Бенедикт сняв ее, передал старому эфироманту.

— Я просто перекинусь парой слов с вашим кораблем, вы не против? — невнятно произнес Мастер Ферус.

Гримм приподнял брови и сказал,

— Как хотите, сэр.

Старик просиял, а затем повернулся и осторожно пошел по палубе, трость в руке придавала немного равновесия его нетвердой походке.

— Ну хорошо, — обратился Гримм к Сореллину. — Что там произошло?

Гримм внимательно выслушал, как молодой человек описал ему атаку шелкопряда в емких предложениях. А под конец он выдал:

— И тогда Гвен заняла позицию прямо перед тварью, которая нацелилась на Мастера Феруса и превратила половину его маленькой головы в кашу. Но у этой дряни хватило инерции, чтобы врезаться в нее и шмякнуть о стену. И еще он успел укусить ее как минимум один раз, прежде чем издох.

— Удивительно, — пробормотал Гримм. — Чтобы пойти на такое, нужна недюжинная отвага.

Сореллин коротко улыбнулся.

— У моей дорогой кузины очень странные отношения со страхом, хотя, как правило, она слишком занята, чтобы беспокоиться об этом.

— Я рад, что остальные в порядке. Враг совершил свою первую ошибку.

— Сэр? — переспросил Сореллин

— Для них было бы разумнее не делать ничего, — пояснил Гримм. — Не давать нам никаких подсказок относительно их присутствия. Вместо этого они напали на Мастера Феруса.

— С помощью… шелкопряда, сэр? — скептически уточнил Сореллин. — Их никто и

никогда не мог приручить.

Гримм взглянул на него.

— Он показался вам прирученным?

Сореллин свел брови.

— Они подсказали нам, что Ферус угроза для них, — сказал Гримм. — Поэтому мы точн в нужном месте.

— Только если это не просто случайная атака существа с поверхности, сэр, — сказал Сореллин. — Это может оказаться совпадением.

— Я лично не верю в эту чепуху, — сказал Гримм и осторожно сжал раненую руку на перевязи. — Хотя вы правы. Мы не должны исключать и такую вероятность. Но сколько крупных существ, по вашему мнению, нападает на людей в центре хаббла Лэндинг?

— Полагаю, мы можем узнать у гильдии Дезинсекторов.

— Прекрасная мысль, — сказал Мастер Ферус, вернувшийся по палубе к ним. — Если происходит что-то странное вроде вражеского отряда в хаббле, они наверняка скрываются в вентиляционных туннелях и в тёмных закоулках. Дезинсекторы будут следующими в списке наиболее осведомленных групп.

— После кого, сэр? — спросил Гримм.

— После кошек, конечно, — сказал Ферус. — Ваше судно довольно безразлично.

Гримм нахмурился.

— Неужели?

— Ужасно, — серьезно сказал мастер Ферус, — но я считаю, что оно понимает важность сотрудничества.

— А, — сказал Гримм.

Что ж, нужно подумать, что можно сделать, чтобы мужественная жертва юной Ланкастер не была напрасной, — сказал Мастер Ферус. — Мастер Сореллин, мы с вами могли бы нанести визит дезинсекторам.

— Но, сэр, — возразил Сореллин, — Бриджит и Фолли все еще там.

— Фолли вполне способна защитить их обоих, если понадобится, — сказал Мастер Ферус, — и время имеет значение. Но полагаю, если вы предпочитаете искать их…

— Я предпочитаю оставаться рядом с вами, сэр, — заметил Сореллин.

Мастер Ферус нетерпеливо махнул рукой.

— Руководителем миссии Шпилеарх назначил меня, или нет?

— Возможно, вы слышали о моих проблемах с начальством, — сказал Гримм. — Мастер Ферус, я считаю, что, возможно, вам слишком рискованно, бродить по хабблу Лэндинг, не принимая особых мер предосторожности. И, конечно же, я считаю, мастер Сореллин прав, не желая оставлять вас.

— А? — удивился Ферус. — И почему же?

— Я встретил кое-кого у "Черной Лошади", когда мы открывали двери, — ответил Гримм. — Женщину, которая показалась мне чрезвычайно странной и довольно опасной. Не было похоже что она вышла на прогулку ни нарядом, ни поздним временем, да и не вела она себя и как обычный прохожий. Ее сопровождал урожденный воин. Кажется они очень интересовались результатами нападения в "Черной Лошади", совершенно не участвуя в обсуждении произошедшего. Подозреваю, что они могут быть агентами аврорцев, либо наняты ими.

Ферус прищурился.

— Странная, говорите? Почему?

— Если она действительно связана с аврорцами, и шпионит здесь, в Альбионе, она должна быть слегка не в себе и иметь лед в венах вместо крови, чтобы просто стоять прямо на месте нападения, — ответил Гримм. Он добавил довольно деликатно, — Эта женщина казалась, по крайней мере, такой же странной, как и вы, сэр, без обид.

— О, не берите в голову, — сказал Ферус. Он задумчиво вгляделся в кристалл на конце трости. — Неизбежно, что по крайней мере один оперативник аврорцев с талантом. Я надеялся, что будет иначе, но… — Он покачал головой. — Вы человек с необычайно проницательной интуицией, капитан Гримм. Что вы еще можете рассказать мне об этом человеке?

Гримм поджал губы.

— Мне показалось, что она неестественно озабочена манерами, сэр. На самом деле у меня сложилось впечатление, что если бы я оплошал, она, скорей всего, выплеснула бы на меня всю ярость или попросила бы своего спутника сделать это от ее имени.

— В этом я не сомневаюсь, — ответил эфиромант с отсутствующим выражением.

— Она сказала, что ее имя Кэвендиш.

Ферус поморщился.

— Итак, теперь она называет себя Кэвендиш.

— Сэр? — переспросил Гримм. — Вы знакомы с этой женщиной?

— Подозреваю, весьма обстоятельно, — ответил Ферус.

— Тогда вы обязательно должны согласиться, что есть здравый смысл удерживать вас здесь для вашей же безопасности, — сказал Гримм. — Если она однажды перешла вам дорогу, почему бы ей не повторить этого снова? На этот раз напрямую. Если рожденный воином убийца застанет вас врасплох в хаббле, даже мастеру Сореллину будет трудно уберечь вас.

— Я услышал вас, капитан, — ответил Ферус.

— И все-таки, — продолжал Гримм, — интересно, что всего за несколько часов до нападения Авроры на Шпиль Альбион меня атаковали неизвестные существа в вентиляционных туннелях, которые оставили яд в моей крови, как это обычно делают шелкопряды. Тогда вы помогли мне. Предполагая, на что вы способны, возможно, вы смогли бы помочь и мисс Ланкастер.

Ферус нахмурился, и его глаза забегали.

— Да… да, мы действительно должны сделать все возможное для мисс Ланкастер. Быть посему. Вы пойдете с Сореллином.

— Гм, сэр, — вставил Сореллин. — Все еще не имею права покидать вас.

— Ах, но я буду здесь и в полной безопасности под присмотром корабля и экипажа угрюмого капитана, — улыбаясь, сказал Ферус. Он наклонил голову в сторону и посмотрел на Гримма. — Поправьте меня, если я ошибаюсь, но, мне помнится, как я спасал вашу жизнь, капитан. Разве нет?

— Совершенно верно, сэр. — вздохнул Гримм.

— И это накладывает на вас определенные обязательства передо мной?

— Накладывает.

— Вы должны мне доверять. Я точно знаю, что делаю. — Старик повернулся и зашагал в лазарет доктора Багена. — Затем он притормозил, оглянулся на Сореллина и сказал, — Прошу вас, юноша, не могли бы вы помочь мне с дверной ручкой? Я никогда не мог

научиться хитрости этих проклятых штукенций.

Сореллин одарил эфироманта нечитаемым взглядом. Затем почти приветливо, слегка устало, улыбнулся и пошел вслед за ним, вернувшись спустя мгновение.

— Поговорим с дезинсекторами? — спросил его Гримм.

— Что прямо сейчас? Посереди ночи?

— Сегодня матка шелкопрядов убила нескольких их соседей, — ответил Гримм. — В настоящее время слухи уже разошлись. Сомневаюсь, что кто-нибудь из них будет спать ближайшее время.

Сореллин хмыкнул и кивнул, и они начали спускаться по трапу. На полпути Гримм поднял глаза, увидев, как Штерн возвращается на "Хищник". Жилистый молодой человек был облачен в грязные рваные лохмотья, покрытые жиром, маслом и сажей. Когда он увидел, что Гримм спускается, то посторонился, чтобы пропустить своего капитана.

— Мистер Штерн, — сказал Гримм. — Что покрывает вас с ног до головы? На мгновение я принял вас за тень.

— Сажа и смазка двигателя, кэп, — осклабился Штерн.

— Я так понимаю, вы прекрасно провели вечер.

— Так и есть, сэр. Все прошло замечательно.

— Рад это слышать, но я не потерплю в моих рядах аэронавтов, расхаживающих в неподобающем виде, словно туннельная крыса. Приведите себя в порядок.

Штерн снова усмехнулся, белые зубы контрастировали с сажей.

— Займусь этим немедленно, сэр.

— Отлично, — обронил Гримм и зашагал к арке, ведущей в хаббл Лэндинг.

Сореллин оглянулся через плечо, когда маленький матрос взбежал по трапу.

— Что это было, капитан?

— Выгодное вложение, — ответил Гримм. — Вы знаете, где штаб гильдии?

— Если они не переехали, — сказал Сореллин.

— Тогда ведите, сэр.

Воин пошел вперед и в этот момент Гримм пристально вгляделся в лицо молодого человека.

— Кажется, вы истощены, сэр. Вы тоже принимали участие в схватке?

— Немного, — скромно сказал Сореллин. — Это Гвен отличилась.

Гримм кивнул.

— Как она?

— Укус сам по себе не нанес больших увечий, но он был ядовит. Возможно сломано запястье, — ответил Сорэллин, безжизненным, но спокойным тоном. — Также ей досталось по затылку, и поэтому она без сознания. На ее голове опухоль. Врач не уверен, сломан ли череп или нет. — Он неприятно улыбнулся, обнажив зубы. — Думаю о случаях, когда я подкалывал ее насчет крепкой головы и несгибаемой шеи. Теперь она едва дышит.

— Держитесь, мастер Сореллин, — с сочуствием сказал Гримм. — Я видел мужчин, которые выздоравливали от сильных сотрясений через день или два. Мистер Баген знает своё дело, да мастер Ферус ведает некоторыми вещами, о которых большинство из нас понятия не имеют. У нас есть все основания надеяться на лучшее.

Воин нахмурился.

— Я не уверен, насколько это утешает, сэр. Мастер Ферус… Не хочу, чтобы прозвучало неуважительно, но этот человек…

— Не может удержать штурвал? — предположил Гримм. — Испытывает нехватку компаса? Летает без защитных очков?

На лице Сореллина мелькнуло выражение удивления и веселья, прежде чем снова сменилось на нейтральное.

— Немного эксцентричный, сэр.

— Вряд ли, — воззразил Гримм. — Он сумасшедший.

Бенедикт свел брови.

— Серьезно?

— Каждый эфиромант, которого я встречал, таков, — сказал Гримм, когда они вошли в шпиль. — Что-то в этих энергиях, с которыми они работают. Они определенно влияют на каждого из них, насколько я видел.

— Вот почему у него сложные отношения с дверными ручками?

— Полагаю, да — сказал Гримм. Он кивнул в сторону двух нагроможденных тележек. — Я видел, как он требовал от своей ученицы ряд странных предметов, бессмысленных для меня, и добавлял их в эту коллекцию, которую он настойчиво заставляет таскать за собой. И вы заметили, что его ученица, похоже, не может напрямую обращаться к кому-либо, кроме Мастера Феруса.

— Она тоже безумна?

— Она кажется довольно милым ребенком, — сказал Гримм. — Но, предположительно, да.

Сореллин обдумывал сказанное несколько шагов.

— Сэр… безопасно ли находится рядом с такими людьми?

— Если бы они были безвредны, подозреваю, Шпилеарх не отправил бы их в зубы Врага, — ответил Гримм. — В этой миссии с любым из нас небезопасно находится рядом, мастер Сореллин, включая вас. Конечно, они опасны. Реальный вопрос заключается в том, можно ли им доверять.

— А… вы доверяете им, сэр?

Гримм помолчал половину квартала, а затем обронил:

— Шпилеарх доверился им. Я тоже готов это сделать.

— Даже не смотря на то, что они безумны.

— Есть сумасшествие и безумие, мастер Сореллин, — проговорил Гримм. — Ферус и Фолли довольно странные и это значительно утешает меня.

— Сэр?

— По моему опыту, худшие безумцы те, кто не кажется странным, — сказал Гримм. — В сущности внешне они вполне спокойны и рациональны. Пока не начнется заварушка. — Он хмуро поймал взглядом глаза Сореллина.

— Позвольте мне сказать так, сэр. Если когда-нибудь вы встретитесь с эфиромантом, который не кажется вам странным, у вас будет достаточно оснований для предосторожности. Эфиромант, который говорит о вещах, которых не существует или не может уследить за днями недели, идет по курсу. Другой, отлично одетый, спокойно разговаривающий и приглашает вас на чашку чая? Этого человека стоит бояться.

Глава 41

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, вентиляционные туннели.

— Разрешите налить вам чаю, сержант Сирьако, — промурлыкала Кэвендиш.

Майор Эспира поправил свою чашку на блюдце, собираясь с мыслями, и унял тревогу в

голосе.

— Мадам, я прошу простить сержанта, но у него есть обязанности, которые он обязан выполнять.

— Ах, — сказала Кэвендиш. — Ну разумеется, долг солдата превыше всего.

Кэвендиш вернулась к плацдарму аврорцев, со своим ручным монстром катящим маленькую тележку. Тележка содержала небольшой складной столик, стулья, скатерть и чайный сервиз, дополненный кипящим чайником для заваривания. Сарк угрожающе нависал с одной стороны стола, за которым Эспира сидел напротив мадам Кэвендиш, а сержант Сирьако стоял позади майора, слегка отодвинувшись в сторону от стула, и внимательно глядел на Сарка.

Эспира старательно игнорировал брызги крови на полу и стенах туннеля, в котором стоял маленький стол. Здесь Кэвендиш и замучила неудачливого дезинсектора. Сирьако с его усиленными чувствами не мог игнорировать при всем желании. Запах крови и ужаса, несомненно, был причиной напряжения сержанта.

— Ступайте, сержант, и проверьте людей, — сказал Эспира. Сирьако был хорошим человеком, но в его нынешнем настроении воин мог высказать что-то слишком резкое, чтобы пережить чай с Кэвендиш.

— Майор — нерешительно произнес Сирьако. Эспира оглянулся, заметив как мужчина перенес свой вес, не отрывая глаз от Сарка.

Сарк, в свою очередь, не смотрел ни на кого. Седой воин просто стоял, расслабившись, будто присутствие вооруженного и опасного рожденного воином напряженного пехотинца имело для него не большего значения, чем цвет ткани, которую он расстелил на столике за минуту до этого.

И пока Кэвендиш находилась здесь, это было не так.

Эспира подавил дрожь.

— Это приказ, сержант, — спокойно сказал он. — Осмотрите людей. Поставьте охранника в начале туннеля, чтобы нас не потревожили. Выполняйте.

Эспира почти слышал, как крошатся зубы сержанта.

— Да, сэр, — выдавил он и, отдав честь, вышел прочь.

— Он кажется слегка невежливым, майор, — неуверенно произнесла Кэвендиш.

— Боюсь, сержант слабо разбирается в тонкостях приличного общества. Кроме того, он был ранен при попытке уничтожить кристальную чановую Ланкастеров, — ответил Эспира. — И подозреваю, он испытывает боль сильнее, чем признает.

— И он полезен вам?

— Незаменим, — заверил он ее.

Кэвендиш отхлебнула чай.

— Полагаю, можно сделать скидку. Он, в конце концов, воинорожденный. Мы не можем ожидать, что они будут поддерживать безупречное самообладание до бесконечности. — Она взглянула на Сарка и пробормотала, — Неизбежно проявляется зверь.

На секунду Эспира как будто увидел в пустых глазах Сарка тлеющий огонь. Кровавые пятна на стенах отражали неверные блики осветительных кристаллов на столике.

— Вы так уверенно об этом говорите, — сказал Эспира. — Чай превосходен.

— Благодарю вас, майор, — сказала Кэвендиш с улыбкой, которую кто-то мог принять за настоящую. — Это моя личная смесь. Я сама ее приготовила.

Эспира изо всех сил старался не допустить, чтобы его улыбка показалась

искусственной. У него было четкое ощущение что он точно не хочет знать что такая сумасшедшая, как Кэвендиш, подмешала в этот чай.

— Мадам, вы очень щедры.

— Это еще предстоит выяснить, — пробормотала Кэвендиш. — Враг здесь, майор.

Эспира поднял брови. Он отхлебнул чай и нерешительно уточнил:

— Этот шпиль дом альбионцев, мадам.

Она нетерпеливо щелкнула пальцами.

— Все население Альбиона не сможет помешать моим планам, — воскликнула она. — Но есть и другие силы, другое сознание, заявляющее свои права на этот хаббл. У него хватит мощи не допустить нас до наших целей, если мы не сможем столковаться.

— Могу ли я предположить, мадам, что это и есть цель вашего визита?

— Очевидно. Пришло время принять меры на случай непредвиденных обстоятельств.

Эспира откинулся на спинку стула, одновременно, обеими руками поставив чашку с чаем.

— Мадам, — медленно сказал он, — время нашей атаки должно быть точным. В противном случае у нас не будет поддержки Армады или каких-либо средств к спасению. Любое выступление, которое мы предпримем до назначенного часа, ставит под угрозу весь план.

Кэвендиш взглянула на него поверх своей чашки и выражение ее лица стало совершенно невыразительным.

- Майор. Я начинаю разочаровываться в вас из-за недостаточной мотивации. Должна ли я изыскать способ увеличить её?

— Мадам, со всем уважением, я должен напомнить вам, что мои люди солдаты, не шпионы. Они хорошо сражаются, но у них нет ни навыков, ни опыта, чтобы достаточно долго сливаться с населением Альбиона. — Он прочистил горло. — Я даже могу предположить, что вы с вашими ресурсами лучше выполните такую задачу.

— Так и было, — спокойно ответила Кэвендиш. — Так мне удалось подтвердить присутствие врага. И, подозреваю, меня опознали, поэтому я с моей нынешней позиции не смею обращаться по этому вопросу лично. У ваших людей все еще будет преимущество неожиданности.

В это время в коридоре раздались шаги и из тени появился лейтенант Ибарра, один из младших офицеров в подчинении Эспиры. Ибарра исчез во время начала вторжения и считался пропавшим без вести, и вот теперь широкогрудый, вспыльчивый молодой дворянин устало, но торопливо шел к ним.

— Майор! — проговорил Ибарра. — Лейтенант Ибарра прибыл для несения службы сэр.

Проклятье. Почему охранники не остановили этого человека? Потому что молодой офицер приказал им пропустить его, конечно же. Чертовы юные горячие головы.

— Лейтенант, я сейчас занят.

Ибарра выглядел напряженным, кожа вокруг глаз немного побледнела, но ухмыльнулся и окинул Кэвендиш развратным вожделеющим взглядом.

— Я вижу это, сэр. Ранг имеет свои привилегии, а? Могу ли я позволить себе одну из них на зарплату лейтенанта?

— Лейтенант, — рявкнул Эспира.

— Как грубо, — мурлыкнула Кэвендиш. Ее улыбка лучилась абсолютным

наслаждением.

Она щелкнула пальцами. Только это.

Глаза Ибарры, внезапно распахнулись, наполненные ужасом и через мгновение мужчина начал кричать, не останавливаясь. Его руки взметнулись к глазам и, прижав ладони к черепу, он пошатнулся и рухнул на землю как подкошенный.

Кэвендиш понаблюдала за ним безжизненными, бесстрастными глазами.

— Не терплю хамства.

Ибарра продолжал вопить, когда Эспира опустил чай и бросился к молодому человеку.

— Стража! — проревел он.

Эспира уже видел такое. Он отчаянно навалился на запястья Ибарры, но, несмотря на все усилиия, не смог отнять руки молодого человека от глаз.

Охранники появились мгновенно, но они не успели — Ибарра вырвал глаза своими собственными пальцами, безумно воя от ужаса.

По приказу Эспиры и с его помощью двум пехотинцам удалось оторвать руки Ибарры от лица и связать их за спиной, но кровавые дыры на месте глазных яблок мальчишки истекали кровью к тому времени, когда они закончили.

— Отведите его к доктору, быстро, — отрывисто сказал Эспира. Затем он бросил взгляд на Кэвендиш.

Безумная эфиромантка смотрела на него сквозь сощуренные глаза, на губах танцевал намек на улыбку. Она, понял он, наслаждается собой и ждет его реакции.

— Это было так необходимо, мадам? — проворчал он.

— Это полностью зависит от вас, майор, — пробормотала Кэвендиш. — И насколько вы мотивированы. Скольких ваших людей еще посетят такие ужасы, прежде чем вы решите сотрудничать? Вам решать.

Эспира заскрежетал зубами. Он был с наручем. Будет ли у него время направить его и выстрелить, пока Кэвендиш сможет…

…что? Щелкнуть пальцем?

И даже если ему удастся убить ее, что скажет на это Адмиралтейство Армады? Кэвендиш был их любимицей.

Эспира почувствовал, как опускаются его плечи.

— Хорошо, — сказал он, и собственный голос показался ему жалким. — Сколько?

— Шестерых будет достаточно.

Шесть. Шесть человек. Если он отправит их на охоту Кэвендиш, все что угодно может произойти. Он с тем же успехом мог просто подписать им смертные приговоры.

Но на данный момент… какие варианты у него были?

Он сжал зубы и кивнул.

— Кого я должен приказать им убить?

Она подняла чашку и сделала еще один глоток чая, быстро скрыв тень улыбки.

Глава 42

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, неподалеку от таверны "Черная Лошадь"

Бриджит заметила вывеску "Черной Лошади" и, ощутив облегчение, сразу забеспокоилась, что что-то очень-очень неправильно.

У здания собралась толпа. Передняя дверь была выбита с петель и ее ошметки валялись на земле. Почти дюжина безмолвных, неподвижных человеческих фигур, лежали в ряд на земле, покрытые окровавленными простынями, вокруг них сновало множество гвардейцев в

форме.

Бриджит быстро схватила Фолли за руку и потянула ее за ближайший угол, скрывший от них "Черную Лошадь".

— Ой, — удивилась Фолли. — Я думала, что Бриджит и я возвращаемся к учителю в таверну. Но теперь мы прячемся в темном переулке. Интересно, зачем мы это делаем?

— Разве ты не видела? — спросила Бриджит.

Подмастерье эфироманта хмуро уставилась на свою банку кристаллов.

— Один из вас должен рассказать Бриджит, что я наблюдала за тем, чтобы никто из вас не выпал на обратном пути.

— Я присмотрю за ними минутку, Фолли, — сказала Бриджит. — Ты должна взглянуть.

Фолли благодарно улыбнулась ей, а затем подкралась к углу и внимательно осмотрела таверну. Через мгновение она с сомнением отчиталась.

- Я понимаю, о чем она говорит. Но не знаю, что это значит.

— Что-то случилось, — проговорила Бриджит. — И мы не знаем, что. Но каковы шансы, что столько насилия произойдет в той же самой таверне, где расположилась наша группа?

— Ой, я не могу сказать определенно, без дополнительных данных, — серьезно сказала Фолли. — Если бы я знала, количество постоялых дворов в хаббл Лэндинг и общий процент насильственных инцидентов за статистически значимую продолжительность…

— Фолли, — прошептала Бриджит. — Там трупы. И мы не знаем, кто они.

Фолли молча смотрела на Бриджит в течение нескольких секунд. Затем ее глаза расширились и кровь отхлынула от ее лица.

— Она думает, что один из них может быть моим… её другом гвардейцем? — Она сглотнула. — О, я уверена, что мне вообще не нравится эта мысль. Мы не должны спешить с выводами. Как мы можем быть уверены, что это трупы?

Бриджит взглянула на кота на своем плече.

— Роул?

— Я чувствую запах смерти, — сообщил Роул.

Бриджит заставила себя дышать медленно и размеренно, хотя ее сердце трепетало от мысли, что некоторые из фигур под простынями могут оказаться ее друзьями. Она попыталась решить проблему с беспристрастной рациональностью.

— Один из нас должен пойти посмотреть, — пробормотала она. — Возможно, мастер Ферус и другие просто внутри. Мы обязаны знать, что произошло.

— Конечно, — сказала Фолли, кивая в свою банку. — Бриджит так умна. Ох, только… если поблизости есть враг, он может наблюдать за таверной. Мы раскроем себя ему.

— Я пойду, — спокойно сказал Роул.

Бриджит снова заглянула за угол.

— Это неблагоразумно, Роул. Там с полдюжины дезинсекторов. Видишь чешуйчатые плети, кожаную форму и сапоги? Они могут недоброжелательно отнестись к присутствию кота посреди хаббла.

Из горла Роула вырвалось ворчание. Дезинсекторы с незапамятных времен охотились на кошек и наоборот. Несмотря на то, что в хаббле Монинг существовал альянс между ними, кошки и дезинсекторы поддерживали лишь минимальную связь, чтобы этот альянс функционировал. Ни одна из групп не доверяла другой. Она и понятия не имела, какими могут быть эти отношения в хаббле Лэндинг.

— Для того, чтобы навредить мне, — сказал Роул, в высшей степени самонадеянно, — сначала им нужно узнать, что я был там. — С этими словами он легко спрыгнул на землю и исчез в глубине переулка.

— Ох уж этот высокомерный маленький монстр, — пробормотала Бриджит.

— Не волнуйся, — сказала Фолли в свою банку. — Я уверена, Роул будет очень осторожен.

Бриджит вздохнула.

— Он даже на одну десятую не так умен, как считает.

— Вы не должны осуждать Бриджит за эти слова, — пробормотала Фолли. — Она просто очень напряжена и я не могу обвинять ее в этом. Я тоже не хочу, чтобы кто-то, кто мне дорог, был мертв. Думая об этом, я чувствую, как мой желудок скручивается в шар и укатывается.

Бриджит скорчила мину.

— Идея пробраться тайком никуда не годится. Те гвардейцы носят ту же форму, что и я. Еще бы я была в этой форме. Я могла бы просто подойти к ним и задать несколько вопросов.

— Может, Бриджит не помнит, что Шпилеарх был обеспокоен тем, что в рядах гвардейцев могут быть вражеские шпионы.

— Или могут не быть, — парировала Бриджит. — Предатели не представляют реальной угрозы для Шпиля Альбиона. Они не настолько опасны — или ядовиты — как страх.

Фолли хмурилась, не поднимая глаз.

— И все же, что выберет Бриджит? Если эта ситуация является результатом действий врага и у врага есть соглядатай в Страже, разве не логично предположить, что он будет присутствовать здесь, наблюдая и докладывая своим аврорским хозяевам?

— Логично, полагаю. — вздохнула Бриджит. — Но мне и не должно это нравится.

— О, — повеселела Фолли. — Я чувствую облегчение, что она чувствует тоже самое, мне показалось, я одна это ощущаю.

Бриджит отодвинулась от угла пока кто-нибудь не заметил ее, и поймала себя на мысли, зачем молодой девушке предпринимать какие-либо скрытные действия в этих ужасных событиях, вместо того чтобы спокойно подождать.

Роул вернулся через десять минут, спокойно возникнув из теней и присел, чтобы забраться на колени Бриджит.

— Я знаю, — опередила его Бриджит. — Ты же мне говорил.

Роул сложил хвост кольцом вокруг лап и лучился самодовольством.

— Что ты видел?

— К мертвым я не смог подобраться, — сказал Роул. — За ними слишком внимательно наблюдали. В каменном ящике очень большой шелкопряд. Он полностью мертв. Дух смерти пересиливает все другие запахи. Я не смог идентифицировать тела. Я слышал стоны многих раненых людей в каменном ящике, но внутрь ведет только одна дверь, и она была слишком уж набита и хорошо освещена, чтобы рисковать. Даже люди увидели бы меня.

— Гниль и тлен, — разочарованно воскликнула Бриджит.

— Ох! — Глубоко вздохнула Фолли и попыталась прикрыть банку кристаллов руками, как будто зажимая уши ребенка. — Так грубо.

— Прошу прощения, — сказала Бриджит. — Это просто… усталость и переутомление.

Фолли серьезно кивнула.

— Все просят прощения, но я никогда не видела прощения. Это близко к грусти?

Бриджит моргнула, затем слегка встряхнула головой, чтобы разогнать странные мысли.

— Фолли, нам нужно обдумать наши следующие шаги.

— Хорошо, — откликнулась Фолли. — Что будем делать?

Роул смотрел на нее, ожидая решения.

Бриджит чувствовала давление двух пар глаз и ощутила тяжесть в груди. Каким-то образом она стала лидером. Как это произошло?

— Мы сделаем разумный, осторожный шаг, — сказала она. — Мы не знаем, где находятся остальные и пострадали ли они или находятся в опасности. В любом случае, мы плохо подготовлены к тому, чтобы помочь им, если это так, к тому же вероятность того, что вражеские агенты обнаружит нас,

слишком велика. Мы отправимся на "Хищник" и попросим помощи у капитана Гримма, вернувшись с ним к Мастеру Ферусу и другим.

— Разумно, — одобрил Роул. — Я смогу отследить опасность с вершины корабельного дерева.

— Да, — согласилась Фолли. — Мне этот план тоже нравится.

— Хорошо, — кивнула Бриджит. — Так. Это было не сложно, не так ли? — Она на мгновение закусила губу. — Роул, сможешь найти для нас обходной путь мимо "Черной Лошади", чтобы нас не заметили?

— Конечно, смогу, — промурлыкал Роул, явно довольный, вставая. — Подождите, пока я обеспечу нашу безопасность и успех.

Кот растворился и вернулся, чтобы отвести их глубже в переулок и через волнующе узкий проход на соседнюю от "Черной Лошади" улицу. Они шли молча, а кот разведывал дорогу впереди их, его усы и уши трепетали в поиске потенциальных угроза.

Когда они вышли к арке, которая вела к деревянной верфи, напряжение начало отпускать Бриджит. Она была слишком измучена, чтобы выносить такую нервотрепку. Как только они вернутся на "Хищник", она сможет сообщить все что разузнала капитану Гримму, и, возможно, присесть на несколько минут, дав отдых ноющим ногам.

И она была совершенно не готова, когда высокая, худощавая фигура отделилась от тени лишь в шаге или двух от Фолли и внезапно схватила ее за горло обеими руками. Глаза Фолли широко распахнулись, но у нее не было шанса даже пискнуть. Только что она шла, а в следующее мгновение ее глаза закатились и колени подогнулись.

Бриджит лишь секунду пялилась на нее, пытаясь сосредоточиться, чтобы противостоять новой угрозе. Внезапно она вспомнила про наруч и подняла его, изо всех сил пытаясь мысленно активировать кристалл на ладони — только чтобы вдруг почувствовать, как ее волосы схвачены железной хваткой и что-то холодное, пугающее и острое прижато к ее горлу.

— А теперь, мисс, — прорычал человек с резким аврорским акцентом. — Опустите свою руку или я достану до ваших мозгов этой штукой.

Бриджит колебалась, сжав зубы и рука дернула её голову назад. Она внезапно увидела ужасную картину своей головы, насаженной на нож и, запаниковав, опустила руку.

— Переулок, — проворчал мужчина и Бриджит, практически обездвиженная, обнаружила, что они углубляются в темный переулок прочь из поля зрения охраны перехода на верфи.

Первый атакующий перехватил Фолли за заднюю часть её курточки одной рукой и потащил за собой поникшую фигуру. Её маленькая банка израсходованных кристаллов упала

на землю, за ней последовал странный пистолетный ремень. В переулке ожидали другие люди и один из них подхватил упавшее снаряжение Фолли, как человек, прибирающий беспорядок. Руки Бриджит быстро оказались за спиной, а в рот заткнут тряпичным кляпом.

Ее сердце колотилось в полной панике, усталость улетучилась.

Раздался тихий шепот на аврорском. На него раздраженно ответил захватчик Бриджит. Появился маленький люмин кристалл, удерживаемый в пальцах человека, которого она не знала. Примерно лет тридцати, с редкими темными волосами и оливковым оттенком кожи. Его глаза были темными и с очень, очень тяжелым взглядом. Он поднес свет к её лицу, а затем к Фолли, находящейся без сознания и что-то пробормотал себе под нос.

Первый голос ответил ему и Бриджит узнала его, прежде чем свет от маленького кристалла осветил черты этого человека. Это был Сирьяко, воинорожденный сержант-аврорец, захвативший ее в туннелях хаббла Монинг.

Мужчина прищурился, увидев ее.

— Снова ты.

Невысокий человек нахмурился, осмотрел их и проговорил на альбионском.

— Вы знакомы, сержант.

— Девица была одной из тех, с кем у нас возникли проблемы.

— Простите что так говорю, — тотчас сказал он, — но личико у нее не особо кукольное.

— Это другая, — ответил Сирьако.

— Ага, — сказал низкий. Что-то в нем кричало Бриджит — "офицер". Очевидно, он был начальником воинорожденного. — Тогда нет особой необходимости оставаться инкогнито, раз она тебя узнала.

Сирьяко хмыкнул.

— Милая девушка, — сказал офицер. — Надеюсь, вы поверите мне, если я скажу, что действительно сожалею о необходимости вашего задержания. Он кивнул двум другим мужчинам в переулке, и они бесшумно пробежали, очевидно, намереваясь разведать старшему безопасный отход, как только что Роул разведывал для них.

— Куда вы нас тащите? — потребовала ответа Бриджит или попыталась потребовать. Кляп заставил её голос звучать как приглушенное эхо из отдаленного туннеля.

Лицо офицера помрачнело. Он, похоже, понял ее вопрос, несмотря на кляп. Возможно, у него был опыт. Холодно он ответил:

— К кое-кому, кто хочет поговорить с вами. Сержант, возьмите странную малышку. Если эта молодая леди пытается убежать или издать какие-то звуки, перережьте горло её подруге.

— Да, сэр, — сказал Сирьяко. Он снова поднял связанную и бесчувственную фигуру Фолли за её курточку и вытянул нож другой рукой.

Бриджит почувствовала, как ее глаза защипало слезами от полного разочарования.

— Я сожалею о необходимости таких мер, юная леди, — сказал офицер. — Но умоляю вас не проверять мою решимость. Это будет стоить вашей подруге жизни, если вы это сделаете. Понимаете?

Бриджит закрыла глаза, устыдившись, что показала мужчине свои слезы. Она кивнула.

— Прекрасно, — удовлетворенно сказал офицер. — Молодая леди, меня зовут майор Ренальдо Эспира из аврорской морской пехоты, и вы — вы обе — с этого момента считаетесь моими пленницами.

Глава 43

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, гильдия Дезинсекторов

Гильдия Дезинсекторов находилась на верхнем уровне хаббла Лэндинг и Гримму было как-то очень неудобно, ходить по улицам, сделанным из чего-то отличного от шпильного камня.

Черный камень, из которого были построены шпили, был практически неразрушим и выдержал испытания временем на протяжении тысячелетий, но Строители забрали с собой секрет своей работы, когда исчезли из этого мира. Современные архитекторы тоже были искусны, но когда что-то рушилось в хаббле, оно неизбежно было сделано из внутренней кладки.

Гримм понимал, что выглядит смешным. Господь на Небесах ведал, что он без особых проблем шагал по гораздо более хрупким деревянным конструкциям, как на "Хищнике", например, и на платформах Лэндинга. Однако здесь ему казалось, что каменная кладка под его ногами прогибается и слегка сдвигается с каждым его шагом.

Приемная гильдии располагалась в узком переулке и если бы не Бенедикт, Гримм мог даже пройти мимо этого переулка. Потрепанная деревянная дверь с жалкими остатками чешуйчатых веревок врезанных в неё, полиняла от времени. Один маленький осветительный кристалл висел на шнуре, закрепленном высоко над дверным проемом.

С помощью этого света Гримм разглядел на стене рядом с дверью плакат. Он гласил: "Без разрешения не входить". Второй плакат, поменьше, висевший сразу под ним утверждал: "Нет, у вас нет разрешения."

— Дружелюбно, — заметил Гримм.

Бенедикт натянуто улыбнулся.

— Они зациклены на себе. И им это нравится. Поэтому я не уверен, зачем здесь кристалл.

— Это теневой свет, — тихо сказал Гримм. — Некоторые из моих людей ставят такой же, когда мы теряем члена экипажа. Чтобы осветить койку, где его тень сможет отдохнуть.

— В основном язычники, — предположил Бенедикт.

— Это традиция, — сказал Гримм. — Если бы традиции были рациональными, это стало бы правилом. — Он слегка коснулся света, а затем сказал, — Нам всем как-то надо отмечать приход Жнеца. — Он тут же нахмурился.

— В таверне были дезинсекторы, когда напал шелкопряд?

— Нет, — ответил Бенедикт.

— Угу, — кивнул Гримм. — И сколько из этих людей, по вашему мнению, погибло за последний год?

— Немного, — сказал Бенедикт. — Они профессионалы.

— Я не верю в такие совпадения, поэтому предлагаю считать эту смерть связанной с нашими текущими проблемами.

— Согласен. — ответил Бенедикт.

— Значит, — сказал Гримм, — это то, что профессиональные следователи называют нитью.

— Как ставший волей случая следователем Шпилеарха, — сказал Бенедикт, — я считаю, что вы правы.

Гримм кивнул.

— Отлично.

Затем он повернулся и тяжело и уверенно постучал в дверь.

* * *

Главой гильдии был человек по имени Феликс. Он был седым и невысоким, всего на несколько дюймов выше Байарда, друга Гримма, и сходство на этом заканчивалось. Феликс был коренастым имассивным, его нос покраснел от лопнувших сосудов, а глубоко посаженные глаза тяжелым взглядом следили за собеседником из-под густых бровей. Он был одет в штаны и мундир из плотной кожи с подходящими к облику перчатками, заткнутыми за пояс рядом со свернутым в кольцо чешуйчатым бичом, оплетенным по всей длине металлическими кольцами вперемежку с железными чешуйками, похожий на свернувшуюся гибкую змею. Гримм видел такие раньше. В умелых руках они могли раздирать плоть пострашнее механической пилы.

— Господа, — тихо проворчал Феликс. — У меня нет времени на глупости. — Он кивнул в сторону двери в главный зал гильдии, где на столе лежала фигура, накрытая тканью. — Сегодня мы потеряли одного из наших и, кроме того, пострадали обычные люди в нашем хаббле. Чего вы хотите?

Гримм секунду обдумывал сказанное, а затем кивнул Бенедикту.

— Сэр, возможно вы не помните, но мы встречались около двух лет назад, — отозвался Бенедикт. — Тогда я был в форме гвардии. Я допрашивал одного из ваших членов гильдии насчет украденных оружейных кристаллов.

Феликс на секунду взглянул на Бенедикта, а затем неохотно проворчал:

— Сорелло, верно? Тот, кто сломал дверь.

— Сореллин, — поправил Бенедикт. — Да, сэр.

— Я помню вас, — кивнул Феликс.

— Я снова участвую в расследовании, сэр, — сказал Бенедикт. — И нам нужно поговорить с вами о любой необычной активности, которую ваши подчиненные, возможно, заметили после рейда аврорцев.

Дезинсектор скорчил кислую мину.

— Вы имеете ввиду что-то кроме потери человека и гниющего матриарха шелкопряда, прорвавшегося через половину хаббла?

Бенедикт терпеливо улыбнулся.

— Там десятки жертв, сэр, некоторые мертвые, некоторые ранены, а некоторые балансируют на краю. Среди последних моя шестнадцатилетняя двоюродная сестра, Гвендолин, которую я очень люблю. — Его улыбка внезапно испарилась, а кошачьи глаза затуманились и засверкали янтарем и золотом. В голосе молодого человека прорезались угрожающие нотки. — У нас у всех был длинный вечер, сэр.

Феликс мгновенно напрягся, одна рука переместилась к рукоятке хлыста.

Бенедикт никак не отреагировал на это, словно не подозревая о враждебных намерениях собеседника. Только глаза выдавали его. В них тлел гнев и Гримм сделал себе заметку. Молодой мастер Сореллин представлялся спокойным и общительным юношей из высших слоев хаббла Монинг, но Гримм в свое время встречал достаточное количество опасных людей.

Чтобы безошибочно распознать одного из них в Бенедикте Сореллине.

Гримм посмотрел на Феликса. То, что произойдет дальше, зависело от того, увидел ли Феликс в молодом человеке то же, что и Гримм.

Феликс был не дураком. Он хмыкнул, отвернулся и небрежно увеличил дистанцию

между собой и грозным воинорожденным. Он поднял кружку, допил содержимое одним глотком, прежде чем вернулся к ним и посмотрел на Гримма.

— Это кто?

— Мой товарищ, — спокойно сказал Бенедикт.

Феликс снова хмыкнул, разглядывая их по очереди.

— Он флотский. Так? — фыркнул дезинсектор. — О, в гражданской одежде, конечно. Но эти мальчики могут ходить голышом и все равно не избавятся от мундира. Он прищурился, глядя на Бенедикта. — Вы тоже не в форме. Гниль и плесень, что этот старик из Монинга снова задумал?

— Вы правда хотите это знать? — спросил Бенедикт.

— И погрузиться в это с головой? — вздрогнул Феликс. — Упаси Господь, нет. У меня итак достаточно проблем.

— Умно, — сказал Гримм.

— Я бы хотел осмотреть останки вашего человека, если это возможно, — произнес Бенедикт.

Феликс пожал плечами и махнул головой.

— Располагайтесь.

Бенедикт кивнул в благодарность и удалился в соседнюю комнату. Он приподнял ткань. Гримм не мог видеть большую часть фигуры под ней и порадовался этому. То, что удалось разглядеть, было ужасно разорвано и искалечено.

Феликс не смотрел в ту сторону. Он уставился на свою кружку, крутя ее в сильных, усеянных шрамами руках.

— Как его звали? — тихо спросил Гримм.

— Моберли, — так же тихо ответил глава гильдии. — Гаррис Моберли.

— Сколько лет?

Феликс поморщился.

— Двадцать.

Гримм кивнул снова.

— Семья?

— Жена, брат, мать, — сказал Феликс. — Жена на сносях.

Гримм сочувственно вздохнул и потряс головой.

Феликс кивнул в ответ. Затем поднял глаза на Гримма.

— Приходилось?

— К сожалению.

Феликс выдавил кривую усмешку.

— Налить?

— Обязательно.

Дезинсектор плеснул из бутылки в свою кружку и, достав с полки такую же, повторил движение. Затем быстро поднял свою кружку к Гримму, тот ответил тем же. Выпили. Запах алкоголя был не особенно хорош, но он явно был крепким. Кеттлу бы понравилось. Гримм осторожно глотнул.

Феликс мельком взглянул в глубь комнаты, затем отвел глаза.

— Как это произошло? — спросил Гримм.

— Моберли был на задании, выполняя контракт в одиночку, — сказал Феликс. — Против правил. Без партнера работать не разрешается. Но, ожидая ребенка, он хотел

заработать побольше денег. Шелкопряды достали его.

— Прядильщики? Несколько?

Феликс прочистил горло.

— Детеныши. Матриарх, вроде той, в "Черной Лошади", откладывает до пятидесяти яиц в день. Один детеныш для Моберли не стал бы проблемой. С шестью или семью он с трудом, но справился бы. С несколькими сотнями….

Гримм содрогнулся.

— Нехороший конец. Вы уверены, что именно это убило его?

— Их пасти оставляют характерные отметины, сложно ошибиться. Не обязательно замерять и высчитывать.

— Значит ничего подозрительного? — уточнил Гримм.

Феликс дернул плечами.

— Все чисто.

— Что будете делать дальше?

— Прошерстим туннели, как только соберем парней. Займемся этими выродками до того, как они вырастут. Скоординируемся с гильдиями выше и ниже хаббла Лэндинг, убедимся, что не случилось заражения.

— Сложная работа?

— Трудная, — сказал Феликс. Глаза его ожесточились, хотя голос оставался тихим. — Но мы сделаем это.

Гримм кивнул.

Бенедикт вернулся из комнаты. Он снова накрыл тело Моберли.

— Детеныши? — спросил он Феликса.

— Мы увидели то же самое, — сказал Феликс. — Так много яда, у него не было шансов.

— Я так не думаю, — сказал Бенедикт. — Раны неправильные.

Феликс впился взглядом в молодого воина.

— Как это?

— Кровь, — ответил Бенедикт. — Свернулась в ранах.

— Кровь всегда так делает, — воззразил Феликс.

— К чему вы клоните, Бенедикт? — вмешался Гримм.

— Я не думаю, что ваш человек Моберли был жив, когда эти твари грызли его. Он недостаточно кровоточил к этому времени.

— Недостаточно кровоточил? — переспросил Феликс. — Что это значит?

— Полагаю его сердце не билось, когда на него накинулись детеныши, — серьезно сказал Бенедикт. — Вы обратили внимание на его шею?

— Шею?

— Для уверенности стоит проконсультироваться с врачом, — сказал Бенедикт, — но, думаю, кто-то сломал ему шею. Чисто.

Гримм поджал губы.

— А потом подбросил шелкопрядам?

Бенедикт молча кивнул.

— Зачем? — хрипло спросил Феликс. — Зачем кому-то понадобилось такое делать?

Бенедикт посмотрел на Гримма.

— Что скажете?

Гримм поболтал жидкость в своей кружке.

— Думаю… им пришлось убить его.

— Им? Им кому? — нетерпеливо спросил Феликс.

Глаза Бенедикта расширились в понимании.

— Моберли приблизился к аврорцам. Он их видел.

Гримм резко кивнул и встал.

— Аврорцы здесь, в хаббл Лэндинг. — Он повернулся к Феликсу. — Говорите, Моберли выполнял контракт?

— Да. — ответил глава гильдии.

Гримм сжал челюсти и почувствовал, как его рука упала на рукоять меча.

— Где?

Глава 44

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, вентиляционные туннели

Роул с безупречным профессионализмом продвигался в тени за группой мужчин, которые схватили Мышонка и ее странную подругу. Это, конечно, означало, что его не заметили те, кто не должен был.

Целиком и полностью вина за эту ошибку лежала на Мышонке. Она ясно попросила его обнаружить любую вероятную опасность впереди. Однако ничего не упоминала об опасностях, предостерегающих их сзади и Роул предположил, что эти двое будут достаточно умны, чтобы избежать преследования и нападения, и не будут вести себя словно пара глупых туннельных мышей. Поэтому он опередил их, рассудительно определяя опасности, и это было определенно ошибкой Мышонка, раз она не приняла надлежащих мер предосторожности, чтобы наблюдать за своим тылом, в то время как Роул был занят наблюдением абсолютно повсюду.

В тот самый момент, когда он услышал, что получеловек-воин и тот что поменьше, оказавшийся главным, схватили Мышонка и её подругу, было уже слишком поздно предупреждать их или выкинуть какой-то фортель, не разоблачая себя. Враги имели наглость собраться большим количеством, чем Роул смог справиться всеми четырьмя лапами.

И теперь ему пришлось красться за этими людьми, что схватили Мышонка и спокойно планировать как они умрут.

Они спешили подальше от основных человеческих поселений в вентиляционные туннели на южной стороне хаббла и Роул держался рядом. В воздухе витали знакомые запахи и ощущения и Роул вдруг понял, что они где-то рядом с туннелем, где он сражался и уничтожал шелкопрядов, которые пытались нанести вред Мышонку.

Значит…

Значит ли, что это и было тем посланием, которое Наун из Девяти Когтей пытался донести до Роула? Эти существа с поверхности были на его территории, как и вторгшиеся люди из шпиля Аврора?

Это бы многое объясняло. Если шелкопряды действительно находились под контролем врагов племени Мышонка, они становились серьезной угрозой для кошек. Когда люди охотились на них, кошки просто растворились в бесконечных туннелях. Они двигались гораздо быстрее и тише, чего люди, при всем желании, не смогли бы повторить и избегали встреч очень легко.

Однако, люди с шелкопрядами — это был совсем другой клубок ниток. Жуки в значительном количестве, могли стать опасностью Девяти Когтям, преследуя их в туннелях,

в которые неуклюжие люди не могли проникнуть или не использовали. Хуже всего, если они начнут двигаться по вертикальным шахтам так же легко, как и по горизонтальным туннелям, обеспечивая себе огромное преимущество в мобильности.

Особенно, они будут представлять угрозу для котят Девяти Когтей. Один шелкопряд, поразив детскую, мог убить потомство целого поколения. Действуя сообща, они могли заставить кошек бежать в туннели, где люди используют свои наручи и большие орудия.

Роул подавил рык. Неудивительно, что Девять Когтей держали свой выводок рядом. И, конечно же, Наун не мог просто попросить Роула о помощи — любому коту это было ясно как сумерки. Наверное, он должен был объяснить Мышонку важность гордости главы клана и абсолютной независимости. Естественно, она не понимала этого сама, но что еще можно было ожидать? Она была человеком.

Воины, которые схватили Мышонка, заставили ее пойти с ними в скопление туннелей, которое Роул почувствовал сразу, опасаясь войти. Там были наблюдатели, скрытые часовые, невидимые в темноте, спрятанные даже от его глаз, по крайней мере, с такого расстояния. Но его инстинкты предупреждали, что они, безусловно, были там.

Роул вжался в особо темный угол и только успокоился, чтобы более внимательно рассмотреть туннель, когда что-то мягкое коснулось его усов, заставив развернуться на месте и обнажить клыки и когти, приготовившись сражаться и умереть.

Тень всколыхнулась и пара зеленых глаз медленно и беззаботно заморгала от него всего лишь в нескольких дюймах. Раздалось низкое, насмешливое мурлыканье и небольшая самка аккуратно обернула хвост вокруг лап.

— Мирл, — сказал Роул, не повышая голоса громче, чтобы люди не смогли их услышать. Он с досадой стегнул хвостом.

— Я мог тебя убить.

— Сначала ты должен был меня заметить, — сказала Мирл, невыносимо довольная собой. — О, могучий Роул.

Он надменно взглянул на нее, затем сел и пригладил шерсть.

— Что ты здесь делаешь?

— Дежурю, — ответила Мирл. — Маул и Лонгтинкер отправили меня по следу. Это и привело меня сюда. Или ты думаешь, что я пришла броситься к твоим лапам и просить о любви?

Роул легонько потерся своим плечом об ее, чтобы сгладить резкость слов.

— У меня нет времени на игры этой ночью.

— Я видела, — сказала она, садясь рядом с ним. — Они забрали твоего человека.

— Они взяли двоих, — сказал Роул с отвращением, — и они ответят за это.

— Несомненно, — согласилась Мирл. — Но я изучала оборону аврорцев. Не думаю, что есть варианты подойти ближе понаблюдать, не будучи замеченным.

— Почему? — спросил Роул.

— Самая темная сторона крыши, — подсказала Мирл. — Тридцать когтей вглубь.

Роул пристально всмотрелся в то место на которое она ему указала. Наконец, там сформировалась смутная фигура и слабый блеск сверкающих глаз.

— Шелкопряд, — тихо пробормотал Роул. — Взрослый.

— Остальные охраняют каждый проход, — сказала Мирл. — Мы не сможем приблизиться к твоим людям, незамеченными.

Роул один раз махнул хвостом влево и вправо. Этого было достаточно, чтобы разобрать

ситуацию. Затем он поднялся.

— Мирл, — произнес он

— Да?

— Я попрошу сделать для меня кое-что.

— Неужели?

— Да, — сказал он. — То, о чем я попрошу не приказ. Ты не обязана этого делать. Я могу справиться и без тебя.

Мирл посмотрела на него веселыми зелеными глазами, но ее голос оставался серьезным.

— Само собой, ты можешь, Роул.

— Это нужно было прояснить.

— Так и есть, — подтвердила Мирл.

Роул кивнул.

— Отлично. Эта проблема имеет один или два аспекта, которые ниже достоинства кошек. Необходимо рассказывать людям, что здесь происходит. Хочу попросить тебя об этом.

— Люди слишком глупы, чтобы понимать обычную речь, — сказала Мирл. — Я должна найти кого-то и почесаться об него, пока он не побежит в нужном направлении? Тогда, надеюсь, у него хватит ума заметить?

— Не должно возникнуть трудностей, — успокоил её Роул. — На деревянном корабле с высокими деревьями есть люди. Поскольку их единственная цель перевозить меня, я объявил его своим и пометил. Обратись к воину с двумя красными полосками на рукаве и довольно большой шляпой. Он не такой тупой как остальные.

— Кажется не сложно, — согласилась Мирл.

— Но важно, Мирл, — тихо сказал Роул. Он пристально посмотрел на нее и повторил, — Очень важно для меня.

Мирл откинула голову.

— Ты мне доверяешь это сделать?

Роул фыркнул.

— Это подходящая задача для Вибриссы. А я принц. И у меня есть дело для принца.

— И что же за дело? — полюбопытствовала Мирл.

— А разве это не очевидно? — Роуз поднялся и величественно направился в нужный туннель. — Я собираюсь покорить Девять Когтей.

Глава 45

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, Торговый корабль Шпиля "Хищник"

— Каждый человек должен быть вооружен и одет в броню, — сказал Гримм Криди, только ступив на палубу. — Каждый, мистер Криди, кроме Джонимена и его наемных рабочих. Они пусть продолжают работать на корабле.

— У нас чуть больше половины снаряжения из того, что было перед первой атакой, сэр, — сказал Криди, быстрым шагом следуя рядом с Гриммом. — И если появится целый батальон аврорских пехотинцев…

— Значит важно поймать их в туннелях, чтобы они не смоли использовать свое преимущество против нас.

Криди немного побледнел, но кивнул.

— Да сэр. Это улучшает дело. Немного. Но даже так…

— Расслабьтесь, Байрон. Я не собираюсь биться с ними насмерть. Мы просто подтвердим их присутствие — всего лишь разведка боем. Их охрана, очевидно, достаточно хороша, чтобы поймать даже того, кто наизусть знает местные туннели, вроде неудачливого дезинсектора, путешествующего в одиночку. Я хочу найти их, но не хочу попасть к ним в лапы как тот бедный парень.

— И когда мы найдем их, сэр?

— Ведем бой достаточно долго, чтобы получить представление об их численности, разрываем контакт, оставляем посты в туннелях, через которые они могут сбежать и запрашиваем подкрепление у Шпилеарха. Разделите экипаж на группы по пять человек, назначьте им командиров и донесите до командиров задачу. Выполняйте.

Криди стремительно отсалютовал.

— Да, капитан. — Затем он резко развернулся и направился в трюм, где большинство членов команды спали, либо работали над переоборудованием систем "Хищника", выкрикивая приказы на ходу.

Гримм прошествовал к своей каюте, снял плащ с плеч и посмотрел на раненую руку. Все сводилось к тому, подумал он, что ему могут понадобиться обе руки и наруч в следующие несколько часов и он в любом случае устал от проклятой неудобной перевязи. Поэтому он забросил её подальше в угол и на пробу согнул руку.

Болело, но совсем не так сильно как он ожидал, ощущения был необычные — тянущее чувство, словно каждый мускул в его предплечье невыносимо свело судорогой и только сейчас начало отпускать. Он поморщился и потер запястье, но решил, что рука, даже если она несовершенна и неудобна, в порядке. Не медля, он открыл запертый шкаф, закатил рукав и нацепил наруч. Раны под повязками болели, но обмотки из ткани не окрасились алой свежей кровью. Это было уже кое что.

Гримм накинул капитанский китель, нахлобучил шляпу и вышел из каюты, сразу заметив людей, собирающихся на палубе. Он повернулся направо и увидел, как сэр Бенедикт сидит перед дверью больничной каюты мистера Багена. Он подошел к молодому гвардейцу и кивнул.

— Ферус там?

Бенедикт кивнул в ответ. Его неестественные золотые глаза были пустыми.

— Они уже заканчивают.

— Как там мисс Ланкастер?

— Они не сказали, — тряхнул головой Бенедикт.

Гримм поджал губы и снова кивнул. Баген был не из тех врачей, чтобы трепаться о том, чего он не знал. Человек, который предпочтет промолчать, а не питать ложные надежды тех, кто ждет новостей о перспективах его пациентов. Впрочем, он никогда не скрывал плохих новостей.

— Тогда есть надежда, сынок, — сказал Гримм. — Если бы она умирала, Баген так бы и сказал.

Бенедикт выдавил слабую улыбку и с благодарностью кивнул. Выражение беспокойства не покинуло его лица, но напряжение спало.

Через мгновение дверь затряслась и Бенедикт практически набросился на неё, спеша открыть.

— Спасибо, мой мальчик, — прощебетал Мастер Ферус и поторопился выйти. Он повернулся, закрыл дверь перед довольно испуганным вытянутым лицом мистера Багена и

добавил, — Простите меня. — Затем пристально принялся разглядывать деревянную стену.

— Ух, — наконец произнес он, сияя. — Я не привык хвастаться, капитан Гримм, но должен сказать, что по-моему, я отлично справляюсь.

Гримм прочистил горло.

— Как состояние девочки?

Ферус повернулся к нему с поднятыми седыми бровями.

— Девочки, сэр? Вы когда-нибудь убивали матриарха шелкопрядов?

— Намек понятен, сэр, — ответил Гримм с легким поклоном. — Как состояние мисс Ланкастер?

— О, она будет в порядке, — небрежно сказал мастер Ферус. -

Если, конечно, проснется.

— Что? — недоуменно спросил Бенедикт.

— Она без сознания, — ответил Ферус, его голос посуровел. — И доктор Баген и я уверены, что ее состояние стабильно, но удар по голове был серьезным, хотя у нее нет никаких признаков сотрясения. Вполне возможно, что она уже будет сидеть через некоторое время. Возможно также, что она никогда не пробудится. Мы просто не можем знать.

— Ох, — очень слабо выдавил Бенедикт. — Ох, ох, кузина. — Он сглотнул и моргнул несколько раз. — Можно мне ее увидеть?

— Конечно, — ответил мастер Ферус. Он потянулся к дверной ручке и немного подергал её. Затем вздохнул и сказал с сожалением, — Они работали, когда я был молод. Должно быть механизм изменился.

— Несомненно, — сказал Гримм и открыл дверь для сэра Бенедикта, который вошел внутрь и еле слышно заговорил с доктором Багеном. Гримм закрыл дверь и повернулся к Мастеру Ферусу. — Сэр Бенедикт говорил мне, что вы сможете отыскать нашего врага, если я доставлю вас в приблизительное его местонахождение.

Ферус запустил костлявую руку в редкие седые волосы и рассеянно кивнул. — Да, вполне вероятно. — Затем моргнул.

— Хотите сказать, что знаете где искать, капитан Гримм?

— Я так считаю, — подтвердил Гримм. — Я хочу выйти и найти их, как только мои люди подготовятся. И прошу вас присоединиться к нам.

— Да, да, само собой, — забормотал Ферус, размахивая рукой. Его глаза остановились на, казалось, случайной точке на палубе корабля. — Хотя… боюсь, сейчас мы никуда не пойдем.

Гримм слегка наклонил голову.

— Нет? Почему же?

Ферус внезапно застыл. По его лицу прокатилась волна различных эмоций и затем словно медленная дрожь прошла по спине. Он медленно повернулся, указывая одеревеневшим пальцем на трап.

— Нам не нужно искать Врага. Она пришла к нам.

Гримм повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как мадам Кэвендиш спокойно остановилась на трапе в шаге от палубы, аккуратно сложив руки на борт. На ней было лавандовое платье со стальным отблеском и болеро с серыми вставками и подходящей по цвету блузкой лавандового же цвета. Она носила шляпу под щегольским углом на заколотых волосах, а кристалл размером с большой палец крупного человека нежно светился в центре бархатного колье вокруг её тонкой шеи.

Ее глаза сосредоточились исключительно на мастере Ферусе, даже когда она не еще видела его из-за борта, как будто точно знала, где он будет стоять задолго до того как увидела воочию.

Эти безжизненные серые глаза мгновение задержались на Ферусе, а затем Кэвендиш улыбнулась. Гримм подумал, что никогда не видел более жестокого выражения на человеческом лице.

Затем она повернулась к Гримму, и её улыбка напомнила ему о заряженном наруче, готовым выстрелить.

— Капитан Гримм, — произнесла она. — Приятно снова видеть вас, сэр. И какой прекрасный корабль. Разрешить взойти на борт для переговоров?

Гримм слегка повернул голову к мастеру Ферусу, стараясь не отводить глаз от Кэвендиш.

— Сэр? — тихо сказал он. — Может схватить её?

— Вы не сможете, — хриплым от волнения голосом сказал Ферус. — У вас нет подходящих инструментов.

Гримм нахмурился. -

Думаете, мы должны вести с ней переговоры?

— В имя Милосердных Строителей и Всемогущего Бога, нет, — пробормотал Ферус. — Ей нельзя доверять. Предложите ей чай.

Гримм поджал губы.

— На каком основании?

— Она в невыгодном положении, капитан, или её вообще бы здесь не было. Она или хочет поговорить, или просто нападет. Давайте посмотрим, что она скажет.

— Она опасна для моих людей? — спросил Гримм.

Мастер Ферус коротко ощерился.

— Для всех людей. Пригласите её взять чай пока ветер не сменился. — Он коснулся руки Гримма и одними губами прошептал. — И, капитан. Постарайтесь быть любезным.

Гримм секунду хмуро смотрел на старого эфироманта, прежде чем кивнуть. Затем обернулся, снял шляпу и изобразил безупречный вежливый поклон.

— Разрешение предоставлено, мадам Кэвендиш. Приветствую вас на борту "Хищника". Могу ли я соблазнить вас чашкой чая?

Кэвендиш поднялась на палубу корабля Гримма и ее улыбка не то чтобы стала шире, но как будто бы заострилась.

— Почему бы нет, какое любезное предложение. Да, капитан, чаю было бы замечательно. Чай мне очень понравится.

Гримм поборол необычное ощущение явного страха и предложил женщине свою руку. Она взяла её и это прикосновение заставило его почувствовать, словно плоть отчаянно съеживается, пытаясь избежать контакта с пальцами женщины.

Но он не позволил проявиться этому ни в осанке, ни в голосе.

— Прошу сюда, мадам. Осмелюсь спросить, вы предпочитаете чай с сахаром или медом?

Глава 46

Шпиль Альбион, верфи хаббла Лэндинг, Торговый корабль Альбиона "Хищник".

Гримм, как правило, не был склонен к экстравагантности. Тем не менее, довольно неплохой чайнику него имелся.

Прибор специально изготовленный для использования на борту дирижаблей, подключался к электрической системе корабля с помощью двух тонких медных штырей. Электричество поступало в катушку, встроенную в медный чайник, и нагревало воду до идеальной температуры меньше чем за минуту, немедленно отключаясь, когда вода закипала. Поскольку это была дорогая модель, у нее даже была шкала сбоку, чтобы регулировать точную температуру воды.

Гримм нагрел воду, затем кинул листьев и позволил им покипеть несколько секунд. Затем он принес чай к столику в своей каюте, за которым сидели мастер Ферус и мадам Кэвендиш.

— О, это модель Федори, из Шпиля Джеризи? — с интересом спросила Кэвендиш. — Я хотела такую, потому что приходится часто путешествовать, но у немногих дирижаблей есть отдельные пассажирские каюты, подключенные к электрической сети.

— Боюсь, что-то вроде потакания моим слабостям, — ответил Гримм. — Я могу пропустить прием пищи, если необходимо, но я просто не могу обойтись без хорошей чашки чая после полудня.

— По крайней мере, в этом мы с вами сходимся, капитан, — уверенно сказала Кэвендиш.

— Окажите нам честь, мастер Ферус? — сказал Гримм.

— Почему бы и нет, конечно, — сказал Ферус. Он налил чай, его лицо ничего не выражало.

— Боюсь, сливки у меня не первой свежести, — сказал Гримм. — Но, кажется, вы сказали, что предпочитаете чай с медом, мадам?

— Прошу вас, — сказал Кэвендиш, протягивая свою чашку Гримму. Он зачерпнул остатки довольно дорогого меда из керамической банки и положил в предложенную чашку на блюдечке. — Мастер Ферус?

— Сахар, если не затруднит, — спокойно сказал Ферус.

Гримм поухаживал за ними, добавил немного того и другого в свой чай и отставил блюдце, давая немного остыть кипятку, то же проделали его гости.

— Должна заметить, — произнесла мадам Кэвендиш. — Учитывая нововведения, сделанные для получения простых радостей среди трудной жизни на дирижаблях, вроде таких вот электротехнических изделиях как ваш прекрасный чайник, тут есть огромный потенциал, который может быть внедрен и в образ жизни жителей Шпиля.

— В более спокойном мире, может быть, мадам, — сказал Гримм.

— О?

— Энергетические кристаллы — ценный ресурс, — пояснил Гримм. — Учитывая время, необходимое для их производства, они почти всегда предназначены для использования на борту дирижаблей, а расширение военно-воздушного флота любого Шпиля в сегодняшнем беспокойном мире является несомненным приоритетом.

Глаза Кэвендиш лукаво поблескивали, едва ли соответствуя теме их разговора.

— Большая утрата бедных граждан Шпиля, для служения и защиты которых, эти самые дирижабли и предназначены, полагаю.

— Необходимость выживания, мадам Кавендиш, имеет преимущество перед комфортом.

— Что, похоже, не касается капитанов дирижаблей, — сказала Кэвендиш.

— Примите во внимание интересы компании Федори. Подумайте, как быстро их

магазины начнут расти, если они смогут обеспечить поставки на столь большой рынок. И кто знает, какие еще продукты могут стать доступными? Обеспечение граждан шпилей может способствовать новой эре мира и процветания.

— Неплохо сказано, Кора, — пробормотал мастер Ферус. — Я почти поверил, что ты говоришь на полном серьезе.

Кэвендиш подняла нос и легонько фыркнула.

— Ты всегда думал худшее обо мне, Эфферус.

— И редко ошибался, — парировал Ферус.

— Ваше мнение кажется совершенно верным, — ровно проговорил Гримм, — в теории. Но боюсь, что однажды оно разобьется о суровые реалий жизни.

Кэвендиш не отрывала глаз от мастера Феруса.

— Веское замечание, капитан. Как и многие теории.

Мастера Феруса даже не передернуло от слов женщины, но Гримм заметил медленную, долговременную боль, отражающуюся на лице эфироманта. Старик поднял взгляд на Кэвендиш.

— Ты же знаешь, нам не обязательно вести себя в таком ключе. У будущего много ответвлений.

— Нет, Эфферус, — возразила мадам Кэвендиш.

Гримм был поражен язвительностью, которую этой женщине удалось вписать в два слова. Яд капал с них так явно, что он чуть было не проверил пол под её креслом в поисках повреждений.

Мастер Ферус вздохнул и кивнул.

— Значит ты так и не научились Видению, я полагаю.

— Возможно, у меня был плохой учитель, — спокойно ответила она. — Но со временем я научилась созидать будущее, которого желаю.

— Ох, Кора, — сказал Ферус. — Вот значит как ты считаешь? Созидание?

— Строить новый мир всегда трудно, мой старый друг, — ответила она. Легкая улыбка коснулась углов ее рта. — Как было бы забавно, если бы это было легко?

Будучи верным сыном Альбиона, Гримм более или менее знал момент когда его чай можно будет пить не боясь обжечься. Он потянулся к своей чашке, а остальные двое одновременно с ним повторили движение. Все отпили из кружек.

Кэвендиш на мгновение закатила глаза от удовольствия, затем распахнула их.

— Тогда перейдем к делу, не против?

— Конечно, — сказал мастер Ферус. — Где ты предлагаешь начать переговоры?

Кэвендиш удивленно подняла бровь.

— Ох, Эфферус. Боюсь, вы меня неправильно поняли. Я здесь не для переговоров.

— Тогда, осмелюсь спросить: зачем вы пришли, мадам? — спросил Гримм.

Кэвендиш сделала еще один глоток.

— Это лист Дубайн, не так ли?

— У вас отличный вкус, — ответил Гримм. — Мой вопрос остается в силе.

— Я пришла за коллекцией Эфферуса.

Старик застыл на своем кресле. Он попытался скрыть изумление еще одним глотком чая, шумно проглотил.

— И что же именно заставило тебя поверить, что я отдам тебе её?

Кэвендиш приятно улыбнулась.

— Потому что, если ты этого не сделаешь, две прекрасные молодые женщины из вашей команды как раз доели свой последний обед.

Ферус на мгновение вперился в свой чай.

— И если я отдам её тебе, ты их отпустишь?

— Простите меня, — сказала Кэвендиш Гримму, — Боюсь, что Эфферус страдает первыми признаками старческого маразма, как я уже объясняла ему, это не переговоры. — Она повернулась к старику и медленно и четко проговорила. — Они у меня. Я могу их убить мыслью. Если ты не отдашь мне свою коллекцию, немедленно и без протеста, я это сделаю.

— А потом? — спросил Ферус, неприятно скрипучим голосом.

— А потом, если вы цените их жизнь, я буду продолжать делать именно то, что мне нужно, без вашего вмешательства. Я, возможно, даже пощажу их, когда моё дело будет закончено.

— Я знаю тебя, Кора, — сказал Ферус. — Ты даешь слабую надежду на их выживание.

Ее глаза ожесточились, превратившись в осколки стекла.

— Нет, Эфферус. Я предлагаю вам лишь абсолютную уверенность в их смерти.

Старик опустил свою голову и промолчал.

Кэвендиш немного откинулась на спинку кресла с довольным выражением лица.

— Конечно, ты не должен этого делать. Ни одно дитя не стоит результатов вашего похода. Все, что тебе нужно, это задать себе один простой вопрос, Эфферус.

Ох? — произнес старик. — И какой же?

— Хватит ли у тебя духу принести в жертву двух учеников за раз?

На этот раз старик вздрогнул, словно от удара.

— Простите, — пробормотал Гримм и встал с чайником, чтобы поставить его на плиту. Он достал ситечко для заварки из чайника и вылил воду из кувшина с фильтром, а затем промыл чайник. После поставил чайник обратно и протянул руку в шкаф, закрывая собой руку от сидящих за столом.

— О, военное решение, — произнесла Кэвендиш.

Гримм оглянулся на нее. Она не отрывала глаз от мастера Феруса.

— Капитан, — сказала Кэвендиш, — вы можете достать этот пистолет, если хотите, но вы пожелаете смерти, прежде чем сможете наставить его на меня или нажать на курок.

— Вы враг Шпиля Альбион, мадам, и активный союзник его противников. Разумеется, я считаю, что именно вы направили аврорские эсминцы в атаку на верфи.

Кэвендиш наклонила голову, ее лицо лучилось от удовольствия, хотя глаза по прежнему не отрывались от Феруса.

— Это работа того паука на вершине Шпиля, не так ли? Он всегда отличался ловкостью выбора способных агентов. Я удивлена, что он осмелился включиться.

— Как же мало ты знаешь об Эддисоне, Кора, — тихо промолвил мастер Ферус.

Ручка спрятанного пистолета Гримма приятно холодила его пальцы. Он приготовил его на случай, если бы Каллиопа напала на него, если и не неожиданно, то, по крайней мере, внезапно. Только дурак попробовал бы атаковать эфироманта наручем. Лучшим оружием, доступным для такой задачи, было более простое, даже коварное, огнестрельное подходило вполне.

— Я уверен, что вы с вашим умом понимаете мою дилемму, мадам.

— Да, — сухо ответила Кэвендиш. — Только вы недостаточно проницательны, чтобы проникнуться ситуацией. Или вы серьезно полагаете, что я взошла на ваш корабль, не приняв

надлежащих мер предосторожности?

— Будьте так добры, посвятите в детали, — попросил Гримм.

— Если я невредимой и без происшествий не покину это судно в ближайшие четверть часа, наблюдатели, размещенные поблизости, предупредят моих союзников и эти две девочки умрут ужасной смертью.

Гримм спокойно рассматривал Кэвендиш, взвешивая все варианты.

Женщина была явно опасной и одаренной. Мастер Ферус, например, очень осторожно относился к ней. Гримм не сомневался, что она прикажет казнить мисс Тагвинн и мисс Фолли без эмоциональных переживаний, словно спрашивая еще одну чашку чая. Она несомненно была умна. Гримм мог допустить, что она приняла меры предосторожности, чтобы предотвратить нападение на себя.

А значит…

Он терпеть не мог тех, кто бесчувственно использовал молодые жизни в угоду своим интересам. Она была меньше семи футов от него. В мгновение ока он мог бы достать пистолет и разрядить его, а затем немедленно приказать своим людям прошерстить доки и схватить глаза и уши Кэвендиш, прежде чем те смогут сообщить аврорцам. Информацию можно было бы получить от них же и немедленно организовать спасательную операцию для девушек.

Такой ход имел мало шансов на успех, но судя по реакции Феруса на Кэвендиш, он подумал, что, по крайней мере, вероятность спасти юных леди, оставив их на милость мадам Кэвендиш равнозначна риску.

Она могла сказать правду о своей способности немедленно остановить его. Эфироманты могли совершать подвиги, которые поразили бы большинство людей. Но подтверждений тому не было. Разве у него не было обязательств, по крайней мере, попытаться уничтожить этого врага в своем родном Шпиле?

Он сощурился. Кроме того. Никто не отдает ему приказы на борту его корабля.

Его рука сжала рукоятку пистолета и он начал поворачиваться, одновременно доставая его из скрытой кобуры наружу.

— Стойте, капитан, — пронзительно выкрикнул мастер Ферус, — Не стреляйте.

Ферус тоже не смотрел на него. Гримм почувствовал некоторое раздражение. Эфироманты или нет, эти люди должны, черт побери, по крайней мере, взглянуть на него, чтобы знать, что он делает.

— Она говорит правду, — продолжал Ферус, уже тише, почти шепотом. — Вы не сможете выстрелить и почувствуете кое-что похуже смерти, если попытаетесь.

Рот Кэвендиш внезапно растянулся в широкой улыбке.

Ферус покачал головой.

— Буду вам признателен, капитан, если вас не затруднит доставить пару тележек из моей каюты на палубу для мадам Кэвендиш.

— Сэр? — встревоженно спросил Гримм.

— Если не ошибаюсь, Шпилеарх приказал вам содействовать моему заданию, сэр, — тихо сказал Ферус. — Не так ли?

Гримм медленно выдохнул. Затем разжал пальцы и опустил руку.

— Все верно.

— Какие мы все цивилизованные, — сказала Кэвендиш. Она поставила блюдце и чашку и поднялась, сложив руки перед собой. — У меня есть носильщики неподалеку, они

управятся с тележками, Эфферус.

Мастер Ферус встал вместе с ней и коротко кивнул.

— Да будет так. — Он подождал, пока она повернулась к двери, а затем тихо произнес, — Сикоракс.

Мадам Кэвендиш остановилась и оглянулась на него.

— Если хоть волос упадет с головы этих девочек, мир покажется тебе недостаточно большим, чтобы спрятаться от меня.

Она невозмутимо повела подбородком.

— Я не из тех, кто прячется, старик.

Ферус сжал зубы. Затем взглянул на Гримма и кивнул.

Гримм сопроводил Кэвендиш из кабины на палубу, отдав по пути несколько коротких приказов. Две маленькие тележки, наполненные, казалось бы, случайными предметами, спустили по трапу к паре нанятых носильщиков из одной местной фирмы, расположенной неподалеку.

Кэвендиш, улыбаясь, проводила их взглядом и поправила манжеты рукавов.

— Капитан Гримм, — промурлыкала она. — Сделайте себе одолжение. Поживите немного подольше. Оставайтесь на своем корабле. Не пытайтесь следовать за мной.

— Я сделаю то, что нужно, сударыня, — сказал Гримм. Он вежливо поклонился и принял в ответ довольно задумчивый кивок. Затем она спустилась по трапу и отправилась восвояси.

В тот момент, когда она скрылась из виду, Гримм развернулся на каблуках и быстро вернулся в свою каюту.

— Мастер Ферус, мы выходим с командой немед…

Он прервался на полуслове. Старый эфиромант лежал на полу, свернувшись клубком, схватившись за живот. Он качался, словно в агонии, плача безмолвными слезами.

— Я не могу, — прорыдал он. — Не могу. Больше нет, угрюмый капитан, я беспомощен.

Гримм подошел к старику и опустился на колени.

— Мастер Ферус. Вы меня слышите?

— Слышу и это неважно, — закричал Ферус, визгливо, словно на него давил огромный вес. — Я не буду…, ни к чему…, ох, мне нужны тринадцать игл и шарик из воска. Штыри, кусок зеленого мела и два левых тапка.

Гримм еще несколько раз моргнул. Коллекция старика. Вот о чем он болтал? Зачем?

Очевидно, подумал Гримм, по той же причине, что и Кэвендиш настаивала на том, чтобы он отказался от неё: для старика это, должно быть, было что-то вроде тотема или фетиша. Он был разбит и нуждался в своей коллекции, чтобы прийти в норму, точно так же, как Фолли нуждалась в своей банке с кристаллами для общения с окружающими — и так же, как мадам Кэвендиш казалась одержимой соблюдением этикета. Это безумие, кажется, следовало за каждым эфиромантом, которого он когда-либо встречал. Их сила, похоже, требовала свою цену.

— Фолли всегда собирала их для меня. Собирала каждый раз идеально. Теперь она во тьме и я ошибся, отправив её туда. — Глаза старика найдя Гримма, прояснились на секунду. — Вы должны найти её. Вы должны уберечь её.

— Я найду, — твердо сказал Гримм, — конечно найду.

Ферус схватился за него. Он постарел лет на двадцать. Его руки дрожали.

— Обещайте мне, капитан.

Гримм взял руки старика в свои и сжал их.

— Всё что в моих силах. Клянусь.

Ферус один раз кивнул, а затем его лицо исказилось в новой агонии и он крепко зажмурился, что-то бормоча себе под нос с безумной скоростью.

Гримм покачал головой, просунул свою здоровую руку под стариком и поволок того на свою койку. Затем медленно выпрямился.

Он намеревался сделать то, что пообещал Ферусу, — но все его силы мало чего стоило, если не знать, где её применить. План опирался на руководство Феруса чтобы найти Врага. Как он мог найти Врага, определить где держат молодых женщин и спасти их, оставаясь при этом незамеченным?

Он потушил осветительные кристаллы в своей каюте и тихо вышел, оставив лихорадочно бормочущего Феруса. Враг был здесь, в Лэндинге, но он не знал, где конкретно. Хоть они и были в затруднительном положении, однако он не знал каковы их планы или где они могут ударить. Он унаследовал гору незнания, когда старик стал вдруг недееспособным, а если действовать наугад, жизнь этих двух девушек окажется под угрозой.

Мисс Тагвинн, решил он, была солдатом на службе у Шпилеарха Пожертвовать ей во благо Шпиля могло оказаться скверной и неизбежной необходимостью. Послушница эфироманта была гражданским лицом, но она также была глубоко вовлечена в это дело и служила Шпилеарху. Но он не мог разбрасываться жизнями, кроме самых крайних случаев.

Руки Гримма сжались в кулаки от бессилия.

Что ему делать?

Кеттл огромными шагами поднялся на мостик и быстро отсалютовал.

— Кэп, — сказал он. — Здесь кошка. Проклятое маленькое животное только что пробралось на палубу.

Глаза Гримма остановились на рулевом.

— Покажи мне.

Глава 47

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, вентиляционные туннели

Пойманная и связанная Бриджит тихо сидела и кипела от злости. Это раздражало куда сильнее, чем в первый раз и было почти так же неудобно.

Она покрутила запястьями, вернее попыталась, пробуя ослабить кожаные ремни, связывающие их, и снова ничего не добилась, лишь еще больше содрала кожу и почувствовала боль в плечах от напряжения.

Она выпятила нижнюю губу и сдула с лица несколько прядей. Волосы, выбившиеся из косы, медленно сводили её с ума, но от рук, связанных за спиной, надежно зафиксированных к поясу и оттуда, к туго стянутым щиколоткам, помощи ждать не приходилось.

Её усилия ни к чему не привели.

Она почувствовала ужасный ком разочарования, поднимавшийся из живота к горлу и знала, что причина тому настоящий страх. Сердце бешено забилось и слезы навернулись на глаза. Она напрасно изо всех сил пыталась бороться с ними.

Всё, чего она желала в этот момент, быть с отцом дома и в знакомых местах. Вместо этого ей грозила вполне осязаемая смерть здесь.

А еще рядом не было Роула.

При этой мысли она не смогла сдержать тихий, короткий стон. Бриджит свирепо потрясла головой. Конечно, такое отчаяние было глупым. Если бы Роула схватили, он,

несомненно, не смог бы помочь ей. Будучи на свободе, он, конечно, обратиться за помощью и она вполне могла надеяться на выживание.

Если он был на свободе.

Если Враг не добрался до него.

Она прогнала из мыслей сковывающий страх и заставила себя вспомнить все уроки выживания. Сначала она должна была оценить свои перспективы.

Хоть Бриджит и связали, она, по крайней мере, была цела. Никто не ранил и не бил её, учитывая все обстоятельства, это давало определенные надежды. Она оказалась в заперта в темноте вентиляционного туннеля, один выход из которого был забаррикадирован огромной кучей сломанной кладки неподалеку от места, где она сидела. Наруч отобрали, как и нож с кошельком, но её похитители обращались с ней хорошо и не забрали одежду — еще одна милость. Высокий воиннорожденный, раненный Гвендолин в хаббле Монинг, настаивавший на том, что он убийца, а не насильник, был одним из тех, кто завязывал узлы, когда ее привели сюда.

Из входа в туннель, перегороженного легкой конструкцией из брезента на каркасе проникал слабый свет. Этого грана освещения, едва хватало, чтобы можно было разглядеть контуры камеры, однако разглядеть свою спутницу, лежащую безмолвным кулем на полу рядом с ней, Бриджит не могла.

— Фолли, — тихо попыталась Бриджит еще раз. — Фолли. Ты очнулась?

Фигура рядом с ней не шелохнулась. Бриджит услышала слабый, безнадежный стон, едва ли человеческий, словно от невыразимого горя. Бриджит видела, как люди забирают вещи Фолли, пока та лежала без сознания. Час спустя, Бриджит слышала, как она пришла в себя, шевельнулась на мгновение, издала безумные звериные звуки, а затем тихо заплакала в безмерном отчаянии.

И теперь она просто лежала.

Бриджит чувствовала себя ужасно усталой и ничего не желала так сильно, как лечь на бок и поспать. Но, хоть она и была неопытным агентом Шпилеарха, понимала принцип такой работы достаточно хорошо, чтобы знать, что уютно лежать в тот момент, когда она и Шпиль находятся в таком ужасном положении, будет, как минимум, непрофессионально.

Бриджит на секунду закрыла глаза, хотя это едва ли имело особое значение, и устроила себе мозговой штурм. Что еще у нее было в распоряжении?

Спустя мгновения она заморгала. Усилия того стоили. Она вспомнила о малюсеньком осветительном кристалле в кармане жакета-болеро. Конечно, этот малютка не показал бы ей ничего нового, даже если бы и удалось вытащить его из кармана, но это было уже кое-что.

Возможно, свет в этой тьме был тем, в чем она больше всего нуждалась.

Бриджит попыталась лечь и начала раскачиваться из стороны в сторону. Наконец ей удалось перевернуться на спину, хоть и принесло немало боли и она принялась шевелить локтями, изо всех сил пытаясь распахнуть жакет и вытряхнуть кристалл на пол.

Она была уверена, что со стороны её потуги выглядели совершенно нелепо.

Прошло несколько минут занятых трудными и неудобными движениями, и начало казаться, что кожа на запястьях стянута горячей медной проволокой, а не ремнями, прежде чем ей удалось закончить. Но, наконец она услышала это — тихий стук падающего на пол шпиля кристалла.

Следующая часть была посложнее. Ей нужно было найти кристалл, скрестив пальцы, неловко тянутся за ним, двигаясь по полу исключительно с помощью ягодиц. Этим она

занималась, по крайней мере, четверть часа, уверенная в том, что наблюдатели, если бы таковые оказались, уже умерли бы со смеху.

А волосы всё падали ей на глаза. Сводя с ума.

Но, наконец, она нащупала кристалл кончиками пальцев и активировала его.

Тусклый свет залил помещение и Бриджит вздохнула с облегчением, наслаждаясь легким трепетом триумфа, который едва не превратился в волну слабости, затягивающую в пучину бессознательного состояния.

Она сумела побороть это состояние и повернулась, чтобы внимательно осмотреть Фолли.

Послушница эфироманта свернулась в позе эмбриона на полу. Её глаза были открыты и расфокусированы. Кожа была бледной, почти серой. В течении ужасной секунды Бриджит думала, что Фолли, возможно, мертва, но потом увидела, как тело девушки вздымается и опадает с медленным, неглубоким дыханием и Бриджит чуть не заплакала от облегчения.

— Фолли, — позвала Бриджит. — Фолли.

Веки девушки дрогнули, её глаза подвигались из стороны в сторону несколько секунд, будто темнота все еще окутывала их. Но ответа не было.

Бриджит закусила губу. Затем покачала головой.

— Ох, ну конечно. Они забрали твои кристаллы. Тебе не с кем поговорить.

Слезы наполнили глаза Фолли. Она медленно кивнула.

Бриджит покачалась, раздумывая.

— Фолли, — сказала она, — ты же меня слышишь, так ведь?

Девушка посмотрела на нее несколько секунд и моргнула.

Бриджит попыталась тепло улыбнуться ей.

— У меня тут кристалл, но я собираюсь его выбросить его. Ты меня слышишь? Я собираюсь выбросить его. Он уже не мой.

Глаза Фолли расширились.

Бриджит извивалась пока ей не удалось взять кристалл в руку и бросить его по направлению к Фолли.

— Ох! — сказала Фолли, когда перед ней упал кристалл. — О, поглядите-ка, один одинешенек. И весь покрыт кровью, что я чувствую, не хорошо для тебя, или, по крайней мере, необдуманно. — Она энергично поползла в сторону маленького осветительного кристалла, пока не свернулась полукругом возле него.

Бриджит медленно вздохнула и почувствовала, как напряжение отпускает её тело. Затем она моргнула и открыла глаза. Кровь? Она посмотрела на кристалл и увидела там свежие алые мазки.

Значит её кровь. Путы, должно быть, порезали ей запястья, когда она пыталась их сместить.

— Фолли, ты видишь мои руки? — спросила Бриджит.

Фолли посмотрела на Бриджит, а затем вздохнула.

— О, бедная Бриджит. Это, наверное, ужасно больно.

— Как сильно они кровоточат?

Странная девушка покачала головой.

— Не думаю, что это будет смертельно для нее. А ты?

Бриджит кивнула.

— Хорошо. Фолли, мне нужно знать, что происходит. Почему ты не разговаривала со

мной?

— Она уже знает, — сказала Фолли, нахмурившись на маленький кристалл. — Она уже называлапричину.

— Я знаю, что у тебя здесь не было кристаллов, — сказала Бриджит. — Но я должна знать, почему ты разговариваешь только с их помощью. Мне нужно понять.

Фолли нахмурилась и долго молчала, так что Бриджит решила, что она, похоже, не расслышала вопроса. Однако она открыла рот и заговорила очень медленно, словно подбирая слова с потрясающей осторожностью.

— Бриджит не понимает, что энергия эфира забирает разум. Такова цена за могущество — всегда, всему есть цена. Насколько это тяжело. Как она сверлит и сверлит и сверлит дырки внутри головы. — Она вздрогнула. — И она не понимает, как важно найти нужные предметы, чтобы закупорить эти дыры, либо просто придется проваливаться в них — и падать и падать и падать.

— Значит дело вовсе не в твоей необычной манере общения, — сказала Бриджит. — Ты вообще не могла ничего делать.

Фолли снова вздрогнула и прошептала кристаллу:

— Я падала и падала. Лежала тут, но падала и падала.

Бриджит медленно вдохнула.

— О, — сказала она тихо. — Я не знала.

— Мы не часто говорим о таком, — рассудительно сказала Фолли. — Это больная тема. Особенно касается людей, которые практиковались гораздо больше меня.

— Вроде мастера Феруса? — поняла Бриджит.

— Да, да, мой бедный учитель. В настоящий момент у него больше дыр, чем у кого-либо. И все же он держится только на чистой воле. — Фолли закусила губу. — В конце концов, большинство эфиромантов проваливаются. Они так умирают. Падают, когда лежат в постели. Падение на остановить. — Она вздрогнула. — Когда-нибудь это случится и со мной и я не смогу вернуться. — Она прикрыла глаза и затем прошептала маленькому кристаллу, — Не забудь поблагодарить Бриджит от меня. Она очень добра.

— Мы же друзья, — возразила Бриджит. — Благодарностей не нужно.

Фолли слегка улыбнулась. Затем двинула головой, прижавшись щекой к кристаллу, снова погрузив их своеобразную камеру в темноту.

Меньше чем через секунду в дальнем от них конце туннеля раздалось шуршание брезента и воинорожденный по имени Сирьяко просунул голову, подняв повыше свой собственный кристалл. Он настороженно оглядел их, но приближаться не стал.

— Потише там. — Затем ушел, снова опустив полог.

Фолли тут же подняла голову.

- Не волнуйся. Я не позволю плохим людям забрать тебя.

Что ж, подумала Бриджит. По крайней мере, её усилия намного улучшили положение. У неё снова был дееспособный союзник, пускай даже так же туго связанный как и сама Бриджит. Если бы им удалось развязаться, все стало бы более обнадеживающе. Отлично. Что она могла сделать, чтобы развязаться? Что предприняли бы героини спектаклей и книг в похожих обстоятельствах?

Чаще всего оказывалось, что они пользовались женскими уловками, обещая своим похитителям-мужчинам благосклонность, а затем поворачивали ситауцию против врага в нужный момент (но сначала, жертвуя своей добродетелью ради дела, конечно).

Бриджит не долго была агентом Шпилеарха, но у нее уже было достаточно прозрачное понимание, что такая уловка вряд ли сработает. Даже если Сирьяко и поддастся такому трюку, у него не было реальной нужды развязывать её, не так ли? И, в конце концов, какой похититель даже с малой толикой профессионализма вообще мог купиться на такую хитрость?

Кроме того, Бриджит не была уверена, что знает какие-то женские уловки. И даже если бы знала, можно сказать определенно, что они не сработают в жизни также безупречно, как в сказках и спектаклях.

Кожаные шнуры. Она должна знать, что делать с этой проблемой. Выращивание мяса на забой в их чановой частично включало в себя и сбор шкур, увеличивающихся по мере созревания. Её отец мог снимать шкуру с туш несколькими длинными, ловкими порезами и парой умелых рывков. Конечно, они не дубили кожу до нужной кондиции, а поставляли шкуры кожевнику, с которым у них была договоренность, но все же…

Бриджит снова моргнула. Ну конечно. Шкуры должны храниться в ванне со специальным раствором с большим количеством воды, чтобы предотвратить их высыхание. Кожа значительно уменьшается, когда высыхает и снова расширяется при смачивании.

Бриджит вновь принялась крутить запястья, на этот раз всерьез. Они горели, но ей было все равно.

— Ох, — ужаснулась Фолли. — Она делает только хуже. Ей нужно остановиться.

Нет, — уверенно возразила Бриджит. Она почувствовала, как струйки крови скользят по ее ладоням и подушечкам пальцев и значит в кожаные ремни её впитывается немало.

— Фолли, мне нужно, чтобы ты сказала мне, когда ремни полностью намокнут.

Фолли уставилась на Бриджит своими странными, разноцветными глазами и задрожала.

— О Боже. Эм. Левому нужно побольше, как считаешь?

— Отлично, — сказала Бриджит и сосредоточилась на выворачивании и мучении собственного левого запястья. Потребовалась вечность добровольной муки, но, наконец Фолли прервала её

— Теперь она должна попробовать.

Бриджит благодарно кивнула. Затем закрыла глаза и наклонила голову вперед. А потом, очень медленно, начала разводить запястья в стороны, растягивая стяжки.

Это было больно, ужасно больно, и не только в запястьях. Ее руки и плечи болели от напряженных усилий. Бриджит была сильной девушкой, достаточно сильной, чтобы бросить на плечо сто пятьдесят фунтов мяса и донести его из чана до стола для разделки, не останавливаясь, чтобы отдохнуть или переложить на другое плечо. Она никогда не полагала это чем-то сверхъестественным, поскольку ее отец, Франклин, мог поднять по столько же на каждое плечо и спокойно идти, напевая на ходу и даже не сбиваясь с ритма. Но, несмотря на отсутствие подобной мощи, она накинулась на аврорские ремни, призвав на помощь всю свою выносливость, решимость и безудержную силу.

И хотя огонь, казалось, охватывал её руки уже целиком, путы начали растягиваться.

Ей потребовались несколько попыток, несколько болезненных, мучительных секунд, но, когда наконец, она решила передохнуть, то почувствовала как её запястья свободно болтаются. Она еще раз, для верности, растянула промокшие ремни, а затем сумела освободить руки.

— О! — тихо возликовала Фолли, — Ох, это стоит запомнить! Потрясающе!

Бриджит поморщилась, взглянув на ободранные, кровоточащие запястья и предплечья.

— Что ж, — сказала она. — По крайней мере, начало положено. — Затем она наклонилась и принялась решительно развязывать узлы на лодыжках. — Дай мне минуту и я освобожу тебя, Фолли.

— Будет ли это иметь хоть какое-то значение, как думаешь? — спросила Фолли.

— Узнаем, когда одержим победу, — ответила Бриджит.

— Или нет.

— Когда, — твердо сказала она. В конце концов, не так давно Бриджит была связана, беспомощна и одинока в темноте. Теперь она могла двигаться, она могла видеть и у неё был друг и союзник.

Что изменилось? Что изменило ситуацию?

Она. Самостоятельно. Когда враги Шпиля Альбиона проникли за стены, праправнучка старого адмирала Тагвинна отмела желание лечь и забыться и это было и легко и безумно трудно одновременно.

Бриджит подняла голову на ученицу эфироманта и хищно оскалилась, став в этот момент, похожей, как ей показалось, на Роула.

— Неизвестно, что будет дальше, Фолли. Но, черт возьми, мы встретим это во всеоружии и стоя на ногах.

Глава 48

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, территория Девяти Когтей

Роул несся по проходам вентиляции, которые вели к центральному доминиону Девяти Когтей, не обращая внимания на маскировку. Скорость была важней.

Мышонок была в опасности, несомненно в заключении и он не мог доверить людям её освобождение с подходящей случаю жестокостью. Возможно, они захотят оставить кого-то в живых, а Роул был не готов терпеть некомпетентность, когда речь шла о его личном человеке. Он только-только обучил её.

Первый из дозорных Девяти Когтей услышал его лапы и вышел из тени, преградив путь. Но Роул, котёнок Маула, сражался за свое место с тех пор, как научился ходить. Он был большим и сильным, он был молод и быстр — и у него не было настроения терпеть такие тонкости, как правила этикета.

Роул издал боевой клич и оставил первого стража с обоими глазами, половиной его усов и одним целым, неповрежденным ухом, прежде чем позволил тому бежать. Затем помчался дальше. Запаха крови на нем было достаточно, чтобы потревожить следующую пару часовых и Роул предостерегающе зашипел в их сторону. Они следовали позади, но старались держаться подальше.

Принц Тихих Лап разметал стражей со своего пути и собрал волочащийся за ним хвост, пылающий запахами осторожности, досады и, конечно, любопытства.

Ничто не могло сравниться с любопытством, если нужно было привлечь внимание кошек.

Роул пробежал по туннелям вокруг главного зала Девяти Когтей, собрав каждую кошку из десятков десяток лазов и дыр в туннелях и к тому моменту, когда он остановился перед входом в тронный зал Науна, за его спиной было никак не меньше сотни воинов и охотников.

Вся группа внезапно остановилась и Девять Когтей подобрались поближе, чтобы наблюдать за Роулом своими глазами. Даже, заметил довольный Роул, тот самый страж, которому не повезло оказаться первым на его пути.

Два самых больших кота-воина стояли перед Роулом, блокируя ему проход. Роул был сыт по горло дипломатией. Он мягко, но уверенно направился прямо на них, его шкура ощетинилась, хвост захлопал по бокам, а неудовольствие выразилось внезапным шипением.

Одного из воинов передернуло и Роул немедленно забыл про него. Он крался к другому, с изогнутой спиной и кровью на когтях.

— Я буду говорить с Науном, — проворчал Роул. — Сопроводи меня к нему.

— Наун не приказывал, чт… — начал воин.

Роул ударил.

Воин издал пронзительный вопль и отшатнулся, завертевшись волчком и суча лапами от боли, когда Роул достал его одним точным ударом по глазу.

Роул повернулся к другому стражнику, который отпрыгнул на полкогтя и направился к нему, изогнув спину.

— Я буду говорить с Науном, — сказал Роул, не меняя тона. — Сопроводи меня к нему.

Воин с опаской переводил глаза с Роула на раненого товарища. Затем разгладил встопорщенный мех и отвел взгляд, махнув хвостом влево и вправо. — Прошу сюда, — сказал Девять Когтей. — Следуй за мной, чужак.

Роул молниеносно запрыгнул на спину воина и вцепился зубами ему в загривок, хватка могла оказаться смертельной, если бы он захотел. Кот взвыл и пригнулся к земле.

Роул говорил, с сжатыми зубами, как могли делать только кошки. — Я Роул, котенок Маула из клана Тихих Лап хаббла Монинг и я не настроен терпеть дерзость. Я понятно излагаю?

— Я понял тебя, Роул, — прошипел воин.

— Беги и скажи своему вожаку что я иду, — прорычал Роул и вдогонку резко прикусил загривок и хлопнул лапой по ушам. Пристыженный кот метнулся в зал впереди него и Роул последовал за ним, словно никуда не спешил.

Кошки собирались вокруг него и как в первый раз Роул почувствовал на себе взгляды, в том числе и десяток котят. Хорошо, что он закончил всю грязную часть дела, прежде чем вошел в зал. Котята были глупы и в лучшие времена и наверняка начали бы подражать ему как один, если бы он занялся теми воинами у них на виду.

Всем котятам нужно знать о крови между кошками и о том, что это значит и о том, для чего это необходимо, но пока они жались в одной пещере, полной испуганных членов стаи, было не то время и не то место, чтобы начинать их образование. В этом смысле он был доволен, что Мышонок не видела этого. У нее было такое высокое мнение о способности кошек сглаживать конфликты без насилия. В её милую голову никогда не приходило что было время как для мягкой лапы, так и для алых когтей. Бременем вожака или котенка вожака, было знать когда применять то или другое.

Роул вошел с третью воинов клана за спиной, в то время как остальные две трети собрались у подножия стола Науна. Когда он вышел в центр зала, то увидел Науна сидящего на столе, наблюдающего за обстановкой непроницаемыми глазами. Воин, которого Роул отчитал, припал перед Нийном, котенком Науна, тихо говоря, его мех разгладился. Нийн, в свою очередь, выглядел оскорбленным.

Вошли раненые им коты, первый подран, но в сущности цел. А вот второй мог потерять глаза, который Роул поцарапал. Неудача для них обоих. Они осторожно, по дуге обошли Роула, чтобы присоединиться к их соотечественнику около Нийна.

Вожак стаи Наун пристально посмотрел на раненых воинов, а затем поднялся и обернул

хвост вокруг лап, спрятав когти. Обычно это считалось либо предложением мира, либо завуалированной яростью. Наун отлично справился. Роул не смог определить что означала его поза.

— Вождь Наун, — сказал Роуль, не дожидаясь, когда к нему обратятся. — Безотлагательные дела привели меня на вашу территорию.

— Воины, — прокатился по залу голос Нийна. — Эта тварь пролила кровь наших сородичей. Разорвите его в клочья.

Помещение наполнилось низким рычанием. Роул почувствовал что-то вроде тревоги. Возможно, он не сможет сразить всех входящих в касту воинов Девяти Когтей только собственными зубами и когтями, хотя трудно было сказать наверняка. Конечно, он не выказал… беспокойства…. Такое нельзя было показывать. Он взглянул на Науна и присел, обернув собственный хвост вокруг лап, в точности копируя позу вожака Девяти Когтей.

Что-то вроде тени веселья тронуло усы Науна. Затем из глубины его груди раздался рык и зал замолк и застыл.

— Я выслушаю чужака из Мягких Лап, — проворчал Наун.

— Отец! — воскликнул Нийн.

Голова Науна повернулась к отпрыску. Глаза смотрели ровно и немигающе.

Нийн разочарованно рыкнул.

Наун еще немного смотрел на своего котенка, затем повернулся к Роулу.

— Твои слова будут иметь для меня мало значения, — сказал Наун, — если я не пойму, что ты ясно видишь, что беспокоит мое царство, молодой Роул.

Роул зевнул.

— На твой народ охотятся, как на добычу, О, Наун, — ответил он.

При этих словах зал снова наполнился рыками уязвлённой гордости.

— Охотятся! — Рявкнул Роул, поднимаясь и поворачиваясь к ближайшим к нему Девяти Когтям. Обидел он их или нет, но Роул победил двух их воинов, один из которых был телохранителем вожака, не получив ни царапины в ответ. Они бежали от него. — Охотятся! — снова сказал Роул, поворачиваясь к Науну. — Или зачем же еще вы собрали своих котят здесь, всех вместе, словно выводок туннельных мышей? Вы надеетесь защитить их.

Глаза Науна сузились до щелей. Затем кончик его хвоста дернулся один раз в подтверждении.

— И?

— Твой народ боится шелкопрядов и их детенышей, — продолжил Роул. — Но это не дикие существа с поверхности. Это оружие. Они находятся под контролем человека. Человека, который угрожал вам смертью ваших котят, если вы не будете сотрудничать с ним.

— Он ничего не знает о нас! — подал голос Нийн, вставая и направляясь к Роулу. — Ничто из того, что может получить наш народ!

Роул презрительно дернул усами на реплику Нийна.

— А, — сказал он. — Значит они предложили вам и сливки и когти. И какова же плата, чтобы бы вы оставались в стороне от человеческой войны?

— Новые территории! — прорычал Нийн. — Новые туннели и залы, в которых наши люди смогут охотиться, наше племя будет расти! Залы свободные от человеческой чумы!

Роул с полным презрением разглядывал Нийна.

— Так сказал тебе человек? Следовательно я был прав. — Он дернул хвостом на Нийна,

как на раздражающего котенка и сказал:

— Ты не воин. Ты не охотник. Ты — идиот.

— Отец! — проговорил Нийн, развернувшись к Науну. Мех принца Девяти Когтей вздыбился от возмущения.

— Ты позволишь говорить ему такое о нашем клане?

Наун заурчал. Затем взглянул на Роула.

— Наши котята — наше будущее. Что бы сделал ты на моем месте?

— Проучил бы их, — прорычал Роул, позволив всему залу услышать его голос. — Вы склонитесь перед волей людей? Покажете им как мяукать и мурлыкать за человеческую милость? Будете ловить им мышей и оставлять их в подарок? Одурманите себя человеческими растениями и человеческим питьем?

— Роул захлестал хвостом по сторонам и запрыгал по столам и стульям вождя стаи, пока не добрался на уровень ниже Науна. — Наун, вожак Девяти Когтей. Я хотел бы показать вам, что значит быть свободным. Быть кошкой.

Роул повернулся к залу, прежде чем возмущенное шипение заполонило все вокруг.

— Я поднялся по верёвкам в логово шелкопрядов. — Он поднял когти одной передней лапы. — Я убил два десятка из выводка, а мои люди убили их сотни. Они мертвы. Их матриарх лежит и гниет в человеческой таверне. Их взрослые охотники затаились на подходах к человеческому лагерю в ваших собственных туннелях. На территории, которую эти вторгшиеся отняли у вас всех. — Он повернулся к Науну. — Теперь ваше время, Девять когтей. У них нет сил, чтобы напасть на ваших котят. Теперь наш шанс ударить по ним. Дайте мне каждого воина в вашем клане. Позвольте мне напомнить им, что значит быть котом. Чтобы расправиться с теми, кто угрожал вашим котятам зубами и когтями!

Какофония взволнованных криков и низкого боевого урчания, поднявшаяся вокруг, заставила Науна оторвать глаза от Роула и оглядеть зал.

Глаза Науна вернулись к Роулу и его голос понизился до тихого, низкого рыка, предназначенного только для ушей Роула.

— То, что ты говоришь, правда?

— Ручаюсь своими лапами и ушами, усами и хвостом, это правда, О Наун, — сказал Роул.

— Он лжет! — завизжал Нийн. — Он хочет использовать нас! Чтобы пролить кровь нашего племени, чтобы защитить своих людей в их войне! Чтобы оставить наших котят уязвимыми и беззащитными!

Роул развернул голову к Нийну, его зрение внезапно обострилось от ярости, его рот наполнился слюной от жажды крови.

— Теперь, — сказал Роул, — я начинаю уставать от твоего мяуканья.

— Я говорю, что этот зверь — глупец! — воскликнул Нийн. — Я говорю, что его рот полон лжи! Я говорю, что он не может видеть, слышать или охотиться! Что это бесполезное существо ничего не знает!

Слова прозвучали в внезапной тишине, как и должны были, потому что Нийн произнес самое тяжкое оскорбление, которое одна кошка могла высказать другой.

— Бесполезно, — очень тихо мурлыкнул Роул.

Тишина дрожала, напрягшаяся и ждущая.

— Ты даешь мне свое слово, — прорычал Наун, почти полностью сощурив глаза. — Ты, чужак. Мой котенок говорит мне, что ты источаешь ложь. Как я узнаю, кто из вас прав?

— С твоего разрешения, вожак стаи, — сказал Роул, с рыком, пульсирующим в голосе, — я покажу тебе.

Нийн зашипел, его мех поднялся дыбом, когти выскользнули из лап. Нийн был крупнее, чем Роул. Его мех сиял здоровьем, а его когти были длинными и острыми. Он стоял на своей родной территории, в окружении преданных ему сородичей и он не бился несколько раз за последние несколько часов, он был свеж.

У Роула не было бы шансов выжить в битве с принцем Девяти Когтей, если бы его поддержали все присутствующие воины и охотники, но если бы глава клана позволил, он смог бы победить Нийна в дуэли.

Наун долго смотрел на Роула, словно ожидая намек на движение.

Роул выдержал его взгляд совершенно неподвижно, всем видом показывая каждую каплю уважения, которую он смог собрать.

— Да, — наконец сказал Наун.

Роул, принц из Тихих Лап из хаббла Монинг, хрипло пропел музыку своего боевого клича и бросился на Нийна, с выпущенными когтями и судьбой Мышонка на чаше весов.

Глава 49

Шпиль Альбион, верфи хаббла Лэндинг, торговый корабль Альбиона "Хищник"

Гвендолин открыла глаза и сразу пожалела об этом.

Она никогда не позволяла себе пить лишний бокал вина или другого алкоголя, хотя видела воздействие, производимое им на некоторых стражников Дома Ланкастер после различных праздничных торжеств. Она всегда находила их гримасы и зеленые лица немного забавными.

Она подозревала, что теперь она будет им сочувствовать.

Свет не просто причинял боль её глазам — он вонзился старыми гнилыми и ржавыми мечами. Биение сердца послало импульсы боли сквозь череп и шею, словно по проводам и, впервые в жизни, всё что она могла сделать, это просто удержаться от того, чтобы не перевернуться на бок и не начать избавляться от содержимого своего желудка.

Секундочку. Неужели она напилась? Последнее, что она помнила — безумный старый эфиромант, издевательски поющий похабные куплеты поистине отвратительной песни аэронавтов, а затем…

А затем… огромное существо с поверхности? Хотя наверняка это был отголосок шквала лихорадочных кошмаров, которые она терпела неизвестно сколько. Возможно, это просто похмелье. Если так, ей стоит написать несколько извинительных писем Истербруку и его людям.

Она не сдержала стон и её снова накрыло волной боли, перекрыв все остальные чувства, словно в ребра и спину впились огненные пальцы. Гвендолин положила руку на больное место и почувствовала что-то грубоватое и плотное. Ей пришлось открыть глаза, чтобы взглянуть. Бинты. Под довольно тонкой рубашкой ее тело почти полностью было обмотано бинтами, вплоть до того места, где теснота доставляла некоторые неудобства.

Значит она была ранена. Пьяная? Боже Всемогущий, пожалуйста, нет. Бенедикт будет припоминать ей это до конца дней.

Она подняла руку к ноющей голове и, слава Богу, нащупала бинты и там. Голову она ударила, ещё твердо стоя на ногах. Повреждение головы? Ах, вот оно что. Возможно, она и не опозорилась. Может быть, с ней просто случился несчастный случай.

Это её успокоило и она оглядела комнату в которой была. Дерево. Всё из дерева, стены,

пол и потолок. Одна стенка слегка изогнута. Скорее всего, она на борту дирижабля, значит стена превращалась в переборку, а пол — в палубу, а потолок… Так. Она не могла вспомнить, как на дирижаблях называют потолки. Вероятно, потолки.

В комнате был еще один обитатель, человек, которого она не знала, но судя по одежде один из матросов "Хищника". Он был вооружен мечом и наручем, но сейчас развалился в кресле и сильно храпел. Под глазами были мешки. Бедняга выглядел совершенно измученным, а одна из его ног была перевязана. Может быть, один из людей, раненых в первой атаке аврорцев? Бедняга. Он, несомненно, был здесь, чтобы охранять и следить, чтобы она не вставала с постели без разрешения врача, которого не было поблизости, так что, кажется, не стоило его беспокоить. И кроме того, она была едва одета.

Гвен медленно села. На мгновение обстановка поплыла перед глазами, но затем снова всё пришло в норму. На столике неподалеку стояли кружка и кувшин, в котором оказалась вода. Она выпила три кружки, едва переводя дыхание, и через несколько секунд почувствовала себя почти человеком.

Гвен нашла свою одежду, лежащую рядом. Она был запятнана… Боже, какой ужасный бордовый цвет? И пахло совершенно отвратительно. Она вздрогнула от отвращения, положила всё, кроме наруча и начала тихо обследовать шкафы в каюте, пока не нашла скромную коллекцию мужской одежды в чемодане. Она натянула рубашку и штаны, заметив что они свисают с неё, как небольшая палатка и провела следующие несколько минут, подворачивая рукава и брючины. Затем надела свой наруч и почувствовала себя немного лучше, когда прохладный оружейный кристалл устроился на ладони.

Когда она закончила и оглядела себя, то уверилась, что Мать будет совершенно возмущена ее внешностью. Скорей всего.

Гвен тихо вышла из каюты, чтобы найти своего кузена. Бенедикт тоже поиздевается над ее нарядом, но он, хотя бы знает, что происходит. Она открыла дверь и вышла в окутанный туманом дневной свет. Пополудни? Как долго она проспала? Ее последние воспоминания относились к восемью часам предыдущего вечера и в ее сознании зияла пугающе бездонная пропасть.

Ко всему прочему, палуба "Хищника" была совершенно пуста.

— Ээй? — позвала Гвен.

Ответа не было.

Она нахмурилась и пошла по кораблю. На мачтах никого не было. Никого на камбузе или в столовой. Ни души в пассажирских каютах, а дверь в каюту капитана была заперта.

Гвен устало потерла глаза и именно в этот момент услышала ужасно ругающийся мужской голос, приглушенный досками палубы. Она подошла к люку, ведущему в трюм и проклятия стали яснее и громче. Она пошла на звуки и вскоре оказалась в инженерной комнате, сердце "Хищника", где воздух дрожал от мощного гула активированного центрального кристалла.

На секунду ей показалось что пол комнаты завален трупами, но потом она увидела, что повсюду были уставшие мужчины, которые просто растянулись на полу и спали. Несколько человек храпело, хотя эти звуки заглушались бранью одного человека, все еще стоящего на ногах.

Он был коренаст и лыс с большими, щетинистыми усами. Его комбинезон пятнали следы масла и пота, и, хотя он не был особенно большим, его руки выглядели достаточно сильными, чтобы давить кристаллы пальцами. Он сидел на корточках перед регулируемой

полусферой из загнутых медных прутьев, известной как клетка Хаслета и с ожесточением пытался закрутить неуклюже установленный болт, крепящий один из стержней на месте. Угол для гаечного ключа был неудобен, но его бревноподобные предплечья не пролезали через решетку клетки и поэтому возникли проблемы с применением инструмента.

Гвен переступила спящего человека.

— Прошу прощения, сэр.

— Что? — прорычал лысый мужчина, не отрываясь от работы.

— Я ищу сэра Бенедикта Сореллина. Вы, случайно, не видели его?

— Он здесь? — проворчал мужчина.

Гвен оглядела комнату спящих мужчин.

— Гм. Точно нет.

— Вот и ответ, — прорычал человек. Гаечный ключ скользнул, когда он надавил сильнее и он поранился о раму.

— Чертова шлюха! — вскрикнул он. — Проклятая лахудра! Ты меня убиваешь!

Гвен несколько раз моргнула.

— Простите, сэр? Это вы мне?

— Я не с тобой разговариваю, — проревел человек, покраснев до самой лысины. — Я разговариваю с проклятым кораблем! — Он оглянулся через плечо и застыл на месте, его рот открылся на мгновение. Затем он нахмурился, повернулся к клетке Хаслета и попытался просунуть руку, чтобы достать ключ, который уронил. — Фантастика. Как будто мне больше нечего делать. Теперь мне приходится еще и нянчиться с аристократишками. Капитан ненавидит меня. Так и есть. "Ты не можешь сражаться, Джоннимен. Ты должен остаться на корабле и починить его, чтобы мне было что разрушать, Джоннимен." Боже Милостивый, этот человек ненавидит меня.

Ага, главный эфирный инженер корабля, Джонимен. Она слышала, как его имя упоминалось, когда корабль пришвартовывался. Ну, главный инженер или нет, Гвен почувствовала, что должна хорошенько его отчитать, но у неё ужасно болела голова. Ей не хотелось биться даже в метафорические стены. Тем более в реальные.

— Сэр, я буду рада не мешать вам работать. Если вы подскажете где капитан, я перестану вам плешь проедать.

Глаза мужчины, сузившись, впились в неё.

— Проедать что?

— Надоедать, — быстро поправилась Гвен. — Я сказала, что перестану вам надоедать.

Мужчина снова сердито посмотрел и вернулся к ключу.

— Капитан ушел. Док ушел. Каждый палубный матрос, едва держащийся на на ногах ушел. Осталась только моя команда и эти наемные бездельники ушли и даже Тарки, но Тарки едва мог ковылять. Полагаю, это значит что и ваш Бенедикт тоже ушел.

— Ушли куда?

— Безродная шлюха — порождение туманной акулы и туннельной крысы! — прорычал Джонимен, дергая застрявшей рукой.

— О, ради всего святого, — вздохнула Гвен. Она подошла к каркасу и, прежде чем инженер смог возразить, с легкостью просунула более тонкую руку между прутьями, подхватила гаечный ключ и снова вытащила руку. Она развернула ключ в руке и передала его рукояткой вперед.

Джоннимен глазел на нее, ощетинившись усами. Затем он выхватил ключ и произнес:

— Тебе не стоит играться с корабельными системами. Если заденешь не ту дугу, получишь смертельный удар током.

— Именно поэтому я не трогала ни одну из активных дуг, — спокойно ответила Гвен. — В данный момент под напряжением находятся только самые верхние прутья, ведь так?

Джоннимен опустил, а потом вновь поднял брови.

— Ха. Полагаешь, что знаешь кое-что о кораблях, так?

— Я очень мало знаю о дирижаблях, — ответила Гвен. — Но у меня и в самом деле есть кое-какие знания об их системах.

— Ну конечно, — хмыкнул мужчина.

Гвен вскинула бровь.

— Я знаю, что левый верхний прут отклонился по крайней мере на два градуса. Из-за этого вы теряете эффективность. Вероятно поэтому здесь так тепло.

Инженер прищурился.

— И откуда такая уверенность?

— Тембр, — ответила Гвен. — С той стороны доносится лишний шум.

— Ха, — буркнул мужчина. Он поджал губы и посмотрел на нее изучающе. Затем встал, подхватил восьмифутовые подмостки и поставил их рядом с центральным кристаллом. Взобравшись на них, он слегка стукнул по клети Хаслетта. Затем слез обратно.

— Так-то лучше.

Гвен склонила голову на бок и прислушалась к гулу силового кристалла.

— Нет, — возразила она. — Вы это не исправили. Вы сместили его еще по крайней мере на два градуса.

Вероятно инженер на мгновение улыбнулся, хотя усы и скрыли это. Он крякнул, снова влез на подмостки и снова пристукнул клеть.

— Как теперь?

— Помогло, — ответила Гвен.

Джоннимен спрыгнул с подмостков, секунду разглядывал ее с ног до головы, затем перевернул гаечный ключ в руке и предложил ей рукоятку.

Гвен выгнула бровь и взяла его.

— И что мне с этим делать?

— Видела, над каким болтом я работал, не так ли?

— Да.

— Тогда ослабь его, если сможешь.

Гвен слегка покачала ключ в руке. Если капитан Гримм и Бенедикт ушли с людьми, они должно быть собирались драться. но она не знала где, и сомневалась, что сможет догнать их бегом в своем теперешнем состоянии. Если она будет просто сидеть и ждать их возвращения, она может сойти с ума.

Она кивнула, повернулась к клетке Хаслета и ослабила болт за несколько секунд. Не потому, что она была экспертом, а из-за маленьких запястий и ладоней и ей было легче орудовать инструментами в ограниченном пространстве, чем инженеру.

— Верно, — сказал Джоннимен, когда она закончила. — Назад.

Она подалась назад и Джоннимен подал питание на нижнюю решетку. Прутья решетки у основания аппарата раскрылись, открывая взору кристалл в недрах устройства, словно мерцающий медный цветок. Бледно-зеленый свет, льющийся из глубины силового ядра

"Хищника", заполнил трюм.

Гвен секунду таращилась на ярко-зеленый кристалл. Он был неправильно огранен. И был похож на естественный кристалл, напоминающий стержень светящегося изумрудного кварца, а затем ее глаза распахнулись, когда до неё дошло на что она смотрит. — Боже Всемогущий, — прошептала она.

— Мм-хмм, — подтвердил Джоннимен невероятно самодовольным тоном.

— Это же центральный кристалл первого поколения, — выдохнула Гвен. — Прежде чем стали делать грани. Сколько ему?

— По меньшей мере, несколько тысяч лет, — ответил Джоннимен.

— Если он настолько стар… — Гвен покачала головой. В отличие от осветительных кристаллов или оружейных, орудийных кристаллов или подъемных, кристаллы силы с возрастом становились только эффективней в распределении эфирной энергии. Такой кристалл редко ставился в качестве основного, пока столетия использования не приводили его в нужную кондицию. Если кристалл был таким старым как утверждал Джоннимен, он мог вырабатывать гораздо большее количество электроэнергии из небольших эфирных потоков, чем практически любой кристалл о котором слышала Гвен, что подразумевало, что корабль мог плыть в наиболее отдаленные уголки мира, все дальше и дальше от основных эфирных потоков и делать это быстрее.

— Это невероятно эффективное ядро, — сказала Гвен. — Этот кристалл должен быть на флотском корабле.

— Что ж, он не там, — сказал Джоннимен. — И не собирается туда отправляться. Он принадлежит "Хищнику" и точка.

— Невероятно, — произнесла Гвен, качая головой.

Джоннимен выпятил грудь.

— Неужели? — он уставился на нее. — Откуда маленькая штучка вроде тебя знает о корабельных системах?

— От матери.

— И кто твоя мать?

— Хелен Ланкастер.

Джоннимен на мгновение нахмурился. Потом моргнул.

— Ланкастер? Ты имеешь в виду тех самых Ланкастеров? Чановую?

— Я изучала наши изделия с тех пор, как достаточно подросла, чтобы разговаривать, — сказала Гвен. — Включая выполнение системных тестов на каждом кристалле, прежде чем мы его отправим, что означает знание того, как работают системы.

— Ох уж эти Ланкастеры, — хмыкнул Джонимен. — Черт возьми.

Казалось, он принял какое-то решение и кивнул.

— Чуть погодя я собираюсь начать будить этих слабаков. Ты же хочешь быть полезной, а? Капитан раздобыл нам кое-какой подъемный кристалл для замены старого. Все балансирующие кристаллы подключены, но я все еще должен установить главный. Для этого пригодился бы кто-нибудь с хорошим слухом.

— Что за кристалл? — поинтересовалась Гвен.

— Один из ваших новых Mark IV-Ds.

Гвен прищурилась.

— Сэр, вы меня не поняли. Я спрашивала, какой именно кристалл из Mark IV-Ds?

В этот раз губы Джоннимена растянулись в более узнаваемой улыбке. Он кивнул в

дальний конец комнаты в сторону подвесного устройства.

— Вот ты и скажи.

Гвен присела рядом с устройством, чтобы осмотреть кристалл и присвистнула

— Этот из третьей секции чановой из второго ряда. Один из лучших в партии. Господь на Небесах, если вы не будете соблюдать осторожность, то с вашим силовым кристаллом этот может разорвать корабль на части.

— Скажи что-нибудь, чего я не знаю, — парировал Джоннимен.

— Какую конфигурацию вы планируете для его каркаса?

— Стандартное рассредоточение с максимальным шагом, — ответил Джоннимен.

— Что? — переспросила Гвен. — Зачем вы станете это делать?

— А как еще я должен это делать? — рявкнул Джоннимен.

— Разве вы не читали руководство пользователя?

— Руководство? Послушай, мисси. Я работал эфирным инженером до того, как ты родилась. Думаю, я в курсе, как обращаться с подъемным кристаллом.

— Очевидно вы недостаточно одарены, чтобы делать так, раз не умеете читать. Вообще-то мы предоставляем эти руководства, спецификации и методики не просто так.

Джоннимен нахмурился.

— Делая все по книге, как все остальные, получаешь такой же результат как у всех.

— В этом-то и смысл, — сухо произнесла Гвен.

Казалось, Джоннимен этого не услышал.

— Может это и хорошо для любого другого корабля в этом мире, мисси, — сказал он. — Но этого не достаточно для "Хищника". Я получаю от десяти до пятнадцати процентов больше из его систем, делая по-своему.

— Что? — переспросила Гвен. — Это не возможно.

— Может и нет в ваших мастерских, — твердо сказал Джоннимен. — Но корабль в открытом небе совсем другое дело. Нужно знать, как обращаться с ним так, чтобы ему нравилось.

— Ладно, если так будет понятней: ему не понравится такое рассредоточение, — не отступала Гвен. — Основная полусфера Mark IV-Ds оснащена переменной чувствительностью. Чем ближе к положительному концу, тем более мощными являются проводящие пути кристалла. Чтобы увеличить до предела чувствительность, вам необходимо расположить прутья в асимметричной конфигурации. Если вы пойдёте со стандартной полусферой, излишки потоков будут стравливаться в никуда слишком легко. Прежде чем вы узнаете, что произошло, вы с падающего дирижабля будете наблюдать, как кристалл улетает на луну. Вы бы все это знали, если бы прочитали руководство.

Джоннимен стиснул зубы.

— Вечно исправляют то, что в исправлении не нуждается, — пробормотал он. — Ладно. Ассиметрично. Покажи мне.

Глава 50

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, вентиляционные тоннели

Кто-то вырвал майора Эспиру из сна и он, проморгавшись, обнаружил обветренное лицо Сирьяко, нависающего над ним.

— Сэр. Эта женщина здесь.

Эспира прочистил горло и поднялся. Он не был уверен, сколько удалось поспать, но явно не так уж много, вдобавок ему снилось то, что он предпочел бы не помнить. Он встал

на ноги с холодной, из-за стылого шпилевого пола, кровати.

— Пусть люди будут начеку, — приказал он сержанту.

— Да, сэр, — сказал Сирьяко и выскользнул наружу выполнять приказ. Рука воиннорожденного, хоть все еще сильно обожженная, больше не висела плетью и, когда он уходил, двигалась вполне непринужденно. Эспира на мгновение пожелал, чтобы в его роду текла кровь воиннорожденных. Если бы он родился Сирьяко, его спина не доставляла бы ему хлопот как сейчас.

Хотя, конечно, если бы он родился Сирьяко, он никогда не стал бы майором в морской пехоте Авроры.

Эспира одернул куртку, выпрямился и вышел из отдельного огороженного бокового коридора, который он занял по праву командира. Когда он появился, люди уже поднимались и собирали свое оружие и снаряжение.

Кэвендиш и её ручной монстр ожидали рядом. В глазах женщины сквозило напряжение и холод. Сарк выглядел как обычно, но Эспира достаточно долго пробыл с воином, чтобы заметить небольшое расширение зрачков в асимметричных глазах Сарка, означающее собранность и готовность к битве.

Он надеялся на беспечную, заносчивую самоуверенность Кэвендиш. Независимо от того, что она делала с альбионцами, это не входило в её планы. Какими бы полезными она не считала заложников, этого было недостаточно. Эспира на мгновение стиснул зубы, а затем заставил челюсть расслабиться. Жизни двух молодых девушек ничего не будут стоить, если Кэвендиш решит, что они не имеют для нее никакой ценности и, хоть у него не было особых причин любить этих девчонок, он предпочел бы оставить их связанными на том же самом месте, чтобы найти их позже и самолично перерезать глотки, лишь бы не оставлять в руках Кэвендиш или Сарка.

— Мадам Кэвендиш, — вежливо поклонился, Эспира.

— Майор, — проговорила Кэвендиш. — Я считаю, что настало время действовать.

Эспира поднял бровь.

— Вы думаете, нам нужно начать пораньше?

— Я пошлю сигнал Армаде, майор, — отрезала Кэвендиш ледяным тоном.

Чудо такого мгновенного общение было хорошо во всем, подумал Эспира, но оно не ускорит дирижабль если он еще не на позиции.

— Осмелюсь спросить, почему вы считаете, что требуются стремительные действия, мадам?

— Я недооценила человека, — ответила Кэвендиш. — Того самого капитана, который побил ваших людей в Ланкастерской Чановой.

— Он здесь? — требовательно спросил Эспира. — И вы не сочли нужным сообщить нам этот факт?

— Он всего лишь очередной изгой флота с экипажем каперов, — сказала Кэвендиш. — Они не профессиональные солдаты и их количество значительно сократилось, но могут создать много шума, прежде чем ваши люди уничтожат их, и еще в состоянии сократить часть ваших сил.

— Где они?

— Судя по уверенности капитана Гримма, идут сюда, — ответила Кэвендиш. — Ударьте по главной и второстепенной целям и подготовьте точку эвакуации. Я хочу, чтобы ваши люди ушли до их прибытия.

— И оставили большую мобильную боеспособную группу за своей спиной? — спросил Эспира.

— Я займусь ими, — отрезала Кэвендиш. — Они не смогут преследовать вас. Где пленницы?

Эспира заколебался.

— Майор, — сквозь сжатые зубы проговорила Кэвендиш.

— В заваленном коридоре, — наконец сказал Эспира. Он кивнул в сторону нужного туннеля. — Там, ниже. Что вы предназначили им?

— Тоже самое, что я предназначила всей оставшейся развеселой шайке Шпилеарха, — медленно выговорила Кэвендиш, глядя в сторону, ее глаза загорелись какими-то причудливыми эмоциями, которые Эспира не смог определить. — Забирайте своих людей и уходите, майор. Если вам дороги их жизни, через пять минут в этих туннелях не должно остаться ни души.

Эспира хмуро взглянул на женщину, но она не вернула взгляд. Затем он кивнул, снова поклонился и удалился.

Сирьяко шел с ним в ногу. Седеющий сержант на мгновение взглянул на Сарка поверх раненного плеча, затем повернулся к Эспире.

— Мы начинаем раньше.

— Да. Размести людей, как запланировано, немедленно. Без суматохи от основной атаки на Шпиль, нам придется двигаться быстро. Прикажи им оставить здесь все снаряжение и припасы, за исключением фляжек. Только оружие.

Сирьяко нахмурился, но кивнул.

— А те две девчонки?

На протяжении своей карьеры Ренальдо Эспира совершал множество неприятных, но необходимых поступков. Приказы исходившие от командования, обычно преследовали цель принести пользу в первую очередь самому командованию. Он давно избавился от иллюзий. Но даже в этом случае, где-то внутри него осталось достаточно совести, чтобы почувствовать стыд.

И ему стало стыдно за то что он вынужден был сказать сержанту.

— Они практически покойницы и больше не наша забота, сержант, — тихо произнес он.

Сирьяко взглянул на коридор, где содержались пленницы, и сжал свои огромные ладони в кулаки, громко хрустнув костяшками. И резко выдохнул.

— Сэр, — произнес он. — Мир был бы куда лучшим без Сарка и этой женщины.

— Создание лучшего мира — это не наша забота или обязанность, сержант, — холодно процедил Эспира. — С этого момента все что нам нужно — выполнить задание и вырвать из этого безумия как можно больше солдат, вернувшись домой в Шпиль Аврора живыми и здоровыми. Ясно?

Из груди Сирьяко вырвалось громкое ворчание. Но его руки расслабились и он кивнул.

— Так точно, сэр. — Он посмотрел на Эспиру. — Думаете, у нас получится?

— Конечно, — с уверенностью, которой у него не было и в помине, ответил Эспира. — Если каждый солдат будет помнит свой долг и свои тренировки.

— И не будет любопытствовать, почему мы это делаем, — уточнил Сирьяко.

— Мы не обязаны объяснять, сержант, — сказал Эспира.

— Прикажите всем командирам подразделений выдвигаться. Я хочу, чтобы через три

минуты ни одного человека из моей команды не было в этих туннелях.

Глава 51

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, вентиляционные туннели

— Это просто неестественно, — проворчал Феликс Гримму. — Вот и всё, что я хочу сказать.

Гримм с любопытством глянул на дезинсектора, идущего слева от него.

— Вы можете дать мне только примерное направление в какой части туннелей пропал ваш человек. — Он указал на маленькую, совершенно черную кошку, которая спокойно шла на несколько шагов впереди Гримма. — А вот у нашей компаньонки, кажется, есть вполне четкое понимание.

— Как бы эта маленькая тварь не завела нас в ловушку, — предрек Феликс.

— Я очень на это надеюсь. Не хотелось бы думать, что мы тащили все это оружие зря, — ответил ему Гримм.

Команда Гримма шла позади него плотно сбитой, целеустремленной группой, вместе с гильдией Дезинсекторов хаббла Лэндинг. Дезинсекторы были несгибаемой, выносливой компанией. Очень немногие из них были выше среднего роста или мощного телосложения, но все, и мужчины и женщины, словно сплетенные из жил и хрящей, сплошь покрытые шрамами — немыми свидетельствами опасностей, с которыми им пришлось сталкиваться и преодолевать в прошлом.

— Значит говорите, кошка принадлежит гвардейцу, — продолжил Феликс.

— Не эта, — сказал Гримм. — Но рискну предположить, что наш проводник знакома с Роулом.

При упоминании этого имени маленькая кошка, не останавливаясь, оглянулась на них, сосредоточив свои яркие зеленые глаза на Гримме. Он поднял руку, подав знак привала, и следующий за ним отряд с лязганьем и грохотом встал.

— Неплохое место передохнуть и получить больше информации, — пояснил Гримм. — Я правильно понимаю, а, мисс кошка?

Кошка остановилась и повернулась мордой к Гримму. Она с интересом взглянула на Феликса, а затем снова посмотрела на Гримма. И медленно и сознательно качнула головой вверх и вниз, изображая кивок.

— Он послал тебя за нами? — спросил Гримм.

Кошка снова кивнула.

— Хорошо, — ободрился Гримм. — Ты знаешь точно, где держат девушек?

Она кивнула опять. И через мгновение покачала головой вправо и влево.

— Ну вот, — сказал Феликс. — И что это значит?

Гримм мягко взглянул на него.

— Видимо то, что мне нужно научиться говорить по-кошачьи. Он нахмурился и позвал, — Бенедикт? Вы их вообще понимаете?

Высокий молодой воин покачал головой.

— Едва могу понять стандартное приветствие и несколько шуток. Это сложный язык, на овладение им нужны годы.

При этих словах маленькая черная кошка засветилась от удовольствия.

— Тьфу ты! — выругался Гримм. — Если мы пойдем на штурм и начнем стрелять повсюду, когда наткнемся на Врага, как бы мы не подстрелили девочек в суматохе заодно с противниками. Мне нужна более конкретная рекогносцировка. Очевидно, она ей владеет

или, по крайней мере, знает чуть больше нас.

Феликс задумчиво отдуваясь, потянулся к плащу и достал сложенную в несколько раз бумагу. Он принялся разворачивать её и раскладывать на полу. Гримм внимательно за ним наблюдал. Это была карта хаббла Лэндинг, с вентиляционными и техническими туннелями, отмеченными разными цветами, скорее всего, чтобы обозначить соответствующую им высоту.

— Вот, зверюга, — сказал Феликс. — Взгляни-ка на это. — Он постучал по карте толстым указательным пальцем. — Я знаю, что Моберли работал примерно в этой секции туннелей. Какой из них заняли аврорцы?

Кошка подобралась к карте и посмотрела на неё смышленными глазами. Она наклонила голову, наступила на бумагу, обнюхала её и, пройдясь по ней, села, уставившись на Феликса.

— И что это, разрази меня гром, это должно означать? — возмущенно спросил Феликс у Гримма.

— Картинка слишком абстрактна, — вмешался Бенедикт. — Карты всего лишь символы и у нее нет необходимого опыта, чтобы понимать её.

— Поясните, прошу вас, — попросил Гримм.

Бенедикт безнадежно махнул рукой.

— Она не воспринимает туннели так, как вы. Она не просто видит туннели. Она ориентируется на запах и звук так же как и на зрение. Показывать ей картинку, на которой изображено только символическое представление только оптических измерений, значит лишь смущать её.

Феликс потряс головой.

— А вы откуда это всё знаете?

— Потому что меня чертовски сбивало с толку похожее ощущение, когда я учился читать карты, — ответил Бенедикт. — Мне понадобилось время, когда я был моложе.

Феликс зарычал.

— Что сложного в том, чтобы понять эту треклятую карту?

Гримм поджал губы и задумчиво посмотрел на кошку.

— А может нам и не нужно, чтобы она прочитала карту, — размышлял он вслух. — Возможно, нам нужно, чтобы она её нарисовала.

— Что? — спросил Феликс.

— Мне нужен кусок мела. — сказал Гримм и повысил голос. — У кого-нибудь есть с собой?

- Кэп, — отозвался Стерн. Маленький человек поднял дуло ружья на плечо, порылся в кармане и выудил кусочек мела, который он тут же бросил Гримму.

Гримм поймал его и повернулся к кошке.

— Мисс Кошка, — вежливо сказал он. — Если вы согласны, может мы попробуем точно определить куда нам идти, чтобы мы сумели предпринять наиболее подходящие шаги для разрешения этой проблемы.

Кошка внимательно посмотрела на него, а затем кивнула.

— Спасибо, — серьезно сказал Гримм. — Я предлагаю, чтобы вы измерили шагами протяженность туннелей, о которых идет речь, относительно друг друга. Конечно, не на полную длину. Например, один шаг к тридцати, которые вы преодолеваете в действительности. Я последую за вами с мелом и нарисую на полу туннели, которые вы будете показывать мне.

Феликс хмыкнул.

— А потом мы сравним чертеж с картой.

— Именно, — подтвердил Гримм.

Кошка, казалось, мгновение обдумывала идею, затем встала и отвернулась от Гримм с нетерпеливым негромким мурчанием.

Она начала движение, ее голова слегка свесилась и Гримм последовал за ней, отмечая мелом шпилевой пол пещеры. Маленькая кошка вышагивала некоторое время и Гримм не отставал от неё, надеясь, что не выглядит настолько нелепо, насколько он себя ощущал, ползая за животным на четвереньках, наконец она повернулась к нему мордочкой и снова села.

Он поднялся, с ноющей раненной рукой и взглянул на меловые линии.

— Ну, что там, Феликс?

Дезинсектор поднял свою карту и уставился на неё, сверяясь с рисунками на полу.

— Я не думаю… Хотя, погодите. Эта секция здесь. Клянусь Богом на небесах, глядите, чертеж вполне точный! Она, должно быть, обошла их по всему периметру. Они здесь посередине.

Гримм внимательно оглядел нужную часть карты.

— Четыре входа. Четыре выхода.

— Мроурр, — сказала черная кошка и покачала головой.

Гримм поднял брови и посмотрел на нее.

— Меньше?

Она кивнула.

— Они заблокировали туннели?

Она кивнула снова.

— Покажи какой, пожалуйста, — попросил Гримм.

Кошка двинулась к перекрестку меловых линий и наступила лапой в одном месте. Потом проделала тоже самое еще раз в другом.

— Этот и этот, — сказал Гримм, стукая пальцем по карте. — Они завалили подходы к двум туннелям и оставили себе два выхода.

— Ваши люди берут один? — предложил Феликс. — Мы возьмем другой?

Гримм поднял глаза и наморщил лоб.

— Нижние туннели, которые они готовы защищать? Мы заплатим высокую цену и не успеем добраться до пленниц, пока они живы.

— Что же, тогда? — спросил Феликс.

— Наш единственный шанс зайти быстро и жёстко, найти пленниц и выйти, прежде чем Враг сможет отреагировать. Нам нужно идти с неожиданного направления. — Он поджал губы. — Жребий — лучшее, на что мы можем надеяться. Мистер Стерн?

— Да, Капитан? — молодой офицер выступил вперед.

— Надеюсь, вы захватили взрывающиеся заряды, которые мы одолжили у аврорцев в хаббле Монинг.

Стерн широко и хищно улыбнулся Гримму в ответ.

Глава 52

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, вентиляционные туннели

Странные щёлкающие звуки заставили Бриджит поднять голову и открыть глаза.

Они с Фолли решили принять те же позы что и вначале, на случай, если похитители

заглянули бы к ним. Кожаные шнуры свободно болтались вокруг их запястий, хотя Бриджит не смогла придумать способ обвязать подобным образом лодыжки, чтобы можно было быстро освободиться и им пришлось просто усесться, чтобы спрятать ноги в юбках.

Время шло медленно. И с каждым вздохом и ударом сердца Бриджит представляла своих тюремщиков, вне поля зрения, обсуждающих в этот самый момент, каким способом их сподручней убить.

Звуки повторились. Быстрые, нерегулярные щелчки, раздающиеся из лагеря Врага, были неуловимо знакомы.

— Интересно, что это? — прошептала Фолли.

— Что-то происходит, — пробормотала Бриджит в ответ. Она поднялась и шмыгнула так тихо, как могла к брезенту, закрывающему им вид на внешний туннель. Затем опустилась к небольшой щели с краю и молниеносно выглянула в нее.

Одного взгляда хватило, чтобы застыть от ужаса.

Шелкопряды.

Несколько десятков взрослых шелкопрядов, с жесткими, бронированными телами размером с Бриджит. По крайней мере, чудовища весили столько же, кроме того они двигались с той же самой ужасной, чуждой грацией, что и их детеныши. Они текли в лагерь аврорцев по полу, стенам и потолку вентиляционных туннелей, видимые в свете полудюжины небольших люмин кристаллов, которые, очевидно, оставил ушедший отряд.

Бриджит сморгнула и продолжила разглядывать обстановку. Повсюду она видела пустые спальные мешки, брошенные рюкзаки, мусор и хлам, но нигде не было видно аврорцев. Они покинули свой лагерь.

И теперь шелкопряды занимали их место.

Бриджит захотелось развернуться и бежать. Но она заставила себя остаться на месте. Смотреть. Наблюдать. Угла обзора не хватало, чтобы оценить, сколько там было аврорцев. Шелкопряды беспокойно ползали и она не могла точно пересчитать их. Может сорок или пятьдесят?

А затем, рядом с аккуратно сложенным, скатанным и перевязанным спальным мешком, она заметила свой наруч, нож и использованные осветительные кристаллы Фолли, все еще находящиеся в двух сумках и стеклянной банке.

Бриджит медленно отступила назад, стараясь не производить даже малейшего шума.

Она развернулась и обнаружила Фолли с бледным лицом, не отрывающую от неё широко распахнутых разноцветных глаз.

Бриджит присела рядом с Фолли и прошептала ей на ухо:

— Взрослые шелкопряды. Несколько десятков.

Фолли затрясло, но она кивнула головой.

— Не волнуйся, — прошептала она своему маленькому кристаллу. — Я защищу тебя.

— Я нашла твои кристаллы, — продолжила Бриджит.

Фолли вскинула голову, открыв глаза еще шире. Она прижала свой маленький кристалл к губам.

— Ох, — еле слышно воскликнула она. — Надеюсь, с ними все в порядке.

— Они всего в десяти футах отсюда, — сказала Бриджит. — Мой наруч тоже там. Кажется, я смогу до них добраться. Если у меня получится достать кристаллы…

— Да, — перебила Фолли, кивая с закрытыми глазами. — Да, именно.

— Если у меня получится, — продолжала Бриджит одними губами, — ты сможешь

сделать что-нибудь, чтобы вытащить нас отсюда?

Фолли облизала губы. Затем она медленно глубоко вдохнула и выдохнула. И еще раз. И снова. Когда она открыла остекленевшие глаза, зрачки в них были неестественно расширены. Она медленно сместила взгляд влево, затем вздрогнула и склонила голову.

— Здесь нет потоков, — прошептала она своему кристаллу.

— Но слева есть один заваленный зал. Там есть канал. Я смогу использовать его.

— Далеко?

Фолли покачала головой.

— Пятьдесят футов, думаю, хотя это глупый способ измерения. Шагами мерять куда практичнее. Да, верно, пятьдесят шагов.

Бриджит закусила губу. Сорок или пятьдесят шелкопрядов. Десять футов к снаряжению. Пятьдесят футов в другую сторону.

У них не получится остаться незамеченными.

Она была уверена, что в драме героиня тотчас придумала бы план, смело жертвуя собой ради спутницы. Она выбежала бы в холл и, бросив кристаллы Фолли, побежала бы в противоположном направлении, крича и увлекая всех шелкопрядов за собой. Она бы храбро билась, но в конечном счете благородно умерла, в тот момент когда Фолли наслала ужасную кару существам с поверхности, а затем закончила бы их миссию, впоследствии горько оплакивая свою погибшую подругу.

Героиням в драмах, пришло в голову Бриджит, не доставало здравого смысла.

Шелкопряды не замечали их, или, если и почувствовали их присутствие, не нападали. Если они еще не сделали этого до сих пор, то у них с Фолли, по крайней мере, был шанс. Аврорцев, определенно, нигде не было видно. Возможно, разумней всего было просто тихо ждать. Кажется, лучшее на что они могли надеяться, что Роул приведет помощь. Они должны быть готовы помочь себя спасти, когда это произойдет.

В конце концов, если бы шелкопряды решили их сожрать, Бриджит всегда могла пожертвовать собой, отчаянно борясь, чтобы спасти Фолли. Но до тех пор, пока у нее не было другого выбора, она избегала форсировать события, благодарю покорно.

Из неё вышла бы отвратительная героиня романа, подумалось Бриджит.

И вдруг, среди звуков щелкающих конечностей и шелеста чистящих хитин шелкопрядов, Бриджит расслышала голоса.

Это заставило её затрепетать от ужаса.

Люди? Рядом с шелкопрядами?

Было только одно разумное объяснение происходящему: это были люди, управляющие ужасными тварями и последними событиями — и это было то, о чем Шпилеарх хотел бы знать. Её долг как гвардейца был совершенно ясен: она должна сделать все возможное, чтобы узнать побольше об этих личностях.

О, Боже.

Бриджит сглотнула и снова тихонько подкралась к щели в брезенте. Она выглянула, двигаясь как можно медленнее.

Мужчина и женщина шли прямо к ней, огибая шелкопрядов, словно твари были не страшнее или необычней стайки школьников, играющих на перемене. Она была одета безупречно, в платье и пиджак в серых и лавандовых тонах, ее волосы были убраны над шеей предельно аккуратно, образ дополняла соответствующая шляпка и белые перчатки. Это была зрелая женщина с пустыми серыми глазами и какой-то резкой, бескомпромиссной красотой.

На шее сверкал алый камень, вшитый в черный, бархатный чокер.

Мужчина, идущий рядом с ней, был воиннорожденным, как Бенедикт. Хотя, он был выше и с впечатляющими мускулами. Коротко стриженные тусклые коричневые волосы, отливающие серебром, редко покрывали его голову, спускаясь к его лицу, шее и рукам, придавая ему особенно звериный вид. Один из его кошачьих глаз косил и было что-то в его движениях, какая-то… неправильность. Бенедикт не просто ходил, а как будто скользил с плавной грацией, проявляющейся в каждом движении и в каждом жесте. Этот мужчина же…

Через мгновение Бриджит словно ударили обухом.

Мужчина двигался с грацией шелкопряда.

— Все еще не понимаю, из-за чего суета, — сказал мужчина. — Огонь все сделает. Один человек, войдет и выйдет.

— Ты недооцениваешь монахов, — возразила женщина. — В их числе тоже есть воинорожденные. — Ее темные глаза сверкнули. — Кроме того. Огня недостаточно. Послание должно быть доставлено адресату.

Мужчина заворчал.

— Это бессмысленно.

— Мы никогда не уничтожим их, пока они остаются на небесах. Поэтому мы должны их выманить.

Тут Бриджит прищурилась.

— Заигрывания с туманной акулой, — сказал мужчина. — Иногда всё идет совсем не так как вы задумывали.

— На войне принято рисковать, — спокойно сказала женщина. — В сущности…

Ее голос внезапно оборвался, взгляд расфокусировался, стал рассеянным, таким пугающе похожим на глаза Фолли несколько минут назад. Жемчужина на шее запульсировала глубоким алым светом.

— Ага, — сказала женщина довольно. — Мои часовые. Они здесь. Я так и думала.

Мужчина глубоко вдохнул и расправил плечи. Одной рукой он достал короткий, широкий меч, в другой активировал наруч.

— Где?

— К каждому туннелю подходит по отряду, — сказала женщина. — Не больше двадцати человек в каждом. — Она властно махнула рукой и камень на шее отозвался зловещим огнем. Реакция шелкопрядов была молниеносной. Они начали разделяться на две группы, выстраиваясь в шеренги. Первая группа втянулась в устье туннеля. Вторая исчезла из поля видимости Бриджит, но она догадалась что они отправились в другой туннель.

— Вам нужен кто-то из них живым? — спросил мужчина.

— Нет необходимости, — ответила она. — Сарк, убей узниц. Не хочу, чтобы капитан подумал, что я не верна своему слову.

Мужчина, Сарк, сразу же развернулся на пятках и целенаправленно направился к брезенту.

Бриджит и представить не могла что способна сделать то, что сделала в дальнейшем. Если бы ей рассказали об этом, то она нашла бы этот поступок несусветной глупостью — она выскочила из-за свисающего куска брезента в безмолвном прыжке по открытой местности на виду у воинорожденного с активированным наручем.

Время, казалось, замедлилось и Бриджит успела лениво отметить что Роул, возможно, снова спас ей жизнь. Пока другие дети играли в прятки друг с другом, Бриджит играла с

Роулом. Она не могла двигаться бесшумно словно кошка, но и не встречала людей, которые делали это лучше неё.

Если бы она выдала себя хоть малейшим звуком, прежде чем переместилась, самая тихий хруст камушка под сапогом, легчайший неосторожный шелест одежды и обостренные чувства Сарка точно определили бы ее точное местоположение. Мужчина вполне мог бы попасть в неё даже укрытую за брезентом. Но она не допустила ни одной ошибки. Она, как сказал бы Роул, вела себя с приемлемой компетентностью. Сарк был полностью застигнут врасплох.

Она выиграла один или два удара сердца, достаточных для того, чтобы добраться до небольшой груды снаряжения. Тогда то рефлексы мужчины наконец взяли вверх и он поднял свой наруч, прицелившись разведенными в стороны пальцами.

У Бриджит осталось времени ровно на то, чтобы схватить стеклянную банку с кристаллами и швырнуть её в сторону Фолли.

Она взвилась в сторону, затем припала к земле, только чтобы увидеть, как Сарк спокойно следит за её метаниям, не спеша с выстрелом. Он тщательно нацелился, не торопясь, но и не мешкая и кристалл на его ладони засиял.

Бриджит не смогла храбро встретить свою смерть. Она закричала от ужаса, поднимая руку.

Наруч сверкнул.

Крошечная звезда метнулась наперерез эфирному лучу, перехватила его и отклонила выстрел по широкой дуге, которая полностью огибала Бриджит.

Бриджит в изумлении уставилась на него, ошеломленная тем, как медленно все происходит. Сгусток энергии, пронесшись мимо неё, ударился о пол за брезентовым пологом прямо в разбросанные осколки стекла и освобожденные люмин кристаллы, отмечая место куда пришелся бросок Бриджит, как выяснилось, не очень далеко от Фолли.

Взрыв не разбросал кристаллы, как по разумению Бриджит должно было непременно произойти. Вместо этого, казалось, он просто исчез, рассеявшись в виде воздушной волны. Там где проходила эта волна, маленькие кристаллы резко вспыхивали злым светом.

И внезапно, они разом поднялись в воздух облаком мигающих пылинок.

Посреди облака возникла Фолли, шагающая вперед, вспышки света танцевали в локонах её карамельных волос, её разноцветные глаза полыхали.

Сарк выстрелил еще несколько раз, но все смертоносные пучки энергии просто рассеялись в кристаллах, заставляя их светиться еще ярче.

- Нам не нравится, когда люди пытаются навредить нашим друзьям. — Раздался холодный и жесткий голос Фолли.

И все облако кристаллов полетело в Сарка, словно пули, выпущенные из ружья

Сарк упал на одно колено, обхватив обеими руками голову. Облако пылающих кристаллов разрывало его плоть с тошнотворным, хлюпающим звуком. Из бесчисленных ран извергались тонкие ручейки крови. Кристаллы вгрызались внутрь него, как сотни маленьких раскаленных дротиков.

Воинорожденный судорожно выдохнул.

А затем он поднялся на ноги, опустив руки, горящие алым светом, от капель крови, покрывающих кристаллы. Кристаллы торчали из его рук, живота, голени и бедра. Он кровоточил и светился силой, которую послушница эфироманта выплеснула в него.

В его безобразных чертах не было ни намека на боль или страх. Он сжал руку и свет от

кристалла в наруче померк.

— Серьезно? — спросила женщина, словно сдерживая смех. Бриджит подняв глаза, увидела, что та, кажется, забавляется, разговаривая с Фолли. — Сколько лет ты была его ученицей? И он научил тебя только перемещению и кинетике? — Она быстро оглядела Сарка, а затем снова перевела взгляд на Фолли. — Скажи мне, что это не всё, что ты умеешь.

Фолли уставилась на женщину. Ее рот открылся, затем снова закрылся. Кровь отхлынула от её лица.

Женщина наклонилась и подобрала маленькие сумки с кристаллами, до которых Бриджит не успела добраться. Она бросила их в Фолли. Сумки приземлились у её ног и порвались, кристаллы рассыпались.

— Невежливо однокашникам убивать друг друга не представившись, — сказала женщина. — И хоть ты мне не ровня, однако у тебя есть талант. — Она склонила голову.

— Меня зовут Сикоракс Кэвендиш. Как и ты я когда-то была ученицей мастера-эфироманта Эфферуса Эффренуса Феруса. А потом он предал меня. — Она улыбнулась и согнула пальцы. — А ты?

Фолли сглотнула. Она посмотрела вниз на маленькие кристаллы, пальцы подергивались, словно ей приходилось сдерживаться, чтобы не поднять их. Затем она кортко присела в реверансе, не отрывая взгляд от своих кристаллов.

— Меня зовут Фолли, мэм.

Кэвендиш весело рассмеялась.

— Фолли, значит? Это он дал тебе это имя?

— И многое другое, — сказала Фолли. Затем ее глаза расширились и она подняла голову. — О. Это ты. Ты мошка, которую я поймала.

Кэвендиш, похоже, несколько ошеломленная комментарием вскинула брови.

— Прости?

— Вы жужжали и жужжали, поэтому я сплела сеть, чтобы поймать вас. Это была не очень хорошая паутина, но у меня получилось. — Фолли склонила голову. — Ты… вы получали заказы. — Она на мгновение закусила губу. — Теперь у вас новый хозяин. Не так ли?

Кэвендиш прищурилась.

— Думаю, с головой у тебя всё в порядке, мисс Фолли. — Она оскалилась. — Довольно Хочешь покажу, что значит настоящая сила?

— Я не разговариваю с куклами, — сказала Фолли. — Они не могут говорить. По настоящему. Они просто танцуют на веревочках.

Глаза Кэвендиш вспыхнули.

— Сарк, — сказала она. — Убей вторую.

Сарк повернулся к Бриджит и двинулся вперед, сжимая в руке меч.

Кэвендиш щелкнула пальцами в сторону Фолли.

Глаза Фолли широко распахнулись и из ее уст вырвался крик истинной муки, который, казалось, был выдернут из внутренностей и раздирал ей глотку.

Бриджит поднялась на ноги, хотя в противостоянии вооруженному воинорожденному от этого было мало толку.

А затем её тело сильно швырнуло и весь мир с грохотом и дымом полетел куда-то вбок.

Глава 53

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, вентиляционные туннели

Разрывные заряды проделали большой проход в насыпи из сломанного кирпича, которая блокировала туннель. Взрывная волна прокатилась по коридору невидимой стеной, выбив дух из легких Гримма, несмотря на его укрытие за ближайшим углом.

Гримм заставил себя броситься по туннелю еще до того как ему удалось восстановить дыхание. Осыпающиеся камни еще стучали по полу, а он уже бежал к пролому в баррикаде из кирпичной кладки, с мечом наперевес и активным наручем, слыша позади себя грохот сапог множества людей, посланных Кеттлом вслед за ним.

Воздух был заполнен пылью и вонючим сернистым дымом. Куски камней разных размеров предательски скользили под сапогами, выводя из равновесия, и воображение услужливо подсовывало картинки как он из-за плохой видимости врезается прямо в стену или напарывается на собственный меч.

Видит Бог, если он ошибся с туннелем, где эта женщина, Кэвендиш, держала своих пленниц, он заслуживал такой исход.

Такое направление мыслей отвлекало и он чуть не сверзился с блока кладки размером с большой кусок свежего мяса. Рука, сжимающая наруч из стали и меди, закрепленный на плече и сэр Бенедикт помогли ему сохранить равновесие и продолжить движение вперед. Молодой воин был напряжен, его кошачьи глаза сверкали и Гримм порадовался что такой ресурс вступает в битву на их стороне.

Гримм вынырнул из темноты и дыма в пространство, освещенное рассеянным светом разбросанных повсюду люмин кристаллов. Пыль и песок в воздухе придавали всей обстановке странное, четкое очертание, будто его восприятие окружения внезапно расстроилось. Обитатели камеры все еще пошатывались, ошеломленные взрывом и летающими осколками, а Гримму потребовалась вечность, чтобы осознать всё происходящее.

Мисс Тагвинн, растянувшись, лежала на полу, похоже оглушена, ее глаза широко раскрыты и расфокусированы. В пяти футах от нее лежал Сарк, воинорожденный, сопровождавший мадам Кэвендиш. Большой мужчина уже шевелился, пытаясь встать на ноги и в руке мерцала сталь с медью. В нескольких ярдах от Сарка, мадам Кэвендиш припала на одно колено, ее дорогое платье и болеро были покрыты пылью. Сжав зубы, она трясла головой, даже когда Гримм дезактивировал наруч и достал вместо него левой рукой свой пистолет.

Его мозг всё еще отмечал детали, когда он шагнул вперед, поднимая пистолет. Очень немногие могли позволить себе расходы, связанные с владением пистолетом, ко всему прочему, из их числа определенный процент в процессе обучения терял свои пальцы, глаза или даже жизни, когда оружие взрывалось изнутри, вместо отправки пуль в цель. Любой пистолет мог выстрелить не более пятидесяти или шестидесяти раз, прежде чем едкий порох разъедал медное покрытие ствола изнутри, после чего железная труха попадала в сталь, ослабляя оружие до тех пор, пока не происходила неизбежная осечка.

Гримм покорно отстрелял с полдюжины пуль, обучаясь вести огонь из этого оружие с минимальной сноровкой, ни в коей мере не претендуя на специалиста в этом деле, поэтому он как можно быстрее шагнул к Кэвендиш, чтобы выстрелить с расстояния, исключающего возможный, из-за его сомнительного мастерства, промах. Разобравшись с ней, он мог отбросить пистолет и перенести огонь своего наруча на шелкопрядов, хлынувших из-за её спины…

Шелкопрядов? Боже Всемогущий, множество смертоносных, взрослых существ

выплескивалось из зева одного из туннелей и бросались к его людям.

С приходом внезапного ужаса закончился бесконечный момент отстраненного наблюдения.

— Бриджит! — закричал Бенедикт.

Сарк поднялся на ноги, его лезвие сверкнуло над лежащей девушкой, но Бенедикт, выпустив яростный львиный рык, звук, который потряс Гримма до глубины души, ударил Сарка на лету. Оба воинорожденных упали, борясь друг с другом.

Рев, казалось, заворожил мадам Кэвендиш. Она подняла взгляд, моргнула, и широко распахнула глаза, когда заметила Гримма. И немедленно начала подниматься.

Он хотел подобраться поближе к эфиромантке, но этого расстояния, семи или восьми ярдов, должно было хватить. Её рука уже поднималась и у него был только один шанс успеть. Гримм слегка прицелился и нажал курок.

Пистолет заискрил, а затем рявкнул, ярко вспыхнув в тусклом воздухе.

Мадам Кэвендиш внезапно издала леденящий душу вопль и, согнувшись пополам, словно подкошенная рухнула на землю.

Первый из шелкопрядов молниеносно бросился к Гримму, изрыгая яростный визг, от которого его обдало волной ужаса, ибо он уже слышал такой несколько дней назад, в темных вентиляционных туннелях хаббла Монинг, сражаясь спиной к спине с Алексом Байярдом.

Активировать наруч времени не оставалось. Вместо этого он подбросил пистолет, перехватил его за ствол и опустил рукоятку тяжелого примитивного оружия на голову шелкопряда изо всех сил.

Руку пронзила боль, мускулы и сухожилия протестовали от такого обращения, но это сработало. Удар свалил существо на пол и Гримм, не теряя времени, загнал свой короткий кортик в тело шелкопряда, в место где голова соединялась с шеей. Он едва успел выдернуть лезвие до того, как монстра скрутили жуткие спазмы, он беспорядочно засучил ногами, исступленно защелкал раздвигающимися в трёх направлениях жвалами, пузырящимися ядовитой пеной.

Аэронавты "Хищника" в ответ дружно грянули боевой клич:

— За Альбион!

И битва началась. Не было времени ни на раздумья, ни на приказы, ни на что, кроме выживания. Наручи разряжались. Шелкопряды визжали. Гримм едва избежал удара очередного монстра и заметил на полу мадам Кэвендиш, со смертельно бледным лицом, она указывала пальцем на Гримма и громко кричала, задыхаясь от гнева.

И с полдюжины существ бросились к нему, следуя её приказу.

Гримм умер бы, не сходя с места, если бы Кеттл, Криди, Штерн и еще шестеро других аэронавтов не добрались до него, их наручи заговорили. Они обратили двух шелкопрядов в кровавое, вонючее мясо, но третий метнулся под выстрелы, схватил жилистого Штерна за одну ногу и дернул с неистовой силой, вонзая клыки, разрывая плоть и источая яд, свалил его с ног,

Штерн закричал.

Гримм изо всех сил пытался добраться до лежащего человека, но все, что он мог сделать — отбиваться от другого монстра и стараться не присоединиться к Штерну на земле. Он пару раз глубоко порезал и проткнул противника, но жесткий хитиновый панцирь был прочен и удары не нанесли значительного урона.

Нога Штерна сломалась с явным хрустом и из раны потекла кровь.

Запах крови окатил шелкопрядов словно внезапный ветер, рождая первобытную, безумную жестокость. Их оглушительный визг поднялся снова и Гримм почувствовал слабость в ногах. Их движения стали быстрее, беспорядочнее, а яд сочился с челюстей, покрывая шпилевой пол.

В нынешней ситуации, с учетом шелкопрядов взбесившихся от крови были возможны только два варианта: либо Гримм, и матросы Хищника уничтожат всех чудовищ до единого, либо они падут от челюстей и яда существ с поверхности.

Штерн снова закричал, вытащил поясной нож и вонзил в шелкопряда, держащего его за ногу, но тварь потрясла его, словно кошка, трясущая туннельную мышь, с силой несоизмеримой с её размерами, мотая юношу влево и вправо и отшвырнула нож.

С другой стороне от Гримма Криди пнул каблуком своего сапога в ротовую полость жука, добившись только того, что челюсти сомкнулись на ноге Криди и вывернули ногу старпома. Его клыки пробили кожу сапога Креди и он вскрикнул от ярости и боли. Абордажный топор Кеттла опустился на шелкопряда и разделил существо пополам прямо посередине, но издыхающая передняя половина твари продолжала сжимать и раздирать ногу Криди в агонии.

Всё больше проклятых существ подбирались ближе, цепляясь за стены и потолок, используя свою превосходную подвижность для окружения Гримма и его людей. Несмотря на недостаток практики наземного боя, ему нетрудно было понять, что жить им оставалось несколько минут.

И тут вступили в бой Феликс и дезинсекторы.

Они не выкрикивали боевых кличей и не издавали ни звука, высыпая из всех открытых туннелей, ведущих в лагерь Авроры. Но когда они достигли ближайших шелкопрядов, их плети раскрутились и набрав обороты, мягко и шипяще засвистели.

Эти плети был довольно смертоносным инструментом, смастеренным из небольших металлических колец, скреплённых в сужающуюся к концу трубку, каждое кольцо было заточено и окаймлено железными чешуйками. Убийственные штуки весили почти как топор и силой удара не уступали ему, кроме того чешуйки отрывали куски плоти, цепляясь за неё. Удар такой плетью пробивал самый жесткий панцирь, нанося глубокие, ужасно болезненные кровоточащие раны. То, что они делали с податливой человеческой плотью, было неописуемо.

Десятки орудий впились в крайний ряд шелкопрядов в едином яростном хоре.

Дезинсекторы бродили во тьме туннелей всех хабблов Шпиля. Ежедневно они подвергались риску оказаться лицом к лицу с кошмаром пришедшим с поверхности. Это была необходимая работа. Без дезинсекторов чудища могли приходить из вентиляционных и обслуживающих туннелей и охотиться на граждан хабблов, а их первыми жертвами почти всегда были дети.

Мужчины и женщины, которые взвалили на себя эту обязанность, были определенно уверенными, квалифицированными, бесстрашными и слегка безумными. И, подумалось Гримму, у этой группы безумцев была веская причина заниматься этим делом.

Плети громили и разрывали. Шелкопряды визжали. Некоторые из людей Феликса сменили плети на короткие тяжелые копья, и когда один из их соратников ранил или ошеломлял тварь, копьеносец подскакивал и наносил смертельный удар с относительно безопасного расстояния.

Сам Феликс крутил плетями в каждой руке, нанося удары влево и вправо, разбивая

броню, разрывая плоть и отрывая конечности существ с какой-то ужасающе практичной методичностью. Быстрым движением он ударил по шелкопряду, напавшему на Гримма свирепым ударом, ошеломив, пригвоздил к земле. Затем он бросил одну плеть, щелкнул другой по шею твари, выкручивающей ногу Штерна и со знанием дела захлестнул металлическое орудие вокруг головы.

Шелкопряд бешено забился, но Феликс просто упёрся ногами и удерживал, оттаскивая в сторону, пока тройные челюсти твари не раскрылись, исторгнув вопль боли.

Гримм добил шелкопряда, ошеломленного Феликсом, затем шагнул за спину дезинсектора. Он пробормотал: "Простите", — осторожно поднес оружие и вонзил меч в нужное место у основания черепа шелкопряда. В течение нескольких секунд обезумевшее существо неистово билось, а затем осело, словно сдувшийся пузырь.

Феликс освободил плеть от мертвого шелкопряда.

— Совсем неплохо, парни. Для кучки туристов, я имею в виду.

— Спасибо, — нерешительно ответил Гримм. — Мистер Криди?

— Сэр.

— Доставьте себя и Штерна к доктору Багену. — Гримм повернулся к Феликсу. — Сэр, кто такие туристы?

Феликс коротко усмехнулся Гримму.

— Закончим тут, и я скажу…

Дезинсектор резко повернулся, его глаза распахнулись и Гримм проследил за взглядом мужчины в один из обжитых аврорцами туннелей. Оттуда донесся вопль множества существ и вторая группа шелкопрядов, не уступающая по количеству первой, вылилась на открытое пространство.

Гримм выкрикнул предупреждение, но оно не было и услышано, и ему оставалось только беспомощно наблюдать как с полдюжины дезинсекторов, потрясенных внезапным натиском, были погребены под волной разрывающих их жвал и отравленных клыков. Их испуганные крики быстро превратились в отчаянные хрипы, а затем затихли вовсе.

Следующими на пути ужасных тварей находились два воина. Бенедикт одерживал вверх над Сарком, и был более менее сверху, его руки и ладони двигались так быстро, что Гримм едва мог их видеть, а Сарк отвечал движением на движения, парируя каждый удар, который пытался нанести молодой человек. Когда новый поток шелкопрядов устремился к ним, оба воинорожденных обратили свой взор к надвигающейся волне.

Глаза Бенедикта расширились и он попытался оторвать от себя Сарка. Но злобный воитель обвил свою ногу вокруг ног Бенедикта и уцепился за его куртку. С гадкой ухмылкой он извернулся, подставляя молодого аристократа под атаку шелкопрядов.

Бенедикт почти тотчас изменил направление движения и вместо того, чтобы избавиться от Сарка, подался вперед, кувыркаясь в ту же сторону. Он упал на землю спиной и перекинул Сарка над собой, швырнув большого воинорожденного на пару футов между первым рядом надвигающихся монстров и собой. Существа накрыли Сарка, словно отвратительное, живое одеяло, и он исчез из поля зрения.

Бенедикт едва успел подняться ноги до того, как до него дошли первые полторы дюжины шелкопрядов. Если бы Гримм был на месте молодого человека, он бы не выжил, но Гримм не был воинорожденным.

Бенедикт по львиному рыкнул, уклонился от первого шелкопряда и, достав свой меч из ножен, разрубил другого пополам в прыжке. Следующий схватился своими жвалами за его

бицепс, повиснув на руке. Бенедикт пошатнулся, обратил инерцию прыжка существа во вращение и швырнул его в двоих собратьев, как своеобразный щит, прикрепленный к руке, отбрасывая их в сторону.

Шестой ударил Бенедикта под колени и вцепился в бедро, свалив с ног.

— Спиной к спине! — проревел Гримм своим людям.

— Группируйтесь! Кеттл, за мной! — Он двинулся к Бенедикту, одновременно задействуя наруч, выпуская луч за лучом в шевелящуюся массу клыков, хитинов и конечностей, превратив как минимум двоих в горящую мякоть, он купил Бенедикту несколько драгоценных секунд.

Воину наконец удалось вырваться из хватки животного, повисшего на его ноге и с криком ярости и боли он поднял руку и колотил тварь о шпилевой пол, пока пурпурный ихор не забрызгал всё вокруг и щетинистое тело не обмякло, скрутившись и подергиваясь в судорогах.

В этот момент Гримм и Кеттл добрались до Бенедикта. Кеттл размахивал топором, держа шелкопрядов на расстоянии. Гримм рывком поставил Бенедикта на ноги, отбиваясь от очередного страшилища мечом.

— Бриджит и Фолли! — воскликнул Бенедикт. Рука и нога его обильно кровоточили, но времени чтобы обработать раны не было — враг наседал. — Мы должны их вытащить!

— Держимся вместе! — ответил Гримм. — Следуйте за мной!

Он поднял наруч и начал взрывать шпилевой пол в примерном направлении где последний раз видел Бриджит, лежащую на земле. Он не нанес урона, но горстку шелкопрядов, которые приближались с этого направления, отбросило назад на несколько футов. Гримм продвинулся на очищенное пространство и снова взорвал пол перед собой, убрав ещё больше шелкопрядов с их пути, и продолжил путь. Он услышал, как Кеттл делает то же самое позади него, отшвырнув основную часть подбирающихся со спины. Он не успел толком испугаться, когда один из шелкопрядов упал с потолка прямо на голову, а Бенедикт отдернул Гримма одной рукой, а другой аккуратно нанизал монстра на свой меч, мгновение продержав его на весу, пока тот бился в агонии, затем, извивающегося, брезгливо скинул с лезвия. Существо свалилось, истекая вонючей кровью.

Гримм продолжал взрывать пол и едва успел отвести выстрел из быстро разогревающегося наруча, едва не задев лежащую ничком фигуру Бриджит Тагвинн.

— Круговая оборона! — рявкнул он. Он вбросил меч в ножны, когда люди выстроились вокруг них и наклонился, чтобы поднять её. Она была рослой девушкой и тяжелее, чем казалась. Гримм подставил одно плечо под её руку и поднял на ноги. Бриджит несколько раз моргнула, её взгляд плавал, но, хоть её ноги подогнулись, она все же смогла удержать большую часть своего веса.

— Мисс Тагвинн! — перекрикивая стоны наручей, обратился к ней Гримм. — Где мисс Фолли?

Бриджит уставилась на него, моргая. Наконец она выдохнула:

— Туннель. В туннеле. Лежит на полу.

Живот Гримма скрутило от подкатившего ужаса.

— В котором?

Бриджит секунду смотрела на него, собираясь мыслями, а затем кивнула в сторону туннеля который Гримм решил не взрывать на полпути в эту мясорубку.

— Капитан! — предостерегающе закричал Кеттл.

Гримм покрутил головой по сторонам и его внутренности сжались и скрутились еще сильнее, когда он понял глубину их затруднительного положения.

Неожиданное нападение на дезинсекторов оказалось сюрпризом и для второй волной шелкопрядов. Мужчины и женщины лежали вповалку умирающие или мертвые, и еще больше их убивали на глазах Гримма. Смрад крови и внутренностей уже наполнил воздух, смешиваясь с испорченной крови тварей. Несколько членов его команды пали, а другие, отчаянно отбиваясь, отступали назад, к пролому — и тут он увидел, что послужило причиной перелома в бою.

Среди них был Сарк.

Громадный боец двигался со страшной скоростью, совершенно непредсказуемо бросаясь из стороны в сторону, среди шелкопрядов, как будто был одним из них. Гримм видел как Сарк небрежно сдавил горло женщины одной рукой и подрезал сухожилия другому дезинсектору, свалив его на землю, где твари с поверхности могли его достать. Взмах руки и нож, блеснув в воздухе, вонзился в ногу Хендерсона, помощника пилота Кеттла. Юноша вскрикнул и упал, схватившись за ногу.

Гримм попытался крикнуть чтобы Хендерсон не трогал нож, но молодой человек уже выдернул его из раны, разбрызгав капли крови и каждый шелкопряд в тридцати футах немедленно бросился на него и член его команды моментально был похоронен под кучей разрывающих, копошащихся тел и морем крови, разлетающейся во все стороны.

Майклз, помощник стрелка пятого орудия, поднял наруч и дважды разрядил его, целясь в Сарка. Первый выстрел прошел мимо.

Второй отклонился и, облетев почти вплотную вокруг Сарка, попал в голову Майклза и сильный взрыв швырнул почти безликий труп стрелка на шпилевой камень.

Глаза Гримма метнулись в сторону, где стояла мадам Кэвендиш, прижав ладонь к ребрам, поверх растекающегося тёмного пятна на платье. Другая рука была вытянута в сторону Сарка, её глаза сверкали.

Команде удалось отступить к пролому, который они проделали с помощью зарядов и шелкопряды, добивающие последних раненных дезинсекторов, начали стягиваться, стремительно направляясь к Гримму и его маленькой группе, возбужденно подергивая конечностями.

Они были отрезаны.

— Отступаем! — крикнул Гримм. — Спускаемся к туннелю! Сдерживаем их огнем наручей, пока не доберемся до укрытия!

Они пятились шаг за шагом. Медь на их наручах дымилась и плавилась от жара. Криди всё громче и яростней скрежетал зубами, но исправно продолжал выпускать смертоносные лучи из своего наруча.

Они добрались до туннеля и Бриджит, соскользнув с плеча Гримма, почти рухнула рядом с мисс Фолли, которая лежала на полу, свернувшись калачиком в позе эмбриона, дрожа, словно ее мышцы пытались свернуться в тугой узел. Гримм огляделся. Туннель был перекрыт основательным завалом, наподобие того, через который они вошли. Однако из этого не было выхода, и некогда было выстроить даже мизерную защиту из каменной насыпи.

Внезапно за пределами туннеля раздался голос мадам Кэвендиш.

— Это уже третий раз, когда вы вмешиваетесь в мои дела, капитан, — сказала она, ее слова падали словно ледышки. — И так как вы пролили мою кровь, этот будет последним.

— Мадам, отзовите своих зверушек! — сразу отозвался Гримм. — Гарантируйте безопасность всех кто со мной и я сдамся. Вы можете убить меня, как захотите.

— Благодарю, но я могу это сделать и без вашего сотрудничества, — ответила мадам Кэвендиш удивленно. — Прощайте, капитан.

И тут же орда шелкопрядов влилась через зев туннеля — их было слишком много. Они цеплялись за стены и потолок, заполняя пространство, двигаясь слишком быстро и в слишком большом количестве, чтобы им можно было что-то противопоставить.

Гримм и его люди были растеряны и он никак не мог остановить это.

Глава 54

Нигде

Фолли успела увидеть, как мадам Кукла указывает на нее пальцем и почувствовать, как в ее тело врезается гейзер эфирной энергии. Затем целый Шпиль боли обрушился на неё.

Фолли подумала, что она наверняка закричала. Она ничего не чувствовала кроме агонии, и каждое чувство только, казалось, увеличивало это ощущение. Она почувствовала, что упала, свернулась калачиком, почувствовала, как ее глаза зажмурились, когда каждая мышца в ее теле судорожно сжалась. Она не могла ничего слышать кроме нестройного воя в голове, и ее горло не пострадало — по крайней мере не так как она понимала боль, — но его слегка щекотало: казалось разумным предположить, что она, должно быть, кричала.

Эта мысль родила другую — как странно, что она может обдумывать своё состояние, когда ее нервная система настолько сильно потрясена. И эта мысль, в свою очередь привела к еще одному открытию: как странно, что она осознаёт весь свой мыслительный процесс.

Она все еще чувствовала боль, боль была настолько велика, что она бы приветствовала сомнительное облегчение от опорожнения её желудка на пол, хотя бы для смены темпа. Одновременно она ощущала, что её мысли дрейфуют отстранённо от тела, подобно тому, как эфшел срывается с корабельной сети, поддаваясь эфирным течениям.

Её тело, её чувства, все оставалось на полу заваленного туннеля, но мыслями она была не с ними. Её разум был где-то в другом месте.

Она была Нигде.

Она недолго плыла в пустом вакууме. А затем почувствовала твердую почву под ногами. Фолли с любопытством и удивлением посмотрела на неё. Она опустилась на колени, чтобы рассмотреть более внимательно. Поверхность была не из шпилевого камня. Это была рыхлая земля, тусклая и зернистая. Она слегка сжала пальцы и поднесла ближе к глазам. Земля была сильно смешана с песком.

Земля.

Песок.

Значит она стояла на поверхности?

Трепет от нежданного ужаса, охвативший её, был совершенно лишним, несправедливым и невежливым. В конце концов, она знала, что ее тело раздирает боль где-то там в Шпиле Альбион. Но, тем не менее, она всю свою жизнь сгорала от любопытства и ужасалась истинной природой мира за пределами Шпиля и вот земля кошмаров обрела плоть. Во всей истории мир поверхности описывался как ад, покорявшийся только безумцам, отчаявшимся и безумно, отчаянно алчным. И хоть разум опровергал её страхи, казалось, что у тела было свое мнение, и её сердце бешено забилось.

Она встала и медленно огляделась. Туман здесь зиял прорехами и она могла видеть по крайней мере на сто футов вдаль, однако беглый обзор не показал ничего, кроме плоской,

сухой земли и нескольких отдельных камней.

А потом земля затряслась. Она грохотала и дрожала, Фолли чувствовала вибрацию подошвами ног. Звук повторился снова и снова, становясь громче с каждым разом.

Шаги. Чудовищные шаги.

Приближающиеся.

Туман шевельнулся и что-то огромное, медленное и бурлящее ненавистью остановилось за пределами зрения так, что Фолли смогла разглядеть только огромное темное пятно. Она застыла на месте и зажала рот руками, чтобы не выдать себя.

А затем великий Голос, звучный и ласкающий слух, как у очень красноречивого, знающего себе цену, зрелого человека, профессионального оратора, сотряс воздух.

— ДОКЛАДЫВАЙ.

Фолли заколебалась. Что бы с ней ни происходило сейчас, это вряд ли давало ей право говорить с позиции силы и ставить условия. С другой стороны её тело всё равно умирало. Она чувствовала, как её напряженное сердце бьётся так быстро, что она не успевала считать удары. Похоже, осторожничать смысла не было.

И кроме того, ей было любопытно. У неё были вопросы. И ответы на вопросы почти всегда важнее осторожности. Даже сама возможность задать вопрос сказал бы ей больше, чем она знала до сих пор. Других способов узнать наверняка не было, оставалось попробовать.

Поэтому она опустила руки.

— Прошу прощения. Что вы имеете ввиду?

Она почувствовала стремительное, пугающее внимание от существа в тумане и Голос снова изрёк:

— ДОКЛАДЫВАЙ.

— Я слышала и в первый раз, но не совсем поняла, что вы хотите. Уверяю вас, я не обрела дар проницательности за последние пять секунд.

Высоко над головой Фолли туман пронзили вспышки красного света, струящиеся из трёх отдельных источников.

Глаза?

— ТЫ, — сказал Голос. — ТЫ НЕ КЭВЕНДИШ.

— Мадам Кукла? — переспросила Фолли. — На самом деле нет, и благодарю за комплимент.

— НАЗОВИ СЕБЯ.

Фолли быстро присела в реверансе перед чудовищной фигурой.

— Фолли. А вас как зовут?

Голос не ответил. Вместо этого раздался чудовищный трубный звук, словно какой-то огромный дирижабль потряс ночь своим гудком. Спустя мгновение тишины издалека раздался еще более громкий рёв в ответ.

— ТЫ ПОТЕНЦИАЛЬНО ПОЛЕЗНА.

— Для вас? — спросила Фолли. — Я так не думаю. Я не кукла. Вы сами так сказали.

— СКЛОНИСЬ.

Три красных огня вспыхнули ярче и Фолли внезапно почувствовала ужасное, неприятное давление, которое сложно было описать. Невероятная мощь, от которой перехватило дыхание. Ей казалось, что что-то копается в её мыслях, сгребает их когтями, ищет чем можно воспользоваться и за что уцепиться.

Оно пыталось управлять ею, так же как она могла управлять…

— Я поняла, — пробормотала Фолли. — Ты тот, кто дергает куклу за ниточки, так? Ты тот, кто дергает всех кукол за ниточки.

— СКЛОНИСЬ, — прогремел голос.

Давление возросло, но Фолли почувствовала, как оно обтекает её, слева и справа, это мало что давало, но, по крайней мере, позволило восстановить дыхание. Она выпрямила спину и насупилась, глядя на красные огни.

— Это еще долго будет продолжаться? — спросила Фолли.

— Если да, то боюсь, я вынуждена отказаться продолжать. У меня мероприятие, на котором я должна присутствовать. — В конце концов, кажется логичным, что кое-кому надлежало бы присутствовать на собственной смерти, а не блуждать как своенравное дитя, уклоняясь от обязанностей.

— ТЫ УЦЕЛЕЛА, — произнес Голос, помолчав.

— Не ожидала, что ты скажешь что-то настолько очевидное, — ответила Фолли. Она прищурилась, пытаясь заглянуть за туман. — Значит… ты пытался контролировать меня, точно так же как мадам Куклу, так же как управляешь шелкопрядами.

— КАК ТЫ УЗНАЛА? — потребовал ответа Голос.

— Я смотрю на происходящее и размышляю об этом, — ответила Фолли. — И, конечно, использую интуицию и дедукцию с индукцией, а также всякие исторические или теоретические модели, которые, похоже, подходят. Кроме того, у меня были очень ужасные сны, которые, очевидно, были адресованы мадам Кукле и я могла только предполагать что это какие-то указания, поэтому когда я поймала один в сети, то учитель сказал мне что это было послано Врагом, и что у нас теперь есть Враг, и то, что он разузнал в пойманном мной сне, привело нас в хаббл Лэндинг…

— Фолли почувствовала, как её лицо расплывается в широкой улыбке. — Ага. Теперь я понимаю. Ты и есть Враг.

— ЕСЛИ ТЕБЯ НЕЛЬЗЯ ЗАСТАВИТЬ СЛУЖИТЬ, — сказал Враг — ЗНАЧИТ ТЕ НУЖНО УНИЧТОЖИТЬ.

И внезапно песчаная почва начала осыпаться под ногами Фолли.

Внутренности Фолли подпрыгнули к горлу, и она отчаянно попыталась зацепиться за твердую почву. Но это было бесплодно. Независимо от того, как быстро она карабкалась песок сыпался внутрь огромной ямы еще быстрее. Она попыталась было бежать и почувствовала, как ее шаги замедлились, ноги увязали в зыбкой субстанции, скользившей под её весом. Чем быстрей она пыталась продвинуться вперед, тем быстрее её тянуло назад и вниз.

Песок, подумалось Фолли, был ужаснейшей материей. Она чувствовала, как он поднимается всё выше, охватывая её щиколотки и воображение услужливо подсовывало картинки как песок забивается в нос, в рот, засыпается в глаза. Это была зловещая смерть, задохнуться крошечными осколками стекла. Неудивительно, что Строители выстроили убежище для человечества из шпилевого камня. Шпилевой камень был замечательным материалом — прочным, устойчивым, долговечным. Любой ощущал уверенность, стоя на шпилевой тверди.

Не успела Фолли закончить мысль, ее нога почувствовала что-то устойчивое и ровное. Она моргнула и посмотрела вниз, чтобы увидеть блок темного камня, поддерживающий ее ногу и щиколотку среди неуклонно растущего потока песка.

— Ах, ну конечно, — вслух произнесла Фолли. — Мое тело в другом месте. Это место разума. В разуме только мысли реальны.

Она сосредоточенно представила шпилевой камень и сделала еще один шаг. К её большому облегчению нога опустилась на очередной незыблемый блок из черного камня.

Враг яростно заревел, словно сотни диссонирующих в какафонии низко гудящих рогов и сердце Фолли затрепетало от ужаса. Она побежала всерьез, а блоки из шпилевого камня превратились в обычную лестницу, поднимающуюся из сыплющегося песка. Она стремглав, словно кошка, взлетела по лестнице, преодолевая реки песка, который пытался увлечь её за собой.

Она добралась да уровня поверхности этой пустынной земли и продолжала бежать, мысленно поднимая всё больше ступенек по ходу. Позади снова раздался хриплый, неистовый рев и лестница под её ногами заходила ходуном, когда нечто чрезвычайно огромное сделало один гигантский шаг, затем другой, направляясь в её сторону.

Фолли не смела оглянуться, боясь, что вид чего-то ужасного разрушит её концентрацию. Ей нужно было убежать. Она поднималась по лестнице, судорожно пытаясь понять как покинуть это место. Будет нечестно, если она, попав сюда без каких либо усилий со своей стороны, не сможет выбраться.

Она вернулась к своим предыдущим рассуждениям. Мысли становились реальностью здесь. Если кому то нужно было выйти куда-то, он вышел бы через дверь.

Она представила перед собой дверь и внезапно та соткалась из воздуха прямо перед ней, на самом верху лестницы. Фолли бросилась вверх по последним ступенькам, но тут на её плечи упал яркий красный свет и бледная кожа её рук приобрела алый оттенок. Она надеялась, что ее теория верна. В противном случае ей предстояло прыгнуть сквозь пустой дверной проем и пролететь несколько десятков ярдов в огромную, обваливающуюся яму с песком.

Фолли открыла дверь, увидев перед собой облако огненных красных искр, кружащихся в воздухе.

Враг снова рявкнул и на нее упала внушающая ужас тень, темнота и холод, которые она никогда не испытывала до этого момента.

— РАЗОРВИТЕ ЕЁ! — прорычал Враг. — УНИЧТОЖЬТЕ!

Фолли рефлекторно пискнула от страха и нырнула в открытый дверной проем в пустом воздухе, захлопнув за собой дверь.

* * *

Фоли резко села, сжимая в руке несколько люмин кристаллов и заморгала. Кто-то обнял её за плечи и это оказалась Бриджит. За ней находилось с полдюжины членов экипажа "Хищника", включая Бенедикта Сореллина и угрюмого капитана. Они казались измученными и испуганными и все размахивали оружием в обеих руках. Это означало угрозу.

С другой стороны, в общем, Фолли не ощущала ничего похожего на то, что она могла бы назвать смертью, лишь приключение, которое закончилось приятным сюрпризом. Всегда важно разбавлять плохие новости хорошими.

— Ох, — сказала она маленьким кристаллам. — Мы сделали это! Мы сбежали!

Бриджит дернулась и уставилась на нее.

— Фолли! С тобой всё хорошо?

"РАЗОРВИТЕ ЕЁ", — эхом отдались в голове слова Врага. — "УНИЧТОЖЬТЕ".

Голос Врага разлетался искрами пожара, вырывающегося из дверного проема, который вел из Ниоткуда. Искры были того же рубинового цвета, что и свет Врага.

Фолли огляделась, увидев, как в туннель вливаются десятки шелкопрядов, ползущих по полу, стенам и потолку, и их фасеточные глаза сверкали маленькими алыми огненными точками.

И каждый глаз смотрел на Фолли.

Шелкопряды взвизгнули в сверхъестественном унисоне, а затем бросились вперед с удвоенной скоростью.

Глава 55

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, вентиляционные туннели

Бриджит с облегчением наблюдала как Фолли открыла глаза, села и весело сказала:

— Ох, мы сделали это! Мы сбежали!

Бриджит тоскливо оглядела хаос на останках лагеря аврорцев до кирпичной стены, которая надёжно преграждала им путь в боковой туннель, где их с Фолли держали в плену. Им противостояла, готовая немедленно пожрать их, небольшая армия существ с поверхности, а те несколько человек, которых капитану Гримму удалось собрать здесь, были ранены либо вымотаны до предела и у них не было никакой возможности противостоять этой напасти.

В какой-нибудь вселенной, изумленно подумала она, их текущая отчаянная ситуация могла бы сойти за бегство

Бриджит содрогнулась от таких мыслей и увидела, что послушница эфироманта тупо уставилась в пространство.

— Фолли? — позвала Бриджит. — Фолли! С тобой все в порядке?

— Мисс Фолли, — подал голос Бенедикт, нависнув над девушками. Он присел и осмотрел Фолли, быстро положив руку ей на шею. — Дыхание ровное и пульс устойчивый. Похоже, она не пострадала. Возможно, ударилась головой.

— Учитывая всё происходящее, я начинаю думать, что неплохо будет если мы все ударимся головой, — вставила Бриджит. — Что будем делать?

— Драться, — сказал Бенедикт, мрачно усмехнувшись её шутке. Он вытащил тяжелый нож из-за пояса, перевернул его рукоятью от себя и протянул Бриджит. — Вот.

Бриджит сглотнула и взяла нож. В её руке была успокаивающая тяжесть лезвия, но она знала, что когда ей придется использовать оружие, шелкопряды будут так близко, что она вряд ли сумеет быть достаточно полезной. Однако хуже всего было то, что рука и пальцы Бенедикта были обагрены его кровью и, более того, лезвие ножа, который он передал Бриджит, было запачкано свежей кровью. Он был ранен, скорей всего, серьезно. На левом предплечье от порезов и ран расползались скверно выглядящие пятна. Несомненно яд.

Яд шелкопряда смертелен, даже для воинорожденного. Сердце Бриджит упало и она испытала слабость от тревоги за него.

Но она снова сглотнула, встала рядом с Бенедиктом и твердо поблагодарила.

— Спасибо, сэр.

— А это я нашел, когда мы отступали сюда, — проговорил Бенедикт и поднял руку. В ней лежал наруч Бриджит. — Я подумал, что раз он попался мне, я могу при случае передать вам.

Бриджит выдавила смешок.

— Это так мило с вашей стороны, сэр, — сказала она и начала закреплять наруч на

руке. Ей никогда не удавалось делать это со скоростью и точностью настоящего эксперта, но её пальцы двигались уверенно и без дрожи. — Сэр Сореллин?

— Мисс Тагвинн? — откликнулся Бенедикт.

— Полагаю, мы умрем здесь? — спокойно сказала Бриджит. — Ради всего святого, прошу вас быть честным со мной.

Бенедикт быстро глянул на неё. И ничего не ответил. Не было необходимости. Она увидела ответ в его глазах.

Бриджит продолжила закреплять наруч, удивляясь, своему спокойствию. Дело было не в том, что перспектива насильственной смерти пугала её — на самом деле, она боялась. Но с в то же время…

Её выпало быть здесь. Она стояла на пути зла, потому что выбрала этот путь, рискнула, чтобы попробовать защитить остальных. Чтобы ни случилось сегодня, она знала, что уже отвлекла на себя ужасных существ и монстров, отвратив их от невинных и беззащитных. Она служила щитом и мечом своим собратьям альбионцам.

Ей не хотелось бы умирать сегодня, совсем нет. Но все умирают. И если сегодня был её последним днем, значит она падет не зря. И конечно же, погибель в битве против таких отвратительных противников очень красноречиво говорило относительно её принципов и её жизни.

Щелкающие звуки за пределами туннеля становились все громче.

— Вот они, — вскрикнул один из аэронавтов, сдавленным от страха голосом.

— Спокойно, — хладнокровно сказал капитан Гримм. Таким тоном словно они обсуждали погоду.

Бриджит покосилась на капитана. Он стоял с окровавленным мечом в руке, его все еще горячий наруч дымился, в месте где медь соприкасалась с тяжелым кожаным ремнем. Лицо его было бледным, но твердым, взгляд не отрывался от входа в туннель.

Она перевела взгляд на Бенедикта Сореллина, высокий и прямой, он дышал заметно тяжелее чем несколько минут назад. Яд проникал все глубже. Глаза его также смотрели в темноту, а лицо было спокойным и бледным. Он несколько раз взмахнул мечом, словно бумажной салфеткой, не замечая веса стального оружия.

И пусть враги примутся говорить с уважением о смерти Бриджит, но её союзники непременно заговорят громче и отчетливей о её жизни.

Она справилась с последней застёжкой на наруче, поправила ее, схватила тяжелый нож в правую руку и встала лицом к врагу рядом с Бенедиктом.

В этот момент Фолли внезапно напряглась и её глаза широко распахнулись. Она на секунду взглянула на вход в туннель, а затем подняла руки, тихо всхлипывая и пятясь в противоположную сторону от входа, пока не прижалась спиной к импровизированной баррикаде из нагроможденных камней.

Бриджит коротко взглянула на неё, а затем её пронзило воспоминание о даре ясновидения у Фолли когда как орда детенышей шелкопрядов полезла из потолка на них. Бриджит проследила за взглядом Фолли и развернувшись, прокричала Гримму:

— Потолок, капитан! Огонь!

Гримм смотрел на нее долгие полсекунды, но Бриджит не дождалась, когда он поймет её. Она вскинула перчатку и послала сверкающую стрелу энергии к потолку туннеля у входа. В тот момент когда она делала, первые шелкопряды из орды протиснулись вперед, цепляясь за потолок, стремясь вперед. Бриджит промахнулась, но выстрел Гримма полсекундой

позже, четко пронзил первого нападающего лучом ослепляющего света, отправляя бездыханное тело на пол.

А потом возникли шелкопряды, ужасные и пугающе быстрые, текущие, словно живой ковер, по потолку туннеля прямо к ним. Их глаза сверкали, а тройные жвалы широко раскрылись в яростном шипящем и свистящем вопле.

— Потолок! — взревел Гримм, после нескольких выстрелов.

— Огонь, огонь, огонь!

Аэронавты и Бенедикт последовали приказу и через мгновение шелкопряды были разорваны в клочья и сметены с потолка почти так же быстро как появлялись. Бриджит понятия не имела, попала ли она хоть в кого-то, хотя справедливости ради она усердно не пропускала каждый дружный залп. По ее мнению это было больше похоже на тушение пожара из водяных помп чем на сражение о которых ей столько рассказывали.

К несчастью, напор в их помпах был очень слабым. Наручи аэронавтов перегревались один за другим, обжигая кожу и плоть под ними. Гримм последним из своих людей перестал стрелять, медные прутья его наруча раскалились докрасна, Бриджит продолжала стрелять по целям в одиночку, ее собственное оружие было более свежим и не нагрелось настолько сильно, как у тех кто сражался уже довольно долго.

— Клинки! — приказал Гримм, когда волна шелкопрядов у входа начала разворачиваться, уверенно и агрессивно.

Звякнули ножны и зашелестела сталь когда аэронавты начали доставать свое оружие. Первый атакующий спрыгнул на них и сразу напоролся на несколько мечей, в мгновение ока порубивших его на куски. Но Бриджит понимала, что неизбежное случится и глаза заполнились слезами разочарования, когда она увидела как в туннель вливаются всё больше чудовищ. Их было не так много, как некоторое время назад, может с дюжину. Но они превосходили альбионцев в два раза и люди были гораздо более хрупкими существами, чем шелкопряды. Они безумно близко подошли к победе, но теперь стоял только вопрос времени когда смерть настигнет их.

Шелкопряды начали падать на осажденную горстку.

А затем Бриджит услышала самую прекрасную музыку за всю свою жизнь.

Когда один кот подавал боевой клич, это был тревожащий звук. Когда две кошки внезапно начинали вопить друг на друга подобным же образом, это откровенно расстраивало.

Когда одновременно поднимали голос сотни из них, в унисон, одного звука было достаточно, чтобы любой почувствовал как срывается кожа с мышц и костей, воскрешая в памяти страх, унаследованный от предков, давно умерших и забытых, примитивный ужас перед смертельным хищником. Даже чужеродная неумолимость шелкопрядов не могла игнорировать этот зов и монстры с поверхности начали дергаться и нервно бросаться из стороны в сторону.

Роул и Девять когтей пришли на войну.

Коты возникли в туннеле воющим валом, во главе с Роулом, сыном Маула из Тихих Лап, плечом к плечу с ним был Наун, вождь Девяти Когтей с сильнейшими воинами племени, вооруженных боевыми когтями.

Плотная масса кошек как будто брызнула разом во всех направлениях. Тем, кто никогда не видел племени кошек в бою или, по крайней мере, играющих в военные игры, показалось бы, что потом воцарился полный хаос. Кошки разбились, казалось бы, наугад, царапаясь

когтями, прыгая, кусаясь и ничего не предпринимая.

Но Бриджит знала больше. Кошки понимали, что они не противники гораздо более крупным и сильным шелкопрядам в дуэльной схватке. Вместо того, чтобы до изнеможения жертвовать своими воинами в отчаянной сече, они играли в другую игру, заставляя опасных тварей отвлекаться, постоянно крутиться, разворачиваться и огрызаться и, как только коты понимала, что в опасности, то немедленно ретировались, прежде чем их могли прищучить. Кошки шмыгали туда-сюда, постоянно оставаясь недосягаемыми для шелкопрядов на самую малость. Монстры с поверхности, разъярённые и задёрганные могли только бесполезно хватать воздух в месте где только что находились стремительная мохнатые комки и пытаться уследить за каждым их движением.

А потом, когда усталость начала одолевать насекомоподобных существ, когда фантастическая скорость их рефлексов снизилась из-за царящей сумятицы, вступили в бой Роул и Наун.

Бриджит увидела как её друг стремительно бросился прямо в открытые челюсти шелкопряда. Она выкрикнула предупреждение, но Роул скакнул влево и вправо, а затем, не замедляясь, упал на спину. По инерции он проскользнул под шелкопряда и быстро начал рвать его боевыми когтями.

Роул снова издал боевой клич, а его задние ноги размылись от скорости с которой он скрёб и скрёб подбрюшье шелкопряда над ним. Он откатился и отпрыгнул на мгновение прежде чем хлынула вонючая пурпурная жидкость и из нутра жертвы вырвалась какая-то слизь. Шелкопряд бешено метался несколько секунд, а затем, пошатываясь, упал на бок, его многочисленные ноги бесполезно задергались и медленно замерли.

— Роул! — восхищённо воскликнула Бриджит.

— Мышонок! — весело мурлыкнул Роул в ответ. — Не убивай мою добычу! У меня пари с Науном! — Кот, отпрыгнул, избегая атаки шелкопряда, которого, Бриджит могла поклясться, Роул не мог видеть и бросился прочь, только чтобы скользнуть под другого смертельно изможденного шелкопряда на противоположной стороне туннеля. Снова он бешено разодрал внутренности врага и отпрыгнул прежде чем вонючая жидкость из кишок могла попасть на него.

Капитан Гримм качнулся вперед, высоко подняв меч и прокричал:

— Поможем котам! Отвлекайте шелкопрядов! Изнуряйте их!

Бенедикт бросился вперед, чтобы порезать шелкопряда, который сумел схватить кота за хвост, угрожая существу и вынуждая его освободить животное, а затем оттеснил еще одного от раненого кота, прыгнув между монстром и сбитым с ног пушистым комком, широко скалясь.

Бриджит сдерживала себя. Учитывая ее умение обращаться с наручем, было бы глупо метать смертельные лучи энергии в такую сутолоку. А принимая во внимание, насколько коротким был ее нож, использование его по назначению было прекрасной возможностью получить ядом шелкопряда в лицо и, кроме того, кто-то должен был следить за Фолли, чтобы ни одна из злобных тварей не смогла достать её щуплую фигуру.

Битва длилась недолго. Так же, как и шелкопряды превосходили числом альбионцев, что вело к закономерному финалу, у кошек было численное превосходство над шелкопрядами почти с таким же эффектом. Наун, Роул и гвардейская стража Науна быстро уничтожали монстров, поочередно выбирая себе мишень, пока не остался последний из выживших жуков.

И в этот самый момент Наун издал злобный, остервенелый клич и двести членов Девяти Когтей бросились на зверя, яростно разрывая и раздирая ненавистное тело. Кошки не просто убивали шелкопряда, а равномерно растаскивали его на несколько десятков квадратных метров туннеля.

Бриджит почти пожалела зверя.

Почти, но не совсем.

— Чёрт меня дери, — пробормотал суровый аэронавт. Бриджит припомнила, что его зовут Кеттл или Кеппл, что-то в этом роде. — Маленькие пушистые ублюдки не шутят, так ведь?

— Прикуси язык, Кеттл, — сказал капитан Гримм. — Учитывая всё произошедшее, я считаю очень неразумно будет кого-то нечаянно оскорбить. Ммм?

— Да, Кэп, — ответил Кеттл, глядя на расплывающееся пятно, бывшее несколькими мгновениями назад здоровенным шелкопрядом. — В этом есть толк. Никого не хотел обидеть, котятки.

Роул лениво подошел к Мышонку, чрезвычайно довольный собой.

— Пятеро, — сказал он важно. — Пять полноценных шелкопрядов за столько минут. Маул никогда такого не повторит.

Бриджит попыталась что-то сказать и поняла что не может. Вместо этого она уронила нож, слегка всхлипнула и сгребла Роула на руки, прижимая его теплый мех к себе.

— Ты спас нас, — наконец сказала она.

— Само собой, — отозвался Роул. — У меня нет недостатков.

Бриджит с трудом сглотнула. А затем заплакала.

— Я так испугалась, — сказала она. — Я думала, что умру вдали от дома.

Роул довольно мурлыкнул.

— Как такое возможно, — спросил он, — когда ты под моей защитой?

У неё вырвался смешок.

— Ты невозможен.

— Я кот, — самодовольно изрёк Роул. — Это не твоя вина, Мышонок. Естественно, что настолько ограниченное существо, как человек, считает меня невозможным. И ты промочила мой мех.

Бриджит поцеловала макушку пушистой головы Роула, снова обняла его и посадила на пол. Как ни странно, он, похоже, не особо беспокоился о своей шерсти.

— Я хочу поговорить с Гриммом Корабельными Деревьями.

Бриджит моргнула от изумления.

— Ты дал ему имя?

Роул тряхнул ушами, словно не расслышал её и зевнул.

— Переведешь на альбионский?

— Конечно, — ответила Бриджит. — Бенедикт, останьтесь с Фолли?

— Конечно, — откликнулся Бенедикт. Он довольно низко поклонился Роулу и сказал, — Славная битва.

— Он знает, — опередила Бриджит Роула.

Кажется, Роул задумался об этом, затем повернулся и дернул хвостом, как человек, пожимающий плечами, выказывая равнодушие. — Да, — сказал он. — Так и есть. Пойдем, Мышонок.

Бриджит сопроводила Роула к капитану Гримму.

— Мастер Роул, — серьезно поприветствовал кота Гримм. Он выпрямился, сунул свою шляпу под мышку и низко поклонился Роулу. — Ты спас мою жизнь и жизнь моих людей. Я твой должник.

— Я знаю это, — сказал Роул (через Бриджит). — Как один из воинов Шпилеарха я должен закончить одно дело. На территории клана Девяти Когтей всё еще находятся аврорские военные. Девять Когтей и я спасли вам жизнь. Теперь вы должны помочь им защитить их территорию.

— Да, — сказал Гримм, кивнув. Он отвел глаза в стороны и широко распахнул их.

Бриджит подняла голову, чтобы увидеть, как остальная команда "Хищника" вышла из тени одного из туннелей. Изломанные фигуры нескольких шелкопрядов усеивали пол позади них, вперемешку с неподвижными человеческими телами. Судя по всему, большая группа мужчин была заблокирована в туннеле некоторым количеством шелкопрядов. Теперь они вышли, напряженно поглядывая на кошек, держа мечи в руках, а наручи на взводе.

— Не стрелять! — поспешно крикнул Гримм. — Стойте! Всё кончено! Кошки с нами!

Мужчины повиновались своему капитану и Гримм снова повернулся к Бриджит и Роулу. — Независимо от того, зачем аврорцы прислали сюда этот отряд, они начали действовать. Их необходимо остановить. Помогут ли Девять Когтей?

Хвост Роула дернулся влево и вправо.

— Девять Когтей не волнует, кто управляют человеческой частью хаблла. Их война была с шелкопрядами. Схватка с монстрами с поверхности это одно. Схватка с людьми в наручах совсем другое.

Гримм хмыкнул.

— А как насчет разведки? Они могут сказать нам, где аврорцы сейчас?

Не ответив, Роул присел и спустя один удар сердца от стены отделилась тень и подкралась к ним, устроившись за ним. Тридцатифунтовая фигура Роула заслоняла маленькую самку, которая спряталась с ним, умудрившись не уронить при этом ни грана достоинства.

— Привет, Мирл, — сказала Бриджит. — Капитан Гримм, это Мирл.

— Я рад наконец-то узнать её имя, — сказал Гримм. — Спасибо, Мирл, за твое предупреждение. Ты знаешь, куда ушли аврорцы?

— Конечно, — сказала Мирл, покосившись на Роула. — Пока вы, избалованные дети, развлекались, убивая добычу, которая даже для еды не годится, я делала важную работу.

— Какая работа, скажи пожалуйста? — попросил Гримм.

— Следила за аврорцами, конечно, — сказала Мирл. — Между прочим, я проделала это совершенно незамеченная никем из врагов.

Глаза Роула опасно сузились.

— Говори, что у тебя есть, — прорычал он. — Где они?

Вместо того, чтобы отвечать, Мирл тщательно принялась вылизывать лапу, достаточно долго, давая понять, что Роул не сможет заставить делать её то, чего ей не хочется.

Бриджит вздохнула. Кошки. Она подняла руку в призыве помолчать, опережая вопрос капитана Гримма. Он нахмурился, но подчинился.

Через какое-то время Мирл наконец заговорила.

— Они в том каменном доме со стенами и грязью и зелеными растущими штуками.

Бенедикт напрягся.

— Храм. Что они там делают?

— Убивают, — ответила Мирл. — Жгут.

Бриджит переглянулась с капитаном.

— Зачем им это делать?

— Действительно зачем, — задумчиво нахмурился Гримм.

— Мы должны помочь им, капитан, — горячо заговорил Бенедикт.

Гримм секунду изучал молодого человека, прежде чем кивнуть. — Мы сделаем все, что в наших силах. Криди, я знаю, что все истощены. Но мы выступаем.

Глава 56

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, Монастырь Пути.

Роул, практически в одиночку победивший армию шелкопрядов, сидел и наблюдал, как люди двигались словно сонные мыши, отходя от битвы.

Мышонок, которая была самой важной из человеческих существ, помогла человеку Фолли встать на ноги и заговорила с ней озабоченным шепотом. Это было, конечно, смешно. Человек Фолли могла стоять и отвечать, а значит было очевидно, что эта странная девушка была в норме. Человек Фолли выглядела довольно испуганной, пока Мышонок не сунула несколько маленьких кристаллов света ей в руки и тут же ученица эфироманта прижала их к себе, как будто они были ценнее котят.

Гримм Корабельные Деревья обходил павших и раненых воинов. Роул это одобрял. Точно также Наун проведал раненых и погибших из Девяти Когтей. Вожак закончил обход и подошел к Роулу, его окровавленные боевые когти цокали по полу.

— Роул.

— Наун.

— Ты сразил столько же сколько и я, — заметил Наун.

— Правда? — беззаботно спросил Роул. — Я не отслеживал.

Хвост Науна взмыл в воздух.

— Моей стае ничего не угрожает. Ты сыграл важную роль в том, чтобы это случилось.

— Не стоит благодарностей, — сказал Роул.

Наун пристально посмотрел на него. Затем произнес:

— Ты сохранил жизнь моему котенку, хотя у тебя были все основания убить его.

— Несомненно.

— Почему?

— Из уважения, — ответил Роул. Он поднял правую заднюю ногу и посмотрел на окровавленные лезвия на ней. — Его боевые когти хороши.

— Редко пользуется, — проворчал Наун. — Оставь себе.

— Нийну это не понравится, — заметил Роул.

— Нийн заработает свои когти снова. Может в этот раз он усвоит урок.

— Желаю удачи в этом, — сказал Роул. — Надеюсь, извинишь меня. Когти натирают.

Наун дернул ухом на прощание.

— Передавай отцу мое почтение. Его посланникам будут рады на территории Девяти Когтей.

— Обязательно, — ответил Роул.

Наун поднялся и удалился без лишних слов.

Роул вновь повернулся к Гримму Корабельные Деревья и отметил, что мужчина отдает распоряжение нескольким своим уцелевшим воинам, чтобы те помогали человеческому целителю перенести раненых в более безопасное место.

Если бы он чувствовал еле уловимый запах дыма в воздухе как Роул, он бы двигался быстрее. Но это был путь людей. Как и мозги, их чувства были не особо острыми и всё было бы не так уж плохо, но они тратили огромное количество времени, игнорируя их или даже притупляя своими напитками, так называемой музыкой и своим мылом. И неважно, что они стояли в единственном хаббле во всем Шпиле Альбион, заполненным легко воспламеняющимися зданиями и что всё вокруг могло в одночасье превратиться в гигантскую духовку и поджарить их разом. Возникающая суматоха перед каким-либо действием, была отличительной чертой всех людей.

Годы жизни рядом с людьми научили Роула, что бессмысленно торопить их и сделали его более терпеливым, чем, когда он был у власти. Они будут готовы, когда будут. Не теряя времени, он подошел к Мышонку, устроился поудобнее и занялся креплением своих новых боевых когтей. Узлы были нецивилизованным творением. Его лапы были плохо приспособлены для того, чтобы подтянуть кожаный шнурок, крепивший манжеты на лапах, поэтому в дополнение к оружию не мешало бы обзавестись парой помощников.

— Роул, — на кошачьем обратилась к нему Мышонок. — Позволишь мне помочь?

— Да, — быстро сказал Роул и растянулся, расслабившись, пока Мышонок развязывала узлы своими неприлично длинными и точными пальцами. Он предположил, что у каждого существа есть что-то, в чем они преуспевают. Люди, например, могли легко управляться с узлами, а кошки — делать всё остальное.

Мышонок, наконец совладала с завязками и осторожно стащила широкие кожаные манжеты с его лап. Роул, в отличие от какой-нибудь ничтожной кошки, смог сдержать недостойный его вздох облегчения, когда избавился от этих тесных, давящих приспособлений. А еще он чувствовал себя довольно грязным. Жидкости из чрева тупых шелкопрядов, к счастью не замочили его шкуру, как это случилось с медлительными воинами из стаи Науна, но его шерсть безусловно была заляпана разной дрянью и смердела.

Роул зевнул и, поджав ноги, опустил голову у ног девушки.

Она опустилась на колени перед ним и почесала ему за ушами, что, по его мнению, тоже было особым умением человеческих пальцев.

— Ты был таким храбрым только что, Роул, — сказала Мышонок. Её голос был таким мягким и теплым. — Ты спас нас.

Было бы неприлично изгибаться от удовольствия, слушая такое, поэтому Роул заставил себя встать и, выгнув спину, потерся об её руку всем телом, заодно счищая с себя кое-какую грязь.

— Я знаю, — сказал он.

— Как ты убедил Девять Когтей? — спросила Мышонок.

— Я спас котенка их вожака.

— От чего?

— От себя, — ответил Роул. Он потянулся и потер задние лапы друг о друга, пока не убедился, что шерсть пригладилась. — Я бы разнес шпиль за тебя, Мышонок.

Мышонок пискнула и сгребла его в неуклюжие человеческие объятья.

Роул прижался щекой к её щеке и замурлыкал. В конце концов, его вряд ли можно было обвинить в непристойности, если человек, даже такой исключительный человек, как Мышонок, поддалась чувству привязанности.

И к тому же её рукава очищали его шерсть.

Момент длился пока высокий молодой воин рядом с Гриммом Корабельные Деревьями

не призвал:

— Все строимся за мной! Выдвигаемся!

И, наконец, когда Роул успел вздремнуть разок-другой после сражения, они начали двигаться.

* *

Запах дыма становился все сильнее и сильнее пока люди пыхтели и отдувались на тесных улицах хаббла Лэндинг. Довольный Роул вприпрыжку бежал рядом. Из всей группы только его Мышонок двигалась ровно, бухая теми же самыми ботинками, в которых она бегала с гвардейцами. Очевидно, все эти бессмысленное пробежки сделали своё дело, подготовив её к этому вечеру. Она очень хорошо двигалась по сравнению со всеми остальными в маленьком отряде. Конечно, не так, как кошка, это было просто невозможно. Но много лучше, чем другие люди, даже воинорожденный.

Роул с любопытством глянул на человека Бенедикта. Он всегда казался Роулу половчее остальных людей, но сейчас это умение куда-то улетучилось. Его ноги заплетались, и он хватал ртом воздух, как и все прочие. Он, должно быть, устал, хотя и в таком состоянии у него хватило ума поднять нос повыше и принюхаться, заметив наконец запах дыма, который был очевидным для Роула еще до того, как они начали эту скачку.

Роул что-то услышал и сосредоточился на этом звуке.

— Мышонок, — окликнул он, — Впереди стреляют из наручей.

Мышонок покорно передала сообщение или, скорее, попыталась. Первый человек, которому она велела передать по цепочке информацию капитану, слишком сильно хрипел, чтобы товарищи его поняли. Мышонок покачала головой, ускорилась и побежала к Гримму Корабельные Деревья, чтобы самой известить его.

Люди рассыпались по мере приближения к храму и пошли медленней, осторожно крадясь, если это можно было назвать подкрадыванием. Для Роула они шумели с грохотом и гамом парового двигателя, исключая Мышонка, которая, к её чести, производила шума не больше очень неуклюжего, увечного котенка.

У Роула таких проблем не было. Его можно было увидеть только если он хотел, чтобы его видели. Он бросился вперед.

Из Храма Пути валил дым, вероятно, из-за того огня, что пылал внутри. Несколько человек, судя по всему, пытались выстроить цепочку, предположительно, чтобы передавать ведра с водой друг другу пока какой-нибудь самый глупый из них мог бросить его в огонь. Металлические ведра валялись повсюду, вперемешку с несколькими трупами людей, которым, похоже, не повезло.

Роул увидел, как какой-то человек показался в проеме ворот, осторожно высунулся из-за стены, окружавшей храм и выстрелил из своего наруча в плотную завесу дыма, проделав в нём прореху из сгорающих частичек пепла. Он тут же отпрянул назад и несколько ответных выстрелов впились в стену рядом с ним, выбив фонтанчики каменной крошки. Люди Лэндинга, похоже, не давали легко себя убивать.

Роул ускорился, пересекая открытое пространство между остальной частью хаббла и территорией храма с максимальной скоростью. После, отыскав удобный камень, слегка выступающий из стены, он поднялся повыше и проанализировал ситуацию. Во внутреннем дворике храма находилось с полдюжины людей, все они были вооружены и занимали удобные позиции, чтобы расстреливать из укрытия осаждающих.

Роул запомнил их расположение, легко спрыгнул со стены, бросился обратно к

Мышонку. Он коротко передал ей всё что видел, а она перевела эти сведения Гримму Корабельные Деревья когда отряд подошел к храму.

Корабельные Деревья сурово кивнул.

— Зачем сжигать Храм Пути? — спросил человек Криди. — Не понимаю.

— Скорее зачем сжигать библиотеку? — размышляла вслух Мышонок. — В ней, должно быть, было что-то ценное. Что-то, что заставило аврорцев оставить группу прикрытия и пресекать попытки пожарной команды подобраться поближе, чтобы пожар уничтожил все наверняка.

— Если они никого не впускают, — сказал человек Бенедикт, — значит никому не дают выйти.

— Они не должны уйти, — очень тихо подытожил Корабельные Деревья. Мистер Криди, думаю, ружья подойдут. У нас еще они оставались, когда мистер Стерн выбыл из строя. Вы сможете справится с ними?

— Более-менее, сэр, — ответил человек Криди.

— Тогда вы и остальные обеспечьте заградительный огонь, а я возглавляю штурм. — Корабельные Деревья огляделся.

— Сэр Бенедикт? Буду признателен за вашу помощь в этой авантюре.

— Конечно, Капитан Гримм, — отозвался человек Бенедикт.

— Мистер Кеттл, вы со мной, — продолжил Корабельные Деревья. Затем повернулся к Мышонку. — Мисс Тагвинн, если пожелаете, сопровождайте сэра Бенедикта.

Мышонок нервно сглотнула, но кивнула уверенно.

— Конечно.

Капитан повернулся к оставшимся морякам и приказал:

- Остальные двумя колоннами, следуете за нами. Проходите через ворота и стреляете во всех видимых врагов. Если человек перед вами падает, продолжаете движение и берете стрелка, пока его наруч перезаряжается.

— Мистер Роул, — сказал Корабль, обращаясь к коту. — Не хочу подвергать вас неоправданному риску в перестрелке, но ваше чутье намного лучше нашего. Я почту за любезность, если вы будете сопровождать нас, увидев и услышав то, что мы, возможно, пропустим. Что скажете?

Роул озадаченно поглядел на Корабельные Деревья. Он войдет в храм — или не войдет в него — когда, где и как ему будет угодно, или иначе в чем смысл быть кошкой? Но Мышонок собиралась и значит он тоже пойдет, чтобы вести и защищать ее. Определенно. Но даже если бы она не пошла, Корабельные Деревья неуклонно проявлял вежливость и уважение намного большую чем большинство людей. Заявление об уважении само по себе было уважением. Роул помог бы ему в любом случае, поэтому медленно кивнул Корабельным Деревьям.

— Благодарю вас, — серьезно сказал он. — Остальные, строем по двое. Поплотней, ребята. Дайте ружьям простор для стрельбы, насколько это возможно.

Затем, без дальнейших церемоний, он вытащил свой меч и понесся на всех парах к храму, с четырьмя подчиненными позади, вооруженными необычным человеческим оружием.

Роул мчался, догоняя Мышонка, которая бежала в непривычном, расслабленном темпе, будто ее тело отдыхало перед безумным рывком навстречу опасности или прочь от неё. Двигаясь на пределе, она оставила бы усталых аэронавтов далеко позади, именно поэтому

она перемещалась медленно и осторожно. Воздух наполнил ритмичный грохот сапог о пол, запах потеющих людей и разгорающееся свечение активируемых наручей.

В этот момент человек в воротах снова высунулся из-за угла. Ружья за их спиной взвыли, посылая испепеляющие струи жара и света в локте от них. Они крепко ударились о камень у ворот, укрывающий вражеского солдата, но в этот раз это были не просто выстрелы из наручей. Ружья обладали на порядок большей мощью, чем наручи и, вместо того, чтобы выбивать каменную крошку из стены, они разрывали камни в клочья, разбрасывая их в разные стороны. Полсекунды и три выстрела спустя стена взорвалась градом осколков, зияя прорехой в добрый ярд, а неприятель, пригнувшийся за ней, исчез в потоке сияющей энергии и грохоте разрушаемого камня. Огонь ружей тут же переместился на позиции, которые Роул указал Корабельным Деревьям, с легкостью буравя дырки в укреплениях.

Ага, вот что, оказывается, называется заградительным огнем. Это значит, что его люди будут стрелять в других людей и заставлять их съеживаться, пока реальная угроза в виде его воинорожденного и остальных его людей подбирается к главным воротам.

Когда они приблизились к воротам, Роул приложил все усилия, чтобы облегчить жизнь бедным существам, которых он спасал весь день, следуя теории что предупреждение лучше лечения. Он метнулся впереди Корабельных Деревьев, проскочил ворота, двигаясь так низко и быстро, как мог только кот и испустил соответствующий моменту дерзкий боевой клич.

Впереди раздались удивленные человеческие возгласы, а за его спиной в нескольких ярдах один взрыв от шального выстрела разнес кирпичную кладку, а другой беспомощно царапнул шпилевой пол поодаль.

Гримм Корабельные Деревья и воиннорожденный Бенедикт бегом минули ворота почти одновременно, с наручами наготове. Оба, не замедляясь, выпустили по сгустку энергии в своих оппонентов и Корабельные Деревья попал в одного из врагов прямо в грудь, сбив мужчину с ног и его грудная клетка сломалась с явно слышимым треском костей. Мышонок и человек Кеттл наступали им на пятки, также ведя огонь.

Заряд Мышонка не нанёс никому урона, но, прежде чем прозвучал следующий залп, враги подняли руки над головой и опустились на колени. Это значительно облегчило бы их уничтожение, но почему-то Корабельные Деревья и остальные перестали сражаться.

Роул недоумевал, пока остальные воины Корабельных Деревьев спешили внутрь. Человек Кеттл распорядился отобрать наручи и клинки вражеских солдат и связать их руки, что показалось Роулу излишней подготовкой к перерезанию их глоток. Через несколько вдохов ему пришло в голову, что люди не собираются никого резать. Какой смысл во всех этих сражениях с наручами, если они сразу прекращают драться в тот момент, когда превосходящие по силам дураки решают, что бой закончился?

Роул раздраженно дернул хвостом. Люди.

В такой близости от огня, жар был осязаем, а сильный запах дыма был чуть ли не тошнотворным. Огонь неослабевающим рыком грохотал внутри храма. Теперь, когда появилось время осмотреться, Роул заметил несколько неподвижных фигур в шафрановых рясах, покрытых алыми пятнами, разбросанные по всему саду, словно особенно отвратительные цветочные клумбы.

— Создатель Путей, — выдохнул человек Бенедикт, глядя на трупы. Его глаза заблестели от навернувшихся слёз. — О великий Создатель, покажи мне Тропу, ибо я заплутал и не могу отыскать свой Путь.

Роул подбежал к Мышонку и вскочил ей на руки, чтобы лучше видеть через толпу

людей.

— Кэп, — сказал человек Кеттл, кивая Корабельным Деревьям. — Четверо арестованных, без серьезных ран. Говорят, что остальные аврорцы уже ушли. Эти добровольно согласились остаться и ничего не могут сказать о их миссии или о том, где их офицеры.

Корабельные Деревья хмыкнул и покачал головой, глядя на горящий храм.

— Горящая библиотека. Треклятая пустышка. — Он повернулся к одному из своих воинов и сказал:

— Доложи мистеру Криди о случившемся и попроси его немедленно направить сюда пожарную бригаду.

— Есть, капитан, — ответил мужчина и спешно снялся с места.

— Эти ребята могут избавить нас от множества проблем, если начнут говорить. Вы хотите, чтобы я убедил их, Кэп? — спросил человек Кеттл, ударив кулаком по раскрытой ладони.

— Нет времени, — отрезал Корабельные Деревья. — Аврорцы уже далеко. Зачем поджигать библиотеку?

— Диверсия, — предположил человек Кеттл. — Чтобы отвлечь нас от своей реальной цели?

— Это привлекает много внимания, — признал Корабельные Деревья. — Но… Он сощурился. — Что, если это не просто диверсия? Они послали всего лишь тридцать человек на клятую Ланкастерскую чановую. Но здесь они задействовали все свои силы. Для чего?

— Всё это проникновение и атака? — спросил Бенедикт, его голос посуровел и был горьким от боли. — Просто чтобы сжечь книги?

— Книги — это знание, а знание — это сила, — ответил Корабельные Деревья.

— Больше силы, чем в кристальной чановой? — с сомнением в голосе спросил человек Кеттл.

— Кажется, кто-то так думает, — задумчиво проговорил Корабельные Деревья.

Роул услышал слабый звук, привлекший его внимание и повернул голову в том направлении. Через мгновение он снова услышал звук — голос, слабый, задыхающийся от дыма.

Роул тут же повернулся к Мышонку и сказал, — Если это имеет значение, там кто-то выжил. Я слышу их.

Мышонок секунду, с присущей ей очаровательной глупостью, смотрела на него, а затем выпалила его слова человеку Бенедикту.

Глаза человека Бенедикта метнулись к Роулу.

— Где?

Роул наклонил голову к храму и пробурчал:

- Я похож на предсказателя? Отнюдь. Внутри.

Человек Бенедикт встал рядом с Роулом и наклонил голову набок, закрыв глаза. Через мгновение распахнул их.

— Он прав. Мы должны что-то сделать.

— Дым легко убьет вас, — возразил Корабельные Деревья. — Не говоря уж об огне.

Человек Бенедикт стиснул зубы. А затем повернулся и побежал в горящий храм.

— Бенедикт! — вскрикнула Мышонок. Она сбросила Роула, словно мешок гнилых клубней и кинулась за ним. В этот момент добрая четверть крыши в задней части храма

грохоча рассыпающимися камнями осела, подняв тучу, взвившихся в безумном смерче, искр.

Сердце Роула неистово забилось, так сильно, что готово было выпрыгнуть через горло. Здание было в огне. О чем думала Мышонок? Это было самоубийственно. Она вообще соображает? Кто будет чесать Роулу ухо по-особенному, если Мышонок превратится в угли и пепел? От одной только этой мысли ему захотелось сесть на землю и свернуться калачиком.

Это была по-настоящему возмутительная грубость. Он должен позволить ей сгореть, если она будет обращаться с ним так бесцеремонно, однако сама мысль о том, что Мышонок сгинет в огне заставила Роула спорить самим с собой.

И без дальнейших колебаний кот рыкнул и бросился прямо в горящее здание.

Глава 57

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, лесопильный квартал

Майор Эспира оттирал лезвие своего меча белой тканью, пока его люди готовились сжечь это крысиное логово дотла.

Вокруг него со всех сторон оглушающе визжали наручи: его люди держали оборону против граждан Альбиона и странных гвардейцев, которые решили что битва их касается. В этой крысиной норе, похожей на хаббл было тысячи альбионцев и битва в храме, выдалась короткой, но насыщенной. Его отряд уменьшился до почти трехсот пятидесяти человек.

Потерь могло быть больше пока они пробивались через лесопильный квартал, но скорость и внезапность позволили их минимизировать. Хоть они численно и уступали местным жителям, его люди были организованы и действовали слаженно, не сбиваясь в беспорядочное стадо. Самая сложная и опасная часть миссии — ожидание — закончилась. Теперь оставалась честная, без затей драка, в которой не было равных его пехотинцам.

Он стоял посреди торговой улицы, стараясь не замечать существо, носящее имя, Кэвендиш и её ручного монстра. Сарк маячил рядом с ней, как и всегда, безмолвной и постоянной угрозой. Воинорожденный был ранен и истекал кровью, но двигался, словно не замечая, что его предплечья и брюхо выглядят словно нашинкованное кровоточащее мясо под остатками одежды. Женщина держала книгу, единственную, что они вынесли из Великой Библиотеки, открытую на начале, её палец скользил по страницам, а глаза бегали по строчкам; она вела себя так, будто стояла в читальном зале, а не в гуще битвы среди криков раненых и умирающих.

— Сержант, — позвал он, — Долго еще?

— Устанавливаем запалы, сэр, — ответил Сирьяко.

Эспира кивнул и продолжил очищать клинок, умом понимая, что крови на нём уже не осталось. Это занятие просто давало ему передышку, перед тем как он решится отдать следующий приказ.

К тому же, он предпочитал держать оружие в руках, когда Кэвендиш и Сарк были рядом.

Труп юноши, который наткнулся на Эспиру и застал его врасплох, вероятно, ученик плотника, лежал в одной из ближайших лавчонок. Мальчику было не больше четырнадцати лет, скорее всего меньше. Чистейшая случайность, что он вскочил со своего тюфяка на полу за прилавком именно в тот момент, когда мимо в темноте проходил Эспира. Потом были только рефлексы и булькающий хрип, который, Эспира знал, он не сможет стереть из памяти. Теперь тело мальчика, засыпанное опилками, ожидало огня, который пожрёт внутренности самой оживленной экономики в Шпиле Альбион.

Заряды устанавливались в маленькие бочонки, забитые опилками, оставшимися от

дробилок, плотников и резчиков по дереву, которые работали в этом квартале хаббла Лэндинг. Это были не стандартные бочонки с подрывным порохом, а зажигательные — адская смесь мазута, пороха и клейкой массы, которая взрывалась и липла ко всему, чего касалось, яростно горя. Чаще всего такие использовались для стрельбы по дирижаблям при тесном контакте и Эспира собственными глазами видел их пугающую разрушительную эффективность.

— Как считаете, сержант? — спросил он. — Инженеры правильно всё сделали?

— Солнце вот-вот встанет, — кивнул Сирьяко. — Разогреет восточную сторону башни, воздух двинется и направит огонь, как по дымоходу, только боком. Как только загорятся эти опоры, второй уровень рухнет. Альбионцы будут слишком заняты чтобы обращать на нас внимание. Тут подбежал капрал и коротко переговорил с Сирьяко.

— Майор, — передал его слова сержант, — заряды установлены, запалы будут готовы через шестьдесят секунд.

Эспира постарался не думать о мужчинах, женщинах и детях, которых он собирался предать смерти огнем и угарным газом. Эта область была сердцем экономики Лэндинга, важной военной мишенью и нельзя было обвинять Шпиль Аврора в том, что альбионцы проигнорировали мудрость Великих Строителей в отношении строительства из легковоспламеняющихся материалов в пределах хаббла.

Эспира оглядел деревянные здания, деревянные пешеходные настилы, опоры и балки из дерева, кричащие о роскоши, недоступной даже десятку вместе взятых хабблов его родного Шпиля. Их жадность и тщеславие были их слабостью и станут их погибелью. Он просто высекал искру.

— Прикажите людям, чтобы они собирались и начинали выходить поотрядно, — сказал он сержанту. — Продвигайтесь вперед и расчищайте дорогу, обычный боевой строй.

Сирьяко знал, что делать. Он кивнул и начал выкрикивать приказы, едва Эспира закончил, а затем отошел, чтобы проследить за отходом. Послышались взрывы, слабые и разрозненные, когда пехотинцы начали бросать керамические гранаты, заполненные порохом и серным порошком, чтобы скрыть отступление неприятными осколками и облаками густого, удушливого дыма.

— Мадам Кэвендиш, — сказал Эспира, придав голосу спокойный и вежливый тон. — Прошу меня извинить.

Её взгляд, полный холодной ярости, оторвался от книги, один глаз судорожно дёргался. Она стояла неподвижно, явно сдерживая боль, судя по выступившей слезе и небольшому пятну крови на лифе платья, предположительно от раны, полученной, когда они с Сарком остались позади, чтобы разобраться с группой напавших альбионцев.

Эспира сглотнул комок в горле, но сохранил нейтральное и вежливое выражение на лице.

— Пожалуйста, простите, что прерываю, — сказал он, — но мы готовы отойти к кораблю и эта область скоро будет охвачена огнём. Для вашей же безопасности я должен попросить вас следовать с нами прямо сейчас.

Кэвендиш на короткий миг закрыла глаза, а когда снова открыла их, её лицо смягчилось, и она вежливо ответила:

— Конечно, полковник.

— Прошу прощения, мэм, — возразил Эспира, — Но я майор.

Она улыбнулась, блеснув зубами, потом осторожно закрыла книгу и застегнула защелку

на обложке.

— С сегодняшнего дня нет, Ренальдо Эспира, — промурлыкала она. — Уже нет. Сарк.

Кэвендиш резко повернулась и спокойно пошла по улице, словно на ежедневной прогулке. Сарк двинулся следом, поддерживая точное расстояние позади и чуть в стороне, его кривой взгляд ощупывал окрестности.

Эспира с облегчением выдохнул, увидев, что они уходят. Он с нетерпением ждал того дня, когда ему не придется иметь дело с этими существами — ждал больше, чем золотых знаков отличия, которые положены ему к новому званию, когда он вернется домой, в Шпиль Аврора.

Самонадеянно, однако, верить, что он вернется домой. Он еще неоднократно может быть убит.

Он отложил меч, мысленно поёжившись, хотя осознавал, что клинок был идеально чистым и без проблем можно было убрать его в ножны. Затем он убрал в карман носовой платок, открыл коробок спичек и подождал, пока последний из его солдат скроется из виду. Сирьяко, как договорились,

замыкал отступление и прикрывал Эспиру с помощью наруча, когда майор опустился на колени перед запалами.

А потом командир аврорцев чиркнул спичкой.

Глава 58

Шпиль Альбион, верфи хаббла Лэндинг, Торговый корабль Шпиля "Хищник"

Гвендолин скривившись глянула на одолженную одежду. Масляные пятна на ней вряд ли когда-либо отстираются, что не слишком-то вежливо по отношению к владельцу, кем бы он ни был. Возможно, ей просто следует окрестить наряд рабочей одеждой и возместить бедному неудачнику стоимость. В конце концов, когда занимаешься центровкой клетки Хаслетта, следует ожидать, что с одеждой случится какая-то неприятность.

Это непростая даже в спокойной обстановке работа, усложнялась настоятельным желанием мистера Джоннимена использовать какой-то более простой метод, разработанным им лично, а не правилам, четко опубликованным и проиллюстрированным в любом справочнике о клетке Хаслетта каждого уважающего себя производителя. Хотя, конечно, этот человек действительно добился впечатляющих результатов. Это было досадно.

Гвен выскользнула из-под собранной клетки и отчиталась.

— Вот. Пробуйте.

Джоннимен хмыкнул и подрегулировал элементы управления, сжав клетку до формы гладкого яйца, вместо обычной сферы. Силовое ядро вошло в контакт с клеткой, и внезапно к ней протянулись ветвистые энергетический разряды от кристалла. Глубокий, сладкозвучный гул наполнил комнату, от музыкального рокота палуба под ногами Гвен завибрировала и задребезжала. Суета туповатых наёмных рабочих и инженеров, ожидающих итогов теста в помещении, мгновенно стихла.

Джоннимен застыл, рассматривая показания нескольких датчиков на панели управления.

— Ну, что же, — наконец изрек он. — Так, так. Теперь это не слишком ужасно.

Гвен прошлепала ближе и изучила показания.

— Они идеальны. Всё в пределах допустимых норм.

— Нормы, — хмуро проворчал Джоннимен. — Сойдет для машинных отделений торгашей-неумех и улиточных бродячих купцов. Недостаточно для моей лапочки.

Гвен презрительно фыркнула и уже набрав воздух для ответа, внезапно помедлила. Что это был за звук?

Она потянулась и остановила двигатель, механизм замедлился, останавливаясь, клетка расширилась до первоначального состояния. Джонимен хрипло запротестовал и даже откинул ее руку от рычагов управления, но Гвен приложила палец ко рту и зашипела.

— Тихо! Тссс! Все!

Мгновенно наступила тишина и все находящиеся в отсеке смогли услышать то, что уловила Гвен.

Завывание разряжающихся наручей.

Гвен обменялась взглядом с Джоннименом, а затем ринулась из машинного отделения на палубу "Хищника". Она быстро дошла до борта и всмотрелась в верфи. Утренний туман был густым, но светился теплым золотым светом восходящего солнца, и она могла видеть всё пространство деревянных верфей вплоть до входа в хаббл Лэндинг.

Двое гвардейцев хаббла лежали на деревянных мостках пугающе неподвижно. В этот момент Гвен увидела, как третий, присев рядом с входом, беспорядочно стрелял из своего наруча, пока сияющий энергетический луч не поразил его в голову, словно ударом раскаленного молота откинув назад на тела его товарищей-гвардейцев.

Через секунду в арке возникло несколько мужчин в серых мундирах, с мечами в одной руке и светящимися наручами в другой. Они сразу же открыли огонь по нескольким докерам, разгружающим фрахтовый корабль на ближайшей пристани, заставляя людей броситься врассыпную в поисках укрытия.

— Проклятье, — выругался Джонимен, — аврорские пехотинцы.

Всё больше солдат выплескивалось из чрева хаббла быстрыми перебежками, их было уже несколько десятков. Когда из складов или кораблей высовывались головы, чтобы разобраться в происходящем, наручи завывали, некоторых ранили и убивали, заставляя остальных прятаться.

— И идут они в нашу сторону, — отметила вслух Гвендолин. Она услышала крики и возгласы и взглянула на ближайшее судно, выделяющееся своей пестротой, надпись на борту которого гласила — "Туманная Акула". Команда организованно носилась по палубе.

— Что они делают?

Джоннимен хмыкнул.

— Готовятся отчалить.

Гвендолин нахмурилась, когда экипаж "Туманной Акулы" начал спускать два дополнительных посадочных трапа и сдавленно процедила:

— Это транспорт для аврорцев.

— Так точно, — подтвердил её подозрения Джоннимен. — Нам лучше спрятать головы, девонька. Скоро они будут достреливать до нас.

Гвендолин раздраженно цокнула языком и залезла на борт, чтобы лучше видеть.

— Эти люди возвращаются к входу. Зачем?

Джоннимен вгляделся.

— Они устанавливают заряды, — проворчал он. Мужчины внезапно отбежали от нескольких маленьких бочонков. Раздался оглушающий грохот и на месте этих бочонков возникли светящиеся шары, разбрасывающие капли огня по широкой дуге. Огонь начал живо поглощать деревянные постройки, везде куда падал горящий дождь.

— Господь Милосердный, — выдохнула Гвендолин. — Как долго продержится причал?

— Недолго, — мрачно сказал Джоннимен. — А потом…

Живот Гвендолин ухнул в какую-то немыслимую бездну, когда она представила себе причал, "Хищник", инженерную команду, и себя планирующих вниз вдоль Шпиля, чтобы быть разбиться о поверхность далеко внизу.

— Нам пора запустить поднимающий кристалл, — сказала Гвен.

— Нам нужно сделать гораздо больше, — возразил Джоннимен и указал на "Туманную Акулу".

Гвен не была экспертом в практической эксплуатации дирижаблей, не считая технических нюансов в их двигателях, но даже она сразу поняла, что происходит и увиденное заставило её упавшее нутро превратиться в ледышку.

На судне, приготовившемся к перевозке врагов Шпиля Альбион, разворачивали орудия.

— Мы без защитного экрана, — обреченно сказал Джонимен, — нам конец.

И, не проронив ни слова, оба бросились в машинное отделение.

Глава 59

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, храм Пути

Не огонь, не дым и отнюдь не опасность сгореть заживо или задохнуться пугали Бриджит больше всего, когда она шмыгнула в горящее здание следом за Бенедиктом. Сильнее всего она пожалела, что не собрала волосы в хвост, чтобы те не развевались подобно знамени, угрожая вспыхнуть от любой случайной искры, пролетающей мимо, и оставить её совсем лысой.

На глазах у Бенедикта.

Она чувствовала, что беспокоиться об этом, по меньшей мере глупо, но ничего не могла с собой поделать. В конце концов, другие опасности намного перевешивали угрозу её тщеславию. Или, скорей всего, подумала она, такое незначительное опасение было единственным, которое она разрешала себе чувствовать. Всего несколько недель назад она испугалась, просто уезжая из чановой своего отца. Если бы она рискнула дать своему разуму осознать всю правду о том, что она делает, она бы зарыдала, а потом и закричала от ужаса.

Потому-то она вцепилась в своё маленькое беспокойство по поводу волос. Это помогало ей не сходить с ума из-за гораздо более ужасных вещей.

Вход в храм был не опасен пока густая пелена дыма не добралась до него, но дым ограничивал видимость на десять-пятнадцать шагов и по мере того, как они продвигались вперед, зловещие мерцающие блики встречались всё чаще — огонь перекидывался из библиотеки в другие части здания. Отсутствие обзора дезориентировало, и она не понимала где они были несколько минут назад. А что, если, подумала она, они просто потерялись в дыму? Что, если они мечутся из зала в зал, изо всех сил пытаясь найти выход, а в это время воздух становится всё жарче и его всё меньше и меньше…?

— Бенедикт! — воскликнула она, слабым и хриплым от дыма голосом. — Где мы?

— Не сходи с тропы! — прохрипел он в ответ.

Ах, ну конечно. Бриджит опустила глаза. Она внимательно следила за Бенедиктом и только теперь заметила, что воинорожденный шагает, точно следуя извилистой выемке, явно ощутимой на каменном полу, позволяющей ему выбирать направление. Она закрыла рот и нос рукавом и поднажала.

Воздух стал горячей, свет ярче и внезапно они вынырнули из дыма в пылающий ад. Они резко остановились и полыхающий горячий ветер, словно из огромной печи, начал поднимать и развевать волосы Бриджит.

Великая Библиотека была полностью охвачена огнем.

Огромные языки его ревели повсюду. Жар была настолько силен, что миниатюрные вихри пламени закручивались и метались по всему помещению, рождаясь и умирая в несколько секунд.

У входа в библиотеку рухнула одна из тяжелых полок. Придавленный этой полкой и рассыпавшимися книгами, которые уже занимались огнем лежал человек в шафрановом одеянии. Кончики его пальцев кровоточили, видимо он пытался выкарабкаться из ловушки и не смог этого сделать. Его кожа покраснела, покрытая волдырями ожогов.

Монах поднял голову. Один глаз заплыл багровеющим синяком, да и добрая половина лица распухла до гротескных пропорций — результат сильного удара или прошедшего вскользь выстрела от наруча. Он посмотрел на них своим затуманенным взглядом. Судя по всему, он испытывал страшную муку.

— Винсент! — вскричал Бенедикт, с болью в голосе. Он прыгнул в самое пекло, подняв руки, пытаясь защитить его лицо так же как свое. Его рукава почти сразу задымились.

— Оставь меня! — задыхаясь проговорил монах. Он начал слабо рыться в своих одеждах. — Возьми это!

— Никто никого не оставит, — возразил Бенедикт. Затем он опустился на колени, упер ногу и поднял руки.

Бриджит застыла в ужасе. Сама металлическая полка весила не меньше тонны, не говоря уже о весе книг, которые все еще держались на самом верху. И металл здесь наверняка нагрелся до ужасных температур.

Бенедикт подсунул руки под край полки рядом с зажатым телом брата Винсента. После сжал зубы и покрепче ухватился за неё.

Зашипело мясо.

Бенедикт издал львиный рык, лишь мимолетно похожий на крик боли.

А затем его худощавое тело изогнулось в напряжении, поднимая огромную полку. Секунду или две ничего не происходило, затем его ноги дрогнули, и огромная груда сдвинулась, пускай на считанные дюймы.

Бриджит бросилась в пекло. Жар окутал её словно неприятное, удушливое одеяло и с каждой секундой становилось всё горячей. Она ухватила брата Винсента за запястье и предплечье и потащила его обгоревшую фигуру из-под полки.

— Он у меня! — крикнула Бриджит, волоча монаха в коридор.

Бенедикт опустил полку, и она рухнула на пол, вздымая ворох искр.

Они вывалились в коридор и, перестав ощущать неистовый жар, Бриджит задрожала, будто попала на ледник.

До тех пор, пока не повернулась, чтобы мягко опустить раненого и увидела изломанную спину и плечи брата Винсента. Мужчину трясло от боли, руки дергались и хватали воздух.

Только не ноги.

Ниже плеч он был полностью пугающе неподвижен.

Она подняла глаза, обнаружив Бенедикта, в ужасе вглядывающегося в своего друга.

— О, Создатель Пути, — выдохнул он. И опустился на колени рядом с монахом, словно увиденное парализовало его. — О, Винсент.

— Нет времени, парень, — сказал Винсент. Он задохнулся в резком приступе тяжелого кашля от которого на губах выступила кровь, затем изогнул рот в слабой усмешке. — Для меня уж точно.

— Проклятье, — воскликнул Бенедикт. — Черт бы побрал этих аврорских сукиных детей. Я убью каждого из них.

Лицо брата Винсента помрачнело от досады, и он раздраженно хлопнул ладонью по ноге Бенедикта. — Бенедикт. Нет времени потакать своим желаниям. — Он снова пошарил рукой в своих одеждах и с гримасой боли сумел выудить книгу в невзрачном коричневом переплете. — Возьми это.

Бенедикт озадаченно взял книгу.

— Что?

— Возьми, — повторил брат Винсент. Кровь уже бежала из его рта. — Шпилеарху. Это последняя копия. Она сожгла остальное.

— Что это? — переспросил Бенедикт.

Брат Винсент снова закашлялся и поморщился от боли. Кровь, вытекавшая из его рта, окрасила зубы.

— То, за чем они приходили, — сказал он. — Каталог.

— Я вытащу тебя отсюда, — сказал Бенедикт. — Ты сам отдашь его.

Винсент улыбнулся уголком рта на неповрежденной стороне лица.

— Ох, Бен. Смерть — это еще один Путь. К которому ты придешь в своё время. — Он слабо поднял руку, и Бенедикт крепко сжал её.

— Не позволяй своей боли выбирать Путь за тебя, — еле слышно сказал Брат Винсент. — Ты лучше, чем…

И тут монах умер. Бриджит увидела это. На середине фразы, свет и жизнь в его глазах просто вдруг исчезли как погасшая свеча. Теперь брат Винсент стал… неодушевленным предметом.

— Винсент? — тихо позвал Бенедикт. — Винсент? — Его голос сорвался на рыдание. — Винсент.

Бриджит подошла к нему и положила руку на плечо.

— Бенедикт, — мягко сказала она. — Нам пора уходить.

Он кивнул. Затем осторожно положил руку монаха на его грудь, обожженные пальцы двигались скованно и неуклюже, начал подниматься — и, неожиданно, наклонившись вперед, над трупом, рухнул на него как подкошенный.

— Бенедикт! — закричала Бриджит. Она схватила и перевернула. Его тело сотрясалось в судорогах, на губах показалась пена. Его глаза закатились, сверкая белками.

Боже Всемогущий. Яд шелкопрядов.

Бриджит трясла его, била, кричала, но он не шевелился и не реагировал. Что же ей делать?

С ревом двери Великой библиотеки сорвало с петель.

Бриджит сжала зубы. Уверенности, что она сможет найти дорогу назад не было, но, если не предпринять хоть что-то, через минуту они оба умрут, если не раньше. Она встала, схватила воинорожденного и поволокла его. Его обмякшее тело было неподатливым, но жара и дым становились все плотней, но она не могла думать об альтернативах в данных обстоятельствах. Она вскрикнула, присела и с усилием, наконец, сумела опереть его на своё плечо.

Она, шатаясь, направилась к выходу, затем вспомнила, что забыла книгу, защищая которую, брат Винсент отдал свою жизнь. Наклоняться за ней было довольно сложно, но это были цветочки, по сравнению с тем, чтобы выпрямиться снова, с Бенедиктом, висящим на её

плече.

Она направилась к выходу, следуя по вытертой тропке в полу. Двигаться быстро не получалось. Ноша была слишком тяжела, но ей и в голову не приходило оставить его, ринувшись за помощью. Он мог задохнуться от дыма. В итоге, Бриджит, насупившись, переставляла одну ногу за другой и продолжала упорно двигаться вперед.

Она не увидела аврорского пехотинца пока тот не вышел из-за поворота, врезавшись в неё. Бриджит с криком, пытаясь уберечь Бенедикта от удара головой, рухнула на пол. Удар оказался болезненным. Аврорец приземлился рядом с ней, а на полу звякнуло что-то металлическое.

Бриджит изумленно уставилась на него. Человек был ранен. Мундир был испачкан в крови, еще больше её было на ноге, а на голове набухала шишка размером с кулак ребенка. Его зрачки были стеклянными и расширенными. Неужели он потерял сознание, не замеченный своими товарищами? Ну конечно, аврорцы же спешили уйти. Он таращился на неё мутным взглядом.

Глаза Бриджит метнулись к звякнувшему предмету. Окованный медью меч лежал на полу прямо между ними.

Она снова подняла глаза, встретилась взглядом с аврорцем и почувствовала внезапный всплеск ужаса и замешательства от осознания неизбежности смертельной схватки — и увидела те же самые чувства, отразившиеся в глазах противника.

Милосердные Строители, подумала Бриджит. В конце концов, мне удалось вляпаться в дуэль.

Не считая того, что тут не было никаких правил, ни распорядителя, ни поддержки друзей, ни толпы наблюдателей.

Если Бриджит проиграет эту дуэль, никто даже не узнает об этом.

Аврорец что-то невнятно крикнул и бросился к мечу.

Нога Бриджит оказалась быстрее, выбив оружие из рук. Мужчина ринулся на неё, хватая за руки. В тот же миг, она вывернула их в оборонительном приёме, которому научил её Бенедикт и поймала одну из его рук. Мужчина дернулся и, похоже, испугался, когда не смог освободиться.

Бриджит завертелась с мужчиной, используя свой вес, чтобы придать ускорение и впечатала его в ближайшую стену. От удара его колени подогнулись, и он упал на землю, но руку Бриджит не отпустила. Он выбросил свободный кулак, но девушка успела качнуться навстречу, чтобы уменьшить силу удара, от которого в голове вспыхнули звезды. В сражениях на земле не до астрономии, подумала она и ее неожиданный истерический смех превратился в крик страха.

Аврорец почти взгромоздился на неё, его руки тянулись к горлу. Если это произойдет, значит она уже покойник. Правильный удушающий захват лишит её сознания в секунду и в бешеной горячке боя силы для раздробления трахеи человека требовалось удивительно немного. Ещё она поняла, что пехотинец был быстрее и сильнее её, да и опыта в таких делах у него было больше. Единственная очевидная причина, по которой она все еще была жива и вообще сражалась, заключалась в том, что он был ранен, дезориентирован и едва мог держаться на ногах.

Она уперлась локтями ему в грудь, выкручивая одну из рук и удерживая его вес, пока он пытался покрепче схватиться. Одна рука всё-таки добралась до её горла, но она напрягла мышцы шеи, сопротивляясь сокрушительному напору и откинула голову в сторону, чтобы

избежать повреждений. Вторую она, напрягшись, держала обеими руками, понимая, что чем дольше ей приходится сражаться не только с его мышцами, но и с массой его тела, тем быстрее она устанет. Она изо всех сил, изгибаясь, старалась отпихнуть его, но враг был слишком силен, даже просто слишком большой, чтобы позволить ей сдвинуться. Они боролись целую вечность, хотя вряд ли прошло больше тридцати секунд, после чего Бриджит почувствовала, как её руки ослабевают, а пальцы другой руки аврорца царапают горло.

Ей пришлось пойти на ужасный риск. Вместо того, чтобы пытаться снова оттолкнуть его, она резко расслабила руки и, ударила его головой в лицо, услышав при этом громкий хруст.

Аврорец откинулся назад, кровь хлынула из его носа, и он упал, приложившись головой о пол. Бриджит не дала ему времени на передышку. Она вскочила сверху и замолотила кулаками по его черепу с неудержимой жестокостью.

Мужчина пытался закрываться руками, слабо защищаясь, но его хватило только на несколько секунд. Бриджит впечатала его голову в пол и, как только его руки опустились, схватилась за волосы и начала снова и снова долбить его черепом камень храма. Она едва осознавала насколько сильно испугалась и кричала что есть мочи.

Дым сгустился и она, поперхнувшись, перевела дыхание. Заставила себя встать и заковыляла от безжизненной фигуры аврорца обратно к Бенедикту. Она так устала. Борьба длилась всего несколько секунд, но ей казалось, что она бегала в течении двадцати четырех часов подряд.

В очередной раз, Бриджит еле-еле сумела поднять Бенедикта на плечо. По крайней мере, на этот раз у нее хватило ума сразу подобрать книгу. Она не могла перестать кашлять, пока плелась по тропинке и вдруг ошеломлённо поняла, что заблудилась.

Это случилось на развилке коридоров. Пути расходились во все четыре стороны, а падение и последовавшая драка дезориентировали её. Она не могла точно сказать, какой коридор ведет наружу. В голове у Бриджит зашумело, и она начала покачиваться. Времени на неправильный выбор не оставалось. Если она не выберется из дыма и быстро, то вскоре рухнет, и сможет надеяться только на то, что никто из них не очнется, когда огонь доберется до них.

Она медленно огляделась, надеясь найти подсказку, но дым, перемежающийся всполохами огня, теперь заволакивал всё на несколько футов вокруг. Слезы застилали глаза, и она закричала от ярости, страха и отчаяния.

— Мышонок! — донесся зов Роула.

В сердце Бриджит хлынула нежданная энергия и надежда.

— Роул! Я здесь!

Кот вдруг возник из дыма, раздраженно дергая хвостом.

— Ты невоспитанная. И этот дым забивает мне нос, так что я не могу понять куда идти, это тоже твоя ошибка. И еще нам пора уходить.

Ей удалось не задохнуться от неожиданного взрыва смеха, и она попыталась ответить по-кошачьи, но горло запершило от дыма и вместо этого она начала кашлять. Она кивнула и жестом предложила Роулу взять на себя инициативу.

Они не прошли и двадцати футов, когда потолочные перекрытия оглушающе заскрипели и громада храма начала обрушиваться на них.

Глава 60

Шпиль Альбион, хаббл Лэндинг, Монастырь Пути.

— Мне это не нравится, кэп, — шепотом, предназначенным только для ушей Гримма, сказал Кеттл. — Девушка вот так запросто бежит в огонь.

— Она не какая-то беспомощная школьница, мистер Кеттл, — ответил Гримм. — Она гвардеец Шпилеарха.

Кеттл фыркнул. Седой аэронавт прошел через все сражения последних дней без единой царапины, заметил Гримм, что лучше всего говорило о его способностях. Кеттл умел оказываться в нужном месте в нужное время во время боя.

— И мы не нанимались, чтобы нянчиться с гвардией Шпилеарха, кэп? — спросил Кеттл.

— Совершенно верно. — подтвердил Гримм.

— И вам это не нравится.

— Нет, мистер Кеттл, не нравится.

— Значит мы идем за ними.

— Не глупи. Я не заставлю людей, очертя голову, бросаться в горящее здание.

Кеттл побарабанил толстыми пальцами по рукоятке своего меча.

— Значит, мы пойдем вдвоем, кэп.

Гримм заскрипел зубами. Он беспокоился за сэра Бенедикта и мисс Тагвинн и его инстинкты были за то, чтобы прийти им на помощь, но он не знал здания и если бы поддался им, многие из его людей, вероятно, по своей глупости последовали бы за ним в ад. Уже достаточно людей из его команды пострадало сегодня. Если он поведет своих людей вслепую в этот дым, он может с таким же успехом связать их и запихнуть в это здание на верную смерть.

— Нет, мистер Кеттл, — ответил он наконец. — Мы будем ждать.

Кеттл хмыкнул.

— Сколько мы им дадим?

— Немного, — откровенно сказал Гримм. — Если они не вернутся в ближайшие несколько минут, они не выйдут совсем.

В это время несколько гулких, дробных, свистящих звуков встряхнули воздух и Гримм, развернувшись, пристально посмотрел через ворота храма в сторону хаббла.

— Боже Всемилостивый, — пробормотал Кеттл. — Капитан, это было…?

— Зажигательные заряды, — холодно сказал Гримм. — Может с четверть мили отсюда.

— В хаббле? — выпалил Кеттл. — Господи, помоги нам. Все эти деревянные здания…

— Да, — протянул Гримм. Говоря это, он почувствовал тревожный звоночек, отчаянно бьющийся в голове. — Никто не сможет ни о чем думать, кроме как какое-то время тушить пожар. Довольно убедительный отвлекающий маневр, который позволяет аврорцам довольно ловко сбежать на верфь, если они не будут мешкать.

— Значит они уже в пути, — проворчал Кеттл.

— Не волнуйтесь, мистер Кетл, — сказал Гримм. — У нас будет возможность заставить их ответить за это.

— Как? — спросил Кеттл.

— Поверьте мне, — ответил Гримм. Он коротко втянул воздух и продолжил, — К сожалению, это означает, что нам нужно немедленно уходить, пока огонь не распространился и не перекрыл нас в этом углу хаббла.

— Но, капитан… — начал Кеттл.

— Реальное положение дел таково, что сейчас мы воюем со Шпилем Аврора. У каждого

из нас есть обязанности, мистер Кеттл, — отрезал Гримм. — Гвардейцам придется выкручиваться самост…

Грохот за спиной прервал его — самая высокая часть храма, огромный зал Великой Библиотеки, обрушился внутрь, цепляя остальные части здания. Дым, вперемешку с пылью, взвился в огромное облако и огонь, который, по меньшей мере, не был потушен этим разрушением, внезапно получил приток свежего воздуха и разгорелся с новой силой.

— Боже Милостивый! — потрясенно проговорил один из мужчин и облако дыма и пыли накрыло всю округу.

— Стягиваемся ко мне! — крикнул Гримм, хриплым от пыли голосом. — Общий сбор! Здесь! — Он продолжал кричать, и его команда выныривала по одному из тьмы, щурившись и прикрывая рот. Они были покрыты тонким слоем пепла и грязи, которые придавали им призрачный вид в серой массе пылевого облака.

Гримм быстро пересчитал по головам и начал отдавать приказ уходить, но остановился, увидев последний фантом за серой дымкой. Мгновение он не был уверен, на что смотрит. Затем призрак подошел ближе, и он узнал.

Бриджит Тагвинн с трудов вышла из мглы, так густо засыпанная пылью, что могла бы сойти за ожившую статую. Она двигалась медленно, на лице застыла решимость. Изломанная фигура сэра Бенедикта свешивалась с одного плеча, его руки безвольно качались за её спиной. Одной рукой она придерживала его за бедра для равновесия. В этой же руке была зажата покрытая пеплом книга.

Другой руке она прижимала безжизненную фигуру пыльного кота, предположительно мастера Роула. Одна из ног оставляла частично окровавленные отпечатки в тонком слое пыли на земле, но травма не остановила её. Она просто шла, монотонно переставляя одну ногу за другой небольшими, обдуманными, ровными шагами.

Гримм чувствовал, как брови поднимаются всё выше и краткий миг от удивления он не мог вымолвить ни слова. Команда "Хищника" внезапно онемела, когда они рассмотрели пришелицу. Твердые шаги Бриджит по пепельной пыли звучали как гром.

— Кеттл, — тихо сказал Гримм, и они оба шагнули к Бриджит.

Девушка моргнула, когда Гримм остановился перед ней. Она остановилась, её шатало. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы сосредоточиться на лице Гримма, а затем она кивнула себе. — Капитан Гримм, — выдавила она.

— У меня тут двоим требуется доктор. — Рука с книгой несколько раз дернулась. — И это для Шпилеарха.

С этими словами она покачнулась и одна из ее коленок подогнулась. Кеттл перехватил сэра Бенедикта на свои крепкие плечи, а Гримм обхватил Бриджит, не давая ей упасть или уронить Роула, который едва поднял голову, обвел мутным, рассеянным взглядом окружение и снова уронил её. Гримм увидел линию на черепе кота, где пепел и кровь запеклись коркой толщиной с его мизинец.

Гримм подхватил Мастера Роула пока Бриджит не уронила его, приобнял неподвижного кота одной рукой и взял небольшой томик из её сведенной судорогой руки. С другой стороны, Кеттл и несколько матросов сооружали временные носилки для сэра Бенедикта.

— Хорошо, мисс Тагвинн, — сказал он, забирая книгу. — Вы сможете идти?

— О, конечно, — ответила Бриджит. — Я тренируюсь ежедневно и довольно долго.

Гримм окинул её сомневающимся взглядом, но прежде чем он смог позвать одного из своих людей, маленькая послушница эфироманта, Фолли, возникла из мглы и спокойно

подлезла под одну из рук Бриджит, поддерживая крупную девушку.

— Угрюмый капитан, безусловно, достаточно внимателен, чтобы понять, что на щеке Бриджит набухает большой кровоподтек. Она явно контужена и страдает. Он также обязательно заметит, что у неё есть друзья.

Гримм мгновение посмотрел на мисс Фолли, прежде чем изогнуться в самом низком поклоне, на который он был способен, в адрес обеих девушек. Затем он проверил сэра Бенедикта. Тот был обернут судовым плащом, пожертвованным одним из матросов. Полдюжины рук понесут, находящегося без сознания молодого человека.

— Кеттл? — осведомился Гримм.

— Яд шелкопряда, Кэп, из-за этой опухоли на руке, — мрачно ответил Кеттл. — Мы так же потеряли шесть человек в туннелях. Может поможет, если мы вернем его к эфироманту. Баген сказал, что ничего не может с этим сделать.

— Мастер Ферус, к сожалению, выведен из строя, — сказал Гримм. — Но мы сделаем всё что в наших силах.

— Что он сказал? — недоверчиво переспросила Фолли.

— Учитель… Что-то случилось?

— Визит мадам Кэвендиш, — коротко сообщил Гримм. — Она предложила обменять вашу жизнь на коллекцию мастера Феруса. Он согласился.

Глаза Фолли расширились.

— Ах — шепнула она кристаллу, нанизанному на кусок шнурка на шее. — Ох, это совсем не хорошо. Эти вещи заполняли довольно большую дыру. — Её взгляд затуманился, стал отстранённым. — Где эти тележки теперь, интересно?

— Кэвендиш забрала их, — ответил Гримм. — Держу пари, она сразу же сбросила их с платформы на верфи.

Она сморгнула и в глаза вернулась прежняя живость настороженность.

— Он очень хороший капитан, но, похоже, неудачливый игрок, — доверительно сказала Фолли своему кристаллу. — На самом деле, тележки движутся по улице к верфи. Леди-марионетка, вероятно, рассчитывает выработать какой-то план действий, чтобы получить преимущество при следующей встрече.

Гримм изогнул бровь.

— Юная леди. Вы хотите сказать, что… можете запросто отследить коллекцию мастера Феруса?

— Это же вполне очевидно, — ответила Фолли кристаллу.

— Некоторые выводы, во всяком случае. Без ложной скромности можно сказать, что я неспроста приглядываю за ней.

— Кэвендиш сохранила коллекцию, — вслух размышлял Гримм.

Фолли улыбнулась.

— Кажется, он понимает. Очевидно, учитель надеялся выиграть для капитана достаточно времени, чтобы спасти меня, а я, в свою очередь, смогла вернуть всю коллекцию.

— Возможно, он задумал большее, мисс Фолли, — сказал Гримм. — Мы срочно возвращаемся на "Хищник".

* * *

переход по улицам был безумным, что удивило Гримма. Он ожидал сущий ад.

Горела большая часть северо-восточного сектора хаббла. Дым витал в воздухе, постепенно сгущаясь, однако множественные вентиляционные шахты, находящиеся по всему

хабблу, благодаря мудрости Милосердных Строителей, перегоняли достаточно свежего воздуха, препятствуя тому, чтобы это место стало мгновенной смертельной ловушкой. Горожане, сбитые в команды, оказались вполне в состоянии сражаться с пламенем с помощью различной толщины шлангов, качающих воду из многочисленных цистерн, где-то люди выстроились в цепочку, передавая ведра с водой из рук в руки, где-то отряды смельчаков отчаянно разбирали дорогие деревянные здания и перетаскивали горючие материалы, чтобы лишить огонь пищи.

Гримм подумал, что на самом деле в хаосе чувствовалась четкая организация. Будучи опытным офицером, он знал, чего стоит удержать командование в кризисной ситуации — по большей части, если использовать подходящую ситуации метафору, метаться сломя голову с места на места, один за другим туша вспыхивающие пожары. Это часто требовало множества окриков и, вероятно, отвешиваемых подзатыльников, в той или иной степени буквальности. Гримм знал, как выглядел хаос.

И кое-то предпринял меры, чтобы предотвратить его.

Команды огнеборцев управлялись в основном мужчинами, которых неискушенные назвали бы просто бандитами. Хоть они не носили форму и не имели при себе специального снаряжения, манера поведения выдавала их с головой, и простые граждане Лэндинга вели себя по отношению к ним соответствующе. Велась настоящая эвакуация: женщины и дети спокойно и организованно проходили к ближайшей транспортной спирали, отступая на уровень ниже прочь от пламени. Взрослые мужчины и женщины, избавленные от страха за свои семьи и необходимости защищать своих детей, смогли направить все усилия на спасение своего жилища и хаббла в целом.

Гильдии, осознал Гримм. Криминальные гильдии Лэндинга отреагировали на чрезвычайную ситуацию. Это имело смысл. Если бы хаббл сгорел, это лишило бы их средств к существованию наравне с остальными жителями. Однако положение осложнилась не более часа назад. По всем правилам, население хаббла должно быть в панике.

Кто-то предупредил гильдии, подсказал им быть готовыми к действию в случае неприятностей.

Маленькая армия Гримма уверенно двигалась по улицам. Они привлекли внимание гильдийцев, подцепили несколько хвостов, тенью следовавших за ними, но никто не пытался их остановить.

Первые тела встретились им на соседней от верфи улице. Они лежали разбросанные тут и там, в основном жители Лэндинга, в большинстве своем вооруженные. Попадалась, хоть и значительно реже, аврорская форма. Пехотинцы Авроры хорошо знали свое дело и стремительно, и кучно продвигались вперед. Небольшая горстка граждан и членов гильдий, осмелившихся противостоять им, были с безжалостно и эффективно сметены с пути.

У выхода к верфям лежали вповалку с дюжину гвардейцев Шпилеарха. Мужчины погибли, защищая выход и были уложены словно поленница у одной из стен, чтобы не мешать проходу наружу.

Гримм не замедляясь, вывел небольшой отряд на помост верфи, его сапоги застучали по толстым деревянным брусьям.

Два склада неподалеку полыхали огнем, несколько позиций легких пушек, предназначенных для обороны верфи, были разбиты. По крайней мере три пришвартованных дирижабля также охватил огонь, на причале повсюду виднелись неподвижные фигуры. Сердце Гримма дико заколотилось, пока он не увидел "Хищника", все еще казавшегося

невредимым и надежным.

Тут раздался залп эфирной пушки и одна из уцелевших огневых точек исчезла в облаке горящих осколков и ослепляющего света.

Глаза Гримма метнулись туда, где "Туманная Акула" висела в воздухе примерно в сотне ярдов от верфи. Он ясно видел, как её орудия снова и снова плевались зарядами, пробивая огромные отверстия в деревянном причале, сметая беспомощные, уязвимые фюзеляжи кораблей в порту, еще больше поджигая настил. Вой выстрелов за выстрелами порождал оглушительную какофонию.

Очередной залп разорвал деревянный корпус судна в дальнем конце верфи и удачно попал прямиком в центральный кристалл.

Вспышка света и жара была настолько яркая, что ослепила Гримма и настолько горячая, что опалило его лицо. Его швырнуло наземь, когда настил верфи жалобно застонал и тонны разбитого дерева разлетелись во всех направлениях, кромсая ближние к злополучному транспорту корабли.

А затем, с резким протестующим треском несущих балок, настил верфи, переломившись пополам оторвался от Шпиля. Дирижабли, пришвартованные на стоянку и не готовые влететь, падали, словно камни и Гримм слышал, как беспомощно кричали их команды. Докеры и портовые грузчики ухнули в туманные глубины вместе с верфью, посылая свои крики в пустоту, пока простая и беспощадная гравитация уносила их всех вместе: балки, брусья и души.

И всё больше и больше, выстрел за выстрелом, выплескивающимся из пушки "Туманной Акулы", причал крушился, словно разъярённый человек молотом уничтожал прекрасную посуду, и с методичной точностью исчезали дирижабль за дирижаблем, попавшие под спущенную с привязи разрушительную силу вооруженного судна против беззащитной верфи.

— Отступаем! — закричал Гримм. — В Шпиль! Прочь с причала!

Аэронавты кинулись под прикрытие стен Шпиля, пока огонь из орудий подбирался всё ближе и ближе. Гримм был последним, кто успел убраться с настила, и огонь врага был так близко, что он почувствовал его мощь сквозь подошвы сапог.

У Гримма было время обернуться, с мучительным стоном, вся верфь изогнулась и начала сползать, чтобы непременно рухнуть с бесконечной высоты шпиля Альбиона на поверхность. Гримм увидел, как причал наклонился и, горя в десятках мест, соскальзывает вниз. "Хищник" беспомощно покачивался на своем стапеле.

Именно в этот момент орудия "Туманной Акулы" ударили по "Хищнику" и корабль Гримма, его дом, исчез в оглушительном грозовом облаке огня и ослепляющего света.

Больше книг на сайте - Knigoed.net